

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

**PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM**

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции,
издателя:

394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» E-mail:
vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

<i>Пращерук Н. В.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»	5
<i>Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В.</i> ТВОРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И ПРОБЛЕМА «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ИДИОТ»).....	11
<i>Фаустов А. А.</i> ОТСРОЧЕННОЕ БУДУЩЕЕ: ДВЕ КАРТИНЫ В ПЕРЕСКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....	18

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Акаткин В. М.</i> «НЕ В ПОСЛЕДНИЙ ЛИ ПОХОД?...» (ВОЙНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. ТВАРДОВСКОГО).....	24
<i>Бакунцев А. В., Морозов С. Н.</i> СБОРНИК КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ И. А. БУНИНА 1911–1953 ГГ. КАК НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ ЧАСТЬ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СОСТАВ	32
<i>Бобровская П. В.</i> ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ДЕКОДИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	39
<i>Бурко Н. В.</i> ФЕМИНИТИВЫ-ОРНИТОНИМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «САМКА ГОЛУБЯ» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ.....	42
<i>Гудзова Я. О.</i> ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И А. И. КУПРИНА	45
<i>Денисова М. А.</i> ПОЛИАДРЕСАТНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	50
<i>Дьякова Т. А.</i> БЕСПОЛЕЗНОЕ ВРЕМЯ: ОБРАЗ ВОРОНЕЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА... ..	55
<i>Кочкина А. В.</i> ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ» И «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ» . ..	59
<i>Рудакова А. В.</i> О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ СЛОВ В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ	62
<i>Стрельникова Л. Ю.</i> НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АНТИУТОПИИ О. ХАКСЛИ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»	68
<i>Черемохина Д. А.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. С. ВЫСОЦКОГО	75
<i>Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Скобелев Д. А.</i> ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ-«РЕКОНСТРУКЦИИ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ М. С. МАКЕЕВА «АФАНАСИЙ ФЕТ» (2020).....	78

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аль-Имад Факир Мухамед</i> ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНСКИХ СМИ	84
<i>Ван М.</i> АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ ПО ВОПРОСАМ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ.....	87
<i>Дементьева К. В.</i> РЕГИОН КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ МЕДИПРОДВИЖЕНИЯ И МЕДИАПОВЕСТКИ	90
<i>Дун Яфэн.</i> РАДИОКОНТЕНТ В ПЕРИОД МОДИФИКАЦИИ И УГЛУБЛЕНИЯ РЕФОРМ СМИ КИТАЯ В 2000-Е ГГ.	96
<i>Зверева Е. А.</i> ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРАКТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	99
<i>Зубко Д. В., Ключев Ю. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КИНОТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ДИСКУРСЫ ОБСУЖДЕНИЙ, КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕЗОНАНС.....	103
<i>Карпенко И. И.</i> КОНВЕРГЕНЦИЯ ЖАНРОВ И ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	110
<i>Красова Е. Ю.</i> ВНЕШНЯЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В ИМИДЖЕ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ	115
<i>Н. Т. Ф. Хань</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ ВЬЕТНАМА	120
<i>Пивоварова М. И.</i> ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОЙ РЕКЛАМЫ В АНГЛИИ XVII–XVIII ВВ.....	124
<i>Прохоров А. В.</i> РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВУЗОВСКИХ ИЗДАНИЙ В 1920–50-Х ГГ.....	126
<i>Романова С. В.</i> ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖАНР В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.	130
<i>Турпалов Л. А.</i> ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РАЙОННОЙ И НИЗОВОЙ ПРЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ АВТОРИТАРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АВТОНОМИЯХ	134
<i>Чан Ван Ле.</i> СМИ В БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЕЙ COVID-19 ВО ВЬЕТНАМЕ	139
<i>Чан Лан Фьонг.</i> ЖЕНСКАЯ ПЕРИОДИКА ВО ВЬЕТНАМЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	141
<i>Щекина И. А.</i> АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ	144
<i>Ян Чжи.</i> СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ (1918–1949 ГГ.).....	148
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	151

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2021. № 3. July – September

200TH BIRTH ANNIVERSARY OF F. M. DOSTOEVSKY

<i>Prashcheruk N. V.</i> METAPHORICAL REPRESENTATION OF CHARACTERS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV".....	5
<i>Satarova L. G., Styuflyayeva N. V.</i> THE WORKS OF ST. TIKHON ZADONSKY AND THE PROBLEM OF A "POSITIVELY BEAUTIFUL PERSON" IN THE NOVELS OF F. M. DOSTOEVSKY ("CRIME AND PUNISHMENT", "IDIOT").....	11
<i>Faustov A. A.</i> DELAYED FUTURE: TWO PICTURES RETOLD BY FYODOR DOSTOYEVSKY.....	18

PHILOLOGY

<i>Akatkin V. M.</i> «ISN'T THIS THE LAST CAMPAIGN..?» (WAR IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF A. TVARDOVSKY)	24
<i>Bakuntsev A. V., Morozov S. N.</i> COLLECTION OF CRITICISM AND JOURNALISM BY I. A. BUNIN 1911–1953 AS A SCIENTIFIC PROJECT.....	32
<i>Bobrovskaya P. V.</i> VISUALIZATION AS A WAY OF DECODING IN MODERN POETRY PUBLICATIONS FOR CHILDREN.....	39
<i>Burko N. V.</i> FEMINUTIVES-ORNITHONYMS WITH THE MEANING "FEMALE PIGEON" IN RUSSIAN FOLK DIALECTS	42
<i>Gudzova Y. O.</i> DIALOGUE WITH TRADITION IN THE WORKS OF I. S. SHMELEV AND A. I. KUPRIN.....	45
<i>Denissova M. A.</i> MULTI-TARGETING OF CONTEMPORARY LITERATURE FOR CHILDREN	50
<i>Dyakova T. A.</i> USELESS TIME: THE IMAGE OF VORONEZH IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF BORIS ZAITSEV.....	55
<i>Kochkina A. V.</i> THE JOURNALISTIC PRINCIPLE IN R. SENCHIN'S NOVELS "THE ELTYSHEVS" AND "THE FLOODING ZONE"	59
<i>Rudakova A. V.</i> ON THE PRINCIPLES OF DESCRIBING WORDS IN THE DIFFERENTIAL PSYCHOLINGUISTIC DICTIONARY OF SYNONYMS	62
<i>Strelnikova L. Y.</i> A NEW REALITY IN O. HUXLEY'S DYSTOPIA "RETURN TO THE "BRAVE NEW WORLD REVISITED"	68
<i>Cheremohina D. A.</i> PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF SPEECH VERBS IN THE POETIC DISCOURSE OF V. S. VYSOTSKY ...	75
<i>Shpilevaya G. A., Bondarenko V. A., Skobelev D. A.</i> PRINCIPLES OF CREATING A BIOGRAPHY- "RECONSTRUCTIONS: REFLECTIONS ON THE BOOK BY M. S. MAKEEV "AFANASY FET" (2020).....	78

JOURNALISM

<i>Al-Emad Faqir Mohammed</i> . FEATURES OF THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF YEMENI MEDIA	84
<i>Wang M</i> . ANALYSIS OF PUBLIC OPINION ON THE INTERNET ON THE ISSUES OF SINO-RUSSIAN RELATIONS IN THE PANDEMIC SITUATION.....	87
<i>Dementieva K. V</i> . THE REGION AS A PLATFORM FOR THE DEVELOPMENT OF GLOBALIZATION PROCESSES: FEATURES OF MEDIA PROMOTION AND MEDIA REPORTS	90
<i>Dong Yafeng</i> . RADIO CONTENT IN THE PERIOD OF MODIFICATION AND DEEPENING OF CHINA'S MEDIA REFORMS IN 2000S	96
<i>Zvereva E. A</i> . MANIFESTATIONS OF OBJECTIVITY AND SUBJECTIVITY IN JOURNALISTIC PRACTICE: HISTORY AND MODERNITY	99
<i>Zubko D. V., Klyuev Y. V</i> . POLITICAL DOCUMENTARY FILM-MAKING: DISCOURSES OF DISCUSSIONS, COMMUNICATIVE RESONANCE	103
<i>Karpenko I. I</i> . CONVERGENCE OF GENRES AND FORMS IN MODERN JOURNALISM.....	110
<i>Krasova E. Yu</i> . EXTERNAL ATTRACTIVENESS IN THE IMAGE OF A YOUNG WOMAN.....	115
<i>N. T. F. Hanh</i> . PROBLEMS OF SOCIAL MOBILITY OF YOUNG PEOPLE IN THE MAGAZINE PERIODICALS OF VIETNAM.....	120
<i>Pivovarova M. I</i> . PECULIARITIES OF MATRIMONIAL ADVERTISING IN ENGLAND OF THE XVII-XVIII CENTURIES	124
<i>Prokhorov A. V</i> . A RETROSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC UNIVERSITY PUBLICATIONS IN THE 1920-50S.	126
<i>Romanova S. V</i> . ARTISTIC AND DOCUMENTARY GENRE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE PROSE OF BELARUS AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES.....	130
<i>Turpalov L. A</i> . FEATURES OF THE FORMATION OF THE REGIONAL AND LARGE-CIRCULATION PRESS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF BOLSHEVIK AUTHORITARIAN JOURNALISM IN THE NORTH CAUCASIAN AUTONOMOUS REGIONS.....	134
<i>Chan Van Le</i> . MASS MEDIA IN THE FIGHT AGAINST THE COVID-19 EPIDEMIC IN VIETNAM	139
<i>Chan Lan Phuong</i> . WOMEN'S PERIODICALS IN VIETNAM AT THE PRESENT STAGE	141
<i>Shchekina I. A</i> . ANALYTICAL SUPPORT OF THE COMMUNICATION.....	144
<i>Yang Zhi</i> . JOURNALISM EDUCATION CHINA: BECOMING OF PROCESS (1918-1949).....	148
SUBMISSION GUIDELINES.....	151

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Н. В. Пращерук

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 8 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье анализируется персонажная метафорика в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Показывается, что метафорическая репрезентация героев носит системный и концептуальный характер, выявляется на всех уровнях поэтики романа и может рассматриваться как один из ключей к постижению его смыслов.

Ключевые слова: метафора, Достоевский, «Братья Карамазовы», художественный термин, повествователь, персонаж, речевая характеристика.

Abstract: there is an analysis of character metaphoric in the novel "Karamazov's brothers" by F. M. Dostoevsky in the article. The author of the article shows, that metaphorical representation of characters has a systematic and conceptual nature. It's found at all levels of poetry of the novel and this may be seen as one of the keys to understanding its meanings.

Keywords: metaphor, Dostoevsky, "Karamazov's brothers", artistic term, narrator, character, narrative characteristic.

С «легкой руки» И. Анненского, считавшего, что Достоевский-художник «презирает всякую украсу, все звучные слова и метафоры, если они не лиричны, и все только живописные сравнения» [5, 641], в литературоведении утвердилась точка зрения о сдержанном отношении писателя к метафоре [11, 181–182], «экономном» ее использовании в произведениях классика. Действительно, если иметь в виду поэтические метафоры в прямом их назначении «живописного сравнения», то такие метафоры достаточно редки. Подобный пример использования поэтической метафоры в прямом ее назначении, представляющей в основе своей «живописное сравнение», мы находим в «Братьях Карамазовых» в великолепном и почти единственном такого рода образе ночной природы, которая соотносится с преображенным душевным состоянием Алеши: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд» (14; 328. — курсив Н. П.).

Вместе с тем Достоевский как художник очень хорошо понимал роль метафоры в передаче экспрессии и смысла изображаемого и во многом расширил, существенно обновил возможности и функционал этого образного средства.

Метафора в мире Достоевского «участвует» в создании общей атмосферы произведения или его фрагмента, привнося в художественный текст нужную интонацию, необходимые эмоционально-смысловые оттенки: «Всё в этой квартире теснилось и жа-

лось («Идиот», 8; 76); «Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни» («Идиот», 8; 172); передает психологическую подоплеку происходящего, внутреннее состояние персонажа: «Глаза запрыгали и забегали» («Неточка Незванова», 2; 184); «Она приковалась глазами к моему лицу» («Записки из подполья», 5; 163); «...Я так долго сидел закупоренный в Петербурге» («Село Степанчиково и его обитатели», 3; 19); «...Мне даже самому показалось, что я, олицетворенный бред и горячка, уселся напротив олицетворенной золотой середины и прозы» («Подросток», 13; 113). Это метафоры, образованные по принципу олицетворения или овеществления. Достоевский блестяще использовал не только экспрессивность метафоры, но и ее возможности неожиданно уподоблять самые разные предметы и явления, по-новому осмысливая их, обнажая их внутреннюю природу.

С помощью метафоры художник демонстрирует ярчайшую способность, которую он считает обязательным атрибутом настоящего искусства: находить «одно слово, но самое нужное слово» (24; 235). Так создается в его произведениях «художественная терминология» [10, 87], в основе своей имеющая именно метафоричное начало: «...но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы с амбицией...» («Двойник», 1; 168. — курсив Н. П.); «ретортный человек» («Записки из подполья». — курсив Н. П.); «Невозможность — значит каменная стена? Какая каменная стена? <...> законы природы, выводы естественных наук, математика <...> Природа вас не спрашивается... Вы обязаны принимать ее так, как

она есть <...> *Стена*, значит, и есть *стена*...» («Записки из подполья», 5; 105. — курсив Н. П.); «А адвокат известно что: адвокат — *«нанятая совесть»*» («Подросток», 13; 310. — курсив Достоевского. — Прим. ред.).

Художественный термин «не констатирует явление, как бы до существования термина известное, а подчиняет себе явление» [10, 87], его содержание «чрезвычайно емко и велико, оно включает не только существенные логические признаки, но и огромное число признаков эмоциональных» [10, 87]: «Идея, попавшая на улицу» («Бесы», 10; 28); «Тут есть некоторый как бы *«пьедестал»*. Потому что, во всяком случае, можно было бы сделать то же самое, не обижая себя...» («Подросток», 13; 152. — курсив Н. П.); «*Сапожность* процесса пугала меня. Впрочем, *действительность* и всегда *отзывается сапогом*, даже при самом ярком стремлении к идеалу...» («Подросток», 13; 378. — курсив Н. П.). Метафора-термин Достоевского обладает высочайшей степенью художественной информативности, заставляя читателя увидеть обозначенное писателем явление с неожиданной стороны, постичь его сокровенный, внутренний смысл.

Особенности метафорического строя произведений Достоевского и способы метафоризации в его художественном мире достаточно подробно рассматриваются в целом ряде статей Н. А. Азаренко [1, 2, 3, 4 и др.]. Вместе с тем исследователь трактует этот троп, как нам кажется, неоправданно расширительно, нередко объединяя его с символом или другими тропами — сравнением, антитезой. Вполне разделяя точку зрения современных ученых о сложности природы метафоры и принципов метафоризации в художественном произведении [6, 7, 9], полагаем все же, что такое объединение приводит к размыванию и неразличению смыслов и во многом противоречит системному освоению мира писателя, в котором каждый элемент концептуально значим, органично и функционально вписан в общую картину изображаемого. Именно метафора, ее ярчайшее своеобразие в произведениях Достоевского — наряду с другими языковыми средствами — помогает конкретно проследить и прояснить, как работает художник со словом, находит «самое нужное».

Попытаемся показать это на примере романа «Братья Карамазовы», выделив одну из самых значимых в мире Достоевского функций метафоры — функцию репрезентации персонажа. Так, за многими героями романа закреплено метафорическое именование, данное повествователем или героями и выражающее, по сути, главный нерв их личности и поведения: «горячее сердце», «ранний человеколюбец», «носит в себе сердцевину целого», «надрывы», «мочалка», «бездарный либеральный мешок», «царица всех inferнальниц», «монах», «с коротеньким нерушимым мировоззрением», «бульонщики», «пузыри» и др. Такая номинация героев основывается на принципах авторской «художественной терминологии»,

о которых говорилось выше. Художественный термин-метафора, включающий «не только существенные логические признаки, но и огромное число признаков эмоциональных» [10, 87], дает возможность автору представить персонажей целостно, дать им нравственную оценку («горячее сердце»; «ранний человеколюбец», «носит в себе сердцевину целого») и оценку их психологического состояния («надрывы»), охарактеризовать крайние ситуации, в которых герои оказались («мочалка», «Иван — могила»), выразить многосложный спектр отношений героев друг к другу («пузыри», «царица всех inferнальниц» и др.) и при всей яркой их индивидуальности выявить типологически сходные черты («надрывы», «бульонщики»). При этом персонажная метафорика помогает художнику избежать прямолинейности и дидактизма, связана со стремлением автора к содержательной объемности в изображении героев, к художественной выразительности.

Следующий уровень метафорической репрезентации персонажей — непосредственно в оценках и комментариях повествователя, которые даются в соответствии с его статусом хроникера, лица неавторитетного, не претендующего на владение истиной. Они характеризуются сдержанностью и показательной повторяемостью того, на что обращает внимание читателя, когда речь идет о том или ином герое. На протяжении всего романа повествователь наиболее часто оценивает глаза / взгляды персонажей, их улыбки / усмешки и «состояние» их сердца, души. Метафора в таких оценках весьма информативна. Это возможность приблизиться к пониманию как актуального внутреннего переживания героя, так и личности его в целом. А в самой повторяемости того, что отмечает повествователь, угадывается системность авторского видения персонажей, концептуальность критериев осмысления их характеров и судеб.

Приведем примеры.

Глаза, взгляды: «светлый взор» (Алеша); «сладкие глазки» (Максимов); «в глазах его было что-то лупоглазое» (Максимов); «глаза... блестящие» (Зосима); «два горящие, стремящиеся к нему вглядываться» (гл. «Верующие бабы», одна из прихожанок); «глаза его сверкнули и потупились» (Алеша); «сверкнула глазками» (Лиза); «глаза его сверкали» (Митя); «глаза его блестили» (Зосима); «он приковался к ней взглядом» (Алеша); «что-то сверкнуло вдруг в ее глазах» (Грушенька); «левый чуть прищуренный глазок его мигал и усмехался, точно выговаривая: «Чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоим нам, умным людям, переговорить есть чего» (Смердяков, 14, 243); «глаза ее горели» (Грушенька); «Алеша длинно, с удивлением поглядел на нее»; «с ледяным выражением во взоре» (Самсонов); «расширенными от страха зрачками глаз впиалась она в него неподвижно» (Феня); «лицо ее загорелось, глаза засверкали» (Грушенька); «гла-

за сияли в полутьме» (Грушенька); «укор загорелся в глазах его» (Илюша); «в гордых прежде глазах ее засияла вдруг какая-то тихость...» (Грушенька); «темные глаза ее сверкали» (Катерина Ивановна) и др.

Улыбка, смех: «длинный, нервный, сотрясающийся и неслышный смех» (Лиза); «умоляющая улыбка светилась» (Зосима); «тихо улыбнулся» (Зосима); «длинная, пьяная полубессмысленная усмешка раздвинула его лицо» (отец); «с искривленной улыбкой» (Иван); «с холодной усмешкой» (Иван); «криво усмехнулся» (Иван); «губы смеялись» (Грушенька); «светло улыбнулся Алеша»; «бледно и искривленно усмехнувшись» (Иван) и др.

Сердце, душа: «дрожало сердце» (Алеша); «...какой-то глубокий, пламенный внутренний восторг все сильнее и сильнее разгорался в его сердце» (Алеша); «грезилось сердцу...» (Алеша); «Сердце он имел весьма беспокойное и завистливое» (Ракитин); «Сердце его сжималось от боли» (Алеша); «сердце его загорелось любовью» (Алеша); «излиться еще раз в жизни сердцем своим» (Зосима); «потрясло его душу восторгом» (Алеша); «сердце их... опять окаменело» (отец, Дмитрий); «никогда еще сердце его не купалось в более сладкой надежде» (отец); «точилося кровью сердце Алеши»; «сердцу было сладко и странно» (Алеша); «радость, радость сияла в уме его и в сердце его» (Алеша); «самый фантастический вихрь поднялся в голове его» (Митя); «в его сердце вдруг закипела какая-то бессмысленная и чудная досада» (Митя); «злобно закипело в его сердце» (Митя); «страшная неистовая злоба закипела вдруг в сердце Мити»; «загорелось все сердце его и устремилось к какому-то свету...» (Митя); «пронзенное сердце его страшно болело» (Алеша); «страшный кошмар мыслей и ощущений кипел в его душе» (Иван); «что-то ледяное прикоснулось вдруг к его сердцу» (Иван) и др.

Эти ряды примеров можно продолжать. Однако и на основе представленного очевидно, что метафоры, которые использует повествователь в своих комментариях и описаниях, точны и функциональны. Они выполняют роль своеобразного фокуса, организующего читательское восприятие персонажей романа в переживаемой ими ситуации. Очевидно и то, что метафорические характеристики, включенные в повествование и описание героев, органично увязаны с персонажами, призваны на фоне повторяющихся примет обозначить ярко индивидуальное. Так, у многих (практически у всех) персонажей в минуты волнения глаза сверкают или блестят, но только Смердяков наделен «левым, чуть прищуренным глазком», который «мигал и усмехался», и только Самсонов запоминается «ледяным выражением во зоре» в эпизоде встречи со страдающим Митей. Тихие и светлые улыбки Зосимы и Алеши (за исключением того, как улыбается Алеша в главе «Такая минутка») контрастируют с искривленной улыбкой Ивана, его кривой и холодной усмешкой. Примеры метафори-

ческого обозначения сердечных состояний героев красноречиво свидетельствуют о том, что больше всего повествователь и автор обращаются к сердцу «раннего человеколюбца» Алеши, который «носит в себе сердцевину целого». Это закономерно в контексте авторской концепции романа.

Наконец, метафора у Достоевского выступает мощным средством речевой характеристики героев. Каждый персонаж говорит своим собственным метафорическим языком, глубоко органичным для него — в полном соответствии с тем, что он представляет собой как личность. При этом метафорический строй речи того или иного персонажа часто организуется ключевой метафорой, приобретающей значение афоризма.

Проиллюстрируем это наиболее показательными примерами.

Так, метафорический язык Карамазова-отца подчеркнуто предметен, обытовлен, ярок и циничен: «невозможно же... чтобы черти меня крючьями позабыли стащить к себе, когда я помру... Крючья? А откуда они у них, из чего?» (14, 23); «ум-то у тебя не черт съел. Погоришь и погаснешь» (14, 24); «двадцать пять святых спасаются... капусту едят» (14, 35); «посмотрите, в какой они долине роз проживают» (14, 35); «...обе щеки к нижним деснам присыхать начинают» (14, 38); «подвержен мраку неизвестности», «восторг изливаю» (14, 40); «лист вам похвальный выдаю»; «город трещит и гремит от его кутежей» (14, 66); «крепость неприступная» (14, 67); «пескариков кушаете... думаете пескариками Бога купить» (14, 69); «загорится ракета, да и не догорит...» (14, 122); «Россия крепка березами» (14, 122); «святину на себя натягивать» (14, 124) и др.

Сластолюбие и жизнь «в скверне», как оказалось, не заглушили в нем окончательно остатков нравственного чувства и «духовный страх». Потому ключевой метафорой в его речах и становится метафора «крючья» — метафора возмездия за его грехи в земной жизни.

Самая метафорически насыщенная речь — это, конечно, речь Мити: «я уже здесь пять дней как бросил якорь» (14, 97); «потому что завтра лечу с облаков...» (14, 97); «алкал и жаждал всеми фибрами души и даже ребрами» (14, 97); «теперь мир на новую улицу вышел» (14, 97); «не стану жидом из души тянуть» (14, 98); «потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо вниз головой и вверх пятками <...> но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается Бог мой...» (14, 99); «я ... это насекомое и есть» (14, 99); «тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут» (14, 100); «кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его...» (14, 100); «широк человек, даже слишком широк, я бы сузил» (14, 100); «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей» (14, 100); «я всегда переулочки любил, глухие

и темные закоулочки...» (14, 100); «и теперь вдруг... за сердце укусила фаланга» (14, 102); «... достойный станет на месте, а недостойный скроется в переулочек навеки — в грязный свой переулочек» (14, 108); «слова у меня все изнасиловались» (14, 108); «Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен доселе... цикл времени завершен» (14, 109); «царица всех inferнальниц» (14, 143); «вызов в беспредельность» (14, 143); «и у меня на то медного лба не хватило»; «смердящий переулочек и inferнальница» (14, 144); «завтра на рассвете, когда взлетит солнце», Митенька через этот набор перескочит» (14, 358); «я духом пьян» (14, 362); «порядку во мне нет, высшего порядка» (14, 366); «я летел...» (14, 376); «но червь, ненужный червь проползет по земле, и его не будет» (14, 377); «сотрясаясь всем сердцем своим» (14, 378); «не ройтесь вы так в душе моей» (14, 418–419); «я волк, а вы охотники, ну и травите волка» (14, 424); «черт был побежден» (14, 426); «черт отца убил» (14, 431); «вы огадили мою душу» (14, 437); «душу мою разорвал пополам перед вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному месту в обеих половинах» (14, 446); «сухо у них в душе, плоско и сухо» (15, 27); «сотрясается у меня сердце» (15, 28); «Ракитин в щелку пролезет» (15, 28) и др.

Знаменитый монолог Мити о красоте насквозь метафоричен. Именно метафора как будто аккумулирует всю напряженность и экспрессию внутреннего состояния героя и передает это состояние с максимальной выразительностью. Митины метафоры подчеркнуты личностны, в них запечатлена драма характера и поведения героя, они несут в себе огромный эмоциональный накал. Очевидно при этом, что метафоры не только выразительны и эмоционально окрашены, они еще и объединены преимущественной пространственной семантикой («бросил якорь», «лечу с облаков», «теперь мир на новую улицу вышел», «тут берега сходятся...», «достойный станет на месте, а недостойный скроется в переулочек навеки» и проч.). Это связано с главной темой, которую ведет в романе Митя — широты русского человека, а также возможности и путей его преображения. Ключевой метафорой Митиных речей становится знаменитое суждение, ставшее афоризмом и выразившее метафизику романа в целом: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Оно также включает в себе пространственную образность.

Показательно, что Алеша, отзываясь на страстный Митин монолог и в соответствии с логикой уже собственного характера и поведения, переходит на пространственный метафорический язык: «Нет, не далеко... <...> Все одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой» (14, 101).

Алеша говорит в романе значительно меньше, чем его братья. Это персонаж, слушающий других, сочувствующий и страдающий, способный поста-

вить себя на место другого человека, что ярко продемонстрировано в приведенном примере. Метафоры в его словах редки, но обладают огромным семантическим потенциалом, они точны и афористичны: «... душа его бурная. Ум его в плену» (об Иване, 14, 76); «в это самолюбие воплотился черт и залез во все поколение» (14, 503).

Не будем забывать и того факта, что именно Алеша как достойный и любимый ученик старца Зосимы продолжил метафорический ряд суждений своего наставника и сохранил его высказывания в составленном им (Алешей) житии. В них отражены любовь к ближним, смирение и мудрость, а также глубокое понимание характера современной эпохи, в которой правит «дух уединения» и безлюбных, небратских отношений между людьми: ««дал вам сердце высшее» (14, 65–66); «упьюсь беседой с вами... душу мою еще раз вам изолью» (14, 257); «умилилось сердце мое...» (14, 259); «все поймет православное сердце» (14, 266); «...сотрясутся в ответ ему сердца его слушающих» (14, 266); «разгорелось сердце милого юноши» (14, 267); «поплыл на всех парусах» (14, 268); «разгорелось мое сердце» (14, 269); «ум во мне помутился» (14, 269); «огонь страсти» (14, 278); «мечта... которая так присосалась... к его сердцу, что и оторвать никак нельзя было» (14, 279); «душа моя была полна слез» (14, 280); «искривлено так лицо у него было...» (14, 281); «пламень растления умножается» (14, 285); «народ загнойлся от пьянства» (14, 285); «утолится сердце твоё, ибо поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил» (14, 292); «злойбою гордостью своею питаются» (14, 293); «будут гореть в огне гнева своего» (14, 293) и др.

Иван рационален, для него главное — «мысль разрешить», и речь его менее метафорична, чем у старшего брата. Однако Иван переживает тяжелую мировоззренческую драму, связанную с неверием в глубоком онтологическом смысле, которое выражается, в том числе, неверием в любовь к ближнему, ибо окружающие нас ближние далеко не совершенны по своим нравственным качествам и внешнему облику. Поэтому его метафоры, с одной стороны, отражают его интеллектуальный поиск, а с другой — состояние его безлюбной души, сказывающееся в способности высказываться о людях резко цинично. Есть и еще одна тема, которая ведется в романе Иваном, — страсть к жизни, жажда жизни, те самые «клейкие весенние листочки и голубое небо», удерживающие его от страшного шага в земном мире. Эта тема прорывается метафорами о кубке жизни, к которому он припал и не оторвется, пока не осилит. Вот метафоры из речи Ивана: ««церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол» (14, 56); «передовое мясо» (14, 122); «один гад съест другую гадину» (14, 129); «не хочу сидеть подле надрыва» (14, 175); «как припал к это-

му кубку, так и не оторвусь от него» (14, 209); «глу- пость коротка и нехитра, а ум виляет и прячется» (14, 215); «во всяком человеке... таится зверь...» (14, 220); «у тебя бесенок в сердечке сидит» (14, 221); «злодействами и страданиями унавозить кому-то будущую гармонию» (14, 222); «свой билет на вход спешу возвратить обратно» (14, 223); «солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответной любовью»; «его взгляд сверкает зловещим огнем» (14, 227); «кашу здешнюю при- ехал расхлебывать» (15, 43); «опять в философию въехал» (15, 76) и др.

Но у Ивана при всем его цинизме все же «сердце высшее», стремления высокие, жива совесть, и это красноречиво демонстрируется не только метафорами в его речи, но и сравнением с метафорами Раки- тина, который, казалось бы, близок Ивану мировоз- зренчески, но обладает душой мелкой, «сердцем беспокойным и завистливым». Ракитинские метафо- ры саморазоблачительны, они выдают в человеке, использующем их в речи, натуру примитивную, пло- скую, злобную: «... три сладострастника друг за дру- гом теперь следят ... с ножами за сапогом» (14, 74); «у него слюна бежит» (14, 75); «в малине, дескать, сижу и на ваш счет лакомствую» (об Иване, 14, 75); «тля перед вами» (14, 77); «чином... обошли, к празд- нику ордена не дали» (14, 308); «совсем бунт, барри- кады» (14, 309); «бездарный либеральный мешок» (14, 309); «изловим ее за шиворот, минутку-то эту» (14, 310); «чину не дали» (14, 315); «телячьи нежно- сти пошли» (14, 317); «зарезала братца Митеньку, да еще велит на всю жизнь свою помнить» (14, 324).

К Ракитину можно с полным правом отнести сло- ва Мити о речах Карамазова-отца во время встречи со старцем Зосимой: «Снаружи правда, внутри ложь» (14, 66). Тот же Митя в конце романа очень точно определяет сущность личности Ракитина: «... сухо у них в душе, плоско и сухо» (15, 27).

Метафоры в речи Грушеньки окрашены фоль- клорным колоритом, образностью народной речи: «месяц ты мой молодой» (14, 314); «ты гриб, а он князь» (14, 316); «сердце он мне все разможил» (14, 316); «собака я была...» (14, 316); «а все-таки я лу- ковку подала» (14, 318); «лицо твоё у меня в сердце осталось» (14,); «поутру встану злее собаки, рада весь свет проглотить» (14, 320); «сатана нас венчал» (14, 320); «его прогложу» (14, 320); «сердце он мне пере- вернул» (14, 320); «ползи, собачонка» (14, 324); «тот был сокол, а ты селезень» (14, 388); «вошел давеча один сокол, так сердце и упало во мне» (14, 396); «во- шел ты и все осветил» (14, 396); «зверь я, вот что» (14, 397); «погубила тебя твоя змея» (15, 122) и др.

Это авторские подсказки к пониманию «почвен- нической» природы ее характера, того, в чем зало- ги и глубинные основания для ее духовного роста и преображения.

Таким образом, метафорика в романе, высту- пая — в ряду других функций — средством много- уровневой репрезентации героев, носит систем- ный и концептуальный характер. «Закрепленное» за персонажем или группой персонажей метафо- рическое именование, которое сродни авторскому «художественному термину», позволяет писателю не только очертить яркую индивидуальность в ее содержательной объемности, но и выделить типы личностей и поведения. Метафоры повествователя в описаниях героев раскрывают видение персона- жа в системе отношений и соотношений с другими героями, показывают единство критериев оценки их нравственного и духовного состояния. Что ка- сается самих героев, прибегающих в своих речах к метафорическому языку, то этот уровень мета- форики также чрезвычайно показателен. Метафо- ра в зоне персонажей всегда личностно окрашена, резко индивидуальна, становится средством ре- чевой характеристики и органичным элементом / кирпичиком в выстраивании образа того или иного героя. При этом многие метафоры обрета- ют значение афоризмов. Тем самым в «Братьях Ка- рамазовых» создается плотное метафорическое поле, органично взаимодействующее со всеми уров- нями поэтики романа и выполняющее своеобразную функцию одного из ключей к постижению его ве- ликого смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренко Н. А. Когнитивная метафора как способ изучения идиолекта Ф. М. Достоевского // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник. Белгород, 2016. № 2–4. С. 10–12.
2. Азаренко Н. А. Морбально-религиозная метафо- рика в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказа- ние» / Н. А. Азаренко // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 108–111.
3. Азаренко Н. А. Языковая реализация двойственной метафоры Ф. М. Достоевского в романе «Братья Карамазо- вы» / Н. А. Азаренко // Вестник Липецкого государствен- ного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 67–74.
4. Азаренко Н. А. Языковая репрезентация религи- озной метафоры Ф. М. Достоевского / Н. А. Азаренко // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2014. № 18. С. 274–277.
5. Анненский И. Достоевский / Анненский И. Из- бранные произведения. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1988. С. 634–641.
6. Брандт Л. Как понять метафору: когнитивно-се- миотический подход к изучению метафор: пер. с сокраще- ниями / Л. Брандт, П. А. Брандт // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — Вып. 4. — С. 5–19.
7. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфиче- ское / В. Г. Гак // Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. С. 11–26.

8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1976. Ссылки на это издание даются с указанием тома, страниц в тексте статьи в круглых скобках.

9. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон [Пер. с англ.]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

10. Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература / Д. С. Лихачев. — Л.: Сов. писатель: Ленингр. отделение, 1984. — 271 с.

11. Пращерук Н. В. Метафора / Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Н. В. Пращерук. — Челябинск: Металл, 1997. С. 181–182.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Professor, Doctor of Philology, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: pnv1108@gmail.com

ТВОРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И ПРОБЛЕМА «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ИДИОТ»)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского¹*

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние духовного наследия святителя Тихона Задонского на становление мировоззрения, идейного содержания и решение проблемы положительного героя в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот». Утверждается, что «положительно прекрасный» человек в понимании писателя — это православный христианин, отдающий всего себя на служение ближним, совершающий подвиг самопожертвования ради братьев и сестер во Христе.

Ключевые слова: Тихон Задонский, Достоевский, положительный герой, художественная аксиология, художественная антропология, богословие, благодать, смирение, терпение, кротость.

Abstract: the article examines the influence of the spiritual heritage of St. Tikhon of Zadonsk on the formation of the worldview, the ideological content and the solution of the problem of a positive hero in the novels of F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment" and "The Idiot". It is stated that a "positively beautiful" person in the writer's understanding is an Orthodox Christian who gives himself completely to serve his neighbors, performing a feat of self-sacrifice for the sake of brothers and sisters in Christ.

Keywords: Tikhon of Zadonsk, Dostoevsky, positive hero, artistic axiology, artistic anthropology, theology, grace, humility, patience, meekness.

Вся жизнь великого Задонского Святителя Тихона была борьбой за истинное Православие. Начиная с воронежского периода своей деятельности, когда он столкнулся с полуязыческим народом глубинной центральной России, свт. Тихон неустанно просвещал крещеных русских людей, которые были только по названию христианами, а сами утопали в грубейших суевериях, восходящих к разного рода магическим культам. Перед свт. Тихоном стояла сложная задача: вернуть паству к первоначальной чистоте Православия, при этом найти такой язык общения, который был бы прост, понятен и развивался бы в рамках диалога, а не только дидактических наставлений, назидательных монологов и проповедей. Перечитывая сегодня творения свт. Тихона Задонского, удивляешься тому поистине виртуозному мастерству, с которым русский богослов выполнил эту задачу: сочетая библейские тексты и собственное авторское слово. К сожалению, проблема стиливого своеобразия творений свт. Тихона не только не разработана, но даже

не поставлена в рамках междисциплинарных исследований. Она предполагает целый комплекс работ, которые бы представили во всей полноте не только богословскую, но и языковую личность святителя. Однако обратиться к решению этой проблемы можно будет только при условии погружения в контекст разнообразных влияний наследия свт. Тихона на последующую русскую литературу как XIX–XX веков, так и современную.

В данной статье речь пойдет о двух великанах духа, которые надолго, если не навсегда, определили вектор развития русской словесности. Нельзя сказать, чтобы тема влияния свт. Тихона на творчество, личность и мировоззрение Ф. М. Достоевского не попадала в поле зрения исследователей. Наоборот, об этом пишут практически все ученые, так или иначе соприкасающиеся с анализом их текстов. Однако тема далеко не исчерпана, каждая эпоха расставляет свои акценты в интерпретации творческих связей первого русского духовного писателя — свт. Тихона, и вершинного достижения «золотого» века русской литературы — «пятикнижия» Ф. М. Достоевского.

Наше время во многом напоминает смутное. Огромное количество ложных учений и направлений развития мысли, в том числе и под видом христианства, проникает в наше духовное поле. Тема «моды» на духовные запросы человека стала рядо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве»

вым явлением в современной общественной жизни. Оживление, реанимация якобы древнего язычества и активное насаждение неоязыческих культов — вот примета начала XXI века. Именно этот искусительный момент сближает современность с XVIII и XIX вв. Только в XXI веке это приобрело качества грамотно организованных «проектов» Запада по блокировке «Святой Руси». Актуальность поставленного вопроса о значении возвращения современного человека к святоотеческим трудам, в частности наследию свт. Тихона, и к осмыслению творчества Достоевского в юбилейном году на новом этапе не вызывает сомнений.

Свт. Тихон Задонский в своем труде «Сокровище духовное» так определил доминанту национального самосознания русского человека: в центре его веры и духовного мира находится Спаситель Иисус Христос. В концептуальной главе, открывающей книгу и названной «Солнце», мы читаем следующее:

«Прежде восхождения солнца тьма и ночь пребывает, но как солнце взойдет, тьма отступает, и свет воссияет. Тако до пришествия Христова, иже есть Солнце праведное, тьма всю вселенную покрывала и ночь глубокая была; но как сие светлейшее воссияло Солнце, и свои теплейшие лучи на всю вселенную испустило, благоприятнейший и сладчайший душам нашим воссиял свет» [1, 2].

Данный фрагмент, как и вся книга святителя, выдержан в стилистике библейской символики и параллелизма. Далее его мысль движется в направлении различения Добра и зла, которое может дать только христианское учение:

«Когда солнце сияет на небеси, все ясно бывает; всяк видит путь, по которому надо идти, и куда идти, что делать и чего уклоняться; видит, распознает одну вещь от другой, и полезное от вредного, и пр. ... Тако в душе бывает, которую Христос — Солнце праведное просветит. Таковая душа все ясно видит, познает прелесть и суету мира сего, познает добро и зло, порок и добродетель, вред и пользу, путь к погибели и путь к вечному животу ведущий, исходящий на дела Богу угодная и себе полезная. Таковой душе сладко слово Божие, якоже сам Бог... Блаженна есть таковая душа, которую озарит Свет» [1, 3].

Однако в истории человечества грехи падшего мира затуманивают Свет Истины, и в своих рассуждениях свт. Тихон стремится поставить диагноз современного ему духовного состояния человека, который постоянно отпадает от Света и предпочитает земное суетное существование. Удивления достойно, пишет святитель, не то, что язычники, «не имеющие упования, в такой суете запутались; а то, что христиане, позванные к вечному животу и вечным благам, о которых всегда слышат во Евангелии, делают тое» [1, 3].

Определив болезнь, свт. Тихон рассматривает и пути выхода из кризисного состояния души, пути

духовного оздоровления. Он выделяет пять направлений восхождения к духовному совершенству:

1) познание человеком собственной немощи (здесь свт. Тихон использует для иллюстрации образ «иссохшего дерева» — бесплодного, нераскаянного грешника);

2) плодом выполнения первой заповеди является смирение, которое бездонно и безгранично, поскольку ориентировано на жертвенный подвиг Христа, Который смирил Себя до смерти и смерти крестной;

3) признание всякого доброго дела не своим и славу его — не человеческим, а Божьим делом;

4) абсолютное доверие Господу, выраженное в молитве Псалмопевца: «Не остави меня, Господи, не отступи от мене; вонми в помощь мою, Господь спасения моего».

Пятое направление духовной жизни настолько ярко и выразительно представлено в книге Святителя, что мы приводим его дословно: «Когда посылает тебе Бог напасть, скорбь и печаль, то хочет исправить тя, и древом плодовитым сотворити тя: потерпи убо Господу твоему, якоже терпиши врачу, горьким лекарством пользующему тебе. Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль, но сим душа болящая исцеляется» [1, 5].

Следование указанным направлениям нравственно исцеляет человека от многообразных недугов и делает его крепким, бодрым, способным к возрастанию по лестнице духовного восхождения, где верхняя ступень соединяет небо и землю, она — совершенная христианская любовь, которая определяется как жертвенное служение ближнему.

Если мы обратимся к творчеству Достоевского, который неоднократно указывал на сильнейшее воздействие на него трудов и личности свт. Тихона, то мы обнаружим уже в романе «Преступление и наказание» такой образ христианки, которая стяжала в себе дух Христов. Это Соня Мармеладова. На фоне «героев времени» типа Онегина, Печорина, Костанжогло, Базарова, Штольца, Рахметова и др. (а это все типы русской классики) засиял образ «положительно прекрасного человека», детально разработанный и данный в контексте традиционных представлений о русской праведности.

Достоевский писал о романе «Преступление и наказание»: «Идея романа. Православное воззрение; в чем есть Православие? Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Человек заслуживает свое счастье и всегда страданием» [2, 343]. Исповедуя христианскую антропологию и аксиологию, писатель выстраивает противостояние атеиста, одержимого новейшими веяниями о сверхчеловеке как главном действующем лице истории, и христианки, которая не только спасает семью от голода, но и просвещает безбожника, чтобы спасти его душу от сатанинской сети. И с Божией помощью она в этом преуспевает.

Большое место в структуре романа занимают диалоги Сони и Раскольникова, где сталкиваются взаимоисключающие позиции. Влияние трудов свт. Тихона на эту важнейшую часть романа несомненно. Анализ двух ключевых диалогов героев показывает следующее: Соня поражает Раскольникова своим абсолютным доверием Богу. Приведем этот фрагмент:

«— С Полечкой, наверно, то же самое будет,— сказал он вдруг.

— Нет! нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили.— Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

— Других же допускает.

— Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!..— повторила она, не помня себя.

— Да, может, и Бога-то совсем нет,— с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее» [3, 303].

Зададимся вопросом: если Бога нет, то зачем же тогда герою читать Его слово, Евангелие о воскрешении Лазаря? Однако Раскольникову совершенно необходимо услышать Его именно сейчас, хотя «глупого торжества» Сони над собой он не приемлет. Да ведь «глупого торжества» Сони нет и в помине. Сам Раскольников утверждает, что Соня считает себя «ни за что». А это показатель еще одной черты христианина — смирения, которое и лежит в основе восприятия Соней Евангелия. Как бы низко ни падал порой человек, но если сознание своей греховности, недостойности, порочности рождает в душе сокрушение, то душа недалеко отстоит от воскресения. Четверодневный смердящий Лазарь символизирует все человечество, в том числе и Соню, и Раскольникова, и всех грешников: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением великой книги» [3, 310].

Соня верует не в свои силы и даже не в возможность своей самоотверженной любви, а в Божий Промысел, который способен сотворить чудо с душой человека: невозможное человеку возможно Богу. Именно познание своей немощи и рождает, по свт. Тихону, творческую силу смирения, на которой зиждется православный мир.

Во втором диалоге Раскольников искушает Соню вопросом о справедливости. Кто достоин остаться существовать на свете: негодяй Лужин или страдалица Катерина Ивановна? Соня должна ответить на вопрос, как бы она решила, кому из них умереть. Ответ Сони совершенно согласуется с духом евангельского учения:

«— Да ведь я Божьего Промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [3, 386].

Ответ Сони вскрывает всю пустоту атеизма, так как именно заповедь неосуждения ближних помогает человечеству существовать, не уничтожая себе подобных. Признание Раскольникова в убийстве вызывает у Сони такой всплеск сострадания, что она бросается перед ним на колени. Атеист поражен: одно движение души истинной христианки совершает чудо:

«Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягло ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах» [3, 390].

Это же чувство еще раз размягчит сердце Раскольникова, когда Соня определит главное в его состоянии: муки совести. После исповеди перед Соней он задает вопрос: что делать?

«— Что делать! — воскликнула она, вдруг соскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали.— Встань!.. Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [3, 398].

Когда Соня обращается к Раскольникову с призывом «встать и идти», речь идет не только о публичном признании своего преступления. Соня опирается на святоотеческую мудрость, которая определяет законы и процессы духовной жизни: человек падает через грех и восстает через покаяние. Вся жизнь человека подчиняется этому пути восхождения к свету Истины: через падение и восстание. В совете Сони Раскольникову восстановить оборванные связи с Богом и людьми отчетливо прочитывается мысль свт. Тихона о целебности страдания: «Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль, но сим душа болящая исцеляется. “Убо потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа”» [1, 5].

Соня убеждена:

«— Страдание принять и искупить себя им, вот что надо» [3, 398].

Понести страдание поможет Тот, Кто Своей праведной смертью на кресте искупил от вечной гибели все человечество. Так в романе возникает мотив крестоношения как смысла жизни каждого человека. Соня разделяет с Раскольниковым его крест, тем самым поднимаясь к вершинам жертвенной христианской любви.

«— Есть на тебе крест? — вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила.

Он сначала не понял вопроса.

— Нет, ведь нет? На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе. Возьми... ведь мой! Ведь мой! — упрашивала она.— Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..» [3, 400].

Однако даже страдание может стать бесплодным, что и случилось в начале каторги с Раскольниковым. Проблема эпилога «Преступления и наказания» до сих пор вызывает горячие дискуссии. Причем амплитуда высказываний по этому поводу подчас поражает своим откровенным «отлетом» от авторского текста. Так, в одном случае утверждается, что убийца в принципе не способен к покаянию и преображению. Но ведь в эпилоге автор подчеркивает, что герой «воскрес». Напомним, что в Евангелии первым в рай попадает покаявшийся разбойник, сказавший: «Достойное по делам нашим приемлем. Помняи мя, Господи, егда приидеши, во Царствии Твоем». И ответ Господа: «Ныне же будеши со мною в раи». Следовательно, воскресение к новой жизни возможно для каждого человека, в том числе и для того, совесть которого отягощена смертными грехами.

В другом случае утверждается следующее:

«Не просто старуху-процентщицу он убивает, он заносит две руки “над зимним ссохшимся черепом Капитала... Раскольников раскалывает голову капиталистической старухе...” Он “несет топор востока. Топор восходящего Солнца, топор Свободы и Новой Зари”».

«Роман должен был закончиться триумфально, полным оправданием Раскольникова; преступление Раскольникова является наказанием для процентщицы. Объявлена эра топора пролетарской революции. Но Порфирий подло подтасовывает факты и заводит Раскольникова в лабиринт сомнений, переживаний, душевных терзаний. Он не просто стремится посадить Родиона, но ищет подавить его духовно. С этой сволочью надо было бы поступить так же, как со старухой» [4, 28].

В таком случае, по логике автора статьи А. Дугина, Раскольников и с Соней должен был бы поступить, как с Лизаветой. Чтобы избежать подобных кричащих противоречий, которые, заметим, пагубно влияют на умы юношества, обратимся вновь к позиции Задонского светильника, которую он зафиксировал в главе «Преступники и им радостная весть». Масса переключек обнаруживается в эпилоге романа Достоевского с трудом «Сокровище духовное». Свт. Тихон развивает евангельскую идею милосердия к несчастным заблудшим, преступившим Божии заповеди. Он предпочитает видеть в них искаженный, изуродованный, но все-таки образ Божий «вплоть до их смертного часа». Это соответствует мнению святых отцов о том, что душа человека по природе христианка. Святитель пишет: «Мы с праотцем нашим Адамом вси пред Богом, Царем небесным, согрешили, и из рая в мир сей, аки в заточение и ссылку, посланы. Христос, Сын Божий, великого совета Ангел, пришел к нам изгнанным и осужденным, и принес пресладкую от небесного Своего Отца весть, и объявил нам, что Бог прощает нас, и паки в милость Свою приемлет... Не бойся, не отчаявайся, бедный греш-

ниче! Христос Сын Бога живаго, Царь и Царя небесного Сын возлюбленный и едиnorodный, от Отца Своего небесного посланный, пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести... Прииде Сын Божий грешники спасти, не такие и такие, а всякие, какие бы они ни были; только бы покаяться и веровали в пришедшего грешники спасти Иисуса Христа: и рай им отверзется рукою на кресте распятого Христа. — Покайся убо и ты, грешниче, и веруй в святое и сладчайшее Евангелие сие, и без сумнений внидеши с разбойником в рай» [1, 18].

Эпилог «Преступления и наказания» представляется нам вариациями на темы только что приведенных евангельских строк, интерпретированных свт. Тихоном.

Раскольников предполагал, что на каторге Соня «замучит» его религией. Однако этого не случилось: Соня просто разделила беду другого, близкого ей человека. Ее полюбили каторжане, потому что она помогала не только одному Раскольникову. Автор многозначительно замечает, что к ней «ходили даже лечиться». Но чудо раскаяния произошло не сразу, герой должен был выстрадать его.

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени...

Они хотели говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [3, 518].

Не только вещий сон о трихинах, но и благодать Божия, коснувшаяся сердца преступника, вдруг делает из Савла Павла. Герой находится на пороге перерождения.

«Да и что такое эти все, все муки прошлого! Все, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом... Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.

Под подушкой его лежало Евангелие» [3, 519].

Итак, новая жизнь, воскресение души, преобразование человека по заветам Иисуса Христа, предстоящий подвиг веры дают герою надежду на духовное выздоровление, на выпрямление пути восхождения к Истине, в основе которого лежит жертвенная любовь Сони, полагающей свою жизнь «за други своя».

Образ «положительно прекрасного человека» — истинного христианина — находится в центре и второго романа из цикла «Пятикнижие» — «Идиота». Роман, казалось бы, исследован вдоль и поперек, однако его связи с трудом свт. Тихона «Сокровище духовное» представляются недостаточно выявлен-

ными. Остановимся на наиболее выпуклых моментах этих отношений. Евангельская тема братства всех людей во Христе — сквозная в романе Достоевского. Ее истоки и корни видятся нам в главе «Я не брат твой!» из вышеприведенной книги Святителя. Она написана так ярко, горячо и убедительно, что Достоевский не мог не отразить и не развить ее содержание в структуре своих художественных текстов. Свт. Тихон утверждает: «Слышим, что один другому слово сие говорит: я-де не твой брат. Чудно, что человек человеку говорит, но не стыдится говорить: я-де не твой брат!» [1, 367].

Глава построена, как обычно, по типу диалога с читателем, где задаются вопросы, приводятся возможные ответы, вплетаются обращения и цитаты из Библии, и все это оживотворяется глубоко личным отношением свт. Тихона к поставленной проблеме, которая является краеугольной в христианском учении: твой ближний — брат или сестра во Христе.

«Не тот добр, кто себя называет добрым, но тот, кто добро творит, и кого Бог, праведный Судия, похвалит. Посмотри на гробы мертвых и увидишь, что и ты брат всякому человеку. Вы же (князи, вельможи, славнии, благородные, господа, богатые и вси высокие, яко бози в мире почитаемые) “яко человецы умираете”. Осмотритесь убо, возлюбленне, что и ты человек такой-жде, как и прочие, что день рождения и смерти показывает тебе, и, отложивши гордость, возлюби смирение Христово; тогда будешь всякого человека, и самого подлейшего, братом своим называть», — пишет Святитель [1, 368].

Эта идея братства реализуется в романе Достоевского с первых же строк повествования. Два молодых человека по дороге в Петербург знакомятся и сразу чувствуют взаимное тяготение друг ко другу. Рогожин в простоте душевной заявляет: «Князь, неизвестно мне, за что я тебя полюбил...» Далее он обещает Мышкину реальную помощь, поскольку у того нет почти ни копейки: кунью шубу, фрак «первейший», жилетку белую, полные карманы денег и... визит к Настасье Филипповне. Мышкин отвечает ему взаимностью: «Потому, я вам скажу откровенно, вы мне сами очень понравились, и особенно когда про подвески бриллиантовые рассказывали» [6, 15]. На вопрос о женском поле князь признается, что по болезням женщин не знает («невинен»).

«— Ну, коль так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходит, юродивый, и таких, как ты, Бог любит!» [6, 16].

Тема юродства — сквозная у Достоевского. В романе «Преступление и наказание» Раскольников юродивой называет Соню. Разумеется, в строгом, церковном смысле положительные герои Достоевского не являются юродивыми, но они так воспринимаются обществом. Князь Мышкин, возвращаясь в Россию, попадает в совершенно языческую среду: Тоцкий определяет себя «закоренелым сластолюб-

цем», Ганя Иволгин мечтает о несметном богатстве, которое позволит ему стать «королем иудейским». Данные примеры легко умножить, при этом герои светской среды даже не знают или не помнят о таком понятии, как греховное служение собственным идолам — страстям.

Свт. Тихон о феномене юродства писал следующее: «Вам посмеивается, вас унижает и ругает мир, но души ваши честны суть у Бога; вас осуждает мир, но оправдает вас Бог; вас проклинает мир, но благословляет вас Бог... Вас извергает мир как непотребных, но приемлет Бог. Поминайте, что Христос, глава наша и Господь славы, презрен, уничижен, посмеян и поруган был от злаго мира» [5, 1175].

Завязавшаяся дружба между Рогожиным и Мышкиным испытывается самым сильным средством на прочность: оба полюбили одну женщину. В романе ставится центральный вопрос бытия человека: может ли христианин пожертвовать ради ближнего своим счастьем? Вопрос жертвенной христианской любви — центральный прежде всего для князя, Рогожина и Настасьи Филипповны. Неотмирность князя делает его прозорливцем: он знает с самого начала, что Рогожин убьет Настасью Филипповну. И он кладет свою жизнь на то, чтобы спасти ее от гибели, даже когда любовь к ней сменилась жалостью. Достоевский характеризует свою героиню как «вполне русскую женщину»: она любила Божиих людей и юродивых. Настасья Филипповна убеждена, что не может составить счастье князя, потому что он невинен, как ребенок, а она считает себя порочной и не верит в собственное воскресение. Именно маловерие или искажение веры, а не только гордыня, делают невозможным брак Настасьи Филипповны и князя Мышкина. Но ее любовь к нему истинна, так как она хочет пожертвовать собой ради счастья Мышкина и Аглаи. Эта попытка жертвенной любви возвышает Настасью Филипповну над другими женскими образами романа. Ее письма к сопернице преисполнены попытки смирения или даже юродства (неслучайно князь убежден, что она «безумна»). В одном из писем Настасья Филипповна упоминает о «своей» картине, своем видении Спасителя: «Христа пишут живописцы по евангельским сказаниям; я бы написала иначе: я бы изобразила Его одного, — оставляли же Его иногда ученики одного. Я оставила бы с Ним только одного маленького ребенка. Ребенок играл подле Него; может быть, рассказывал Ему что-нибудь на своем детском языке, Христос его слушал, но теперь задумался; рука Его невольно, забывчиво осталась на светлой головке ребенка. Он смотрит в даль, в горизонт; мысль, великая, как весь мир, покоится в Его взгляде; лицо грустное. Ребенок задумался, облокотился на Его колена и, подперши ручкой щеку, поднял голову и задумчиво, как дети иногда задумываются, пристально на Него смотрит. Солнце заходит... Вот моя картина!» [6, 457].

Настасья Филипповна относится к Аглае, как к «сестре во Христе». Отсюда такое откровенное признание о самом дорогом в ее сердце, ведь героиня в этом ребенке «вспоминает» саму себя, а в Аглае видит ее главное качество — «невинность как совершенство». Судьба самой Настасьи Филипповны, поруганная и растоптанная в детстве, должна быть принесена в жертву ради брака соперницы и любимого человека. Банальный любовный треугольник наполняется у Достоевского высшим христианским смыслом: попыткой жертвы ради ближнего. Причем самой дорогой жертвы.

Есть такая попытка и в сюжетной линии Рогожина. У него тоже «своя» картина о Христе, но это копия полотна Ганса Гольбейна, изображающего Спасителя, снятого с креста. Общеизвестна мысль Достоевского о том, что при восприятии ее «вера может пропасть». Диалоги князя Мышкина и Рогожина в этой ситуации представляются нам ключевыми в развитии темы братства всех людей.

Рогожин задает Мышкину вопрос о том, верит ли он в Бога. Ответ князя выдержан в духе рассуждений на тему главы из книги свт. Тихона «Ты не мой брат». Православие, как известно, не доказывается, а показывается. Князь Мышкин отвечает Рогожину аллегорически, постепенно подводя через житейские истории к сути проблемы. Достоевский дает своему герою возможность развить метод свт. Тихона, изложенный и зафиксированный в книге «Сокровище духовное, от мира собираемое». Мышкин рассказывает Рогожину несколько бытовых историй, которые должны показать или даже символически воплотить разные грани отношения русского народа к Богу. Одна из них — история о солдате, продавшем свой нателный крест князю. Крест был не серебряный, а оловянный, и солдат был очень доволен, что надул глупого барина. Со стороны князя следует совершенно неожиданная реакция: он не осуждает простого человека, как будто бы отказавшегося от Христа, от крестоношения. У героев Достоевского человек всегда существует в связи с другим человеком, своим ближним. И далее следует история о бабе-простолудинке, которая впервые увидела на лице своего ребенка улыбку. Она благоговейно перекрестилась и на вопрос князя ответила так: «...Такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего сердца на молитву становится» [6, 222].

Мышкин находит в ее высказывании истинно религиозную мысль, «такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятие о Боге как о нашем родном Отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя, — главнейшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знает, может, эта баба женой тому же солдату была» [6, 222]. Мышкин заключает: сущность религиозного чувства ни под какие рассужде-

ния и даже проступки и преступления не подходит. И особенно ощутимо это в русском сердце и русской вере. Она живет в народе таинственным образом и сохраняет его как соборное целое, где «все за всех виноваты». К возрождению способен даже самый окаянный грешник, в этом — надежда: «Есть, что делать, Парфен! Есть, что делать на нашем русском свете, верь мне!» [6, 222–223].

Вера самого Мышкина пробуждает в сердце Рогожина ответное чувство: он предлагает поменяться крестами, т.е. побрататься. Рогожин ведет названного брата к матери за благословением: «Благослови его, мать, как бы ты родного сына благословила». Свет в душе Рогожина достигает своего апогея: он «уступает» ему самое дорогое — Настасью Филипповну:

«– Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю! Помни Рогожина!» [6, 224].

Сам Достоевский называл себя реалистом в высшем смысле этого слова, т.е. метафизиком. В данном случае он показывает, что Рогожину не суждено было мгновенно переродиться. Свет в его душе соседствует с мрачными адскими безднами целиком поглотившей его страсти. Самостоятельно он не может преодолеть дьявольского соблазна избавиться от соперника. Поэтому после всего каскада возвышенных переживаний братского общения он совершает «подлейшую» (выражение свт. Тихона) попытку убить князя. Достоевский часто говаривал устами своих героев, что в русском человеке уживаются одновременно две прямо противоположных идеи. Свет и тьма, самоотверженность и жестокость, добро и зло заставляют двоиться сознание и душу человека, находящегося перед нравственным выбором. Без помощи матери-Церкви преодолеть это состояние невозможно. И только князю, «положительно прекрасному» герою-христианину, оказалось под силу это преодоление реальным и органичным делом. Мы имеем в виду кульминацию романа, где Аглая и Настасья Филипповна выясняют отношения. Князь знает, что он любит свою невесту Аглаю, но он не мог построить счастье на трагедии когда-то любимой женщины.

Весь полилог героев исполнен таких многозначных смыслов, получивших самые разнообразные трактовки в критике, что не повториться было бы весьма сложно. Отметим только одну деталь, которая вписывается в то понимание христианского подвига и любви, которое представлено в творениях свт. Тихона. Любовь-жалость и любовь-сострадание способны подавить в личности главное — гордость и самолюбие. Жертвенный подвиг князя в том и состоит, что чужое страдание для него давно стало его собственным. «Он только видел пред собой отчаянное, безумное лицо, от которого... у него “пронзено навсегда сердце”. Он не мог более вынести и с любовью и упреком обратился к Аглае, указывая на Настасью Филипповну:

— Разве это возможно! Ведь она... такая несчастная!» [6, 572].

Сострадание униженным и оскорбленным — общая черта мировоззрения Достоевского и свт. Тихона Задонского. Но вдохновенный фрагмент о братстве свт. Тихона, который мы анализировали в данной статье, подвиг писателя на совершенно необыкновенный финал, ради которого, как признавался Достоевский, и было написано его произведение. Ведь Рогожин, убив любимую женщину, совершил «подлейшее» преступление. Он зарезал доверившегося ему человека во время сна, беззащитного, беспомощного, духовно и душевно больного. Но христианское всепрощение не изменяет Мышкину, в этом «подлейшем» Рогожине он продолжает видеть несчастного, заблудшего, окаянного брата: «Князь смотрел и ждал; время шло, начинало светать. Рогожин изредка и вдруг начинал иногда бормотать, громко, резко и бессвязно; начинал вскрикивать и смеяться; князь протягивал к нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрагивался до его головы, до его волос, гладил их и гладил его щеки... больше он ничего не мог сделать!.. Между тем совсем рассвело; наконец, он прилег на подушку, как бы совсем в бессилии и в отчаянии, и прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина, но, может быть, он уж и не слышал тогда собственных слез и уже не знал ничего о них...» [6, 612].

Создание образа положительного героя всегда представляет большую сложность для писателя. В романе «Идиот» Достоевский воссоздал образ истинного христианина, которого отличали качества

православного верующего человека: благородное простодушие, безграничная доверчивость и абсолютное всепрощение. На духовные истоки своего создания указал сам автор «Идиота»: «А к стати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» [7, 49].

В заключение хочется подчеркнуть, что завет величайшего русского писателя о величайшем же русском святом звучит сегодня не менее актуально, чем полтора века назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. — М.: Русский духовный центр, 1994. — 400 с.
2. Цит. по: Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. III. — М.: Христианская литература, 1997. — 576 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 5. — Л.: Наука, 1989. — 573 с.
4. Цит. по: Айзерман Л. Достоевский профильный и непрофильный // Литература в школе. — 2012. — № 8. — С. 26–30.
5. Иоанн (Маслов), схииеромандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: Самшит-издат, 2000. — 1180 с.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 6. — Л.: Наука, 1989. — 669 с.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 13. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 13. — 541 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

ОТСРОЧЕННОЕ БУДУЩЕЕ: ДВЕ КАРТИНЫ В ПЕРЕСКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

А. А. Фаустов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка объяснить хорошо известное пристальное внимание Достоевского к картинам «Мертвый Христос в гробу» Гольбейна и «Пейзаж с Ацисом и Галатеей» Лоррена особым их визуальным устройством. Обе они вызывают эффект рассогласования зрительного опыта и сюжетного сообщения, обещающего непредставимое развитие событий: как может воскреснуть такой Христос? как может разрушиться такая идиллия? Настоящее время созерцания картин в итоге «зависает». Достоевский, пересказывая их с помощью своих героев, выстраивает повествование так, что подхватывает работу полотен со временем. И такое следование за живописными оригиналами не случайно: отсрочивание будущего — фундаментальная черта поэтики и онтологии времени у Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. Гольбейн, К. Лоррен, экфрасис, пространство, время, прошлое, настоящее, будущее.

Abstract: the article attempts to explain Dostoyevsky's well-known fascination with two pictures — Hans Holbein's *The Body of the Dead Christ in the Tomb* and Claude Lorrain's *Landscape with Acis and Galatea* — referring to their special visual composition. Both pictures create a sense of discrepancy between the visual experience and the plot, promising an inconceivable development: how can this Christ rise from the dead? How can this ideal world be shattered? As a result, the contemplation of the pictures is somehow stuck in the present. Dostoyevsky, retelling this through his characters, constructs the narrative in such way that it follows up on the painters' play with time. And this following in the footsteps of the painted originals is not accidental: delayed future is one of the key characteristics of Dostoyevsky's poetic narrative and ontology of time.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, Hans Holbein, Claude Lorrain, ekphrasis, space, time, past, present, future.

Два наиболее известных (и наиболее текстуально развернутых) экфрасиса в творчестве Достоевского — описание картин «Мертвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна Младшего и «Пейзаж с Ацисом и Галатеей» Клода Лоррена. Первому из экфрасисов посвящена обширная научная литература, не раз говорилось и о втором из них (ограничимся пока ссылкой на две резюмирующие работы с обширной библиографией: [1], [2]). Примерно в таких же пропорциях соотносятся, насколько можно судить, и исследования о самих живописных произведениях (укажем лишь на несколько важных для нас публикаций: [3], [4], [5], [6]). Однако не нужно быть специалистом, чтобы заметить чрезвычайную несхожесть, если не полярность двух этих любимых Достоевским картин. Обратим внимание лишь на одно бросающееся в глаза принципиальное различие между ними, важное для наших дальнейших целей.

Гольбейн оставляет зрителя один на один с мертвым, вызывающе обезображенным телом Христа,

которое вытянуто по горизонтали и до такой степени стиснуто со всех сторон прямоугольной рамкой, имитирующей форму гроба, что почти целиком занимает поле зрения, мучительно приковывая к себе наш взгляд и отнимая у него всякую свободу движения (ср.: [7; 119–120]). Идеальный ландшафт Лоррена устроен совершенно по-другому, демонстрируя сложное — множественное и размытое, лишенное жесткой, статичной геометрии — вертикальное и горизонтальное членение пространства. Боковые кулисы, создаваемые с одной стороны (слева) деревьями, а с другой (справа) — скалами и горами, также покрытыми на нижних ярусах разнообразной растительностью, усиливают уводящую вдаль, к линии горизонта перспективу, которую прочерчивает световая дорожка на воде от садящегося солнца. Кроме того, ближняя к зрителю часть берега, имеющая форму плавно выдающейся в море дуги, отделенной от боковых скал затененной ими водой, задает еще одну, поперечную, чуть наклоненную к диагонали перспективу, которая увлекает смотрящего к месту пересечения горизонта с левой рамкой полотна. В центре переднего плана, посередине дуги расположено задрапированное тканью убежище, в котором заглавные герои, благословляемые купидоном,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23008

предаются любви, и солнечная дорожка подходит прямо к этим миниатюрным кулисам, словно пропихивая их и видимые на их фоне фигуры сиянием. А на горизонте, из-за которого чуть приподнимаются смутные силуэты островов, воды залива смыкаются с подсвеченными солнцем небесами, с их многослойными полупрозрачными облачными кулисами. Взгляд здесь может бесконечно блуждать в любом направлении, следуя за прихотливыми сочетаниями деталей, линий и цветов.

Другими словами, если в первом случае используется скользящая, клаустрофобная оптика, то во втором — своего рода панорамирование, приглашающее нас к воображаемому путешествию по пространству картины. Зрительные позиции тут противоположны. И все же между полотнами Гольбейна и Лоррена есть нечто общее, хотя и проявляет оно себя опять-таки не совсем одинаково. Для того чтобы адекватно воспринять и одну, и другую картину, зритель должен обладать некоторыми «сюжетными» знаниями о том, что на них изображено. Испытать перед произведением Гольбейна не просто визуальный, но и когнитивный шок можно лишь при условии, что мы знаем о грядущем восстании Христа из мертвых, вообще о том, кто есть Христос и какова привычная Его иконография. Провокативная природа картины заключается именно в том, что зритель должен с последней отчетливостью ощутить зримую невозможность воскресения Того, над Кем смерть как будто бы одержала свою страшную победу, Кто столь безнадежно, без намека на спасение, заточен в гробу (ср., впрочем, единичные попытки интерпретировать картину в альтернативном ключе — как образ начинающегося в мертвом теле мистического пробуждения жизни: [8; 27–30]; ссылаясь на свой личный опыт знакомства с подлинником картины, об этом же писали и литературоведы: [9; 297], [10; 254–258]). Иной по стилистическому исполнению и смыслу, но функционально близкий эффект порождается и полотном Лоррена. На одной из прибрежных скал можно рассмотреть не очень заметную фигуру Полифема, полулежачего на траве и играющего на свирели. Циклоп выглядит безобидно, он буквально растворен в пасторальном пейзаже, однако, как известно из той версии мифа, которую узаконил Овидий (и которая неоднократно была запечатлена в живописи), этот неудачливый и ревнивый поклонник Галатеи, оказавшись свидетелем ее любовного свидания с Акидом (Ацисом), безжалостно убьет своего счастливого соперника. Присутствие Полифема отбрасывает на идеальный ландшафт зловещую тень, но тень неразличимую, никак не нарушающую общей гармонии.

Обе картины, следовательно, построены с таким расчетом, что ожидаемые, непреложные в будущем ключевые события тех историй, которые на этих полотнах отражены, парадоксально становятся для нас чем-то неправдоподобным, нереальным. Зритель-

ный опыт приходит в противоречие с сюжетным сообщением: мы сталкиваемся с необходимостью не верить своим глазам, но при этом не верить им не можем. Глядя на мертвого Христа, мы должны совершить визуальное и когнитивное усилие, чтобы представить себе Его воскресение; глядя на проникнутый вечерним покоем пейзаж, мы можем, конечно, принять в качестве допущения, но не способны вообразить кровавую (в самом непосредственном значении) развязку любовной коллизии. В результате возникает впечатление, что время картин «зависает»: до тех пор, пока мы смотрим на них, наступление будущего отсрочивается.

Прямая связь между особой конструкцией живописного пространства и проблемой с развертыванием времени, прослеживающаяся и в прозе Достоевского, и послужила, по всей вероятности, глубинной причиной столь пристального интереса Достоевского к двум обсуждаемым картинам. Но в этой статье мы сосредоточимся на более узкой теме и присмотримся к тому, насколько в экфрасисах подхватывается художническая интенция их источников. И для начала вспомним о том, что на роль авторов экфрасисов Достоевский назначил трех героев, которые на металитературном, идеологическом уровне были для него явными оппонентами (в разных отношениях). Картину Гольбейна подробно пересказывает Ипполит; пейзаж Лоррена — Ставрогин (в ненапечатанной главе «У Тихона»), а затем почти теми же словами, но в чуть расширенном варианте — Версиров. Уже сам выбор доверенных лиц (не раз комментировавшийся — ср.: [11; 145]) задает семантическую рамку, изолирующую пересказы, не позволяющую воспринимать их как непосредственный элемент авторского кругозора. Но во всех трех случаях это еще и удвоенная нарративная рамка. Экфрасисы Ипполита и Ставрогина — фрагмент написанных героями исповедей; экфрасис Версирова — часть диалога героя с Аркадием, который потом несколько раз прямо назовет их разговор «исповедью» своего отца (а в подготовительных материалах к роману это слово не раз произносят и Автор, и сам Версиров). Тем самым экфрасисы, являющиеся по своей жанровой сути текстами в тексте, обретают биографическое измерение. Они превращаются в факт самосознания героев, которые, решаясь в той или иной форме инсценировать исповеди, оглядываются на свою жизнь либо напоследок, либо перед какими-то задуманными поворотными событиями (как герои предполагают). Но как раз поэтому финальный характер исповедальных акций (вместе с экфрасисами в их составе) отличается двойственностью: пока они длятся, будущее, требующее от героев совершения необратимых поступков, не наступает. И подобное сочетание приближения развязки и ее откладывания само по себе может рассматриваться как повествовательный эквивалент того отсрочивания времени, которое разы-

грывается в картинах Гольбейна и Лоррена.

Близкая тенденция наблюдается (в различных разворотах) и при пересказе картин. Экфрасису Ипполита предшествует «аннотированное» описание той самой копии с полотна Гольбейна, которую герой увидел в доме Рогожина. Это описание принадлежит рассказчику (чья оптическая позиция во многом совпадает с позицией князя Мышкина, смотрящего на картину) и фиксирует общие очертания полотна и его место в плохо освещенном большом зале: «Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту» [12; 8. 181] (тексты Достоевского цит. с указанием источника, тома и страниц). Здесь значимы и акцент на «странном» контуре картины, и ее двусмысленное, на грани рискованного пространственного, метонимического каламбура положение над дверью, имеющей несомненные христологические коннотации: «Я есмь дверь...» и др. [Ин. 10, 1–9]. Обещание выхода из мрака-смерти плохо соотносится с обликом Того, чей образ запечатлен на холсте Гольбейна. Впрочем, несоответствие это текстом не афишируется: оно прояснится лишь в экфрасисе Ипполита. Рассказчик довольствуется словами, что картина «...изображала Спасителя, только что снятого со креста» [12; 8. 181]. Для того чтобы уловить смысловую сомнительность выбранного для полотна места, читатель должен был бы сам, опираясь на контекстуальные знания, визуализировать изображение, к которому отсылает эта уклончивая констатация, сообщающая одно — то, что Христос на картине был «только что» снят с креста.

В полноформатном экфрасисе Ипполита воспроизводится почти все, фигурирующее в этой предварительной, рамочной информации, за исключением упоминания о необычных размерах картины. Вместо того чтобы сказать о ее «странной форме», Ипполит сразу — и опять же метонимически — перейдет к разъяснению причин «странного беспокойства», которое вызвало в нем то, что в эту форму заключено. В исповеди героя есть один характерный сигнал, копирующий речь рассказчика, как если бы Ипполит подслушал ее: «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста» [12; 8. 338]. А через несколько строк вторая половина этой неявной цитаты превратится уже в цитату цитаты, усиленную курсивным выделением: «...лицо человека, *только что* снятого со креста...» [12; 8. 339]. Двойной анафорический жест, возвращающий ближайшим образом к только что произнесенному тексту самого героя, а затем — к удаленному более чем на сто пятьдесят страниц тексту рассказчика, смещает нас по оси повествования в сторону прошлого, дублируя на нарративном уровне то, что в этих трижды повторенных словах относится к плану содержания экфрасисов.

Так вот, и рассказчик, и Ипполит настаивают

на том (как не раз отмечалось, вопреки всякой действительности), что Христос на полотне Гольбейна имеет вид человека, которого совсем недавно покинула жизнь. В экфрасисе Ипполита это получает развернутое описание; достаточно продолжить вторую из приведенных реплик — о лице Господа: «...то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело заостреться, так что на лице умершего даже проглядывает страдание, как будто бы еще и теперь им ощущаемое...» [12; 8. 339]. Под влиянием воображения героя Христос на картине почти оживает, но — в Его состоянии до Креста. Ретроспекция вытесняет проспекцию. Пасхальная история сдвигается к ее началу, прекращая быть движущимся к своему исполнению предчувствием воскресения, восстания Христа из гроба. И герой, идентифицируя себя с теми, кто окружал Господа, задается вопросом, в котором явно выражает себя то, что и обращает время вспять, — страх перед будущим, перед кажущейся неодолимостью природы и смерти. Ипполит вопрошает: «...если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели <...> все веровавшие в Него и обожавшие Его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик воскреснет?» [12; 8. 339]. Больше того, в исповеди можно отыскать и следы скрытого впечатления от сдавливающих очертаний картины. При взгляде на нее природа начинает «мерещиться» Ипполиту в разных видах, центральный из которых — чудовищная машина, которая «бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя» существо Христа [12; 8. 339]. Гроб на полотне оказывается чем-то вроде портативной модели такой машины, ее мертвого чрева.

По-своему ориентированы на структуру пространства-времени живописного оригинала и «лорреновские» экфрасисы. И Ставрогин, и Версиров как будто бы проходят мимо сюжетной двусмысленности картины. Для них это ничем не омраченное запечатление «золотого века». Оптическая структура полотна, призывающая зрителя совершить идиллическую прогулку по его пространству, отражается уже в дискурсивной форме подачи экфрасисов. В обоих случаях пейзаж Лоррена героям приснится, и оба раза при этом будет уточнено — «...но не как картина, а как будто какая-то быль» [12; 11. 21; 13. 375]. Сон осуществляет визуальное желание, позволяя очутиться внутри картины, в изображенной реальности, ассоциирующейся у героев с прекрасным и счастливым уголком Греческого архипелага древних, изначальных времен. Подобное же манящее направление получает в описании увиденного и главенствующая ландшафтная перспектива: «...волшебная панорама вдаль, заходящее зовущее солнце...» [12; 11. 21; 13. 375]. И к этому добавляется еще (особенно в варианте Версирова) акцент на неотчуждаемом характере «лорреновского» мира, на отсутствии границ,

отделяющих человеческое от божественного и природного: «Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... <...> Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей...» [12; 13. 375]. (В сновидении Ставрогина теологическое измерение многозначительно отсутствует.)

Идеальность этого мира подрывается, однако, тем, что рисуется он в экфрасисах как нечто безвозвратно утраченное — как «колыбель», как «первый день» европейского человечества. И этот вектор неявно прослеживается даже на повествовательном уровне: в исповедях обоих героев перед нами не настоящее время сновидения, а прошедшее время пересказа приснившегося. Больше того, «золотой век» прямо оценивается в итоге как то, что в действительности едва ли существовало: это «высокое заблуждение», «мечта самая невероятная» [12; 13. 375]. Достоевский в типичном для него дисперсионном ключе строит текст героев так, что сначала нам предъявляется нечто в качестве реально бывшего (пусть и три тысячи лет назад), а потом истинность этого ставится под вопрос ([13], [14]). Деавуируется и содержание сновидения как таковое. Изобразительная часть экфрасиса Версилова начинается с констатации, которой завершается описание картины у Ставрогина: «...я не знаю, что мне именно снилось...» [12; 11. 21; 13. 375]. Разоблачение увиденного героями во сне разворачивается в два эшелона, почти как в стихотворении Я. П. Полонского «Колокольчик», которое цитируется и обсуждается в романе «Униженные и оскорбленные»: «За окошком растет только вишня одна, / Да и та за промерзлым стеклом не видна / И, быть может, погибла давно» [12; 3. 228]. Утверждение о том, что за окном растет вишня, колеблется ее недоступностью для взгляда, а затем окончательно снимается предположением о гибели (да еще и давней) одинокого дерева.

Иначе говоря, сама логика повествования в экфрасисах Ставрогина и Версилова бросает тень сомнения на лорреновский пейзаж, оказывающийся не просто образом исчезнувшего райского мира, но чем-то не вполне подлинным — обманкой, имитацией начала, которого, вероятно, и не было вовсе. Визуальный — сновидческий — опыт встречи с «золотым веком» опровергается, смещается актом рассказывания. Но кульминацией отрицания этого опыта является переход от экфрасистического сна к пробуждению. Оба героя просыпаются вечером, в слезах счастья, под лучами закатывающегося солнца, и такое перетекание сна в явь готовит двусмысленный эффект. С одной стороны, он держится на подчеркнутым контрасте (который, начиная с известной статьи С. Н. Дурылина, обычно и отмечается: [15; 182]). Ставрогину привидится обещанная им Матреша. А Версилу откроется истина апокалиптического масштаба: «...это заходящее солнце первого дня

европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества!» [12; 13. 375]. И сразу после этого Версиров дважды упомянет Тюильри. Тепло и свет солнца, осенявшие идиллический ландшафт, обернутся пламенем, который уничтожил подожженный коммунарами дворец (сон героя приурочен в романе к дням Парижской коммуны). С другой стороны, однако, такой данный «наплывом» переход от сна к яви создает впечатление неизбежности, неотвратимости подобного превращения, как если бы в воображаемом начале уже был заключен противоположный ему конец. И это вплотную подводит нас к особой, парадоксальной конструкции времени, которая как раз и кроется за такой амбивалентностью и которая получает изощренное развитие в «Подростке».

Через несколько страниц после завершения экфрасиса Версиров расскажет о своих «фантастических» теологических идеях, и Аркадий, документируя их, симптоматично использует художническую фразеологию: «...несколько штрихов странной картины, которую я успел-таки от него выманить, я здесь приведу» [12; 13. 378]. Эта «странная картина» — изображение атеистического, лишённого Бога земного рая, который должен наступить в будущем — после окончания существующей разрушительной смуты. Рисуя свою «картину», Версиров сравнит ее с лорреновским пейзажем, и такое сопоставление приведет к дальнейшему рассеиванию смысла. О судьбе грядущих людей, которые самозабвенной любовью друг к другу будут стремиться восполнить свое «великое сиротство», герой выразится так: «...великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества» [12; 13. 378]. Странностей тут и на самом деле много, и ключевая из них в том, что Версиров повторит знакомую нам формулу «последний день» теперь уже применительно не к настоящему, а к будущему (запомним, впрочем, это характерное «как бы»). Современность обращается в «предпоследний» день и тем самым отодвигается по направлению к прошлому, семантически смешиваясь с ним. Отсюда те менее заметные, но не менее колоритные рассогласования, которые наблюдаются в речи Версирова. Солнце в ней — эквивалент Бога, и хотя это традиционное метафорическое сближение, оно плохо вяжется с языческими приметами «золотого века» и никак не сочетается с его счастливой, безмятежной цикличностью. Уход Бога — событие однократное, и в такой перспективе солнечный закат в «лорреновском» экфрасисе неожиданно обретает задним числом не свойственную ему траурную безнадежность — след современности, с ее утверждающимся гибельным атеизмом. В подготовительных материалах к роману подобный стык подается

особенно неприкрыто: «Я не мог не признать, конечно, что атеизм грядет в мир. Но я с грустью смотрел на закат прежнего солнца» [12; 16. 431].

Настоящее как таковое выпадает из расклада времен. Именно поэтому атеистическая антиутопия Версилова и соотносится напрямую со смещенным, помеченным печатью современности вариантом мифической райской идиллии, оказываясь чем-то вроде второго, сокращенного ее издания, в котором нет уже ни богов, ни Бога. Переход от экфрастического сна героя к яви влечет за собой, в конечном счете, не пробуждение в настоящем (служащим лишь транзитным пунктом), а погружение в «фантазию» о будущем. Это движение от не вполне реального к еще менее реальному, от имитации начала к имитации такой имитации, к еще одной попытке воплощения «золотого века», которое мыслится как последнее. Но самое любопытное, что «картина» Версилова на этом отнюдь не заканчивается. Ее замыкает постскрипtum: «...я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, „Христа на Балтийском море“ <...> И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [12; 13. 379]. Повторение «золотого века» вызывает необходимость и в новом, искупающем забвение Бога пришествии Христа, которое определяется опять-таки как последнее.

Все это сериальное умножение событий вынуждает усомниться в том, что «последний день» в таком мире возможен в принципе. Каждый раз «последний» день оборачивается предпоследним, «как бы последним». В подготовительных материалах к исповеди Версилова нарушение нормального хода времени зримо обнаруживается и в семантическом разбросе, и в хаотическом порядке появления в рукописи тех контекстов, которые непосредственно связаны с пейзажем Лоррена, на глазах утрачивающем какую бы то ни было внятную историческую референцию. Здесь есть и отсылки к прошлому: «Клод Лоррен. Начало европейского человечества» [12; 16. 425]; и отсылки к настоящему: «Клод Лоррен и описание грусти. Я знал, что это должно погибнуть» [12; 16. 417]; и отсылки к будущему (в тексте «опережающему» настоящее на несколько строк): «Клод Лоррен после атеизма» [12; 16. 417]; и комбинированные, нечеткие версии: «Сначала Клод Лоррен — всё пройдет... <...> Потом атеизм» [12; 16. 428]. Воспоминание о картине Лоррена точно растормаживает время, заставляя его пробегать весь спектр своих состояний.

Особенно интересно в рукописных материалах одно из толкований лорреновского заходящего солнца: «У Клода Лоррена закат — загадка и тайна. // Мне же приснилось, что уже тайна выполнена» [12; 16. 427]. Анонс возможной реплики Версилова не отличается ясностью, однако явно вступает в противоречие и с содержанием экфрастического сна героя (где как будто бы никаких загадок и тайн

не фигурирует), и с тем двойственным пониманием заката, с которым мы уже сталкивались. Это не идиллическое обещание блаженной неизменности и не эмблематическое выражение преходящести, обреченности того мира, который знал если не о Боге, то хотя бы о богах. Это некое загадочное пророчество, о котором ничего невозможно сказать, кроме того, что оно еще не сбылось, и которое размыкает время картины в неопределенное будущее. Правда, уже следующий фрагмент рукописи выглядит как прямая подсказка: «Атеизм — великое сиротство, нет бога, прижиматься... <...> // Если б отняли бога и всех богов. // Обожание человечества вместо бога. // Великая тайна совершилась, явление Христа» [12; 16. 427]. И если принять эту логику, то тайна, скрытая в лорреновском пейзаже, — не уход Бога, а, напротив, Его обетование, ожидание, предчувствие.

Подсказка эта, однако, порождает новые, еще более запутанные проблемы, по отдельности нам отчасти знакомые. Судя по всему, только что приведенный фрагмент нужно рассматривать как набросок антиутопии Версилова, а следовательно, исполнение тайны — это второе, завершающее атеистическую эпоху пришествие Христа. Но в таком случае под вопросом оказывается первое Его явление. Когда герой говорит о несовпадении картины Лоррена и своего сна о ней, он подразумевает не различие между сменяющими друг друга мирами многобожия и единобожия, а то, что Христос каким-то образом присутствует в экфрастическом сновидении посреди идеальных античных декораций. Версиров, а вместе с ним и Достоевский словно не замечают фундаментальной оппозиции язычества и христианства, которая, помимо прочего, была значимым классификатором для литературы и культуры русского XIX века. И на этом расхождении с истиной не заканчиваются: главное несоответствие в том, что в экфрасисе Версилова вообще нет ни намека на Христа. Здесь снова дисперсионный эффект: нечто утверждается вопреки тому, что показано в тексте. В результате первое пришествие Христа лишь объявляется (да и то в подготовительных материалах к роману), а визуализируется второе, которое совершается уже не в языческие, а в атеистические времена и перетягивает на себя читательское внимание. Поэтому если и воспринимать картину Лоррена как живописное подобие четвертой эклоги Вергилия, то предсказывает эта картина у Достоевского фактически не рождение Христа, а сразу второе Его явление. Такой пропуск, такой сдвиг к будущему вызван, очевидно, эсхатологическим стремлением в один шаг, скачком приблизиться к окончательному, последнему событию, исчерпывающему ход истории. Но, как мы уже могли убедиться, преодолеть сериальность не удастся: последнее всякий

раз оказывается не более чем «как бы последним». И неканонический сценарий второго пришествия, которое совершается не по правилам, с оглядкой не на священные тексты, а на Гейне, только поддерживает это представление.

Одним словом, «лорреновский» экфрасис у Достоевского не позволяет утвердиться в настоящем времени созерцания, увлекая за свои пределы и беспорядочно смешивая времена, но так, что в итоге все-таки вырисовывается магистральная тенденция, нацеленная на будущее, которое непрерывно отступает вперед. Причем такое отступление сопровождается умножением, копированием или, вернее, варьированием (вплоть до инверсии) однажды случившегося, которое не в силах обрести окончательную форму. Как нетрудно заметить, перед нами то же самое отсрочивание будущего, которое мы наблюдали в действии при анализе «гольбейновского» экфрасиса, с тем, однако, отличием, что там будущее, напротив, столь же неуклонно отступало назад. Векторы нейтрализации будущего тут противонаправленные. Знаменательно, что и запускаются соответствующие механизмы (так или иначе) двумя симметричными событиями — воскресением Христа и Его вторым пришествием. И оба раза будущее как бы не рискует приблизиться к чуду, к преобразению реальности. Но более общая гипотеза, которая напрашивается в заключение, возвращает нас к тому, с чего мы начали — с обнаружения непосредственной связи между конструкцией пространства и «зависанием» времени, одинаково свойственной полотнам Гольбейна и Лоррена. Так вот, в экфрасисах Достоевского проглядывает подобная же логика, только реализуется она в двух зеркально-противоположных версиях, что возможно напрямую соотнести с полярной геометрией картин. Можно сказать, что при их пересказе клаустрофобное пространство не выпускает будущее из себя, а панорамное пространство впускает его в себя слишком много, не давая ему тем самым найти какое бы то ни было устойчивое обличье. Добавим, что в прозе Достоевского два этих типа пространства (у писателя особо отмеченных) и вообще сопряжены с двумя разными способами отсрочивания будущего. Но, при любом раскладе, в фокусе у Достоевского остается именно эта сдвоенная интенция — тоска по грядущему и страх перед ее утолением, ставящим ложную точку, обращающим грядущее лишь в новое настоящее и отбрасывающим время назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев Д. В. Дескриптивный и нарративный аспекты экфрасиса («Мертвый Христос» Гольбейна–Достоевского и «Сикстинская мадонна» Рафаэля–Жуковского) / Д. В. Токарев // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 61–104.
2. Перлина Н. М. Тексты-картины и экфразисы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Н. М. Перлина. — СПб.: Алетейя, 2017. — 299 с.
3. Marek K. Der Leichnam als Bild — der Leichnam im Bild. «Der Leichnam Christi im Grabe» von Hans Holbein d. J. und seine modernen Derivate / K. Marek // Die neue Sichtbarkeit des Todes. — München: Wilhelm Fink Verlag, 2007. — S. 275–314.
4. Marek K. Zwischen Verehrung und Ekel. Die Ambiguität des toten Christus als bildliche Rhetorik bei Holbein d.J. / K. Marek // Erosionen der Rhetorik? Strategien der Ambiguität in den Künsten der Frühen Neuzeit. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. — S. 61–80.
5. Lagerlöf M. R. Ideal landscape: Annibale Carracci, Nicolas Poussin, and Claude Lorrain / M. R. Lagerlöf. — New Haven: Yale University Press, 1990. — 247 pp.
6. Pace C. «The Golden Age... The First and Last Days of Mankind»: Claude Lorrain and Classical Pastoral, with Special Emphasis on Themes from Ovid's «Metamorphoses» / C. Pace // *Artibus et Historiae*. — 2002. Vol. 23, № 46. — pp. 127–156.
7. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия / Ю. Кристева. — М.: Когито-Центр, 2010. — 276 с.
8. Prater A. Scharf gestellt: Altbekanntes neu gesehen. Zwischen Grabesruhe und Auferstehung. Holbeins «Christus im Grab» neu gesehen (I) / A. Prater // *Kunstchronik*. 71. Jahrgang. — 2018, Heft 1. — S. 22–35.
9. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский / В. Н. Захаров. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
10. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двухсоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского / Т. А. Касаткина. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 528 с.
11. Wasiolek E. Dostoevsky: The Major Fiction / E. Wasiolek. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1964. — 255 pp.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 томах / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1972–1990.
13. Фаустов А. А. О повествовательной дисперсии: роман Ф. М. Достоевского «Идиот» / А. А. Фаустов // *Культура и текст*. — 2019. № 4 (39). — С. 6–21.
14. Фаустов А. А. Повествование и время в прозе Достоевского. Ч. 1: Механизмы ретроспекции в романе «Идиот» / А. А. Фаустов // *Вестник Московского государственного университета*. — Серия 9: Филология. — 2020. № 6. — С. 131–141.
15. Дурюлин С. Н. Об одном символе у Достоевского / С. Н. Дурюлин // *Достоевский*. — М.: ГАХН, 1928. — С. 163–198.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: aafaustov@list.ru

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of
the History and Typology of Russian and Foreign Literature
Department

E-mail: aafaustov@list.ru

«НЕ В ПОСЛЕДНИЙ ЛИ ПОХОД?..» (ВОЙНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. ТВАРДОВСКОГО)

В. М. Акаткин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается своеобразие художественного мира А. Твардовского, особенности преображения реалий Великой Отечественной войны, а также их осмысление в дневниках и письмах, в поэзии и прозе, попытки осознания войны как повторяющегося, трагического состояния человеческой жизни.

Ключевые слова: война, победа, поражения, реванш, кампания, поход, враг, противник, подвиг, память, гуманизм, слово, поэзия, проза и др.

Abstract: the article is devoted to the originality of A. Tvardovsky's artistic world, the transformation peculiarities of the Great Patriotic War realities, as well as their understanding in diaries and letters, in poetry and prose, attempts to understand the war as a recurring, tragic state of human life.

Keywords: war, victory, defeat, revenge, campaign, military expedition, enemy, antagonist, feat, memory, humanism, word, poetry, prose, etc.

В 1943 году Илья Эренбург, оглядываясь на Первую мировую, писал: «В 1914–1917 гг. в Европе не было ни одного человека, который не клялся бы, что эта война была последней. Теперь же нет ни одного сумасшедшего в Европе, который бы сказал, что эта будет последней» [1, 96]. Звучит дискуссионно, потому что о Первой и Второй войне говорили разное. Во время Первой мировой, пишет М. Геллер, царило возмущение жестокостью немцев, отсюда возникает решимость воевать с ними до победы. И эта война «станет последней битвой, обеспечивающей вечный мир» [2, 604].

После Второй мировой, пишет П. Жилин, «казалось, что завоеванный в многотрудной борьбе мир навсегда утвердился на нашей планете. Но ход исторических событий не оправдал чаяния народов» [3, 165]. Сказано так, будто война и чаяния — отдельные, не взаимосвязанные, не исходящие из одного источника стихии. Война и в XXI веке остаётся «вопросом всех вопросов», какой-то тайной, не поддающейся разгадке. И не потому только, что тайны войны разгадывают противостоящие стороны конфликта. Суть дела в «неоднозначности восприятия самого существа войны, особенностей её социально-психологической природы» [4, 239–240]. Для одного народа война — это завоевания, обретения, победа, героика, слава, для другого — поражения, потери, страдания, скорбь и слезы. Правда, они нередко меняются местами даже в ходе одного столкновения...

Вторая мировая (а для нас Великая Отечественная) еще и сегодня не остыла в сознании людей, даже знающих о ней по книгам и фильмам. Поэтому рито-

рическим кажется вопрос Г. Хаузера «Надо ли до сих пор писать о войне?» Надо, отвечает он, ибо «кто же еще в недалеком будущем сможет рассказать об эпохе — будем надеяться — последней мировой войны, как не те, кто выстрадал ее, кто принимал в ней участие на стороне правды» [5, 146]. Заметим, что в последние годы о войне больше пишут те, кто не видит нас «на стороне правды». А нам верится, что, победно завершив войну, мы исполнили свой долг, совершили праведное дело, после которого воевать не придется. «Мы полагали тогда, — вспоминает А. Ананьев, — что наша война была последней» [6, 115]. С ним солидарен фронтовик А. Генатулин: «Тогда нам казалось, что мы пережили последнюю войну человечества, что мир наступил на века» и что наша Победа в 1945-м завершила историю войн [7, 118].

Дописывая победительную главу своего «Василия Теркина» в Восточной Пруссии, Твардовский тоже надеялся, что скоро пробьет судный час над врагом и будет вынесен приговор войне. Однако исторический опыт народа окрасил его надежду вопросительной интонацией.

И за всю войну впервые
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.
С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?

И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет [8, 324].

Отчего эта слеза? От радости победы? От предчувствия новых тягостных испытаний? Неужели зря рвал он жилы и проливал кровь, чтобы навсегда покончить с войнами? В поэме «Теркин на том свете» наш герой, попав в загробное царство после тяжелого ранения, оглядывает вместе с погибшим ранее товарищем военный отдел, где собраны и учтены жертвы всех войн.

И в своем строю лежачем
Им предстал сплошной грядой
Тот Отдел, что обозначен
Был армейскою звездой.

Лица воинов спокойны,
Точно видят в вечном сне,
Что, какие были войны,
Все вместились в их войне.

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле [9, 350–351].

Для них, да, последняя, к тому же во сне, в котором всё бывает. А вот для оставшихся в живых? В приведенных строфах из поэмы Твардовского эта мысль (или надежда) о последней войне является либо сквозь солдатскую слезу, либо в мертвом сне: по-настоящему твердой уверенности в том, что так и будет, нет: это только «мнится»...

В 40–50-х годах широко заявленная тема борьбы за мир оборачивается подготовкой к новой войне, попирающей «жестокую память» о недавно отгремевшей. Но для поэта, посвятившего свой любимый труд «Павшим памяти священной», это лежащий строй погибших воинов должен встать неодолимой преградой перед милитаристскими затеями.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война [10, 53].

Послевоенный мир, о котором так мечталось в тылу и на фронте, явился за опавшими салютами неприветливым и суровым, он «полон сдавленной тревоги, беды, что очереди ждет». Всего-то через пять лет, как зачихали горячие стволы орудий, вдруг вновь «глухая слышится пальба».

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы [11, 213].

Почему же опять и опять «живой душе война грозит»? Ведь общий враг народов повержен, откуда же снова раздается «чуждый жизни шаг»? Вопросы... вопросы...

Твардовский знал войну не по учебникам, не понаслышке: он был участником Западно-Белорусского похода, служил военным корреспондентом на финской и на Великой Отечественной. Финскую «незнаменитую» (это не означает прогулочную, безжертвенную) он запечатлел несколькими стихотворениями и дневниковыми записями «С Карельского перешейка», изданными 30 лет спустя, в 1969 году. О Великой Отечественной он думал и писал всю жизнь как о народном бедствии и подвиге «ради жизни на земле», придав этому подвигу простоту и величие эпоса и задушевность лирики. В обеих этих войнах он находил много общего и считал их одной войной, а в «Книге про бойца» нашли свое место некоторые главы и строки, написанные ещё на финской. По характеру боёв, мощи огня и множеству жертв Твардовский понимал, в каком направлении движутся войны. Вот одна из картинок северного фронта: «По Выборгскому направлению уцелевшие дома — редкость. Трубы, трубы с печами на огнищах... занесенных снегом... А мимо несутся машины, гремят и повизгивают гусеницы танков и тракторов, скрипят сани на буксире у грузовиков.

Все время... было такое ощущение, что нечто громадное и необычное еще впереди, что еще будет, будет всего. То едут какие-то невероятные пушки, каких и артиллеристы не все видели, то какие-то приспособления, щиты, бронесани, то еще чёрт знает что пододвигается, подтягивается силой несчетного, несметного количества моторов...» [12, 180]. Тогда для Твардовского эти картины были в новинку, и он непроизвольно ими восхищался: «Страшно и радостно было ощущать эту ни с чем не сравнимую силу техники, моторов, механизмов, металла, ринувшуюся в снега, в леса, все преодолевающую — не легко, нет! — но непреодолимо» [13, 199].

Трагический опыт Великой Отечественной, Хиросима и Нагасаки, Корея и Вьетнам призывали иные переживания, близкие к Апокалипсису.

В случае главной утопии,—
В Азии этой, в Европе ли,—
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той,— деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всей неоглядной красы...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...
15.III.— 1969 [13, 202]

При жизни поэта это стихотворение не было опубликовано, хотя «главная утопия» тут только пред-

полагается: «в случае». В прежних войнах не все веточки сжигал огонь, но детишек так же было жаль... В одном из лучших стихотворений о войне («В пути») Твардовский показывает встречу солдата и солдатки — бездомных, заброшенных бедой неизвестно куда, у женщины еще и двое детей. И каждый печётся не о себе: солдат — о жене и семье, а солдатка о муже, словно нет у них никаких болей и тягот. Нет здесь ни грохота танков и орудий, ни взрывов и пожаров, ни стонов и смертей, но всё равно властвует война.

Черна на небе туча,
Страшна беда-война.
Да бабья мочь живуча,
Тягуча, брат, она.
Не в шутку говорится —
На бабах все сейчас.
Осталось научиться
Рожать одним без вас.
Того и не хватало, —
Закончила она.
— Научитесь, пожалуй, —
Вздыхнул солдат, — война.

Потом добавил тише,
Куда-то глядя вдаль:
— Все ничего, детишек,
Детишек только жаль.

В огне, в огне полсвета,
Огнем горит закат,
Семья в дороге где-то,
В пути отец-солдат [14, 114–115].

Какою силой вырвало этих простых, добрых людей из-под родных крыш и бросило в жерло страшной войны? Все фронтовые годы Твардовский будет всматриваться в эту войну, пытаться распознать её, охватить сознанием и словом — всю, целиком, в её бесконечности и самых малых подробностях, в единках жизни и смерти, в бедах и победах.

В панорамном видении войны участвует всё им написанное и сказанное: стихотворения и поэмы, черновые наброски, «записи для себя», статьи, дневники и письма, выступления, так или иначе зафиксированные. Переключаясь между собой, порой имея разночтения, они представляют сложную, контрастную, но объемную и цельную картину эпохи и, конечно, облик ее выразителя и певца. Он тоже, как и воюющий народ, ходил в «свою атаку» на врага, он тоже совершал «свой подвиг», сражаясь стихом с мороком войны.

Как журналист и писатель, Твардовский работал в четырех фронтовых газетах: «Часовой Родины», «На страже Родины», «Красная Армия» и «Красноармейская правда». По собственному признанию, на войне он работал «как линотип», доходя порой до нервного истощения, до отвращения к писанию. Однако «на годы войны, — уточняет А. Кондратович, — падает

наибольшая “продуктивность” в работе поэта» [15, 180]. В самом деле, за пять фронтовых лет, не очень-то благоприятных для творчества, он написал третью часть всего созданного за 45! Война не отпускала его и в дни мира: «Лично я, наверное, во всю свою жизнь уже не смогу отойти от сурового и величественного, бесконечно разнообразного и так мало приоткрытого в литературе мира и событий, человеческого судеб, переживаний и впечатлений военного периода» [16].

«Человек на войне» звучит по существу трагически — как человек в горячей избе или в водоворотах половодья, ибо тут всегда под вопросом его жизнь. Броситься ему на помощь? Или занести в блокнотик непридуманную деталь? В горячке боя человек, писал Твардовский, «необыкновенно легко забывается. Убит, и всё» [12, 167]. Писатель-фронтовик В. Быков вспоминал: «В годы войны, когда человеческая жизнь нередко была средством к великой цели, не таким важным казалось имя человека, что упал рядом...» [17, 5]. Твардовский всеми силами души, всеми средствами, какие есть у поэта, старался преодолеть дистанцию между автором и героем, породнить их. Для него бойцы не «автоматы с автоматами», как говорил Эренбург о немцах, а люди «живые и теплые», друзья, братья, земляки, не казенные, кадровые воюющие, а «милые ребята», «стриженный народ», «желторотые юнцы», с трепетом сердца ожидающие своего часа в атаке, быть может, последнего: «Скольким из них чаще всего не возвратиться домой, ничего не рассказать... Помню, впервые испытал чувство прямо-таки нежности к этим людям. Впервые ощутил их как родных, дорогих мне лично людей... Мое место, в сущности, среди рядовых бойцов» [12, 155]. Твардовского коробило служебное, чиновничье отношение к солдату как к винтику, передаточному звену. Знавший его с конца 20-х годов С. Фиксин пишет о нем как о «настоящем знатоке деревни и ее людей... Перед тобой они встают как живые, с ними просто хочется поговорить, тебе кажется, что ты видел этих людей, встречался с ними. И вот талантливое перо художника снова сводит тебя с этими старыми знакомыми» [18]. Но как тогда попадало Твардовскому за таких героев, за Моргунку прежде всего... По выходе первых же глав «Василия Теркина» у него установилась прочная обратная связь с читателем-солдатом, о чём он сказал в интервью «Учительской газете»: «Отзывы о поэме от фронтовиков — самые ценные рецензии на мою работу» [19]. В поэме эти читатели увидели самих себя, обобщенно выраженных в образе Василия Теркина. В дневниках поэта они предстают многоликим обобщенным Иваном. В поисках для него ободряющего слова Твардовский писал: «А каких слов он стоит, этот человек! Иногда мне кажется, что если б у меня нашлись такие слова, то было бы полностью оправдано мое пребывание здесь и я мог бы с уверенностью сказать, что я воюю. А так нет-нет и защежит стыд перед теми, с кем ви-

жусь от времени до времени и покидаю их, спеша заключить в строчки полученное от них... О чём бы я ни думал, я вновь возвращаюсь к мысли о нем, об Иване, на плечи которого свалилась вся страшная тяжесть этой войны» [20, 23]. Необходимо сказать, что в этих словах — концептуальное ядро не только военного, но и всего творчества Твардовского.

Громаду войны, ее страшную тяжесть вынесет только человек-народ, Иван, или Теркин. В своеобразном поединке с ней оказывается и поэт. Во время финской войны он подчиняет всего себя, все свои помыслы и побуждения её ходу, нашим успехам или неудачам. Главное — ощущение великой трудности войны» [12, 156]. Но газетные стихи еще «не содержат в себе никаких следов пережитого или увиденного мною. А те, в которых хоть что-нибудь есть, начинаются с “На привале”» [12, 158. — первая глава будущего «Теркина»]. Почему же «никаких следов»? Да потому, что еще не целиком и полностью занят, поглощен войной. Нужно ещё какое-то внутреннее замыкание, озарение, творческое прикипание ко всему, что узнал и увидел. «Как-то пошел в умывальную, “гор.” — “хол.” и проч. — и вдруг приходит мне простая мысль: а ведь я вижу войну, настоящую войну, суровую и ожесточенную. Я же столько уже видел и слышал! Живем, пишем, болтаем, едим, замерзаем, пьем, едим и т.д. Но ею, войною, уже безвозвратно отрезана какая-то половина жизни, что-то навек закрылось. Сознание постарело» [12, 158]. Как после этого радоваться обыкновенной жизни, весне, утреннему морозцу? «И вдруг — мысль: а там, на фронте, ещё не кончено, ещё мы переваливаем через такие трудности, ещё — чёрт её знает что! Никакой весны. Война, а не весна. Стыдно, невозможно заниматься мечтами, воспоминаниями, собой» [12, 158].

Подобное состояние повторилось, когда он вернулся из Чистополя в Воронеж в феврале 1942 года, захватив с собой «тетрадку с финскими набросками “поэмы”» [20, 40]: «Тут еще совсем весеннее утро, чистый хороший Воронеж... А ранняя весна — самое мое щемящее время. А какая тут весна, когда война» [20, 40]. Война выдвигает требование «работать как можно лучше» [20, 41]. Побывав на передовой, он резко повышает моральные требования к себе: «Если не вести себя на этой войне, как следует, то и оставаться жить после незачем» [20, 51]. Он принимает решение «изменить “офицерский” образ жизни, работать всерьез, не отмахиваясь легкой газетчинкой, искать, пробовать...» [20, 58–59]. Эти поиски привели его к «Теркину», начатому еще на финской. Великая война мобилизовала его на великий замысел. «В самое трудное время я был там, где было очень нелегко. Сейчас я пишу и уверен, что это нужно, необходимо» [20, 68]. Полная поглощенность войной погружала его с головой в работу над «Теркиным». Он чувствовал: «Поэма нужна до зарезу. Все происходящее обязывает напрячь все силы, делать свой

“подвиг”» [20, 85]. Какая весна, какие побочные интересы, когда «все теперь в страшном повсеместном огне войны»? [20, 94].

Однако с первых шагов нашего отступления, даже возможной сдачи столицы он верил в нашу победу. Да, «здесь все совсем по-другому, это не Финляндия» [20, 12], где мы только наступали, где совсем другим был масштаб войны. Наш отход «будет, может быть, даже большим... но это путь к победе» [12, 13]. Несмотря на ожесточенное сопротивление врагу, наше бегство было столь стремительным, а потери столь огромными, что трудно было уложить все это в сознании: «Я томлюсь иногда, что грозное величие происходящего не могу взять в соответствующие слова» [20, 18]. Вместе с разбитыми частями Твардовскому едва удалось вырваться из окружения. «Не все мы вышли. Много осталось где-то в лесах, а то и в плену или убитыми и ранеными. Но ничего. Немцев побьем-таки, в этом я уверен, несмотря на все горькие и обидные вещи» [20, 20]. Откуда такая уверенность? Храбрится перед женой, не хочет ее огорчать? Не только. Это из глубины сознания, из исторического опыта, из народного инстинкта. Внешние успехи противника — это «уже не его воля, а воля неизбежности, толкающей его. Может быть, он вырвется и еще дальше, но все это ведет его только к концу» [20, 19].

Война — это пока стремительный «драп-кросс» до Воронежа, это потери родных и близких, страх, кровь, муки жажды и голода, неизвестности, позора и т.п. «Устал я немного не так физически, как душевно, — пишет он из Валук. — Но не поддаюсь и никогда не поддамся... Сейчас как раз та пора, когда нужно показать себя человеком» [20, 23–24]. Он ощутил себя известным и даже любимым поэтом в армии, чувствовал, что «действительно нужен людям, несущим все невероятные тяготы и испытания войны» [20, 26]. От этого ему «хочется писать теперь уже что-нибудь совсем хорошее» [20, 27]. Он сетует, что воронежские месяцы прошли «неполноценно, мелко, рассеянно»: «А под боком — война — всё та же — жестокая, трудная, стоящая столько жизней, столько страданий» [20, 41]. Войну Твардовский воспринимал как суровое требование к человеку мобилизоваться, или, как говорил А. М. Абрамов, «поставить себя на новый завод», для себя же он выбил как на камне: «Война всерьез, поэзия должна быть всерьез» [20, 65]. 20 апреля 1942 года Твардовского переводят приказом в Москву. Открывается «возможность выступить в большой печати, почувствовать настоящий уровень требований, делать что-то большее, чем здесь (в Воронеже. — В. А.), вообще ощутить себя в “ином качестве”» [20, 65]. Война отодвинулась в прошлое физически, но стала ближе в работе над большими замыслами — «Книгой про бойца» и «Домом у дороги». Он словно пересел из повозки в самолет — и скорость выше, и обзор шире, и многое видится

по-новому. Оглядываясь на работу в «Красной Армии», он пишет: «Мне сейчас понятно мое тяжелое настроение всех этих месяцев. Это было сознание того, что я делаю не то, не главное, не то, что должен делать именно я (как поэт. — В. А.). А сейчас у меня именно это чувство. Я пишу, как я хочу, и знаю, что без всякой дидактики штука эта будет очень нужна и полезна» [20, 84].

Но штука эта — «Василий Теркин» — оказалась такой же требовательной, как война, все помыслы, все радости, все огорчения, все мечты и трепеты души — только ей, и тогда она будет нужна людям. По положению на фронтах он чувствовал, что война не стала менее опасной и страшной, чем год назад: враг подступает к Волге, к Сталинграду, рвется на Кавказ, занял Воронеж. Как ответить словом на эту критическую ситуацию, чтобы не добавить мук, терзаний и паники? «Малейшие оттенки сводки Информбюро оказывают на меня самое прямое влияние... Писать сейчас, т.е. сочинять, страшно трудно. Трудно отвлечься от реальной гигантской картины войны, несущей нам покамест очень мало веселого, отвлечься и вызвать свой особый мир, в котором все это так или иначе должно быть облегчено, вернее, облагорожено...» [20, 100]. И мы понимаем, почему первая часть поэмы (отступательная), завершающаяся «Поединком», более светлая и балагуристая, чем третья (победительная). О «Поединке» Твардовский сказал: «Глава очень символическая, в то же время почти натуралистическая — как Теркин дерется врукопашную с немцем, долго, страшно... Факт этот, как все из жизни...» [20, 100–101]. За этой страшной дракой не просвечивает ли страшная битва на Волге? О ней он хорошо знал не только по сводкам Информбюро, но и по рассказам участников.

Самый важный вывод, какой можно сделать из признаний и решений Твардовского, наверно, такой: судьба поэта, характер его писаний неразрывно связаны с ходом войны, с судьбой страны. В русской литературе немало примеров «самой жгучей, самой смертной связи» с Родиной, с её дыханием и сердцебиением. И когда ей тяжело и больно, он не ищет виноватых, а все принимает на себя: «Дела на фронте трудные и грозные, время такое, что стыдно идти по улице в военной форме здоровому человеку. Нужно быть там, где самое трудное, а чем там поможешь?» [20, 88]. И он бросает на помощь фронту своего «Василия Теркина», первые главы которого появились в «Красноармейской правде» 4 сентября 1942 года. Помощь эта шла непрерывно до 12 мая 1943 года (20 глав!). В одном только сентябре 1942 года брошено на прорыв 9 глав, а до конца года еще 6! Работал ли кто-нибудь из фронтовых писателей с такой горячей интенсивностью?

Знарок военной литературы П. Топер назвал «Книгу про бойца» «веселой книгой». Да, согласился бы Твардовский, «случалось, врал для смеху, ни-

когда не лгал для лжи» [8, 327]. Доброму слову, как говорится, и собака рада, а уж солдату-окопнику оно втройне дороже.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей.

Чтобы радостью неожиданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь [8, 329].

Но доброе слово и веселость рождаются из противостояния злу и смерти, от которых Твардовский не отводит взгляда. В «Неурочной главе» он напомнил необстрелянным бойцам:

Друг-читатель, ты не дома,
Ты среди огня и грома [21].

Война так неохватна и тягостна, так смертоносна и разрушительна, так вездесуща, что от нее «некуда податься».

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда... [8, 234].

Война, словно огненно-пепельная туча, извергнутая Везувием, накрывает нашу землю, губя все живое. А каково солдату на поле боя под бомбежкой или артобстрелом?

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.
Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет [8, 228].

И всю жизнь, что была в памяти, отодвинула, заглушила грохочущая в перепонках смерть. Она разгуливает по всем главам поэмы, собирая обильный жертвенный урожай — погибших солдат.

Сколько их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет [8, 329].

Почитайте «Переправу», «На Днепре», «Бой в болоте», «Про солдата-сироту» — и веселость та покажется немыслимой, чудом, сотворенным подвигом поэта, как в сказке. Трижды повторенное тут «много» относится не только ко времени, но и к погибшим, умножая их число, как в «Переправе» троекратное «на дно»:

Густо было там народу —

Наших стриженных ребят... [8, 177].

Наверно, никто больше Твардовского не писал о страшных следах, какие оставляет за собой война, как она корежит, ломает, уродует, сжигает все на своем пути: «Сколько попорчено земли и леса — бомбами, окопами, блиндажами — тяжкими, рытыми следами войны. Никогда не зарыть всех этих ям с заплесневелыми кругляшами накатов и черной водой по самые края, всех этих противотанковых рвов, которые так и кажутся, что тянутся они с севера на восток рядами поперек всей страны — теперь уже до Волги» [20, 96]. В «Армейском сапожнике» (первоначальное название «Под праздник») подобные картины предстают в стиле народного плача как всеобщее горе земли и людей. Под праздником тут имелось в виду 25-летие Октябрьской революции.

Наломано столько железа,

Попорчено столько земли

И столько повалено леса,

Как будто столетья прошли.

А сколько разрушено крова,

Погублено жизни самой.

Иной — и живой и здоровый, —

Куда он вернется домой?

Найдет ли окошко родное,

Куда постучаться в ночи?

Все — прахом, все — пеплом-золою.

Сынишка сидит сиротой

С немецкой гармошкой губною

На чьей-то холодной печи.

Поник журавель у колодца,

И некому воду носить.

И что еще встретить придется —

Само не пройдет, не сотрется, —

За все это надо спросить... [8, 79–80].

Но, как сказано замерзающим на снегу Теркиным, «с войны не взыщешь Ни в каком уже суде» [8, 274]. Все молятся богу войны, все ей подчинено, все она пожирает без спроса, без разбора, даже уцелевший дом разламывает для своих оборонительных сооружений. Ржавую колючую проволоку в созревающей ржи Твардовский ощущает так, будто она протянута по его телу. А ведь все на земле и сама земля предназначены для жизни. «Нет мест, специально приспособленных, predetermined для войны. Докуда война ни дойдет, везде накорезит, нагородит свои тоскливые и страшные, хитроумные и бессмысленные сооружения» [20, 100].

При отступлении некогда было всматриваться в эти сооружения. Они — и наши, и вражеские — от-

крылись взгляду потом, в поездках на фронт, подо Ржев и далее, когда мы уже стали наступать. Картины увиделись страшные: размолоченные в щепку, в крошево или сожженные дома и подворья, голодные и холодные взрослые и дети, развороченные снарядами и бомбами окрестности, грязь, расхлябанные непроезжие дороги и т.п. С приближением к Смоленску видеть все это становилось невыносимее.

Встречу с родной землей Твардовский пережил так же горько и драматично, как смерть любимого сыночка Саши. «Никаких родных мест, никаких впечатлений, примет узнавания. Только война с ее характерными приметами и чертами, присущими ей всюду, где я ее видел...» [20, 175]. Более того, «не смог “на местности”, поросшей всякой дрянью запустения, найти место, где был наш двор и сад, где росли деревья, посаженные отцом и мною самим». Не нашел ничего, с чем «связано все лучшее, что есть во мне — поэтическая способность. Более того — это сам я как личность. Эта связь всегда была дорога для меня и даже томительна» [20, 176]. Там он нашел свою родительскую семью, устроил на Запольном в Смоленске, обеспечил продуктами, поселился на время с ними. И, конечно, многое узнал об их мытарствах после раскулачивания и во время войны, о судьбе отцовского «дома у дороги». Все это так или иначе отразилось на содержании и тональности его поэм и прозы. Вокруг — «повсеместное разорение и уродство» [20, 176], в семье «бедность, неустроенность тяжкая. И вместе с тем какая-то у всех... пассивность и спокойствие» [20, 177; 180]. Освобождение обнажило старые и новые проблемы, и Твардовский решает во второй части идти «стежкой иной», о чем он писал еще в октябре 1942 года: в ней «будут идти попеременно главы о войне и мирной жизни... будет уделено большое место миру, прежней жизни героя» [20, 110]. Не все живут одним днем, т.е. войной, «к тому же в поэме уже дано войны порядочно. Итак, вещь, не потеряв своего актуального военного смысла и звучания, будет сюжетно и всячески значительно расширена в сторону невоенной жизни» [20, 110]. Он, наверно, чувствовал, что ему как военному писателю, находящемуся на службе во фронтовой газете, вряд ли позволят подобное расширение. Поэтому заранее настраивает себя на сопротивление: «Я обязан работать так, как думаю сам, как подсказывает мне ум и чутьё и заставлять людей принимать это» [20, 110–111].

Структуру «Книги про бойца» он определил так: первая часть — отступление, «вторая — Смоленщина, третья — наступление. На этом можно будет (“без конца”) оборвать» [20, 113]. Именно на Смоленщине, «в самой гуще бед, несчастий и идиотизма “стариков” и всей семьи» [20, 183] он «принялся первым долгом кончать вторую поэму (“Дом у дороги”. — В. А.), т.к. я в ней врезаюсь в самую гущу вопросов, которые более всего занимают меня последнее вре-

мя, да и вообще» [20, 182]. Именно здесь он задумал повествование «Пан Твардовский» — об отце, о судьбе крестьянства, пьесу «Мужья и жены» — об окруженцах. Великий перелом и великая война сближаются в полосе его творческих поисков, все заметнее обретающих исторический характер: «Мысли — все о войне, о ее первом и последующих годах, о “полосах” её, о семье, в которой многое кажется... таким диким. А дело в том, что 13 лет они... жили жизнью мужицкого переселенческого табора. Опустились. Провожу суровые реформы» [20, 187; 190].

Рубеж 1943–1944 годов — самые трудные для него месяцы. «Настроения, мысли все исключительно грустные, как будто я уже совсем стар и ничего не успел» [20, 207]. «Теркин» не появляется в «Красноармейской правде» более года (с 12.5.43 по 23.5.44). В один «из самых тяжелых» дней (3 января 1944 г.) он набрасывает начало главы «Теркина на том свете», позднее не раз возвращаясь к ней, а в марте — «одну из ближайших “философских” глав “Кто воюет на войне”» [20, 213], близкую по духу «тому свету». Возникает мысль закончить «Теркина» без третьей части. Война уже шла как бы сама собой, уже не надо было воодушевлять кого-то, поднимать, согревать горячим словом в студеное холоде опасностей и бед, как при отступлении. После главы «Смерть и воин», — отмечает поэт, «что-то ушло, оборвалось где-то позади, когда всё с Тёркиным было естественно, необходимо. Похоже, что я остался с ним один, одному мне он интересен, одного меня занимает эта штука» [20, 215]. Он все более вникает в мирные заботы людей, все нетерпеливее ожидает конца войны, ибо она мешает жизни.

Война войной, а рожь течет,
А жить кому-то надо [20, 217].

В главе «На Днепре» мыслимая встреча героя с родным краем выливается в золотую песню любви и покаяния перед ним: «Ты прости, за что — не знаю, Только ты прости меня!..» [8, 301]. Знает: за то, что оставил его на все муки и унижения в плену, за все беды и страхи, обрушившиеся на людей, может быть, и за «великий перелом». В набросках, не вошедших в окончательный текст, автор называет эту встречу нежеланной.

В жизни воина дорожной
По случайности возможной
Завернуть в родимый край
Не желай.

Не желай. С тебя довольно.
Сыт, солдат. Душа полна.
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война.

Дым, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон,
Бедных беженцев тележки

Всюду есть — из горла вон.
...Что-то с ним такое стало,
Прохватило до души [20, 211–212].

Отсюда понятнее слезы героя, на веку которого две войны. И у автора тоже...

Выйти из кризиса, одолеть депрессию, дописать поэму автор обещает «на новом подъеме духа», ибо «не на каждой кочке я могу вдруг запеть» [20, 215; 225]. От войны уже «всеобщая усталость», «это перешло все нормы», «как будто нет и не может быть иной жизни».

День войны и месяц каждый
У меня гудит в костях.
Я у смерти не однажды
Побывал уже в гостях.

Побывал, назад вернулся,
Отставать — беда! — не смей.
На ходу переобулся
И опять туда, где смерть... [20, 231],

Не уйти от войны стремится поэт, а включить ее в более широкий замысел — война и жизнь. Ровно за год до Победы он задумывает «Поездку в Загорье» — «повесть не повесть, дневник не дневник, а нечто такое, в чем свяжутся три-четыре слоя разновременных впечатлений от детства до вступления на родные пепелища с войсками в 1943 г. и до нынешней весны...» [20, 220].

Однако вновь властно позвала война, началось величайшее наступление — операция «Багратион», напомнившее ему лето 1941 года. «Все как три года назад. И только — мы идем на запад и занимаем города. И мы долбим противника с неба и с земли, и окружаем, и пленим, и обгоняем — бьем — мы. Но топчем землю мы родную, и мы жестоки. А земля — она как будто постарела, как мать стареет вдруг от беды. Как мать от горя и беды. Ее цветенье — повторенье как будто мягче и смиренней. И все на свете ждет конца» [20, 234].

Твардовский, окрылённый успехами наступления, словно летает над фронтом, пишет «чего-то с жаром, как в первые дни войны, только по другой причине» [20, 236]. Он замечает, что мы и немцы поменялись местами, что мы теперь главные в войне, от нас зависит ее ход и результат. Но от этого война не перестает быть войной, т.е. разрушать, сжигать, убивать. В «Переправе» несчётно тонули наши, в главе «На Днепре» — «они».

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки... [8, 305].

Народ честной шутит над «беспорточным» немцем, сдающимся в плен, но Теркина это уже не веселит, у него нелегкая дума на душе.

И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек, —

Просто, больше знал и видел,
Потерял и уберег... [8, 305].

Твардовского окрыляло и радовало не только наступление, но больше всего близкий конец войны. Выход на государственную границу означал для него этот конец. Наше решительное наступление он переживает как дни «невероятного, душу потрясающего торжества армии и народа, торжества, которое хоть и не воскрешает убитых и замученных, но живым компенсирует за 41-й год, за всё» [20, 250]. Война как бы вернулась на круги своя, родная земля спасена и освобождена. Что же дальше? Новые жертвы и муки? Твардовский спешит к границе, но не переступает ее вплоть до конца января 1945 года. Почему? Загадка. В дни ликующего наступления вдруг появляется такая дневниковая запись: «Почему так устала душа ото всего и не хочется писать, надоела война?» [20, 251]. Она надоела Теркину, надоела народу, так дорого за нее заплатившему, истерзала всю душу поэта. У него «именно в последние месяцы перед победой со всей силой сказалось и отвращение к войне как состоянию для людей ненормальному, противоестественному», — пишут В. и О. Твардовские [22, 19]. Среди бойцов, особенно старших по возрасту, уже проявлялось «местническое» отношение к войне у границы. Любопытна запись в дневнике, сделанная ещё осенью 1942 года на ржевских рубежах. «На краю деревни Крутые рядом с пустыми немецкими окопчиками... на бревнышке сидит старуха, вяжет что-то. Уже больше двух недель, как здесь прошли наши... И ей уже кажется, что война кончилась, во всяком случае вступила в какой-то второстепенный этап — деревня Крутые освобождена, еще бы сыну вернуться с фронта, родне подсобиться из лесов и окрестных деревень и жизнь будет идти своим порядком здесь, вблизи от фронта...» [20, 104]. Наверно, так думали многие, проходя в наступлении через родные города и села, особенно у границы: страна очищена от врагов, значит и войне конец, пора домой, к семье и детям, к любимой работе. О том же мечтал и народный поэт, радуясь нашему успешному наступлению. Но война не отпускала. Наступал судный час войны, час возмездия над зачинщиками и злодеями за все, что они натворили на нашей земле.

Твардовский в грохочущих залпах Победы словно парит над землей, оглядывая с большой высоты произошедшую трагедию. Он весь поглощен подведением итогов своих трудов и дней на войне, он поднялся на новый уровень её понимания. Война как роковой феномен человеческой жизни, запечатленная в его стихах, дневниках и прозе, каждой строкой вызывает о том, чтобы она была последней, ибо ни одному народу она не в радость. Свой вывод он сделал ещё

в 1943 году: «Война не является постоянным состоянием человечества, война наша ведётся в перспективе для уничтожения войны, культ войны не наша идеология» [23, 214].

ЛИТЕРАТУРА

1. Эренбург И. О поэте Гудзенко / И. Эренбург // Литературное наследство. — М., 1966. — Т. 78. — Кн. 1.
2. Геллер М. Литература первой мировой войны / М. Геллер // История русской литературы. XX век. Серебряный век. — М., 1995.
3. Жилин П. А. Подвиг народа и уроки истории / П. А. Жилин // Октябрь. — 1985. — № 5.
4. Потапов Н. Портрет сражающегося народа / Н. Потапов // Октябрь. — 1985. — № 5.
5. Хаузер Г. Надо ли до сих пор писать о войне? / Г. Хаузер // Вопросы литературы. — 1970. — № 12.
6. Ананьев А. Давно и ... сегодня / А. Ананьев // Новый мир. — 1985. — № 5.
7. Генатулин А. Возвращение к победе / А. Генатулин // Новый мир. — 1985. — № 5.
8. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1977. — Т. 2.
9. Твардовский А. Василий Теркин. Книга про бойца. Теркин на том свете. Неизданное / А. Т. Твардовский. — М., 2010.
10. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1978. — Т. 3.
11. Там же.
12. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1978. — Т. 4.
13. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1978. — Т. 4.
14. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1977. — Т. 2.
15. Кондратович А. «Петь привыкший на войне...» (Об А. Т. Твардовском) / А. Кондратович // Оружием слова. — М., 1978.
16. Литературная газета. — 1947. — 22 февр.
17. Литературное обозрение. — 1985. — № 5.
18. Фиксин С. Стихи, рожденные на фронте / С. Фиксин // Большевицкий молодец. — 1940. — 10 окт.
19. Учительская газета. — 1943. — 21 апр.
20. Твардовский А. Военные годы. Часть первая. Дневники 1941–1945 / А. Т. Твардовский. — М., 2015.
21. Красноармейская правда. — 1943. — 13 марта. — № 63.
22. Твардовская В. А. Об этой книге / В. А. Твардовская, О. А. Твардовская // Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма 1941–1945. — М., 2005.
23. Твардовский А. Письмо В. Б. Александрову. 1943 г. // Цит. по: Романова Р. Александр Твардовский. Труды и дни. — М., 2006.

СБОРНИК КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ И. А. БУНИНА 1911–1953 ГГ. КАК НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ¹ ЧАСТЬ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СОСТАВ

А. В. Бакунцев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

С. Н. Морозов

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Emigrantica продолжается: памяти Олега Анатольевича Коростелева» (Москва, 22–23 марта 2021 г.). В статье описывается процесс подготовки к изданию сборника критических и публицистических произведений И. А. Бунина, посвященных литературе и революции и относящихся к 1911–1953 гг. Сборник должен стать результатом трехлетнего научно-исследовательского проекта, реализуемого авторами статьи по гранту РФФИ. В статье обосновывается актуальность и новизна сборника, рассказывается о его составе, структуре, принципах отбора материала и трудностях текстологического характера, с которыми столкнулись в своей работе исследователи.

Ключевые слова: И. А. Бунин, сборник, критика, публицистика, условно-нехудожественные произведения, научный проект.

Abstract: the article is based on the report read by the authors at the International Scientific Conference “Emigrantica continues: in Memory of Oleg Anatolyevich Korostelev” (Moscow, March 22–23, 2021). The article describes the process of preparing for the publication of a collection of critical and journalistic works by Russian writer Ivan Bunin devoted to the Literature and the Revolution and related to 1911–1953. The collection should be the result of a three-year research project implemented by the authors of the article under the Russian Foundation for Basic Research’s grant. The article substantiates the relevance and novelty of the collection, describes its composition, structure, principles of material selection and difficulties of a textology that researchers have encountered in their work.

Keywords: Ivan Bunin, collection, criticism, journalism, conditional non-fiction works, scientific project.

ВВЕДЕНИЕ

Книга, о которой пойдет речь в данной статье, пока еще существует только вчерне, ее допечатная подготовка не завершена. Работа над книгой протекает в рамках исследовательского проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и рассчитанного на три года (2019–2021). Цель этого проекта заключается в том, чтобы собрать под одной обложкой все выявленные на сегодня газетно-журнальные публикации, а также неопубликованные произведения И. А. Бунина, относящиеся к 1911–1953 гг. и посвященные литературному процессу в России, отдельным русским и зарубежным писателям, творившим в XIX — первой половине XX вв., а также событиям «великой русской революции» и Гражданской войны.

Соответственно проект озаглавлен следующим образом: «Подготовка книги “И. А. Бунин. О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет. 1911–1953 гг.”». Однако, скорее всего, заголовочный комплекс будет изменен (см. об этом во второй части нашей статьи). В то же время уже сейчас в книгу включено еще несколько категорий бунинских текстов, которые также принадлежат к условно-нехудожественному наследию писателя. Данным термином мы обозначаем всю совокупность произведений Бунина, которые, не имея явных признаков художественного вымысла, все-таки несут на себе печать присущего писателю художнического взгляда на действительность. К условно-нехудожественным произведениям мы относим бунинские журнальные обзоры, газетные корреспонденции, критические и общественно-политические статьи, заметки, речи, рецензии, мемуарные очерки, ответы на вопросы анкет, автобиографические заметки, предисловия к собственным книгам и книгам других авторов,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

дневники, записные книжки, письма в редакции газет и журналов².

Между тем в книге, которую мы готовим к печати, условно-нехудожественное наследие Бунина будет представлено далеко не в полном объеме: книга задумана как научное издание (сборник) зрелой критики и публицистики Бунина, притом посвященной исключительно темам литературы и революции. Именно этим обстоятельством объясняются как установленные нами хронологические рамки — 1911–1953 гг., — так и тот комплекс жанров, к которым принадлежат отобранные произведения: статьи, заметки, речи, рецензии, ответы на вопросы анкет, автобиографические заметки, предисловия, письма в редакции периодических изданий.

Еще одной важной особенностью готовящейся книги является то, что тексты включенных в ее состав произведений будут опубликованы по первоисточникам — автографам (в тех случаях, когда печатный источник текста отсутствует) и прижизненным публикациям.

Указанные критерии: хронологические рамки, жанровый состав, работа с первоисточниками — должны обеспечить нашему сборнику научную новизну, выделить его среди других изданий бунинской критики и публицистики. Таковых в последние годы было выпущено сравнительно много, однако их научная ценность весьма различна. К числу наиболее авторитетных изданий бунинской критики и публицистики мы отнесли бы следующие: Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1; *Бунин И. А.* Под серпом и молотом / сост., подгот. текста, предисл., коммент. С. П. Крыжичко. Лондон (Канада): Заря, 1975; 2-е изд. — 1982; *Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990; *Бунин И. А.* Великий дурман / сост., вступит. ст., примеч. О. Б. Василевской. М.: Совершенно секретно, 1997; *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998; 2-е изд. — 2000; *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 8 т. / сост., подгот. текстов, примеч. А. К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 2000. Т. 7, 8; *Бунин И. А.* Сочинения: «Ночь отречения» / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д. Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001.

Может возникнуть вопрос: зачем — при таком количестве книг, отображающих критико-публицистическое наследие Бунина, — издавать еще одну, с более-менее схожим составом и содержанием? От-

ветим на этот вопрос так: перечисленные издания, несмотря на свои очевидные достоинства и научную значимость, обладают рядом недостатков, главным из которых является недостаточно высокая степень текстологической подготовки. Например, в 84-м томе «Литературного наследства» бунинские рецензии 1911–1913 гг. для Санкт-Петербургской Академии наук напечатаны с ошибками, искажающими (пусть и незначительно) авторский текст. В «Публицистике 1918–1953 годов» есть тексты, которых, строго говоря, там быть не должно (это касается интервью писателя газете «Одесский листок» (1918) и парижскому еженедельнику «Иллюстрированная Россия» (1937)); есть тексты, чья жанровая принадлежность обозначена неверно (так, напечатанный в газете «Одесские новости» под заглавием «Страшные контрасты» (1918) ответ на анкету «Писатели о писателе», приуроченную к 200-летию И. С. Тургенева, представлен как статья); есть тексты, воспроизведенные не по первоисточникам (автографам или прижизненным публикациям), а по перепечаткам, притом не всегда должного качества (как, например, фрагмент № 2 «Из “Великого дурмана”», о котором подробнее будет сказано во второй части статьи).

Прибавим ко всему этому еще и недостаточную репрезентативность бунинского условно-нехудожественного наследия, представленного в отмеченных выше изданиях. Связано это с тем, что в 1970–2000-х гг. — т. е. в то время, когда был выявлен основной массив бунинских критико-публицистических произведений, — часть таких текстов по тем или иным причинам осталась вне поля зрения исследователей и публикаторов.

Впрочем, объективности ради надо сказать, что и сегодня сохраняется вероятность обнаружения ранее не известных бунинских текстов, в том числе условно-нехудожественных. Во всяком случае, за последние 20 лет исследователями был выявлен целый ряд подобных текстов — как опубликованных при жизни Бунина, так и никогда не публиковавшихся. Очевидно, что они нуждаются в скорейшем введении в научный оборот. Столь же очевидно и то, что уже не раз публиковавшиеся условно-нехудожественные произведения Бунина требуют новой, более строгой, текстологически выверенной републикации.

Этими двумя задачами обусловлена актуальность нашего сборника, призванного дать читательской аудитории (в том числе научной общественности) новое, более полное и точное представление о составе и содержании той части бунинского условно-нехудожественного наследия, которая носит критико-публицистический характер.

СУТЬ ПРОЕКТА

Проект, результатом которого должна стать книга критики и публицистики Бунина 1911–1953 гг., реализуется совместными усилиями сотрудников

² О. В. Скроботова в своей кандидатской диссертации называет этот комплекс произведений писателя «“внехудожественным” творчеством» [1], однако нам этот термин представляется не вполне корректным — по причинам, изложенным выше.

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Поначалу в состав научной группы входили три человека: А. В. Бакунцев (руководитель проекта), О. А. Коростелев и С. Н. Морозов. Но в разгар работы над будущим сборником, 20 марта 2020 г., О. А. Коростелев скоростижно скончался. В его лице мы потеряли не только одного из самых деятельных членов нашей группы (благодаря именно Олегу Анатольевичу мы располагаем значительной частью цифровых и ксерокопий бунинских критико-публицистических текстов, а его рекомендации, основанные на богатейшем опыте исследовательской и издательской деятельности, помогли нам сформировать состав и наметить структуру сборника), не только коллегу, но и друга. Нам пришлось на ходу перераспределить обязанности, принятые на себя участниками проекта, и по сей день мы работаем над книгой вдвоем. Тем не менее имя О. А. Коростелева будет стоять на титульном листе книги наряду с нашими именами, и сама она будет посвящена его памяти.

В начале работы над проектом был составлен план, которому научная группа следует неукоснительно, по необходимости внося в него те или иные коррективы (в том числе обусловленные как субъективными, так и объективными факторами — в частности, ограничениями, введенными из-за распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19). В итоге на сегодня сделано следующее.

В ходе масштабной поисковой работы в 10 российских и зарубежных библиотеках (в том числе в Российской государственной библиотеке (РГБ), Государственной публичной исторической библиотеке России, Центре социально-политической истории, Научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Библиотеке Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, Российской национальной библиотеке, Библиотеке РАН, Библиотеке международной современной документации (Париж — Нантер), Эстонской национальной библиотеке (Таллин), Латвийской национальной библиотеке (Рига)) были просмотрены подшивки 62 периодических изданий (в том числе ежедневных и однодневных газет, ежемесячных и толстых журналов) — как до-, так и пореволюционных.

Вместе с тем группой было принято решение дополнить корпус будущего сборника бунинской критики и публицистики: 1) автобиографическими материалами; 2) письмами в редакции периодических изданий; 3) предисловиями Бунина как к собственным книжным изданиям, так и к изданиям других авторов. В этой связи в круг источников бунинских публикаций за 1911–1953 гг. было включено 10 книжных изданий, в том числе Полное собрание сочинений писателя (Пг., 1915), его же авторский сборник

«Крик» (Берлин, 1921), биографический словарь под редакцией С. А. Венгерова «Русская литература XX века, 1890–1910» (М., 1916), книги А. В. Неклюдова «Старые портреты: Семейная летопись» (Париж, 1932), Ф. Мориака «Волчица» (в переводе Г. Н. Кузнецовой; Париж, 1938), А. П. Клягина «Страна возможностей необычайных» (Париж, 1947), А. Седых «Звездочеты с Босфора» (Нью-Йорк, 1948), Р. Б. Гуля «Конь рыжий» (Нью-Йорк, 1952).

Кроме того, в целях выявления бунинских автографов были изучены: в ГАРФ — личные фонды В. Л. Бурцева, П. Н. Милюкова, П. Б. Струве, а также фонды редакций газет «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Дни» (Берлин, Париж); в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и в Отделе рукописей ИМЛИ РАН — личные фонды Бунина; в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) — фонд Канцелярии II отделения (Отделения русского языка и словесности) Санкт-Петербургской Императорской Академии наук; в Русском архиве Лидса (РАЛ, Великобритания) — Бунинская коллекция; в Государственном историческом архиве Латвии — фонд редакции газеты «Сегодня» (Рига).

В результате было выявлено 303 условно-нехудожественных текста, принадлежащих перу Бунина, в том числе 164 оригинальные статьи и заметки, 37 ответов на вопросы анкет, 55 писем в редакцию, 7 автобиографических заметок, 6 рецензий, 6 речей, 6 предисловий и 22 прижизненные перепечатки. Все эти произведения (преимущественно публикации) были подвергнуты сканированию, а также фото- и ксерокопированию. Была также составлена аннотированная библиография выявленных текстов.

После тщательного анализа в состав сборника «И. А. Бунин. О литературе и революции» было решено включить 200 оригинальных текстов, в том числе 118 статей и заметок, 34 ответа на вопросы анкет, 25 писем в редакцию, 6 рецензий, 6 автобиографических заметок, 6 предисловий, 5 речей (о причинах столь жесткой «селекции» см. ниже). Преобладающая часть этих текстов (117 статей и заметок, 34 ответа на вопросы анкет, 25 писем в редакции, 4 автобиографические заметки, 3 рецензии, 3 речи) представляет собой публикации в до- и пореволюционной периодике; 4 текста (3 рецензии и 1 заметка) являются автографами; 10 текстов (6 предисловий, 2 автобиографические заметки, 2 речи) взяты из книжных изданий.

Отобранные для сборника тексты были переведены — отчасти вручную, отчасти автоматически — в машинописный вид (компьютерный набор), после чего группа осуществила их сверку с печатными и рукописными первоисточниками. Главную трудность на этом этапе представляла старая орфография: при сканировании и конвертации текстов в современное правописание возникли многочисленные словесные

искажения. Поэтому вычитке набранных текстов было уделено сугубое внимание.

Были определены базовые текстологические принципы опубликования указанных произведений и структура сборника (подробнее об этом см. во второй части данной статьи).

По цифровым копиям, полученным из СПбФ АРАН, полностью подготовлены для предстоящего издания автографы бунинских отзывов о художественных произведениях, представленных в 1911–1914 гг. на соискание Пушкинской премии и премии имени М. Н. Ахматова Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. В числе этих рецензий: «О сочинениях Городецкого» (1911), «1. Стихотворения Эдельвейса. 2. Н. Крашенинников. “Угасающая Башкирия”. “Мечты о жизни”. “Сказка любви”. “Барышни”» (1913), «Л. Жданов. Исторические поэмы. Э. Голландская. Рассказы, т. II» (1914). Каждый текст сопровождается археографическим описанием и научным комментарием, в котором, среди прочего, отмечаются ошибки, допущенные при первом опубликовании этих рецензий в 1-й книге 84-го тома «Литературного наследия» [2, 336–354].

Продолжается работа с текстами остальных критико-публицистических произведений Бунина о литературе и революции. Осуществлена их черновая подготовка, составлено — в зависимости от характера первоисточника (публикация или автограф) — текстологическое или археографическое описание каждого текста, составляются научный комментарий, текстологическая преамбула к нему, вступительная статья, словники для именного указателя и указателя периодических и непериодических изданий, упоминаемых в сборнике.

Кроме того, в результате фронтального просмотра до- и пореволюционной (в том числе советской и эмигрантской) периодики была составлена аннотированная библиография откликов (163 позиции) на ряд критико-публицистических произведений Бунина, вызвавших общественный резонанс. В числе таковых — речь на юбилее «Русских ведомостей» (1913), лекция «Великий дурман» (1919), речь «Миссия русской эмиграции» (1924), одна из статей цикла «Записная книжка», посвященная новой орфографии (1926), мемуарные очерки о наиболее заметных современниках писателя (1930–1950) и др. Эти отклики отображены в научном комментарии.

СОСТАВ СБОРНИКА И ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА

Как уже было сказано выше, в сборнике «И. А. Бунин. О литературе и революции» писатель будет представлен как зрелый критик и публицист.

Эстетические и общественно-политические воззрения Бунина начали формироваться еще в конце XIX в. и окончательно сложились к началу 1910-х гг.

Эстетическая позиция Бунина давала о себе знать как в художественном, так и в условно-нехудожественном творчестве — ведь он начинал свою литературную карьеру не только как поэт и прозаик, но и как журналист универсального типа, освоив в этом качестве самые разные газетные жанры — от корреспонденции до передовицы и театральной рецензии. Сам Бунин рассказывал, что с осени 1889 г. он «стал работать при “Орловском вестнике” <...> и был всем, чем придется, — и корректором, и передовиком, и театральным критиком», а затем, два года спустя, в Полтаве, будучи библиотекарем земской управы и сотрудником губернского Статистического бюро, «много корреспондировал в газеты о земских делах» [3, 12; см. также: 4].

В бунинской эстетике, как и в любой другой, есть «положительный» и «отрицательный» аспекты: под первым мы понимаем те художественные принципы, которым следовал сам писатель и которые он реализовывал в своем творчестве; под вторым — все то, что Бунину как художнику и одновременно читателю, зрителю, слушателю было чуждо, к чему он испытывал враждебность. «Положительная» эстетика как бы «растворена» в большей части произведений писателя, они ею пронизаны. С «отрицательной» эстетикой Бунина дело обстоит несколько иначе: сознательно он «выпячивал» ее только в своих критических статьях, рецензиях (в том числе внутренних — для Академии наук), ответах на вопросы анкет, автобиографических заметках, мемуарных очерках и лишь в немногих художественных текстах — таких, как рассказ «Старуха» (1916), повесть «Митина любовь» (1924), роман «Жизнь Арсеньева» (1927–1933), где зло и остроумно высмеивается эстетика радикального модернизма (декадентства, символизма, футуризма), а его адепты изображаются подчеркнуто карикатурно [см.: 5, 257–258; 6, 219–221, 291, 295; 7].

Бунинская политическая «платформа» до 1917 г. была менее очевидной, но тоже в той или иной мере обнаруживала себя в рассказах и повестях 1900–1910-х гг. — недаром критика судила о них не только с чисто эстетической, но и с этико-социальной точек зрения [см.: 8; 9]. Сам Бунин до революции, кажется, только однажды прямо заявил о своих тогдашних убеждениях — в 1912 г., в интервью газете «Голос Москвы»: «Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготею больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности» [10, 541].

Но если в дальнейшем, под влиянием известных событий, общественно-политические взгляды писателя кардинально изменились³, то эстетиче-

³ Эти изменения отразились и в бунинской публицистике 1918–1953 гг., и в художественном творчестве, причем как в *по*-, так и в *дореволюционном*: в эмиграции

ские — в целом остались незыблемыми. В то же время произошло своего рода «сращение» тех и других: так, Бунин в ряде своих не только условно-нехудожественных, но и художественных произведений пореволюционного периода напрямую связывал социально-политическую катастрофу в России с тем, что он считал «падением» русской литературы (и культуры в целом). По указанной причине разграничить в условно-нехудожественном наследии писателя критику и публицистику не всегда возможно: критические статьи, рецензии часто пронизаны острой публицистичностью, а публицистические тексты содержат в себе элементы литературной критики. Этим смещением жанровых признаков в немалой степени объясняется очевидное своеобразие бунинских условно-нехудожественных произведений.

Свою работу над сборником «И. А. Бунин. О литературе и революции» научная группа строит с учетом всех отмеченных фактов.

При формировании корпуса сборника группа сочла нецелесообразным включать в его состав следующие материалы: 1) опубликованные в газете «Возрождение» (Париж) в 1925 и 1927 гг. очерки («фельетоны»), объединенные общим заглавием «Окаянные дни»; 2) тексты, так или иначе связанные с книгой «Освобождение Толстого» (Париж, 1937) и являющиеся по преимуществу ее препринтами; 3) книгу «Воспоминания» (Париж, 1950); 4) прижизненные републикации статей и заметок; 5) интервью периодическим изданиям.

Решение не включать в сборник первоначальную, газетную версию «Окаянных дней» и напечатанные в эмигрантской периодике очерки о Л. Н. Толстом обусловлено в первую очередь планами Бунинской группы ИМЛИ РАН подготовить и выпустить «Окаянные дни» и «Освобождение Толстого» в виде отдельных научных изданий. В них и будут представлены эти публикации — для того, чтобы история текста обоих произведений была отображена максимально полно.

«Окаянные дни» не войдут в наш сборник еще по двум другим причинам.

Во-первых, в отличие от целого ряда исследователей (например, [11; 12; 13] и др.), мы не считаем «Окаянные дни» *публицистикой*. На наш взгляд, это скорее «синтетическое», художественно-публицистическое произведение, имеющее документальную (в том числе автобиографическую) основу [см.:

писатель существенно отредактировал ряд своих ранних произведений, имея целью не только усовершенствовать их стиль и композицию, но и внести коррективы в содержание. Одно из таких произведений — повесть «Деревня» (1910): в середине 1930-х гг., в пору работы над Собранием сочинений, которое было выпущено издательством «Петрополис» (Берлин), Бунин подверг текст «Деревни» особенно радикальной правке.

14; 15; 16; 17, 58–76]. Вместе с тем нам близка позиция К. Ошар и К. Эберт, которые считают «Окаянные дни» произведением по преимуществу художественным [18; 19]. Такой взгляд вполне согласуется с авторским восприятием этой книги. Например, в бунинском письме от 5 июля 1925 г. к П. Б. Струве содержится следующая характеристика «Окаянных дней»: «в них и беллетристика, и все прочее, нужное, *еще очень нужное для времени*» [20, 75]. А в письме от 10 мая 1936 г. к переводчику Б. Герне Бунин называет «Окаянные дни» «дневниками (характера главным образом художественного) под большевиками в Москве и Одессе» [21, 290].

Во-вторых, полноценный научный (реальный и историко-литературный) комментарий к этому произведению невозможен без специальной поисковой работы, предполагающей, в частности, обращение к газетным фондам Одесской национальной научной библиотеки (ОННБ), что при нынешних российско-украинских межгосударственных отношениях представляется весьма затруднительным, а то и вовсе не осуществимым. Единственную на сегодня попытку научной републикации одесской части «Окаянных дней» [22] можно считать удачной только отчасти — именно вследствие указанного обстоятельства. Так что научное издание полного текста «Окаянных дней» пока откладывается на неопределенный срок.

Впрочем, материалы газетных фондов ОННБ необходимы для написания реального комментария не только к «Окайным дням», но и к статьям, заметкам, ответам на вопросы анкет 1918–1920 гг., опубликованным в антибольшевистской одесской и в эмигрантской периодике. К числу этих условно-нехудожественных произведений, среди прочего, относится статья «Пресловутая свинья» (1920), текст которой определенно использовался Буниным при работе над «Окайными днями»: в обоих произведениях цитируются одни и те же публикации из советских газет, выходивших в Одессе в 1919 г. Часть этих публикаций (наряду с публикациями самого Бунина в антибольшевистской прессе 1918–1920 гг.) удалось скопировать еще в 2010 г. Ранее использованные в работах: [9; 16; 23], они отражены и в комментарии к указанным статьям и заметкам.

Воспроизводить в сборнике книгу «Воспоминания» мы считаем излишним потому, что она переиздавалась в России неоднократно. Однако газетные варианты очерков, из которых Бунин составил эту книгу, мы в сборник все-таки ввели: после смерти писателя они в своем первоначальном виде не републиковались — следовательно, представляют значительный интерес с историко-литературной и текстологической точек зрения.

Прижизненные перепечатки бунинских заметок и статей (причем как в эмигрантской — преимущественно русскоязычной, — так и в иностранной прес-

се, в переводе на соответствующие языки⁴) останутся за рамками сборника в силу их вторичности. Тем не менее они упомянуты в библиографических описаниях исходных текстов.

Что касается бунинских интервью, то их мы «забраковали» (в отличие от составителей бунинского 9-томного Собрания сочинений 1965–1967 гг.) по причине того, что эти тексты *не принадлежат перу Бунина* — они лишь *отображают* (притом нередко весьма приблизительно) мнение писателя о тех или иных явлениях современной ему действительности. Впрочем, если верить А. В. Бахраху, в творческой биографии Бунина все-таки был один случай, когда писатель собственноручно составил текст интервью с самим собой. Это «автоинтервью» А. В. Бахрах приводит в своем мемуарном очерке «Иван Алексеевич Бунин» (1966), опубликованном в альманахе «Мосты» (Мюнхен) [см.: 25, 198–200]. Однако у нас нет полной уверенности в том, что данный текст не является литературной мистификацией.

В то же время в состав сборника введены три оригинальных бунинских текста, увидевших свет на французском языке в парижских газетах «Авенир» (L'Avenir), «Нувель литтерер» (Les Nouvelles Littéraires) и «Энтрасияжан» (L'Intraseignant). В первом из перечисленных изданий было напечатано открытое письмо Бунина к Ромену Роллану (1928), в двух других — ответы на вопросы анкет: «L'Influence Littéraire de la France à l'Étranger / Влияние французской литературы на иностранцев» (1924) и «Que pensez-vous de la France? / Что вы думаете о Франции?» (1934) соответственно. Русский перевод письма к Р. Роллану однажды уже публиковался [26, 264–265], этот перевод мы воспроизводим и в нашем сборнике. Бунинские ответы на вопросы французских анкет будут переведены и опубликованы в России впервые.

(Окончание следует.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Скроботова О. В. Жанрово-тематическое разнообразие «внехудожественного» творчества И. А. Бунина 1917–1923 годов: дневники, публицистика: дис ... канд. филолог. наук. Елец, 2006. — 181 с.
2. Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. — 696 с.
3. Бунин И. А. Воспоминания / И. А. Бунин. — М.: Захаров, 2003. — 400 с.
4. Дякина А. А. Журналистика в творческой судьбе И. А. Бунина: Монография / А. А. Дякина, А. А. Кравченко. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2019. 162 с.
5. Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / И. А. Бунин. — сост., под-

гот. текстов, примеч. А. К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995. — Т. 4. — 527 с.

6. Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / И. А. Бунин. — сост., подгот. текстов, примеч. А. К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1996. Т. 5. 592 с.

7. Морозов С. Н. И. А. Бунин — литературный критик: Дис. ... канд. филолог. наук. — М., 2002. — 207 с.

8. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). — 944 с.

9. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 (1910–1919). — 1184 с.

10. Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. / И. А. Бунин. — под общ. ред. А. С. Мясникова; подгот. текста и примеч. О. Н. Михайлова. М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — 622 с.

11. Ильинский И. М. Белая правда Бунина (Заметки о бунинской публицистике) / И. М. Ильинский // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 4. — С. 5–26.

12. Николаев Д. Дневник как публицистика: «Окаянные дни» Ивана Бунина в парижской газете «Возрождение» 1925 г. / Д. Николаев // Автобиография. — 2019. — № 8. — С. 117–148.

13. Смоголь Н. Н. Лирические мотивы в публицистике Л. Андреева и И. Бунина / Н. Н. Смоголь // Эстетика диссонансов. О творчестве Л. Н. Андреева: Межвузовский сб. науч. тр. К 125-летию со дня рождения писателя. Орел: Орловский гос. пед. ун-т, 1996. — С. 38–40.

14. Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина / Д. Риникер // И. А. Бунин: pro et contra / сост. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнена, Д. Риникера. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 625–650.

15. Морозов С. «Окаянные дни» И. Бунина: к истории текста / С. Морозов // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Кн. 2. — С. 302–311.

16. Бакунцев А. В. «Окаянные дни»: особенности работы И. А. Бунина с фактическим материалом / А. В. Бакунцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2013. — № 4. — С. 22–36.

17. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода: Монография / Е. Р. Пономарев. — М.: Литфакт, 2019. — 340 с. (Академический Бунин; вып. 2).

18. Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина / К. Ошар // Русская литература. 1996. — № 4. — С. 101–105.

19. Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» / К. Эберт // Русская литература. 1996. — № 4. — С. 106–110.

20. Переписка И. А. Бунина с П. Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / публ. Г. П. Струве // Записки Русской академической группы в США. — New York, 1968. — Т. 2. — С. 61–109.

21. Письма Ивана Алексеевича Бунина / публ. и примеч. В. Крейда // Новый журнал. 1999. Кн. 215. — С. 288–291.

22. Бунин И. А. Окаянные дни (из одесского дневника 1919 года) / И. А. Бунин. — подгот. текста, вступ. статья,

⁴ Вырезки с иноязычными аналогами и оригиналами условно-нехудожественных произведений писателя хранятся в Бунинской коллекции РАЛ и в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. На сегодня детально описана только франкоязычная часть этого собрания [см.: 24].

коммент. Е. Р. Пономарева // Красное и белое: Pro et contra. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 гг.: Антология / сост., вступ. ст., коммент. П. Н. Базанова. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. — С. 33–120, 595–623.

23. Бакунцев А. В. Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя / А. В. Бакунцев // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. — С. 17–44.

24. Бакунцев А. В. Публицистические выступления И. А. Бунина во франкоязычной прессе 1920–40-х гг. /

А. В. Бакунцев // И. А. Бунин: от века XX к веку XXI: Материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции (20–21 сентября 2018 г.). Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. — С. 15–21.

25. Бахрах А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям / А. В. Бахрах / сост. вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. — М.: Вагриус, 2006. — 592 с.

26. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / И. А. Бунин / под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. — М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998. — 640 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Бакунцев А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики редактирования
E-mail: auctor@list.ru

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

Морозов С. Н., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University
Bakuntsev A. V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Method of Editing
E-mail: auctor@list.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

Morozov S. N., Doctor of Philology, Senior Research Worker, Department of Russian Modern Literature and Russian Diaspora's Literature
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ДЕКОДИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ¹

П. В. Бобровская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается прием визуализации как способ декодирования в современных поэтических изданиях для детей. Приводится анализ иллюстративного материала, дополняющего произведения современных поэтов (А. А. Усачева, Н. С. Дашевской, П. А. Синявского).

Ключевые слова: визуализация, поэтический код, поэзия для детей.

Abstract: the article discusses the technique of visualization as a way of decoding in modern poetry publications for children. The article provides an analysis of illustrative material that complements the works of contemporary poets (A. A. Usachev, N. S. Dashevskaya, P. A. Sinyavsky).

Keywords: visualization, poetic code, poetry for children.

Код в поэтическом дискурсе является единицей, заключающей в себе ментальный образ. Отечественный филолог В. И. Карасик в книге «Языковые ключи» пишет: «С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [1, 24]. В данном случае этими знаками выступают поэтические коды. Поэтический дискурс является сложной формой коммуникации между автором и читателем, где последнему предстоит декодировать произведение на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях. Процесс декодирования зависит от личного опыта и знаний реципиента. Важными факторами, обеспечивающими декодирование поэтического текста, являются:

- Словарный запас. Чем он больше, тем выше вероятность того, что читатель сможет декодировать литературные средства выразительности (эпитеты, метафоры, олицетворения, авторские неологизмы и т.д.).
- Совокупность знаний по литературе, истории, искусству. Это тот фон, который позволяет реципиенту ориентироваться в картине мира автора текста.
- Персональный опыт. Наличие богатого эмоционального опыта является важным критерием для декодирования поэзии. Понимание различных чувств и ментальных состояний позволяет читателю декодировать смыслы посредством эмпатии.

Ребенок как участник процесса декодирования

поэтического текста оказывается в слабой позиции, так как он еще не успел накопить богатый вокабуляр, не имеет багажа знаний о мире или развитого личного опыта. Детский поэт работает в условиях ограниченного использования смыслов и образов. Их диапазон зависит от возраста читателя. Так, Андрей Алексеевич Усачев классифицирует свои стихи по возрастному критерию, предлагая дошкольнику наиболее очевидные коды. В стихотворении «Снежинки» он применяет авторские неологизмы и метафоры, которые читатель может расшифровать посредством накопленного к моменту восприятия опыта:

Ёжик смотрит на снежинки,
«Это, — думает, — ежики...
Белые, колючие
И к тому ж — летучие». Паучок на паутинке
Тоже смотрит на снежинки:
«Ишь какие смелые
Эти мухи белые!»
Заяц смотрит на снежинки:
«Это заячьи пушинки...
Видно, заяц — весь в пуху —
Чешет шубу наверху». Мальчик смотрит на снежинки:
«Это, может быть, смешинки?..»
Не поймёт он, почему
Очень весело ему [2, 55].

Стихотворение повествует о том, как разные герои (ежик, паучок, заяц, мальчик) воспринимают снегопад. Восприятие ежика базируется на его личном опыте, он думает, что с неба падают «ежики», так как они белые и колючие. «Ежики» — это авторский неологизм, образованный от сочетания двух слов «еж» и «снежинки». Паучок думает, что снежинки — это белые мухи. «Ишь какие смелые / Эти

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.

мухи белые!» — это субъективное восприятие паучка. «Мухи белые» в данном случае являются метафорой. Заяц думает, что снежинки — это белый заячий пух, который летит от зайца, который «чесет шубу наверху». Мальчик думает, что снежинки — это «смешинки», так как при их появлении ему стало весело. «Смешинки» — это элемент разговорной лексики, означающий смех без причины. Все образы в произведении строятся на персональном опыте героев, соотносимом с опытом читателя. «Снежинка» в стихотворении выступает поэтическим кодом, ее качества зашифрованы в субъективном восприятии персонажей. Ежик, паучок и заяц акцентируют внимание на ее внешних характеристиках: белый цвет, остроконечная форма («колючая»), легкость. Мальчик как реципиент чувствующий выходит за границы формальных характеристик «снежинки» и интерпретирует данный код как эмоционально окрашенный образ.

Таким образом, характер и уровень сложности кода в современных поэтических изданиях для детей напрямую зависят от возрастной категории адресата. В поэзии, ориентированной на дошкольную аудиторию, наиболее эффективно будет функционировать один главный код, зашифрованный при помощи фигур и тропов, базирующихся на простейших образах, соотносимых с опытом предполагаемого реципиента.

Вспомогательным средством декодирования поэтического кода на страницах детской книги выступает иллюстрация, в основе которой лежит прием визуализации. Наиболее интенсивное изучение визуальности начинается в конце XX — начале XXI века. Социально-культурная сущность визуального выводит его не только на статус доминанты современной культуры, но и универсалии: вне зримой реальности человек себя не мыслит и не воспринимает. Визуальность быстро поглощает информационные системы и перекодирует их в визуальные образы. Визуальность образует систему, состоящую из знаков, общей характеристикой которых является зримый характер. Определенная последовательность этих знаков формирует «визуальный текст». Н. А. Симбирцева определяет «визуальный текст» как зримую (воспринимаемую глазом) структурно-функциональную модель, в которой ценности и нормы определенной культуры носят кодовый характер и представлены в виде знаков, символов и образов, взаимосвязанных между собой различными контекстуальными связями. Она также отмечает, что модель визуально воспринимаемой реальности «строится» по субъект-субъектному/субъект-объектному принципу с помощью экстралингвистических средств [3, 184]. «Визуальный текст» связан с понятием «визуализации». Визуализация — это прием, в котором лингвистический текст переводится в систему знаков и символов визуальной культуры.

Ярким примером «визуального текста» в современной детской литературе могут послужить иллю-

страции отечественной художницы Ольги Швейцер к произведению Нины Сергеевны Дашевской «Семь невысоких гномов. Таблица умножения в стихах». Это обучающая книга, призванная познакомить ребенка с таблицей умножения. Работая с юной аудиторией, Дашевская смело использует в своих текстах сложные, но вместе с тем интересные образы:

У восьминога-паука
Две дочки есть и два сыночка.
Решили в дождь пойти гулять
Четыре паучонка,
И нужно каждого собрать,
Одеть, обуть ребенка!
И вот — готово! В сапоги
Обуты тридцать две ноги!
Все собрались. Паук устал
А дождик капать перестал...
Кричат папаше паучки
— Мы надеваем башмачки!
Чудесно! Солнце на дворе!
Ноги, все также, тридцать две... [4, 6]

Ольга Швейцер, создавая иллюстрации, ориентированные на современного ребенка, стремящегося к максимально быстрому декодированию информации, отобрала главные (опорные) образы, представленные в стихотворении. Сюжет стихотворения предполагает динамику, поэтому художница изобразила героев в процессе движения. Для того чтобы заключить в одну иллюстрацию суть целого стихотворения, Швейцер изобразила нескольких героев. Кто-то из паучков уже обулся, кто-то только надевает сапожки. В центре иллюстрации представлен папа-паук с зонтиком, который держит башмачки, готовясь обувать следующего ребенка. Используя минимальное количество графических средств, художница создала «читаемый» визуальный образ, который подкрепляет текстовую информацию и способствует установлению контакта между ребенком и автором.

Визуальный образ способен раскрыть идею произведения, уточнить отдельные моменты текста, заполнить пустоты, позволить читателю выйти за границы личного опыта. Роль, которую иллюстрация будет играть на страницах книги, определяется нуждами художественного текста. Среди нужд художественного текста можно определить: изображение портретов героев, визуализация авторских неологизмов, дублирование текстовой информации в визуальном ряду (в дидактической литературе).

Юному читателю необходимо визуализировать персонажей. Иллюстрация либо следует за описательными характеристиками, данными автором текста; либо, в случае отсутствия портретных данных, предлагает возможный визуальный образ, построенный на основе поведенческих характеристик персонажа.

Примером может послужить иллюстрация Олега Игоревича Гончарова к стихотворению Петра Алексеевича Синявского «Смешные старушки»:

Стояла изба в деревушке,
В ней жили смешные старушки:
Бельё зашивали метёлками,
Жильё подметали иголками,
Солили волнушки в подушке
И шли подремать на кадушке.
Им снилась изба в деревушке,
В ней жили смешные старушки:
Бельё зашивали иголками,
Жильё подметали метёлками,
Солили волнушки в кадушке
И шли подремать на подушке... [5, 7]

В центр композиции художник поместил старушку, которая снилась главным героиням, она подметает пол метлой и удивленно смотрит на веселых героинь-озорниц, облаченных в необычные головные уборы (дуршлаг и панталоны). Одна из героинь собирает грибы в наволочку, а другая болтает ногами, сидя на бочке. Гончаров использует прием сравнения, подчеркивая абсурдность главных героинь, для этого он использует цвет, форму и текстуру. В данном случае художник создал образы, исходя из поведенческих характеристик, изложенных в тексте.

Визуализация авторских неологизмов необходима в том случае, если ребенок не может сам расшифровать смысл, заложенный автором. Ярким примером такого случая являются иллюстрации Д. С. Трубина к произведению А. А. Усачева «Мы играли в паповоз...»:

Из тумана перед нами
Айсберг вырос, как гора...
Папоход взмахнул руками,
Паполёт летит —
Ура! [2, 12]

В тексте произведения используется ряд авторских неологизмов («паповоз», «паполет», «папоход»). Художник, следуя за автором текста, изображает папу в образе поезда, самолета и парохода, а в конце расшифровывает данные образы и изображает обычного папу, катающего сына на спине.

Дублирование текстовой информации в визуальном ряде чаще всего встречается в дидактической

литературе. Например, в произведениях, обучающих ребенка таблице умножения. В книге «Таблица умножения в стихах» текст был подготовлен А. А. Усачевым, а иллюстрации Сергеем Ивановичем Бордюгом и Натальей Альфонсовной Трепенюк. Каждое четверостишие текста дополнено характерным визуальным образом:

Влезть сороконожке
Трудно на пригорок:
Утомились ножки —
Пятью восемь — сорок [6, 40].

Таким образом, визуализация поэтических текстов для детей способствует более эффективному восприятию. Она позволяет декодировать поэтический код, выходящий за границы личного опыта реципиента. Преобразуя вербальный материал в «визуальный текст», художник усиливает такие аспекты, как впечатление, запоминание, чувственное восприятие. Иллюстрация в данном случае является своего рода мостиком между кодом, заданным автором текста, и сознанием читателя, направляя, уточняя или предлагая декодированный образ в готовом виде. Визуализация помогает не только читателю, но и автору, который в условиях перекодирования может работать с более сложными образами, добавлять новые поэтические коды, вовлекать читателя в игру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
2. Усачев А. А. Мы играли в паповоз... / А. А. Усачев. — М.: Самовар, 2009. — 112 с.
3. Симбирцева Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры / Н. А. Симбирцева // Тамбов: Грамота, 2013. — № 7 (33): в 2 ч. — Ч. I. — С. 183–185.
4. Дашевская Н. С. Семь невысоких гномов. Таблица умножения в стихах / Н. С. Дашевская. — СПб.: Детское время, 2011. — 56 с.
5. Синявский П. А. Хрюпельсин и хрюмидор / П. А. Синявский. — СПб.: Качели, 2019. — 48 с.
6. Усачев А. А. Таблица умножения в стихах / А. А. Усачев. — М.: Малыш, 2018. — 48 с.

Воронежский государственный университет

Бобровская П. В., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: pyatcheva@yandex.ru

Voronezh State University

Bobrovskaya P. V., post-graduate student of the Department of Russian Literature of the XX–XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities
E-mail: pyatcheva@yandex.ru

ФЕМИНУТИВЫ-ОРНИТОНИМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «САМКА ГОЛУБЯ» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Н. В. Бурко

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина

Поступила в редакцию 31 мая 2021 г.

Аннотация: в предлагаемой статье рассматриваются способы образования наименований самки голубя в русских народных говорах, выявлены наиболее продуктивные для образования разбираемых феминутивов-орнитонимов форманты и дана их краткая ареальная характеристика. Материалом для исследования послужили данные картотеки Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: русские народные говоры, феминутив, словообразовательная модель, суффикс, народная картина мира.

Abstract: the article considers the ways of formation of female pigeon names in Russian folk dialects, identifies the most productive formants for the formation of the analyzed feminutives-ornithonyms, and gives their brief areal characteristics. The data from the card index of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects were used as the material for the study.

Key-words: Russian folk dialects, feminutiv, word-formation model, suffix, folk worldview.

Образованию слов со значением женскости в русском языке посвящён целый ряд исследований Воеводиной Г. А., Беркутовой В. В., Габдрашитовой Д. И., Кириллиной А. В., Колесникова Н. П., Прохоровой А. С., Суминой Н. В., Федотовой Т. В. и др. В своих работах учёные рассматривают преимущественно феномен образования наименований со значением лица женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности. В меньшей степени рассмотрены наименования самок животных и птиц, хотя это направление исследований представляется весьма интересным. Например, в «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» есть ряд вопросов, нацеленных на сбор феминутивов-зоонимов и феминутивов-орнитонимов: «ЛСЛ 180. Волчица», «ЛСЛ 189. Медведица», «ЛСЛ 198. Самка лося», «ЛСЛ 204. Самка дикого кабана», «ЛСЛ 250. Самка воробья», «ЛСЛ 255. Самка вороны» и т. д. [1, 26–34]. Источником для данной статьи послужили ответы на вопрос «ЛСЛ 266. Самка голубя».

В материалах картотеки Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) зафиксированы следующие лексемы, употребляющиеся в русских народных говорах при обозначении самки голубя: **буркуниха, голуба, голубина, голубиня, голубиха, голубица, голубка, голубонька, голубочка, голубушка, голубчиха, голубь, горлинка, горлица, горлушка, гуленька, гулиха, гулька, гулюшка, гуля, гуркунья, касаточка, самчиха, сизарка**.

Как видим, в приведённом ряду присутствует слово **голубь**, которое не является феминутивом,

а служит родовым названием птицы. Тем не менее мы упоминаем сейчас об этой лексеме, так как факт употребления гиперонима для обозначения особи женского пола отражает сложившуюся картину мира: для носителей языка обычно неважна половая принадлежность птицы, поэтому и самца, и самку называют одним и тем же словом: *Самка голубя — всё равно голубь* (Московская обл.), *А как её различать-то, голубь и всё* (Нижегородская обл.), *Чего их различать-то, всё голуби* (Московская обл.), *Голубь. Специально-го названия самки голубя нет* (Ленинградская обл.), *И самочка тоже голубь* (Псковская обл.), *Самка голубя — голубь* (Костромская обл., Ярославская обл., Челябинская обл., Свердловская обл. и др.). В картотеке ЛАРНГ зафиксировано такое употребление в 48 районах (из 1064) обследованной территории Европейской части России.

В говорах центра России отмечено слово **самчиха**: *Самчиха — для голубя* (Московская обл.). Но данная лексема может употребляться не только по отношению к самке голубя: в «Словаре русских народных говоров» она зафиксирована с общим значением «самка» [2, 36: 114]. Остальные единицы приведённого ряда служат наименованиями именно самки голубя.

Представленные феминутивы являются преимущественно суффиксальными образованиями; в качестве мотивирующих основ выступают слова, которые употребляются в диалектах как общее наименование птиц данного семейства: *голубь, гуля, буркун, гуркун, горлинка, сизарь* [3]. При образовании лексем со значением женскости в русских народных говорах используются такие продуктивные в языке суффиксы, как:

— **к(а): голубка, гулька, сизарка** — Голубка с голубком воркует (русские говоры Карелии), Голубок-то всё свою голубку оберегает (Ленинградская обл.), Самец нахохрится, а голубка и не смотрит, пёрышки перебирает (Вологодская обл.), Голубку от голубя сразу отличишь (Костромская обл.), Летом кот гнездо разорил, так голубка тосковала как (Псковская обл.), Голубка, голубь — всех Бог создал парой (Владимирская обл.), Голубь и голубка, они сами с собой разговаривают (Тверская обл.), Голубка — это самка голубя, она не такая красивая, как голубь. Голубь за голубкой с неба спускается, любовь между ними есть, как у людей, забавно (Московская обл.), Голубка. Голубка она, так и звали (Нижегородская обл.), Самка голубя — голубушка, голубка, как ещё-то называть (Пензенская обл.), Голубь свою голубку никогда не бросит (Курская обл.), Голубь с голубкой у окошка ворковали (Волгоградская обл.), Гулька — самка голубя (Нижегородская обл.) А самка — это сизарка (Тульская обл.) и др.;

— **их(а): голубиха, голубчиха, гулиха, буркуниха** — Жили у меня на чердаке голубь да голубиха (русские говоры Коми), Голубиха только возле дома моего и летает (Архангельская обл.), Голубиха — у голубя самка (русские говоры Карелии), Голубиха была небольшая (Вологодская обл.), Голубиха из гнезда вышла, на крыше ходит (Ленинградская обл.), Что-то не вижу у сизого голубя голубихи. Поди, яйца парит (Костромская обл.), Самку голубихой звали, иногда просто «голубь» (русские говоры Удмуртии), Голубиха ещё выбирает самца, который ей понравится (Пермская обл.), А голубиха-то перед ним и так, и эдак повернётся (Костромская обл.), Голубиха заботилась о птенцах (Ярославская обл.), Голубихи стали высиживать птенцов (Ивановская обл.), Голубиха яйца несёт да птенцов выводит (Московская обл.), В саду нашем гнездо есть, там голубиха птенцов высиживает, яйца голубиные маленькие, голубенькие, в крапинку (Владимирская обл.), Голубиха, она така заботлива, любит детонек своих (Нижегородская обл.), Голубка или голубиха. Когда как говорим (Тульская обл.), Голубь с голубихой воркует постоянно (Воронежская обл.), Евойную самку мы голубихой зовём (Астраханская обл.), Голубь кружится вокруг голубихи (Краснодарский край) и др.; Самка — гулиха (Брянская обл.); Буркуниха — это самка голубя (Орловская обл.);

— **иц(а): голубица, горлица** — Это, наверное, голубица воркует на крыше (русские говоры Удмуртии), Это в городе голубицы с голубями, а у нас их тут нету (Тверская обл.), Голубица — это она, если голубь — он. Голубь с голубицей воркует (Московская обл.), Голубица часто к крыльцу прилетает (Нижегородская обл.), Голубица в окне к добру (Орловская обл.), Голубица тосковала по гуркуну (Брянская обл.); Горлица — птица красивая (Костромская обл.), Горлица своего гулю потеряла (Костромская обл.) и др.

Словообразовательный формант **-ин(я)** в русском литературном языке привносит в слово преимущественно модификационное значение «лица женского пола», со значением же «самка животного» известно «единственное слово гусыня» [4]. Однако в народных говорах этот суффикс используется также и для образования единицы со значением «самка голубя» — **голубиня**: Голубиня-то как хороша! (Курская обл.). С этим суффиксом феминутив отмечен также в говорах Псковской, Челябинской, Кировской областей.

Единично зафиксированный в диалектах феминутив **гуркунья** образован по известной словообразовательной модели с помощью суффикса **-j-** от производящей основы на **-ун** (от гуркун): Под крышей опять гуркунья воркует (Вологодская обл.).

Кроме того, при образовании феминутивов со значением «самка голубя» в говорах используются суффиксы субъективной оценки со значением ласкательности: **-ушк(а): голубушка, горлушка** — Иногда голубуху голубушкой называют (Кировская обл.), Голубушка голусят выводит (Ярославская обл.), Голубушка — это ласково, или голубина, голубиха, по-всякому называют (Кировская обл.), Голубушку сразу можно выделить из стаи (русские говоры Удмуртии), Кино есть про голубчиков. Ведь у каждого голубчика своя голубушка есть (Владимирская обл.), Самку-то голубушка называют (Нижегородская обл.), Её мы голубкой или голубушкой называем, это ласково (Московская обл.), Самку голубя всегда ласково звали голубушка (Московская обл.), Голубушка деток своих не бросает (Курская обл.), Голубушка чего-то летать не хочет (Курская обл.); **-юшк(а): гулюшка** — Гулюшка прилетела (Воронежская обл.); **-еньк(а): гуленька** — Гуленька в гнезде сидит (Новгородская обл.); **-оньк(а): голу-бонька** — Голубонька прилетела (Ярославская обл.); **-очк(а): голубочка, касаточка** — Голубочка в окне (Самарская обл.).

И это не случайно, так как в народной картине мира голубь, голубка занимают особое положение. Эта птица — символ чистоты, любви, верности, мира, спокойствия, это символ Святого Духа. И та нежность, теплота, умиление, которые испытывают диалектоносители по отношению к этой Божьей птице, находят выражение в процессе номинации через использование тех самых субъективно-оценочных суффиксов со значением ласкательности.

В некоторых карточках есть специальная помета «ласк.» (в отдельных районах Псковской, Кировской, Московской и Ростовской областей), в большинстве же случаев такая помета отсутствует. Любопытно, что экспрессия ласкательности по отношению к самке голубя как бы встраивается во внутреннюю форму слова, воспринимается диалектоносителями как само собой разумеющееся. «Экспрессивные диминутивы, — отмечает И. Фуфаева, — обозначают те же денотаты, что и нейтраль-

ные существительные, и могут заменять их в речи, а в случае постоянного употребления — полностью вытеснять...» [9, 6]. Вероятно, подобный процесс может происходить и при назывании самки голубя с использованием субъективно-оценочных формантов: *Голубушка* — *подружка голубя* — имеется помета эксплоратора «распространённое название» (Вологодская обл.)

В представленном ряду привлекает внимание лексема **касаточка**, которая имеет единичную фиксацию в говорах Приуралья — *А на крыше всё касаточка сидела, ворковала с голубочком* (Пермская обл.). Следует отметить, что слово **касаточка** широко употребляется в народных говорах в значении «ласточка» [5]. В качестве мотивирующего слова выступает апеллатив **касатка**, известный в русском языке как «народное название деревенской ласточки» [6, 2: 37]. В данном случае мы фиксируем факт употребления диалектоносителями названия птиц одного семейства по отношению к представителям другого семейства. В основе переноса, вероятно, лежит стремление говорящего выразить особое отношение к голубке и усилить экспрессию ласкательности (слово **касатка** в общенародном языке имеет ещё и устаревшее значение «ласковое обращение к женщине, девушке, девочке» [7, 2: 37], а в говорах — «о горемыке-девушке» [8, 13: 115], т.е. так называют милое, слабое, беззащитное существо, вызывающее чувство нежности, жалости, умиления). Единичность такой фиксации может расцениваться либо как окказиональное словоупотребление, либо как проявление дальнейшего семантического развития лексемы **касаточка** и появление у неё, наряду со значением «ласточка», значения «самка голубя».

Анализ рассматриваемого материала показал, что наиболее продуктивными при образовании феминативов со значением «самка голубя» оказались суффиксы **-к(а)**, **-ух(а)**, встречающиеся практически на всей территории европейской части России, а так-

же суффикс **-ушк(а)**, имеющий преимущественное распространение в среднерусских говорах и образующий ареалы в говорах Центра России и примыкающих к ним восточных окраинных говорах. Кроме того, данный суффикс достаточно активно употребляется в русских говорах Удмуртии, Башкирии, нижнего Урала; в южнорусских же говорах образует заметный ареал на территории донских говоров. В качестве мотивирующей основы главным образом выступает слово *голубь*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Научно-методическое пособие. — СПб., 1994. — 336 с.
2. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Вып. 1. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
3. Бурко Н. В. Наименования дикого голубя в русских народных говорах / Н. В. Бурко // Учёные записки Орловского государственного университета. — 2018. — № 4 (81). — С. 94–98.
4. Русская грамматика. Т. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5315&0a0=1842#380>
5. Картоoteca ЛАРНГ. Материалы хранятся в ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук».
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981–1984.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Вып. 1. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
9. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. В. Фуфаева. — М., 2018. — 258 с.

Орловский государственный аграрный университет
имени Н. В. Парахина

Бурко Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин

E-mail: nbourko@mail.ru

Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhin
Burko N. V., Candidate of Philological Sciences, associate professor Department of linguistics and Humanitarian subjects
E-mail: nbourko@mail.ru

ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И А. И. КУПРИНА

Я. О. Гудзова

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: притяжение к традициям реализма XIX века проявилось у Шмелева и Куприна интересом к натуральной школе, в частности, к жанру физиологического очерка. Талант бытописания в обоих случаях оказался более созвучным эстетическим требованиям современности, чем «фотографическим» принципам натуралистов, обнаружив тяготение к сфере бытийной. Формой подключения к литературному опыту XIX века явился общий для двух художников интерес к наследию Л. Н. Толстого. При этом традиции классика были усвоены Куприным более органично, чем Шмелевым. **Ключевые слова:** И. С. Шмелев, А. И. Куприн, традиции, реализм XIX века, натуральная школа, Л. Н. Толстой.

Abstract: the interest in the natural school principals revealed Shmelev and Kuprin's obsession towards the 19th century realistic traditions and specifically the physiological essay. The talent of everyday life describing in both cases turned out to be more in tune with the modern aesthetic requirements than the naturalists' "photographic" principles showing their taste towards the existential sphere. Both writers' interest towards the L. N. Tolstoy legacy is the way to connect to the 19th century literary experience. However, the traditions of the canonical writer were assimilated by Kuprin in a straighter manner than by Shmelev.

Keywords: I. S. Shmelev, A. I. Kuprin, traditions, realism of the 19th century, natural school, L. N. Tolstoy.

Творчество представителей Русского зарубежья оказало большое влияние на развитие отечественной и мировой литературы. Однако культурно-историческое значение наследия писателей-эмигрантов окончательно не осмыслено. Интерес вызывает не только художественное освоение трагического опыта поколений, поиск незыблемых нравственных основ в переломную эпоху и стремление во что бы то ни стало сохранить ценности национально-исторического характера, но и отношение к традициям русской классики XIX века. Взаимодействие с литературным опытом прошлого вызывает тем больший исследовательский интерес, что диалог с традицией был обусловлен как неповторимыми особенностями идиостиля писателя, так и поиском своего места в мире меняющихся идейно-эстетических приоритетов.

Отношение к традициям литературных предшественников зачастую отражало логику формирования писательской и человеческой позиции художников, особого мировоззрения, покоившегося на приверженности к духовным и культурным ценностям дореволюционной России и непримиримом отношении к новой власти и произошедшим в стране переменам. Вынужденная эмиграция способствовала сближению творческих индивидуальностей, которые в литературе дореволюционной России были едва ли не художественным оппонентами. Ярким примером подобного притяжения могут слу-

жить биографии И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта. Еще больше оснований для научных сопоставлений дает творчество тех представителей Русского зарубежья, чьи художественные установки обнаруживали не только единство культурно-исторического контекста, но и родственные эстетические и идейные основания. Бесспорный интерес в этом смысле представляет литературное наследие И. С. Шмелева и А. И. Куприна, одна из важнейших доминант которого заключается в опоре на традиции русского реализма XIX века.

Сам Куприн, отстаивая идею единства эмигрантской и советской литературы, указывал на «преемственность» по отношению к заветам русской классики как одну из главных объединяющих черт [7, 29]. И это несмотря на категорическое неприятие Советской России и установку на борьбу с ней посредством печатного слова.

Подобные настроения всегда были близки Шмелеву, который тоже остро переживал насильственный отрыв от корней и лелеял надежды на возрождение обновленной страны. Не последнее место в этой миссии автор «Солнца мертвых» отводил литературному сообществу эмиграции, сетуя на отсутствие единства в ее рядах и призывая собратьев по перу к максимальной мобилизации сил.

Художественное и публицистическое творчество двух писателей оказывается вписанным в ведущую для русской литературы традицию реалистического письма, которая сказывается в жанровом своеобразии произведений, характере отбора материала,

принципах художественной типизации, а также способах изображения. Писателей роднит тонкая наблюдательность, трепетная внимательность к обыденной повседневности, типичному, на первый взгляд, заурядному течению жизни, которое в итоге обнаруживает не только закономерности истории, но и неповторимый дух времени. «Зоркоглазый», — аттестовал Куприна Шмелев в одном из писем Ильину, настаивая на том, что автор «Юнкеров» — «талант» толстовской школы, имеющий многочисленные достоинства [2, 401].

Притяжение к традициям реализма XIX века обнаруживается в творчестве Шмелева и Куприна интересом к натуральной школе, в частности, к жанру физиологического очерка. Художественными доказательствами этого может служить насыщенная «вещная» поэтика двух писателей, внешнее сцепление эпизодов сюжета, изображение ярких социальных типов.

«Натуралистические» сочинения Шмелева и Куприна питались многообразными жизненными впечатлениями авторов. Интерес к жизни простого человека и знание провинциальной России во многом были связаны с автобиографическими обстоятельствами жизни писателей. Для Шмелева это были годы службы во Владимире. Семь лет в должности чиновника по особым поручениям обогатили художника бесценным опытом, нашедшим художественное отражение в произведениях начала XX века. Во многих из них можно найти черты известной литературной традиции: «Иван Кузьмич» (1907), «По спешному делу» (1907), «Гражданин Уклеikin» (1908), «В милой Полесовке» (1908), «В норе» (1909), «Патока» (1911), «Человек из ресторана» (1911), «По приходу» (1913) и др. Последний рассказ особенно близок популярному в натуральной школе жанру физиологического очерка.

Работа репортером в киевских газетах обогатила Куприна знанием жизни и быта юга России, стала школой литературного мастерства. В эти годы он печатает судебную хронику, путевые заметки, критические статьи, фельетоны. С неподдельным интересом и привычной для него наблюдательностью Куприн всматривался в новую действительность, знакомился с нравами и обычаями окружающих его людей.

Жанр физиологического очерка громко заявил о себе в цикле очерков Куприна «Киевские типы» (1895), материалом для которого послужили живые наблюдения его автора. Персонажи Куприна — художественные вариации традиционного для натуральной школы образа «маленького человека». Герои очерков по профессиональному признаку объединены в типы, состоящие из видов и подвидов, тщательно выписанных и охарактеризованных. Так, в очерке «Вор» Куприн не только дает подробное описание пяти разновидностей воровских «профессий», но также указывает на пособников как «промежуточную

ступень» между ворами и обыкновенными людьми. Внимание к неприглядной, «низкой» действительности с ее пороками и противоречиями, высокий удельный вес «протокольных» описаний, внешнее сцепление сюжетных эпизодов и героев уверенно отсылают «Киевские типы» к «физиологиям» XIX века.

Очерковая установка на объективное бытописание сохранила свою актуальность для жанра рассказа, где описание сочеталось с сюжетом и более или менее выписанным характером героя. Этот жанр был одним из самых востребованных и у Шмелева, и у Куприна. Однако повышенный интерес к внутреннему, духовному устройству личности, не свойственная натуралистам индивидуализация характеров и неприятие однозначности в разрешении вопроса о влиянии среды на человека отличали рассказы двух писателей от литературного опыта прошлого и свидетельствовали о качественном обновлении традиции. В некоторых случаях произведения художников слова характеризовались повышенной содержательностью, не свойственной малым жанрам натуралистов.

Куприн не только воплощал в творчестве принципы натуральной школы, но и делал героев своих произведений ее «доверенными лицами», щедро наделяя их талантом наблюдения за действительностью, «натурой», знанием живой жизни. Таков, к примеру, собиратель «бытового материала» будней публичного дома репортер Платонов («Яма», 1915) или любитель «человеческих документов» фельетонист Щавинский («Штабс-капитан Рыбников», 1906). То самозабвенное исследование людей и жизни, которым был увлечен последний, по существу перифраз творческого кредо писателей-натуралистов: «Нередко в продолжение недель, иногда целых месяцев, наблюдал он (Щавинский. — Я. Г.) за интересным субъектом, выслеживая его с упорством страстного охотника или добровольного сыщика. <...> Ему доставляло странное, очень смутное для него самого наслаждение проникнуть в тайные, недопускаемые комнаты человеческой души, <...> поддержать в руках живое, горячее человеческое сердце и ощутить его биение» [4, 18–19]. При этом психологический интерес наблюдения для Щавинского значительно превосходил выгоды, которые он получал в качестве бытописателя.

Откровения героя повести «Яма» настолько точно совпадают с признаниями самого Куприна, что их вполне можно счесть за выдержку из «Десяти заповедей для писателя-реалиста». «Видишь ли, — обращается Платонов к своему собеседнику, — я — бродяга и страстно люблю жизнь. <...> Ей-богу, я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотел пожить внутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого встречаю» [4, т. 5, 94–95].

Талант бытописания, одинаково присущий Шмелеву и Куприну, как нельзя лучше отвечал установкам натуральной школы. Однако и в первом, и во втором случае бытовые описания оказывались более созвучны эстетическим требованиям современности, чем «фотографическим» принципам натуралистов. Узнаваемая манера в творчестве писателей-эмигрантов обновилась и «переросла» традицию. Немаловажно при этом, что изменения имели во многом односторонний характер. По мнению Е. А. Дьяковой, «сфера «быта» для Куприна весьма широка и захватывает сферу бытия, т.е. — всю реальность мира» [3, 67]. Шмелевское бытописание тоже обращено к бытийным началам, скрытым за оболочкой быта. Это обстоятельство, в первую очередь, связано со вниманием художника к философским жизненным основаниям. «Погруженный в область быта, писатель «преодолеывает» быт самым его изображением» [5, 124], — замечает В. А. Келдыш.

Тем не менее оба писателя отличаются повышенным вниманием к безыскусному устройству житейской повседневности, традиционному укладу, без которых невозможны полнота и гармония бытия. Г. Струве отмечает у Куприна «наклонность романтизировать старый быт», связывая «бытовую ностальгию» писателя с обстоятельствами вынужденного изгнания [8, 257]. Идеализация свойственна и Шмелеву. Удивительное созвучие в этом смысле обнаруживают описания масленичной Москвы в «Юнкерах» (1928–1932) Куприна и «Лете Господнем» (1927–1944) Шмелева. Славословие «тысячелетнему блину, внуку Дажбога» в романе Куприна уравнивается сожалением московского старожила: «Эх! Не тот, не тот ныне народ пошел. Жидковаты стали люди, не емкие. <...> А в мое молодое время, давно уже этому, купец Коровин с Балчуга свободно по пятидесяти блинов съедал в присест, а запивал лимонной настойкой с рижским бальзамом» [4, т. 6, 326].

Художественным возражением безымянному герою «Юнкеров» служит описание масленичной трапезы шмелевского протодьякона: «От протодьякона жар и дым. На трех стульях раскинулся. Пьет квас. За ухом и расстегаями — опять и опять блины. Блины с припеком. За ними заливное, опять блины, уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая, блины с подпеком. Лещ необыкновенной величины, с грибочками, с кашкой... наважка семивершковая, с белозерским снетком в сухариках, политая грибной сметанкой... блины молочные, легкие, блинцы с яичками... еще разварная рыба с икрой судацьей, с поджарочкой... желе апельсиновое, пломбир миндальный — ванилевый...» [11, 173].

И у Шмелева, и у Куприна традиции натуральной школы подвергались трансформации, конкретизируясь в акте творческого самоопределения, выражающем литературную позицию писателя. Разнонаправленные изменения порой приводили к похожим

результатам. Это, в первую очередь, характерно для изображения типа «маленького человека», который в творчестве писателей-эмигрантов получил новую жизнь. Это «мечтатель», зачастую с примесью босячества, как в произведениях Горького (Левонтий Бузыга у Куприна («Конокрады», 1903) и Дмитрий Уклекин в рассказе Шмелева («Гражданин Уклекин», 1908)).

Принципы натуральной школы в целом в творчестве Куприна проступали четче, чем у Шмелева. При этом художественный опыт натурализма осваивался прозаиками по-разному. Аккумулируя в творчестве вершинные достижения предшествующей литературной традиции, писатели XX века внесли много нового в прочтение узнаваемых тем и мотивов согласно условиям времени, авторскому замыслу и самобытной писательской индивидуальности. Но если рассказы Шмелева были прообразом художественного видения мира с позиций православной духовности, то у Куприна реалистическая традиция сочеталась с романтической направленностью произведений.

Пересмотр известных образцов происходил в контексте реализма XX века с присущими ему идеалами, темами, героями и формами повествования. Так, в знакомой по литературе предшествующего столетия оппозиции «человек — среда» социальные акценты сместились в сторону углубленного изображения личности как единства психологических, национальных, культурных и биологических факторов. Творчество двух художников явило примеры нового взгляда на характер человека из народа («Тени» (1911), «Весенний шум» (1912), «За семью печатями» (1915) Шмелева; «Болото» (1902), «Конокрады» (1903), «Листригоны» (1907–1911) Куприна), интерпретацию темы «интеллигенция и народ» («Волчий пережат» (1913), «Ненастье» (1912) Шмелева; «Мелюзга» (1907), «Последнее слово» (1908), «Попрыгунья-стрекоза» (1910) Куприна), «природа и человек» («Под небом» (1910), «Стена» (1912), «Росстани» (1919) Шмелева; «Лесная глушь» (1898), «Олеся» (1898) Куприна) и др.

Внимательное наблюдение за действительностью, установка на отражение подлинных жизненных впечатлений являются характерными особенностями реализма Шмелева и Куприна. Оба художника зачастую опирались на реальные события, писали легче, когда шли от увиденного или даже пережитого. Аттестуя себя как писателя, Куприн вспоминал старинное слова «самовидец». Добиваясь таким образом правдоподобия изображаемого, художники в лучших произведениях эмигрантского периода опирались на живые воспоминания о дореволюционной России. Актуализация жанра автобиографического повествования («Лето Господне», «Богомолье» Шмелева, «Юнкера» Куприна) была, в том числе, данью литературной традиции прошлого.

Еще одной формой подключения к литературному опыту XIX века является общий для двух прозаиков интерес к наследию Л. Н. Толстого. Об искреннем пиетете перед величием его гения красноречиво свидетельствует творчество писателей-эмигрантов, художественно запечатлевшее отношение к классику и его произведениям в статьях, воспоминаниях и рассказах («Как я узнавал Толстого» (1927) и «Как я ходил к Толстому» (1936) Шмелева; «Изумруд» (1907), «О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай»» (1908), «Анафема» (1913), «Капитаны Тушины» (1920), «Толстой» (1928) Куприна).

Развитием и продолжением толстовской традиции в творчестве Шмелева и Куприна является повествование на военные темы. Так, цикл рассказов Шмелева «Суровые дни» (1914–1916), посвященный Первой мировой войне, обнаруживает концептуальные переключки с «Севастопольскими рассказами» (1855) Толстого, вызванными к жизни событиями Крымской кампании. Это и синтетическая жанровая форма, и отчетливая авторская позиция, и правда войны, основанная на реальных жизненных впечатлениях, и толкование патриотизма как национальной характеристики, и, главное, противопоставление христианских ценностей жестокостям смертельно противостояния.

В финале второго из «Севастопольских рассказов» Толстой открыто пишет о вопиющем несоответствии бесчеловечных законов войны христианским заповедям: «И эти люди — христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, не упадут с раскаянием вдруг на колени перед Тем, Кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, как братья?» [9, т. 4, 59].

Этот толстовский мотив получил неожиданный художественный отклик в рассказе Куприна «Погибшая сила» (1900), реализовавшись в символическом сюжете картины талантливой художника Никифора Ильина. «Вообразите себе ниву, — рассказывал бывший стипендиат Императорской академии художеств, — созревшую, спелую ниву, но всю истоптанную во вчерашнем сражении. Брезжит раннее утро, на востоке янтарная полоса, луна побледнела... А на ниве лужи крови, обломки оружия, трупы человечьи и лошадиные, вдали мерцают огни лагеря... И вот среди этой крови и этого ужаса медленно плывет туманная фигура Христа, с опущенной вниз головой и опечаленным ликом...» [4, т. 2, 388].

Напрямую связанное с толстовской традицией, изображение русского воина и у Шмелева, и у Куприна в то же время созвучно народно-поэтическим представлениям о величии духа, героизме и благородстве рядового солдата.

«Солдат — это такое, что его булавкой коли, а он не должен подавать никакого виду. Вот что такое

солдат. На него и пули, и штыки, и пушки, и вся артиллерия, и немцы, и все злодеи, а он — никакого виду!», — убежден герой «Суровых дней» [11, т. 5, 215].

В отличие от Шмелева, Куприн не понаслышке был знаком с бытом и нравами русской армии. Рядовой солдат, с его «метким взглядом на всевозможные явления», практичностью, неприспособленностью и умением приспосабливаться к неблагоприятным обстоятельствам, с его «хлестким образным словом» и «почти философским пониманием простой обывательской жизни» не раз становился героем произведений писателя («Дознание» (1834), «Прапорщик армейский» (1897), «Ночная смена» (1899), «В казарме» (1903), «Поединок» (1905), «Юнкера» (1928–1932) и др.). При этом толстовский капитан Тушин был для Куприна образцовым типом русского героя.

Излюбленную Куприным армейскую тему нельзя назвать органичной для Шмелева. Сказалось отсутствие опыта службы в армии и, как результат, незнание армейского бытового и боевого уклада. В этом одна из причин разочарования прозаика в романе «Солдаты», который по характеру художественного материала изначально не был ему близок. «...Знаю одно, — писал Шмелев Ильину, — я должен себя выразить. И сколько я отброшу, забуду, когда-то мечтанного! Нет, я «Солдат» кажется писать не буду. Это — тлен. Это скорлупа. Я хочу «зерна», я хочу, чтобы душа пела или ныла, или — славилась. Господа жажду. С Господом хочу, по Его зову творить — тихого хочу, двойного-неделимого!» [1, 193].

Закономерно поэтому, что традиции Толстого были усвоены Куприным гораздо более органично, чем Шмелевым. В творчестве автора «Путей небесных» моменты согласия с Толстым соседствуют с противоборством его идеям, особенно в вопросах веры.

По мнению Е. А. Дьяковой, важная черта творчества Толстого, унаследованная Куприным, это «любование силой, мощью, красотой и здоровьем органической жизни, физиологическое ощущение красоты и радости земного бытия» [3, 98]. Эта особенность художественного видения в произведениях Куприна проявлялась вне зависимости от предмета изображения, будь то живописание женской красоты («Жидовка», 1904) или физической силы циркового атлета («В цирке», 1902), рассказ о пробуждении очерствелой души полковника генерального штаба («Леночка», 1910), история выздоровления маленькой девочки («Слон», 1907) или даже повествование о выступлении делегата от организации воров перед комиссией адвокатов («Обида», 1906).

Излюбленные автором «Юнкеров» «физиологические ощущения» были в корне чужды Шмелеву. И хотя писатель настаивал на том, что поет земную жизнь («для меня Душа выше духа» [10, 173]), духовное начало в его сочинениях оказывалось доминирующим. Отсюда неприятие некоторых художественных принципов Толстого.

В числе других классиков, оказавших влияние на художественное сознание Шмелева и Куприна, можно с уверенностью назвать Тургенева, Достоевского и Чехова. Творчество последнего для обоих писателей было началом движения к обновлению традиционного реализма. Ориентация на заветы русской литературы XIX века в художественном наследии писателей-эмигрантов органично сочеталась с усвоением наиболее значимых тенденций времени. Таким образом, в литературе «первой волны» не только возрождались традиции реализма XIX века, но и формировались новые каноны литературы века XX.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934) / И. А. Ильин / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000. — 560 с.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / И. А. Ильин / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000. — 576 с.
3. История русской литературы конца XIX — начала XX в.: в 2-х т. / Под ред. В. А. Келдыша. — М.: Академия,

2007. — Т. 1. — 288 с.

4. Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. / А. И. Куприн. — М.: Худ. лит., 1958. — Т. 4. — 790 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
5. Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908–1917. — М.: Наука, 1972. — 736 с.
6. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 824 с.
7. Седых А. Далекие, близкие / А. Седых. — New York: Новое русское слово, 1962. — 265 с.
8. Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. Струве. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — 408 с.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М. Худ. лит., 1928–1958.
10. Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной / И. С. Шмелев // Роман в письмах: в 2 т. — М.: РОССПЭН, 2003. — Т. 1. — 760 с.
11. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 12 т. / И. С. Шмелев. — М.: Сибирская Благозвонница, 2008. — Т. 10. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Московский государственный институт культуры
Гудзова Я. О., доктор филологических наук, профессор
кафедры литературы
E-mail: disava@yandex.ru

Moscow State Institute of Culture
Gudzova Y. O., doctor of philological sciences, Professor of
Department of Literature
E-mail: disava@yandex.ru

ПОЛИАДРЕСАТНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

М. А. Денисова

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: в настоящее время актуальны издания, изначально ориентированные на детей, но способные привлечь внимание самой широкой аудитории. Статья группирует признаки полиадресатности, которые проявляются на разных уровнях текста: темы, сюжета, жанра, выбора героев и т.д. Исследованный материал обнаруживает новые параметры классификации литературы.

Ключевые слова: тема, жанр, ребенок, взрослый, возрастная классификация, адресация, целевая аудитория.

Abstract: at present, there are relevant publications, primarily targeted at children, however, able to draw attention of the widest audience. In the article, the features of multi-targeting are grouped, manifested at various text levels, i.e. theme, plot, genre, choice of characters, etc. The material reveals new parameters for literature classification.

Keywords: theme, genre, child, adult, age-related classification, targeting, target audience.

Жанровое и тематическое разнообразие литературы для детей последних десятилетий привлекает внимание специалистов. Появляется все больше текстов, которые с трудом поддаются традиционной классификации. Так, например, деление на художественную, то есть эпическую, научно-познавательную, развлекательную и другие виды литературы подчас становится условным. Также несостоятельно сегодня и возрастное разграничение: тексты, рассчитанные на детей, одинаково интересны и даже показаны для чтения взрослым, родителям [1].

Речь идет не только о произведениях для подростков, здесь граница между взрослой и детской книгой еще тоньше [2]. И поэзия для детей, и прозаические произведения все чаще имеют маркер: для семейного чтения [3], иногда издание и вовсе лишено указания на конкретную аудиторию [4], тем самым делая адресную группу максимально большой. Анализ подвергается ряд произведений с расширенной адресацией.

Повесть Нины Дашевской «Тео — театральный капитан» предназначена, согласно формулировке возрастной классификации, для детей дошкольного, младшего и среднего школьного возраста. Эта маркировка по умолчанию включает в себя и взрослых, родителей, которые будут вслух читать произведение детям. Главный герой и рассказчик — мышонок Тео, который вместе с семьей живет в театре и дружит с музыкантом оркестра Костей. Тео любит читать и мечтает о море, куда и попадает благодаря его помощи.

Ориентация на младший возраст проявляется в небольшом объеме произведения (9,1 печатного листа, крупный шрифт, иллюстрации), в суженых пространственных рамках (театр, берег моря) и растянутых временных: привязки к конкретному времени (неделя, месяц, год) нет, история рассказывается главным героем здесь и сейчас. Произведение не перегружено персонажами и событиями. Сюжет в общих чертах тоже детский: сестра Тео — Памина — увлеклась балетом, и братья решили помочь ей получить настоящую пачку, они проникают в костюмерную и отгрызают лоскутки от юбки солистки, тем самым проявляя свое присутствие в театре. Служащие театра травят мышей, но семье главного героя удается пережить тяжелые времена, а ему — отправиться к морю в чехле для контрабаса.

Помимо эпической составляющей, повесть содержит необыкновенно полную, чуть ли не энциклопедическую информацию о театре: об устройстве, его помещениях (сцена, оркестровая яма, зал, балкон, партер, костюмерная, швейные мастерские...), о театральных профессиях (дирижер, музыкант, артист балета, бутафор, осветитель, костюмер, библиотекарь...), о режиме работы театра и его сотрудников (например, выясняется, что и ночью театр не спит: трудятся монтировщики сцены).

Значительное место в книге посвящено музыке, а точнее, описанию работы симфонического оркестра. «Каких только способов люди не придумают, чтобы извлекать музыкальные звуки!» [5; 6] — восклицает повествователь. Читатели узнают от него о музыкальных инструментах (барабаны, треугольник, тарелки, литавры, гонг, ксилофон, кастаньеты — и это только

ударные), об истории появления некоторых из них (например, в качестве кастаньет раньше использовали каштаны, которые зажимали в руке), о голосовых связках, о нотных тетрадях и партитуре, о структуре музыкального произведения, о том, как музыканты готовятся к спектаклю, как разыгрывается оркестр, а также о том, какое воздействие может оказывать музыка: «Иногда от нее хочется прыгать и размахивать хвостом, иногда — закрыть глаза и мечтать, а бывает, что хочется плакать» [5, 59–60].

Сведения о музыке настолько органично вплетаются в повествование, что их трудно вычленивать, представить в виде отдельных отрывков. Информация поступает читателю одновременно с сюжетом. Так, имя героя — Тео, Теодор — восходит к Эрнесту Теодору Гофману и опере Жака Оффенбаха «Сказки Гофмана». В семье героя есть традиция называть новорожденных мышат в соответствии со спектаклем, который идет в театре в день их рождения. Например, брата и сестру Тео называли именами из оперы «Волшебная флейта»: Тамино и Памино, а дома из зовут Том и Пам.

Неспешный рассказ мышонка о своем доме — театре — это полноценный художественный текст. Театр выступает здесь ключевым элементом сюжета, обилие культурологической информации, безусловно, значительно обогащает произведение, однако это все же не является поводом причислить книгу к научно-популярным текстам. Здесь полностью отсутствует аппарат подобного издания: предисловие, подстрочные примечания, указатели терминов, список литературы и прочее, не берет на себя ориентирующую функцию и оглавление. В наличии лишь рисунок-схема театра и в приложении несколько фигурок музыкантов, которых нужно вырезать и соотносить с тем или иным музыкальным инструментом. Автор осторожно подходит к отбору фактического материала, избегая чрезмерности, способной вредить содержанию, уводить читателя от главного.

Сюжет, однако, не исчерпывается путешествием по театру. Мышонок Тео в произведении выступает полноценным героем, он не статичен, сюжет помогает раскрыть его внутренний мир, ставит в ситуации выбора. Читатели узнают о его принципах, своеобразном кодексе чести, о мечтах, сомнениях и ближайших планах. Персонаж не обладает какими-либо волшебными способностями, кроме умения говорить, мыслить и читать, несвойственного реальному мышонку, он существует в мире, живущем по тем же законам, что и читатель. Логика его поведения понятна и ребенку, и взрослому, который, озвучивая текст дошкольнику, тем не менее, и сам является полноправным читателем.

В произведении есть темы, предназначенные ребятам более старшего возраста. Им, например, будут понятны чувства Кости, которому очень нравится девушка из оркестра, скрипачка, однако та не разде-

ляет его симпатии, а если и общается с ним, то только из вежливости. Важны и мысли Тео о ценности дружбы и о том, что для настоящей духовной близости не имеют значения никакие внешние различия: никто из мышей никогда не понимал Тео так, как Костя, человек.

Взрослому же читателю, по-видимому, будет интересно поразмышлять над темой служения искусству, темой подвига во имя искусства. Рассказывая о семье, Тео упоминает своего дедушку Магеллана, родившегося на корабле. Любовь к бабушке заставила его стать театральной мышью. Видевший настоящее море, он часто смеялся над морем бутафорским. Тем не менее, когда на спектакле запутались тросы, приводившие в действие декорации, Магеллан залез под потолок, перегрыз канат и ценой собственной жизни починил море. «Это подвиг или бессмысленная глупость?» — задается вопросом герой, а вслед за ним и читатель.

Тема подвига, широко представленная в произведениях советской литературы, практически исчезла из современных текстов для детей. В школе она обсуждается только на материале классической русской литературы XIX–XX веков, в особенности на базе книг о Великой Отечественной войне. Что считать подвигом? Всегда ли подвиг оборачивается гибелью? Каждый ли человек может совершить подвиг? На эти и другие вопросы маленький ребенок не может ответить самостоятельно. Здесь уместными будут пояснения родителей. В случае, если они не считают нужным говорить об этом, возможно не акцентировать внимание дошкольника на этих эпизодах.

Автор не случайно рассказывает о подвиге дедушки. Тео тоже оказывается в ситуации, требующей незамедлительного действия. В чужом театре, в который музыканты приехали на гастроли, Костя, чья партия была в самом конце спектакля, оказался случайно заперт в оркестровой. Мышонок принимает решение спасти спектакль: чтобы ударить в тарелку, он прыгает на нее с бортика балкона осветителей. И если дедушка, по мысли Тео, спас спектакль из-за любви к музыке, сила которой «способна превратить куски раскрашенного картона и ткани в настоящее море» [5; 25], то сам Тео совершил подвиг во имя дружбы, ради Кости, который исполнил его заветную мечту — увидеть настоящее море. Вопреки здравому смыслу герой остается жив, тельце мышонка находят в оркестровой яме, и он, забинтованный от ушей до кончика хвоста, на пароме вместе с музыкантами оркестра плывет домой. Нереальный счастливый конец вновь возвращает читателя в плоскость сказки.

Сделать произведение по-своему интересным для представителей каждой адресной группы позволила прежде всего тема музыки. Предлагая информацию в доступной форме, автор тем не менее создает текст, способный если и не приобщить читателя к миру музыки, то подтолкнуть к посещению

театра, в котором теперь, после чтения книги, тот будет чувствовать себя как в гостях у близкого друга, которым становится для читателей мышонок Тео.

Выбор широкой темы, одинаково близкой людям разного возраста, является одним из основных требований к произведениям с расширенной адресацией. Так, в книге Зины Суrowой «Лето в Деревне» ведущей темой становится летний отдых. Рассказчик — одиннадцатилетний мальчик Лука, он с семьей проводит каникулы в доме, незадолго до этого купленном родителями. Уже в названии заключен обобщенный образ деревни: нарицательное существительное выступает в роли собственного, хотя в тексте реальный или вымышленный топоним — Иваново — присутствует.

В произведении нет единой сюжетной линии, повествование организовано в жанре дневниковых записей с традиционной последовательной фиксацией событий. Каждая из 19 глав датирована и озаглавлена несколькими по преимуществу назывными предложениями, позволяющими выделить ряд смысловых частей. Например, «6 августа. Экскурсия в баню. Опасная находка. Праздник. Новое знакомство».

Количество героев невелико: помимо родителей Луки, его десятилетней сестры Таси и еще двух семей дачников, чьи дома расположены неподалеку, читатели знакомятся лишь с несколькими коренными жителями: молочницей Полей и дядей Тимофеем, по прозвищу Змей Горыныч, остальные упоминаются лишь вскользь. Автор рисует образ типичной современной деревни со всеми присущими ей проблемами: отсутствием работы и, как следствие, малочисленностью населения и пьянством, недостаточно развитой инфраструктурой и невозможностью легко добраться до пункта назначения: асфальтированная дорога заканчивается за 4 километра до деревни.

Пьяницей как раз является дядя Тимофей. Рассказчик объясняет читателю, что собой представляют пьющие люди и чем они отличаются от обычных людей. На этой проблеме мальчик останавливается потому, что взрослые обычно стараются избегать разговоров об этом.

Зина Суrowа — художник-иллюстратор и автор серии познавательных книг — представляет читателю не столько именно художественную книгу, сколько сборник идей для летнего детского отдыха, подобный популярным книгам с советами, хитростями, именуемыми сегодня лайфхаками, или даже своеобразный путеводитель, справочник, помогающий весело и разнообразно провести каникулы в деревне. А поскольку в подобном издании должна содержаться максимально полная информация, автор не избегает неудобных тем.

Читатели не только узнают о событиях, происходящих с героями повести, но и сами могут заняться тем же, воспользовавшись советами из книги: сходить на рыбалку и приготовить из улова шкару —

блюдо из мелкой тушеной рыбы с луком, сделать этикетки для банок с вареньем, построить шалаш, нарисовать план участка, зарыть клад и предложить друзьям найти его, научиться завязывать морские узлы, смастерить огородное чучело или куклу из скошенной травы или деревянных палочек, рассмотреть ночное звездное небо, сшить лоскутный половичок, поставить спектакль.

Автор использует любую возможность, чтобы сообщить читателю интересные и нужные сведения: о травах, которые растут около дома и в лесу, о преимуществе косы перед газонокосилкой, ее составных частях и размерах, об отличии гадюки от ужа, а бублика — от баранки и сушки, об устройстве бани и русской печи, о наличниках и их разнообразии, о местном диалекте и о многом другом. Некоторые вещи могут показаться читателю очевидными, однако информация об особенностях быта деревни нужна для тех ребят, кто никогда там не жил.

Эти сведения вписаны в текст или представлены на полях в качестве красочных рисунков с подписями, схем или рецептов. Несмотря на их обилие, книга воспринимается как цельное художественное произведение: читатель следует за сюжетными перипетиями, радуется и переживает вместе с героями.

В качестве эпиграфа Зина Суrowа выбирает слова знаменитой французской писательницы Анны Гавальды: «Если у меня однажды появятся дети, клянусь — я не позволю им расти среди машин, ни за что... Ребенок, у которого нет резиновых сапог, удочки и рогатки, — не ребенок» [6, 1]. Эти слова во многом определяют адресацию: повесть для семейного чтения, для детей, их родителей, бабушек и дедушек, которые тоже когда-то были детьми. Так в сочетании жанров появляется книга, служащая стимулом к диалогу представителей разных поколений и предполагающая совместную деятельность, книга, способная объединить семью.

Некоторые из затронутых автором тем напрямую обращены к старшему поколению. Соседи главных героев, дачники, — бабушка и ее внук Лелик — и в деревне ведут городской образ жизни. Мальчик в белых носках, светлых шортах и белой футболке полдня сидит дома за компьютером, ему позволено также играть в мяч или в настольные игры в пределах видимости бабушки. Ему запрещено ходить босиком (здесь могут быть гадюки), отходить далеко от дома (можно заблудиться), строить крепость из песка и глины (легко испачкаться) и так далее. После некоторых сюжетных перипетий ребята и их родители совместно принимают свод деревенских правил, позволяющих, с одной стороны, не волноваться родителям, а с другой стороны, интересно проводить время детям.

Значительный объем произведения (15,4 печатного листа) и его многоплановость осложняют самостоятельное чтение не только для дошкольников,

но и для школьников первых классов. Вместе с тем книга рассчитана не на разовое, а на многократное повторное обращение к тексту или его частям, вне зависимости от сюжета, что также роднит ее со справочными изданиями.

Немного существует тем, одинаково близких людям разного возраста, одна из них — Новый год. Книга Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Правдивая история Деда Мороза» предназначена для семейного чтения, но каждому из представителей своей возрастной категории она интересна по-своему. Уже в предисловии авторы, обращаясь к читателям, определяют адресата максимально широко: «Дорогие наши читатели, взрослые и дети, а также взрослые дети!» [7, 3], подчеркивая тем самым, что в этот любимый праздник каждый взрослый тоже ненадолго становится ребенком.

Действие сказки, очень похожей на правду, а именно так определяют жанр ее авторы, происходит в Санкт-Петербурге [8]. Повесть состоит из 13 глав, заголовком которых служат даты: от декабря 1911 до декабря 2013 года. Главный герой — Сергей Иванович Морозов, инженер-путеец. Он нежно любит своих племянников и старается баловать их подарками, особенно на Рождество.

Однажды, незадолго до наступающего 1912 года, он с женой на прогулке попадает под необычный снегопад и приобретает волшебное свойство: при тактильном контакте с ребенком не только получать визуальную информацию о желаемом подарке, но и каким-то образом способствовать его реализации. В известное время малыш находил под елкой заветную вещь: куклу с малиновыми волосами, железную дорогу, целую армию солдатиков, живого котенка, пожарную машину, губную гармошку...

Деду Морозу, как со временем начинают называть Сергея Ивановича, помогают птерки и охли, герои ранее придуманной им самим для племянников истории. Описание в тексте отсутствует, так что их внешний вид — фантазия иллюстраторов. Эти существа, ростом с мизинец, помогают собирать желания, которых с каждым годом становится все больше и больше, классифицируют их по степени сложности: бывалые и небывалые, могут самостоятельно выполнить желания первой группы, а также приносят своеобразный отчет, выпускают звездочку, свидетельствующую о том, что подарок получен, а ребенок счастлив.

Этот срез многослойного повествования ориентирован на детей дошкольного и младшего школьного возраста, с интересом следящих за поведением многочисленных птерок и охлей, прибывающих в квартиру Морозовых в конце декабря. Малыши пока еще легко могут принять новых героев и такую версию появления подарков. Ребятам постарше, а также взрослым, эти персонажи, не вписывающиеся в давно сложившееся традиционное представление

о главном новогоднем волшебнике и его помощниках, кажутся фальшивыми, избыточными.

Время проходит, но чета Морозовых не меняется. Волшебный снег сделал их неуязвимыми для естественных процессов старения на целых сто лет. Именно за такой период и сформировались, по мнению авторов, новогодние традиции, о которых и повествуется в книге. Первые сведения о различных датах празднования Нового года в России, о возникновении обычая ставить елку и о появлении Деда Мороза и Снегурочки читатель получает в предисловии. Каждую главу также предваряет историческая справка, сообщающая как о важных этапах в жизни страны, так и о бытовых реалиях того времени.

Данная справка адресована прежде всего детям среднего школьного возраста, хотя заинтересует и более старшую аудиторию. Повествование о прошлом требует значительных пояснений, которые в избытке присутствуют в книге в качестве внетекстовых элементов. Читатели могут получить толкование устаревших слов, узнать о транспорте того времени, о несуществующих сегодня профессиях дореволюционной России, о детской одежде, истории открыток, о личных документах, учебе в гимназии и о многом-многом другом. Каждый новый этап в истории страны требует своих комментариев.

Так, в одном из эпизодов Наташа, племянница главного героя, уже являясь взрослой дамой, но сохраняя веру в чудо, в декабре 1935 года просит дядю «чтоб все обошлось»: на мужа на заводе кто-то написал анонимку, что он непролетарского происхождения [7, 71]. И несмотря на словарные статьи на полях («Про непролетарское происхождение», «Анонимка»), школьнику могут понадобиться разъяснения родителей.

«Правдивая история Деда Мороза» не претендует на статус исторического исследования. Это художественное произведение, в котором авторы обращаются к основным этапам развития нашего государства в том объеме, в котором это, с их точки зрения, необходимо. Они представляют свое видение некоторых событий, дают свою оценку деятельности ряда исторических персонажей, которая может не совпадать с мнением взрослых читателей и даже показаться им излишне вольной.

История страны, а особенно ее трагические страницы, находят отпечаток и в новогодних желаниях детей. На смену куклам и паровозам приходят горькие просьбы о возвращении живым папы, ушедшего на фронт, о горбушке хлеба или о маленьком кусочке сахара. О своих мечтах могут вспомнить и взрослые читатели этой книги: они увидят солдатиков в коробке, коня на колесиках, куклу, которая умеет ходить, «настоящий» билет на кремлевскую елку и даже коробочку конфет «Малютка».

На страницах книги оживает не только история России, история Нового года, но и история семьи.

Обращение к тексту становится прекрасным поводом для старшего поколения поговорить с детьми и внуками о своих новогодних традициях, своих подарках, полученных в детстве, показать свои фотографии и достать с антресолей елочные игрушки, копии тех, которые представлены в книге.

В декабре 2011 года Сергей Иванович с супругой лишаются возможности продлить свое бессмертие с помощью волшебного снега: для обеспечения хорошей погоды во время проведения спортивного праздника тучи были расстреляны. В возникшей ситуации на помощь приходят компьютерные технологии: пожелания детей были адресованы их родителям и благотворительным организациям. Но и в этот раз Сергея Ивановича, имеющего теперь в сети ник DedMoroz, ждали сотни тысяч звездочек: чудо существует, пока в него верят, а помочь в реализации чьей-то мечты может каждый.

Произведения для широкой целевой аудитории, включающей всех членов семьи, обладают рядом отличительных черт. Созданные на стыке художественной и научно-популярной литературы, имея в основе сюжет как двигатель повествования, они вбирают в себя значительный объем сведений из различных областей знания, имеющих познавательную и практическую направленность. Выбор темы, одинаково интересной представителям разных поколений и неспособной вызвать неприятие, негативные эмоции, отсутствие излишней дидактики призваны отвечать ожиданиям читателей любого возраста.

Созданная автором многослойность текста, возможность повторного обращения к произведению или отдельным его частям позволяет представителю каждой адресной группы найти в тексте то, к чему он подготовлен в силу своего возраста или читательского опыта. Немалое значение имеет и художественное оформление таких книг: оно выполняет здесь не только эстетическую и эмоционально-психологическую функцию, иллюстративный

материал поясняет, расширяет, дополняет текст, предоставляя возможность реализовать те или иные авторские идеи.

Секретом популярности современных полиадресных произведений становится и их побуждение к диалогу и совместной деятельности между представителями разных поколений одной семьи. С удовольствием включаясь в предложенные автором проекты, взрослые и дети получают прекрасную возможность лучше понять и узнать друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова М. А. Взаимоотношения ребенка и взрослого в современной поэзии для детей / М. А. Денисова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 4. — С. 13–17.
2. Литовская М. А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка / М. А. Литовская // Детская литература сегодня: сб. научных статей. — Екатеринбург: УрГПУ, 2010. — С. 25–34.
3. Лукомников Г. Хорошо, что я такой. Почти детские стихи: [поэтический сб. для семейного чтения]. — М.: Самокат, 2019. — 96 с.; Сабитова Д. Р. Мышь Гликерия. Цветные и полосатые дни. / Д. Р. Сабитова. — М.: Розовый жираф, 2012. — 88 с.
4. Дашевская Н. С. Вивальди. Времена года»: музыкальная история / Н. С. Дашевская. — СПб: Детское время, 2018. — 64 с.
5. Дашевская Н. С. Тео — театральный капитан / Н. С. Дашевская. — М.: Самокат, 2019. — 112 с.
6. Сурова З. Лето в Деревне: повесть для семейного чтения / З. Сурова. — М.: Манн и Фербер, 2015. — 176 с.
7. Жвалевский А. Правдивая история Деда Мороза / А. Жвалевский, Е. Пастернак; [ил. Виктор Бритвин, Ольга Муратова]. — М.: Лабиринт Пресс, 2013. — 131 с.
8. Закутняя О. В. Проблемы жанра «Правдивой истории Деда Мороза» А. Жвалевского и Е. Пастернак / О. В. Закутняя // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Том 15. — № 4. — С. 149–164.

Воронежский государственный технический университет

Денисова М. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода
E-mail: deni-mar@list.ru

Voronezh State Technical University
Denissova M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages and Translation Technology Department
E-mail: deni-mar@list.ru

БЕСПОЛЕЗНОЕ ВРЕМЯ: ОБРАЗ ВОРОНЕЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Т. А. Дьякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается семантика образа Воронежа в аспекте бесполезного города. Писатель обращается к реалиям воронежской поездки накануне 1915 года и усматривает в этом voyage знаки катастрофических изменений XX века. Рассказ Б. Зайцева — пример особого темпорального восприятия истории в художественной системе ранней прозы писателя.

Ключевые слова: символический образ, историческое время, авторское время, Воронеж, художественная система воззрений Б. К. Зайцева.

Abstract: the article considers the semantics of the image of Voronezh in the aspect of a useless city. The writer turns to the realities of the Voronezh trip on the eve of 1915 and sees in this voyage signs of catastrophic changes of the twentieth century. The story of B. Zaitsev is an example of a special temporal perception of history in the artistic system of the writer's early prose.

Keywords: symbolic image, historical time, author's time, Voronezh, artistic system of views of B. K. Zaitsev.

В творчестве Бориса Зайцева, как и других представителей первой волны русской эмиграции, дореволюционная Россия в её многогранном проявлении провинциальной жизни постоянно находит ностальгическое воплощение. В художественный ряд литературных представлений этого писателя органично вписаны и воронежские реалии. В 1938 году в № 4113 «Возрождения» он опубликовал рассказ «Бесполезный Воронеж», в котором образ этого города приобрёл символические черты эпохальных изменений XX века. Однако это был не единственный случай письменного упоминания Воронежа Б. К. Зайцевым.

Достоверно известно, что знакомство с этим городом у писателя началось не позднее 13 июня 1913 года, когда в письме к Ивану Алексеевичу Новикову Борис Константинович писал: «Я собираюсь на днях в Воронежскую губернию к Устиновым, на не надолго. Но нет денег, сижу и жду манной небесной из „Заветов“» [4, 105].

Упоминает Б. К. Зайцев Воронеж и позднее, в письме от 1 мая 1914 года, адресованном ярославскому издателю Константину Некрасову, с которым писатель несколько лет сотрудничал, активно поддерживал выпуск издаваемого им и редактируемого Павлом Муратовым литературно-художественного журнала «София». В послании речь идёт о переводе произведения В. Альфьери: «Г-же Минович оставалось дополнить кое-что за перевод, а Вас не было. Ей послала 100 р. по моей просьбе А. Андреева, поэтому, когда будете высылать Андреевой гонорар за вступительную статью, прибавьте эти 100 р.,

а у Минович, буде еще что-нибудь осталось, — вычитите. Адр<ес> Александры Алексеевны Андреевой: Брюсовский пер.; соб<ственный> дом. Варвары Григорьевны Минович: Воронеж, Верхне-Дьяконовская, 1» [4, 115].

Импульсом для создания рассказа «Бесполезный Воронеж» стала поездка писателя в этот город накануне 1915 года, планы на которую он строил заблаговременно. Известно, что 5 декабря 1914 года Борис Константинович просит Бунина о помощи: «Дорогой Иван Алексеевич, у меня есть к Вам следующая просьба — буду очень благодарен, если ее исполните. Мы с Верой числа 15-го собираемся в Воронеж, на все Рождество. Очень бы хотелось получить к тому времени деньги за повесть. Если альманах выходит на днях, то и отлично; если же запоздает, перейдет на январь, то нельзя ли выслать мне теперь же 100 р. в счет аванса? Это меня устроило бы» [4, 129–130].

А 23 декабря 1914 года Борис Зайцев в письме к К. Ф. Некрасову по поводу перевода воспоминаний Казановы вновь упоминает о своём турне к воронежским друзьям: «Пришлите, пожалуйста, продолжение рукописи в Воронеж, Острогжская, д. Ключкова, Вере Зайцевой. Я еду туда через 2 дня, а Вера уже там. <...> Думаю, пробудем в Воронеже числа до 7-го — 8-го» [4, 133].

Через пять дней Зайцев сообщает поэту и критику Н. С. Ашукину, который работал в это время в конторе журнала «Рампа и жизнь», а также был секретарём редакции в издательстве К. Ф. Некрасова: «Многоуважаемый Николай Сергеевич. Спасибо Вам за доброе письмо, за доброе отношение ко мне, и к моему роману. Пишу Вам из Воронежа, где мы с женой и до-

черью проводим праздники. Здесь так же обширно и тихо, как в Ярославле, нет таких замечательных церквей, но дыхание России в огромной мере ощущается. Воронеж — тихий и просторный город. Тут хлеба много, и полей» [4, 133]. В тот же день Зайцев высылает из Воронежа письмо и поэту, журналисту Ефиму Львовичу Бернштейну, издававшемуся под псевдонимом Ефим Янтарёв.

По возвращении из Воронежа отправляет письма К. Ф. Некрасову (7 января) и Д. В. Filosoфовой (15 января), из которых следует, что в Воронеже Зайцев занимался мемуарами Джакомо Казановы и вынашивал план двух новых литературных текстов, посвящённых войне и деревне.

Воспоминания о рождественском путешествии долго не покидают Бориса Константиновича. 17 апреля 1915 года Зайцев пишет большое письмо И. А. Новикову, в котором не только вновь упоминает воронежскую поездку, но и делится своим мироощущением от происходящего, от всего того, что будет позднее иметь прямое отношение к атмосфере «Бесполезного Воронежа». «Вот и зима прошла — такая странная, и страшная в этом году! Как ты, вероятно, знаешь, первый раз мне пришлось всю зиму провести в деревне. Само по себе это не оказалось плохим, или труднопереносимым. Правда, за это время мы дважды были в Москве, и на Рождестве — в Воронеже. <...> Но в некоторых чисто личных отношениях, зима для меня была очень тяжела — и Бог с ней, что прошла! Не говорю уже о самочувствии своем как гражданина России, и вообще как человека, выросшего в заветах христианской цивилизации. Достаточно все мы были холодны к разным Бисмаркам, „бронированным кулакам“ и пр. Но все же предположить в них то, что оказалось — очень было трудно (по крайности, для меня). Радостно то, что наша, так любимая нами с тобой страна, оказалась на высоте трагедии, выпавшей на ее долю. Все-таки, молодцы, молодцы наши! И их поведение на войне, и отношение к ней, и скромность, молчаливость в беде, терпение, мощный приток сочувствия из общества, подъем самого общества — все это очень хорошо. Радостно знать, что вопреки всем скептикам-хулителям есть разные Макухи и Панасюки, в буквальном смысле слова кладущие душу свою за други своя» [4, 139–140].

В разговорах о литературных и бытовых заботах незримо присутствует военная атмосфера. Позднее, в рассказе, опубликованном 26 августа 1934 года в Париже, Борис Зайцев разместит свои воспоминания о первых месяцах Первой мировой войны «Та осень (Двадцать лет)», где эпизод с приездом семьи писателя в Воронеж накануне 1915 года получил одно из важнейших мест. «Помню этот просторный, сытный, покойный город с монастырем, далеким заречным видом, с ощущением огромных пространств вокруг — пространств не подмосковных, а степных и скифских... Я жил в молчаливом и роскошном доме

миллионера воронежского, городского головы. Ряд скучных, в зеркалах, комнат, все давнее, слежавшееся, застывшее» [4, 287].

Спустя двадцать лет после начала Первой мировой войны, которую Борис Зайцев воспринимает началом глобальных потрясений, охвативших многие цивилизованные народы, писатель, безусловно, соотносит не только с историческими последствиями, но и грядущими опасностями новых социальных катастроф, связанных с усилением политической активности в Европе Адольфа Гитлера. В воспоминаниях «Та осень...» он будет горестно констатировать: «И вот — двадцать лет. Как в синема: дрогнуло что-то, перескочило сразу чрез бездну. Гимназистов наших давно нет. Подросли, пережили войну, в революции легли оба — „убиенные и умученные“. Климка умер. Отошли и владельцы земли нашей тульской. В моем флигеле ветеринарный пункт — говорят, там стоят теперь лошади. Мой хозяин воронежский повесился в Москве с голоду. Я живу в западной части Парижа и во сне часто вижу родину».

И Воронеж, о чём свидетельствует неоднократно упоминание Зайцевым этого города, оказывается особым местом в пространстве его Родины. Но какие грани символического прочтения Воронежа для писателя становятся доминантными?

По словам Бориса Константиновича, просторный, сытный и покойный город с монастырём, далеким заречным видом, с ощущением огромных степных пространств вокруг контрастировал со столичной жизнью 1914 года, где война уже оставила свои разрушительные приметы. «Равномерная жизнь, равномерная скука, священнодействие обедов, холод богатства, серебряный хлад снега на улицах, воронежские вороны — чувство отрезанности и совсем от войны даль».

На самом деле первые признаки военной катастрофы стали ощущаться в Воронеже уже осенью 1914 года, до упоминающейся поездки Б. К. Зайцева. Уже к концу октября эшелоны доставили в город почти 800 раненых. Известно, что 6 декабря 1914 года инспектировать воронежские госпитали приезжал император Николай II. К приезду царской делегации в городе срочно отремонтировали мостовые, на центральных улицах покрасили фасады зданий, задекорировали сосновыми ветками развалины Круглых рядов. В своём дневнике Николай Александрович записал: «Поехали в собор, отстояли архиерейскую обедню, поклонились мощам свят. Митрофана и осмотрели небольшой лазарет тут же в монастыре. Вернулись в поезд к завтраку. От 2,5 до 5,5 ездили по остальным лазаретам, очень хорошо устроенным. Город встретил нас горячим приёмом и тёплой погодой» [1, 224].

Под госпитали оперативно приспособили Маринскую женскую гимназию, Среднетехническое и Музыкальное училища и, конечно, Губернскую земскую больницу. И уже в начале 1915 года Дом воронеж-

ского дворянства, куда писатель ходил в дни рождественских праздников на концерты, также будет отведён под медицинские цели военного времени. Задокументировано, что к 1 января 1915 года в самом городе было развёрнуто 23 госпиталя на 3 600 коек для раненых, а во всей Воронежской губернии — 75 госпиталей [2, 4].

О том, что происходило непосредственно в этих лазаретах, оставила свои литературные свидетельства Елизавета Милицына, во время войны служившая сестрой милосердия. «Хожу между койками, заглядываю в лица, глаза. Полные впечатлений смерти, раненые жадно ловят каждый светлый блик жизни, и маленькая ласка, и тёплое слово, простой приветливый кивок кажутся им чем-то большим-большим.

<...> Госпиталь просыпается. Раненые встают, умываются. Начинается уборка палат. Питьё чая. Приехал доктор. Опять идут на перевязку. Опять готовятся к операциям.

Тихо иду домой. Грязные улицы, дома, люди — всё словно затушено, удалено. Всё будто спит во мне...» [8, 49; 54].

И Воронеж военного времени, и ощущения жительницы, соприкоснувшейся в родном городе с человеческими трагедиями, перенесёнными с фронтовых зон в тыловой город, совсем не похожи на оценки Бориса Зайцева.

Конечно, от глаз приехавшего на рождественские праздники литератора многое было скрыто. В том числе и то, что все воинские части, которые перед войной дислоцировались в Воронежской губернии, были отправлены на фронт. Остались лишь небольшие кадры для полков второй очереди. Вскоре из них в Воронеже были сформированы 233-й Старобельский и 234-й Богучарский пехотные полки, которые отправились в район Варшавы. Кроме того, на территории Воронежской губернии были образованы 24 пешие воронежские дружины государственного ополчения.

Город в течение 1915 года стремительно менялся. Заводы Столя и «Рихард Поле», мельницы, маслобойный завод и другие пищевые производства стали работать на оборону. И все социальные трансформации военного времени не миновали и город рождественской поездки Зайцева. В этом смысле Воронеж вовсе нельзя назвать бесполезным городом.

Но дело не только в том, что Борис Константинович оказался в Воронеже в начале военных действий, а и в том, какой ракурс зрения он задаёт себе. Для сравнения можно обратиться к свидетельствам известного словацкого писателя Янко Есенского, попавшего расконвоированным военнопленным на вольное поселение в Воронеж в марте 1916 года.

«Город оказался большим. Торговля процветала, была там почта, постоянно действующий театр, кондитерская, гостиницы, кино и три или четыре сквера. Бюст Кольцова в Кольцовском сквере, памятник

местному поэту Ивану Саввичу Никитину — усталому старику лет пятидесяти, худощавому, с длинными волосами, небольшой бородкой, с бессильно повисшими руками; в Петровском сквере — памятник Петру Великому с папай из снега на оголённой голове, густыми усами, строго сдвинутыми бровями и якорем в правой руке... Завтракал я в кондитерской у Тифенталей. Чудесный кофе и шоколад совсем не сочетались с моим внешним видом, однако русских это нисколько не удивляло» [3, 83].

Воронеж у Есенского имеет много подробностей, в канве его дневниковых записей он запечатлён местом временного пребывания военнопленного солдата австро-венгерской армии, ожидающего окончания войны. Город вписан не только в конкретное историческое время, но и в биографическое время автора записок. У Есенского город — документален, у Зайцева — импрессионистичен по описанию и символичен по художественной идее.

Тема бесполезного путешествия в Воронеж отчасти обозначена самим автором. Пользы от воронежских каникул — бесцельных, праздных — не видел отец Бориса Константиновича, что стало косвенным основанием для названия рассказа. И всё же ключ к пониманию общей идеи произведения следует искать не только в исторических и биографических обстоятельствах жизни литератора, но и в общеэстетической и художественной системе воззрений Зайцева, стержнем которой А. М. Любомудров считал грани соприкосновения «духовного и бытового, звездно-небесной легкости и тяжкого гнета земных забот» [7, 12].

К образу Воронежа Б. К. Зайцев обращался не только в письмах и литературных текстах, запечатлевших вояж в провинциальный тыловой город в начале Первой мировой войны. Воронежские реалии приобретают у писателя более универсальные характеристики, не связанные с оценкой конкретной историко-культурной ситуации. Кроме того, нетрудно заметить, что всякий раз Воронеж видится писателю вне своих административных границ, он присоединяет к образу города и бесконечные пространства, в которых тот существует столетиями. Степи, мимо которых пролегает дорога на Воронеж, навевают у прозаика мысли о далёком прошлом, когда «из-за черты горизонта на востоке, шли эти орды, из-за Каспия. Астрахань, низовье Волги, да и дальше ездили на поклон русские князья, погибали там, мученические венцы стяжая. И прошло всё — как гроза, как ураган, косивший Анненгофскую рощу, — лишь курганы сторожевые остались» [5, 430].

И прогулки по городу рождали в сознании писателя сюжеты о воронежском прасоле, самобытном поэте, впитавшем в себя красоту и бесконечность воронежских степей, песни пахарей, косцов и пастухов, полные грусти и тоски: «Кольцов и Воронеж тоже были Россия, густой, крепкий ее настоем. Пили чай

в купеческом доме, вместе разгуливали по городу, с Острожной горы любовались широкими видами, лугами, лесами дальними — той огромностью и мощью русской, что так чувствуется в Воронеже и его крае. Старина, Собор, св. Митрофаний Воронежский, св. Тихон Задонский... — а внизу под горой старые домики петровской слободы: иной мир, но История, Петр, судостроительство...» [6, 304].

А даже путешествия по Греции воскрешали в памяти Б. К. Зайцева всё те же бесконечные воронежские степи с вековой пылью, поднимающейся из-под колёс телеги. Греческая бесконечность пространств и безбрежность степей центральной России сливаются в сознании Бориса Зайцева в единое вневременное образование.

Воронежские степи, как и сам город, существующий в их пределах многие столетия — это особый маркер времени, не имеющего непосредственной связи с объективно происходящими историческими изменениями. Учитывая весь свод разнородных текстов Зайцева, можно говорить об особом восприятии времени — авторском времени, связанном с личным отношением к описываемым событиям.

Для Бориса Зайцева рождественские каникулы в Воронеже, где война ещё не проявила так явно своей зловещей сути, стали своего рода временным водоразделом между многовековым порядком человеческого бытия и хаосом глобальных потрясений. Здесь он остро осознал, как за одно мгновение необратимо может измениться мир с его естественными каждодневными проявлениями, как может поменяться сам ход жизни. Вот почему Борис Зайцев вновь и вновь возвращался к образу этого города, физически ощущая разрыв времени не только исторического, но и экзистенциального. Эта темпоральная пропасть фиксируется в его сознании нарастающим валом частных судеб и событий. Бесполезная жизнь в Воронеже, как и в других русских городах, кото-

рую в один миг потеряли люди, становится знаком утраты всей прежней благополучной жизни, всего мирного времени прошлого в противовес той катастрофе, которую несла война и которая мыслилась зачинщикам гибельных событий XX века какой-то чудовищной и преступной пользой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А. Н. Династия Романовых и Воронежский край (1696–1916) / А. Н. Акиншин, Н. А. Комолов. — Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2014. — 288 с.
2. Деятельность Воронежского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам за 1914 год // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. № 1 (3 июля 1916 г.). Воронеж: Тип. В. Д. Колесникова, 1916. — С. 4–9.
3. Есенский Я. Воронеж. Главы из книги «Путь к свободе. Отрывки из дневника 1914–1918 годов» / Я. Есенский // Ямская слобода. Опыт губернского литературного процесса. Отделение пятое. / Ред.-сост. Д. Дьяков. — Белгород, 2014. — С. 81–99.
4. Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. — М.: Русская книга, 2001. — 384 с.
5. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. / Б. К. Зайцев. — Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. — М.: Русская книга, 1999. — 624 с.
6. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. / Б. К. Зайцев. — Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. — М.: Русская книга, 1999. — 544 с.
7. Любомудров А. М. Неизвестное наследие Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. — СПб.: Росток, 2018. — С. 5–16.
8. Милицына Е. М. Записки сестры милосердия / Е. М. Милицына // Подъём. — 1998. — № 4. — С. 34–107.

*Воронежский государственный университет
Дьякова Т. А., доктор культурологии,
доцент, профессор кафедры истории философии
и культуры
E-mail: tamara16031962@mail.ru*

*Voronezh State University
Dyakova T. A., Doctor of Cultural Studies, Associate
Professor, Professor of the Department of History of Philosophy
and Culture
E-mail: tamara16031962@mail.ru*

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ» И «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ»

А. В. Кочкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2020 г.

Аннотация: в статье анализируются инструменты, обнаруживающие публицистический дискурс в романах Р. Сенчина «Елтышевы» и «Зона затопления», выявляются сходства и различия в методах письма, которые использует автор в художественной ткани произведений.

Ключевые слова: Р. Сенчин, постдеревенская проза, роман, публицистичность.

Abstract: The article analyzes the tools that reveal publicistic discourse in R. Senchin's novels "The Yeltyshevs" and "The Flooded Zone" and reveals similarities and differences in the methods of writing that the author uses in the artistic fabric of works.

Keywords: R. Senchin, post-village prose, novel, journalism.

Постдеревенская проза, факт существования которой вызвал дискуссии [1], [2], вырастает из прозы деревенской, вступает в диалог — соглашаясь или полемизируя — с наследием предшественников-традиционалистов на уровне проблематики, сюжетных ходов, системы персонажей, стиля письма.

Для произведений на сельскую тему начала XXI века характерна тенденция совместить в ткани текста признаки разных эстетических систем. Так, Р. Сенчин утверждает, что главная задача литературы, которую он называет «документом», — «честное отображение происходящего». Писатель отмечает: только «талант автора делает этот документ бесценным» [3]. На наш взгляд, сегодня следует говорить о публицистичности [4] в постдеревенской прозе как способе мышления и высказывания, проявляющемся в остро-социальной проблематике, фактологической точности текстов, субъективности и оценочности повествования, прямоте высказывания, в отказе от классического письма. Примером сказанного могут служить романы Р. Сенчина «Елтышевы» и «Зона затопления».

Попытка писателя «сократить расстояние между действительностью и словом» [5] была неоднозначно воспринята критикой. Прозвучали мнения как о наличии публицистической доминанты в «Елтышевых» («Сила художественного слова Р. Сенчина в социальной остроте, в проблематике, которую автор затрагивает» [6]; «В <...> публицистических вставках есть достойные звания русского писателя боль и сопереживание» [7]), так и о ее отсутствии («<...> практически полностью отсутствует публицистическое начало, выраженный социальный критицизм» [8]; «Сенчин не допускает политизации и не обращается к помощи публицистики» [9]). По нашему мнению, жесткая привязка публицистического начала текста

к политизации и открытому осуждению социальных пороков, прозвучавшая в отзывах Е. Ротай и А. Татинона, не представляется убедительной.

Полярные точки зрения высказывают критики о соотношении документального и художественного в «Зоне затопления» («<...> публицистичность надёжно растворена в художественности» [10], «<...> остросоциальный пафос затмил художественность» [11], «<...> пытается выдать литературу за факт» [5]).

В данной работе мы проведем анализ романов Р. Сенчина «Елтышевы» и «Зона затопления», сопоставив тексты на предмет наличия форм и инструментов, обеспечивающих «явление авторизации публицистического дискурса» [12].

Для обоих произведений характерны типы композиции, присущие публицистическому тексту и описанные Е. П. Прохоровым. В «Елтышевых» использован «сюжетный тип», когда «все компоненты повествования подчиняются раскрытию характера» [13, 352]. В центре внимания писателя семья Елтышевых, в трагедии которой преломилась судьба России [6], — «коллективный герой» [8], идущий по пути расчеловечивания («<...> допустимо стало все» [14, 151]). В «Зоне затопления» «на первый план выступает забота о передаче современности в ее наиболее ярких приметах», что позволяет говорить о «фабульном типе» композиции [13, 352]. Писатель повествует о грандиозной стройке Богучанской ГЭС (замороженной в 70-х годах, но возобновленной властью ради «имиджевого плюса» [15, 10]), об уничтожаемых ею последних «островках деревенской цивилизации» [3] и сотнях поломанных судеб. Отсюда большая, нежели в «Елтышевых», масштабность изображенной катастрофы [11], намеки на события политической жизни современной России [11], обращение к текстам газет, законам, документам, «подчеркнутая фрагментарность» повествования [5]. Чтобы создать художественно осмысленную панораму

жизни на современном отрезке исторического времени, Сенчин работал как публицист: следил за новостями, собирал материалы, апеллировал к собственным воспоминаниям о Сибири [11].

Хронотоп «Елтышевых» и «Зоны затопления» соотносим с новейшей историей страны. Массовая миграция населения после распада СССР («Но в конце восьмидесятых <...> начались национальные конфликты. <...> Некоторые <...> бежали почти без имущества» [14, 70]); Чеченская кампания («<...> как раз тогда началась вторая чеченская» [14, 46]); факты действительности («<...> громынула авария на Саяно-Шушенской ГЭС» [15, 62]; «Летом две тысячи девятого года <...> по реке проплывали писатели» [15, 208]) — документальные события, которые обсуждались в СМИ, стали частью жизни населения страны, оказавшейся в глубоком социально-экономическом и политическом кризисе, поэтому и не остались незамеченными Сенчиным. Эту особенность своего творческого метода писатель объяснил так: «Я полностью завишу от окружающего мира, и сюжет моих произведений рождается от конкретного события из реальной жизни» [16].

Неизменным оказывается и принцип нагнетания негативных событий, с помощью которого все более выпуклыми становятся образ-факт, образ-документ действительности и человека и авторское отношение к происходящему (обреченный переезд в деревню — убийство Елтышевым тетки Татьяны и Харина — гибель младшего сына — смерть Елтышева; сцены похорон, прощаний с односельчанами и родными избами — семейные ссоры — стычка с бандитами — эксгумация — смерть Ткачука — затопление нового кладбища).

Однако трагизм изображенного в «Зоне затопления» многократно усиливается «насильственной сменой образа жизни» [17]. Выдворяемые из родных мест люди не понимают, как противостоять собственному уничтожению. «Зачем такой край топить-от?» [15, 160] — в этом вопросе старого сибиряка, много повидавшего на своем веку, звучит и авторская боль. По наблюдению П. П. Каминского, «когда герой и автор совпадают <...> перед лицом общей ценности <...>, кончается эстетическое событие и начинается этическое» [18, 102], что является приметой публицистического высказывания.

Следует отметить, в «Зоне затопления» (в отличие от «Елтышевых», где изображена дегуманизированная реальность без героя, которому автор мог бы доверить свои переживания) «свет — это люди», которые «облагородят костенеющую действительность» [19].

Отступая от принципов письма традиционалистов, Р. Сенчин отказывается от роли властителя дум, избегает развернутых монологов пророческого содержания. Писатель уверен, что «главная задача литературы — не морализаторство, а честное отображение происходящего» [3]. В романе «Елтышевы» Сенчин, лишив повествование героя, занимает позицию наблюдателя. Поэтому он молчит после совершенного Елтышевым убийства («У Харина хрустнули позвонки.

<...> Елтышев распрямил руку <...>. Топор все еще держал...» [14, 241]. Не берет на себя роль пророка Сенчин и в «Зоне затопления». Авторское сознание просвечивается в раздумьях героев-земляков в форме несобственно-прямой речи, выступающей знаком доверия герою («Как назвать уничтожение части страны?» [15, 207]), в речи повествователя, фиксирующего событийную канву («Распылялись, терялись, исчезали...» [15, 80]).

Тем не менее повествование в обоих романах субъективно и оценочно, окрашено негативным отношением Сенчина к происходящему. Но если в «Елтышевых» авторский взгляд на действительность дается опосредованно, через констатацию очередного факта падения героев («Развалилась семья, вымирает» [14, 283]), то в «Зоне затопления» последовательно обнаруживает себя прямая оценка социальной и политической жизни России («<...> на государство, которое развалилось и погибло, не надеялись» [15, 62]), что позволило критику Д. Грицаенко посчитать главным героем романа власть [11].

Таким образом, на содержательном уровне психологическими инструментами, обеспечивающими воздействующую функцию «Елтышевых» и «Зоны затопления», выступает учет читательского ощущения вовлеченности в круг поднятых проблем. А органичное соединение документальности, опоры на конъюнктуру дня и художественного вымысла переводит повествование из разряда частного случая на уровень эпики, выражает убежденность в гибельности социально-исторических процессов в современной России, вовлекает аудиторию в познание действительности.

Публицистическая доминанта романа также находит выражение на стилистическом уровне текста. В «Елтышевых» Р. Сенчин намеренно нарушает нормы речевого поведения, использует оценочную, сниженную лексику в репликах, монологах героев: «Да хреново» [14, 12], «Подождем тут все» [14, 63]. В «Зоне затопления» писатель обращается к официально-деловому стилю письма, вводя в ткань романа названия законов, тексты распоряжений администраций, газетных статей, «Генеральный план муниципального образования Большаковского сельсовета» [15, 185], что подчеркивает аналитичность повествования. А словарь выступает попыткой зафиксировать уходящую под воду историю народа, отразившуюся в сибирском диалекте. Отказ от классического письма позволил автору сказать правду о национальной катастрофе. Сам Сенчин стилистические особенности своих романов объяснил так: «Но времена меняются, меняются детали, язык» [19].

Чтобы усилить эмоциональную напряженность, помочь читателю в восприятии содержания романов, Сенчин активно работает с синтаксисом и пунктуацией. С помощью экспрессивного многоточия и тире он включает читателя в разговор, побуждает его к ответной реакции, создает поле для размышлений, заостряет внимание на главном: «Тем более что и не думал об этом, боялся думать...» [14, 159]; «Гниль деревяшек

прикрыл и типа — все в порядке...» [15, 195]), «Но молодежь по-прежнему в деревне не держалась — <...> ехала в города...» [15, 96]. Также субъективную окраску повествованию придает расчленение грамматического состава предложения. В парцелляте происходит актуализация наиболее важной с точки зрения писателя информации: «Просыпался без всякого желания вставать. Пытался представить, что может ожидать его сегодня хорошего. Не находил ничего» [14, 171], «А вот взяли их... нас всех и — смыли» [15, 364].

Обращение Сенчина к широко распространенным в газетных статьях экспрессивным синтаксису и пунктуации обнаруживает публицистический дискурс, обладающий «диалогичностью, когда ответные реакции адресата запрограммированы и предполагаются в высказывании» [18, 102].

Таким образом, в обоих романах Р. Сенчин, придерживаясь фактологической точности письма, органично соединяя публицистичность и художественность, создает образы-документы человека и действительности, поднимает наиболее острые проблемы современности, волнующие его, оборачивает частное во всеобщее. При помощи журналистских методов письма писатель воздействует на сознание читателя, ведет его по намеченному пути. Все это обеспечивает романам суггестивность, оценочность и идеологический модус. Разница в том, что, с одной стороны, Сенчин изображает в «Зоне затопления» катастрофу более масштабную, а с другой, высказывает предположение, что надежда все-таки есть и она связана с людьми, его земляками, чего не было в написанных ранее «Елтышевых».

ЛИТЕРАТУРА

1. Микоян А. Есть ли в современной России деревенская проза? / А. Микоян. — Режим доступа: <https://mediastancia.com/articles/4165/> (дата обращения 10.10.2020).
2. Иванова И. Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка? / И. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). — 2013. — № 6(24). — Ч. 1. — С. 88–94.
3. Ефремова Д. Роман Сенчин: «Распутинская проза — последний всплеск большой литературы»: интервью / Д. Ефремова. — Режим доступа: <http://portal-kultura.ru/articles/books/95604-roman-senchin-rasputinskaya-proza-posledniy-vsplesk-bolshoy-literatury/?print=Y&CODE=95604-roman-senchin-rasputinskaya-proza-posledniy-vsplesk-bolshoy-literatury> (дата обращения 10.10.2020).
4. Суровцев Ю. О публицистике и публицистичности / Ю. Суровцев // Знамя. — 1986. — № 4. — С. 208–224.
5. Журов А. Постскриптум. О книге Р. Сенчина «Зона затопления» / А. Журов. — Режим доступа: (дата обращения 10.10.2020).
6. Северная Н. Все серьезно, даже больше (о романе Сенчина «Елтышевы») / Н. Северная. — Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/vse-serezno-dazhe-bolshe-o-romane-senchina-eltyshevy> (дата обращения 20.10.2020).
7. Федченко Н. «Елтышевы» Романа Сенчина... Этюд в очень серых тонах / Н. Федченко. — Режим доступа: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/fedch0811.php> (дата обращения 21.10.2020).
8. Ротай Е. М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Ротай. — Краснодар, 2013. — 24 с.
9. Татаринов А. В диалоге со смертью / А. Татаринов. — Режим доступа: <https://old.litrossia.ru/2010/52/05858.html> (дата обращения 17.10.2020).
10. Авченко В. Роман Сенчин — «Зона затопления». Обзор от Василия Авченко / В. Авченко. — Режим доступа: <https://kotbrodskogo.ru/experience/post/3-roman-senchin-zona-zatopleniya-obzor-ot-vasiliya-avchenko> (дата обращения 17.10.2020).
11. Грицаенко Д. Эхо с Матеры. Роман Сенчин. Зона затопления / Д. Грицаенко // Знамя. — 2016. — № 3. — С. 214–216.
12. Будниченко Л. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет): автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Л. Будниченко. — С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2004. — 43 с.
13. Прохоров Е. П. Искусство публицистики / Е. П. Прохоров // М.: Сов. писатель, 1984. — 359 с.
14. Сенчин Р. Елтышевы: роман / Р. Сенчин. — М.: Эксмо, 2009. — 320 с.
15. Сенчин Р. Зона затопления: роман / Р. Сенчин. — М.: АСТ, 2019. — 474 с.
16. Встречи с писателем Романом Сенчиным (Абакан). — Режим доступа: cbs.abakan.ru/assets/files/virtual/S2018-02-05.pdf (дата обращения 21.10.2020).
17. Беляков С. Больше чем литература / С. Беляков. — Режим доступа: <http://uraljournal.ru/work-2016-2-1641> (дата обращения 17.10.2020).
18. Каминский П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — С. 97–105.
19. Елизарова Е. «Роман Сенчин: Свет в конце туннеля есть — это наши люди» / Е. Елизарова. — Режим доступа: <http://vm.ru/news/2014/03/19/roman-senchin-svet-v-kontse-tunnelya-est-eto-nashi-lyudi-240404.html> (дата обращения 21.10.2020).

Воронежский государственный университет

Кочкина А. В., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: a.w.kochkina@yandex.ru

Voronezh State University

Kochkina A. V., Postgraduate Student of the Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities Department
E-mail: a.w.kochkina@yandex.ru

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ СЛОВ В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ¹

А. В. Рудакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

Аннотация: в статье представлены принципы описания семантики синонимов русского языка с помощью психолингвистических методов. Обращение к языковому сознанию носителей языка позволяет точнее описать семантические сходство и различие близких по значению слов, которые могут быть представлены в Дифференциальном психолингвистическом словаре синонимов. В статье приведен образец словарной статьи словаря.

Ключевые слова: семантика, психолингвистическое значение, ассоциативный эксперимент, синоним.

Abstract: the article presents the principles of describing the semantics of synonyms of the Russian language using psycholinguistic methods. The appeal to the linguistic consciousness of native speakers allows us to describe the semantic similarities and differences of words that are close in meaning more accurately, which can be represented in the Differential Psycholinguistic Dictionary of Synonyms. The article contains a sample dictionary entry of the dictionary.

Keywords: semantics, psycholinguistic meaning, associative experiment, synonym.

При обращении к толковым и синонимическим словарям часто возникает проблема разграничения значения синонимических единиц: в словарях такие лексемы иногда объясняются одно через другое (например, лексемы *презрение* и *пренебрежение*); иногда возникает вопрос о критериях, служащих для объединения в синонимические ряды тех или иных языковых единиц (например, по данным словарей лексемы не являются синонимами, а в языковом сознании носителей языка они таковыми ощущаются; в словарях лексемы указаны как синонимичные, а в языковом сознании они ими уже не являются и др.).

Одним из способов решения данной проблемы является обращение к актуальному языковому сознанию носителей языка. Анализ результатов психолингвистических экспериментов с их последующей семантической интерпретацией позволяет выявить реальное представление респондентов о семантике той или иной лексики, т.е. психологически реальном (психолингвистическом) значении слова.

Цель данного исследования — определить принципы психолингвистического описания семантики синонимов; разработать методику лексикографического представления значений синонимических единиц в Дифференциальном психолингвистическом словаре синонимов.

В Дифференциальный психолингвистический словарь синонимов включены единицы современного русского языка, приводимые в традиционных синонимических словарях русского языка как абсолютные или максимально близкие.

Отобранные единицы выступили стимулами при проведении свободного ассоциативного эксперимента. Испытуемыми были мужчины и женщины разных профессий, уровня образования, возраста (от 17 до 82 лет). Эксперимент проводился в городе Воронеже. Количество испытуемых — 100 и более человек по каждому стимулу.

В результате обработки результатов эксперимента были построены ассоциативные поля всех стимулов по убыванию частотности полученных реакций. Некоторые ассоциативные поля были взяты в готовом виде из АСУРЛ [1], эти поля помечены источником — АСУРЛ. Данные АСУРЛ — 2010–2011 гг., остальные данные относятся к 2018–2021 гг.

Далее методом семантической интерпретации были сформулированы психолингвистические значения исследуемых слов [2]. Для этого была сформулирована психолингвистическая дефиниция каждого значения в опоре на семы, актуализированные ассоциативными реакциями.

Словарная статья Дифференциального психолингвистического словаря синонимов имеет следующую структуру:

1. Название статьи, которое включает синонимическую пару.
2. Ассоциативные поля одноименных стимулов.
3. Психолингвистическое описание значений синонимов.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

4. Сопоставительное описание психолингвистических значений синонимов.

5. Комментарии составителей словаря.

Ассоциативные поля слов-синонимов включают данные свободного ассоциативного эксперимента, в данном разделе указывается источник ассоциативного материала, количество испытуемых и год проведения эксперимента.

Психолингвистическое описание отдельного значения синонима включает:

- краткое психолингвистическое толкование каждого значения (с опорой на 3–5 наиболее ярких сем);
- развернутое психолингвистическое толкование значения по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента;
- симилары: *то же, что...*;
- оппозиции: *противоположно...*;
- фразы, в состав которых входит слово-стимул (типовая сочетаемость, фразеологические единицы, прецедентные тексты, коммуникативные реакции на стимул);
- совокупный индекс яркости каждого значения (СИЯ);
- пример употребления слова в данном значении.

При описании психолингвистического значения слова в словарной статье приводятся сформулированные исследователем семы с указанием индекса ее яркости, а в скобках — обобщенные соответствующей семой реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах (индекс яркости семы высчитывается как отношение количества реакций, которые были интерпретированы как вербальная объективация семы, к общему количеству ассоциатов поля стимула). Семы приводятся в правильной орфографической форме, а реакции — в той форме и орфографии, которые использовали испытуемые.

При развернутой форме толкования отдельного значения слова семантические компоненты, сформулированные в результате семной интерпретации ассоциативных реакций, приводятся в следующей последовательности:

— архисема (с реальным индексом яркости; если ее нет среди реакций, она формулируется исследователем и приводится в квадратных скобках);

— дифференциальные семы по убыванию индекса яркости; они отделяются друг от друга точкой с запятой; вариантные семы приводятся через запятую по убыванию их индекса яркости; семы с одинаковым индексом яркости приводятся в виде перечисления в произвольном порядке, определяемом исследователем, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется;

— единицы метаязыка, необходимые для формулирования связной дефиниции значения, если они

не выявляются непосредственно из реакций в эксперименте, формулируются исследователем и приводятся в квадратных скобках;

— общеоценочные и эмоциональные семы приводятся в конце дефиниции в обобщенном виде — *вызывают неодобрение, вызывают одобрение; вызывают позитивные эмоции, вызывают негативные эмоции*; при возможности указывается конкретная эмоция (*вызывает радость, вызывает гнев, злость и др.*).

Если у слова-стимула несколько значений, то они приводятся в порядке убывания совокупного индекса яркости каждого значения (СИЯ — сумма всех индексов яркости сем). При одинаковом СИЯ нескольких значений они приводятся в словаре в произвольном порядке, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется.

В конце психолингвистического описания значения слова приводятся неинтерпретированные реакции (*не интерпретировано*) и число отказов испытуемых (*не актуально*).

Сопоставительное описание психолингвистических значений синонимов приводится для наглядности в виде таблицы, в которой указываются только семы значений (без конкретизации обобщенных семой реакций испытуемых) с указанием индекса их яркости.

После табличного сопоставления приводятся комментарии, которые позволяют читателю более наглядно представить семантическое сходство и различие соответствующей пары синонимов, а также описываются сходства и различия в обобщенной количественной форме: индекс семного совпадения значений; индекс семной дифференциации значений; совокупная яркость интегральных сем; совокупная яркость дифференциальных сем; общий индекс синонимичности лексем по всем значениям [3, 6–7].

Приведем пример дифференциального описания значений синонимов в словаре.

ВВЕДЕНИЕ — ВСТУПЛЕНИЕ

Ассоциативные поля (2020 г.)

ВВЕДЕНИЕ 200: начало 62; вступление 32; курсовая 27; книга 12; заключение 6; скучная часть моего курсача 3; в заблуждение, в литературоведение, вход, лекарства, оглавление, предисловие, пролог, реферат, содержание, сочинение, текст 2; анализ, ввод, в должность, в жизнь, вода, в работу, заголовок, заинтересовать, инструктаж, курсовая работа, лабораторная работа, литературоведение, мистика, морали, началось, обобщение, ответ, отчет, параграфа, план, предварительно, представление, проекта, проникать, путь, работа, рассказ, теория, то что в начале книжки, триумф, часть 1; отказ 5.

ВСТУПЛЕНИЕ 200: начало 44; выступление, заключение 16; книга 12; введение 10; предисловие, пролог 5; и показание, музыка, на трон, рассказ, сце-

на, текст 4; первая часть, речь 3; вход, на должность, прелюдия, старт, увертюра 2; абзац, брак, в должность, в жизнь, в культ мандаринов, в курсовую, в права, в речах встречается, в ряды любителей пива, договор, доклад, доклада, заголовок, затравочка, зачин, инаугурация, интро, клин, конец, концерт, курсач, лекция, мелодия, на престол, на публике, НАТО, наука, начали, окончание, отклонение, отступление, партия, песня, предварительно, предтечи, пропуска, развитие, разъяснение, ремарка, спектакль, статья, страх, структура, ступа, театральная постановка, текста, художественный текст, шаг, эпизод, эпилог, эссе 1; отказ 1.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Начальная часть текста курсовой работы, книги

Начальная 0,32 (начало 62; то что в начале книжки, началось) часть 0,02 (скучная часть моего курсача 3, часть) текста 0,02 (текст 2, параграфа), например, курсовой работы 0,16 (курсовая 27; скучная часть моего курсача 3, курсовая работа), книги 0,07 (книга 12, то что в начале книжки), реферата 0,01 (реферат 2), сочинения 0,01 (сочинение 2), ответа 0,01 (ответ), отчета 0,01 (отчет), лабораторной работы 0,01 (лабораторная работа), [научной] работы 0,01 (в работу, работа), рассказа 0,01 (рассказ); [начальная часть] проекта 0,01 (проекта), представления 0,01 (представление); [указывается] в оглавлении 0,03 (оглавление 2, содержание 2, план), [содержит] анализ [информации] 0,01 (анализ), [содержит] теоретические сведения 0,01 (теория); [имеет] заголовков 0,01 (заголовок); [используется с целью] заинтересовать аудиторию 0,01 (заинтересовать); [используется с целью] обобщить информацию 0,01 (обобщение, путь); предваряет [основное содержание] 0,01 (предварительно); скучная 0,02 (скучная часть моего курсача 3), пустая по содержанию 0,01 (вода).

То же, что: вступление 0,16 (вступление 32), предисловие 0,01 (предисловие 2), пролог 0,01 (пролог 2)

Противоположно: заключение 0,03 (заключение 6)
СИЯ 1,01

Введение курсовой работы необходимо писать с особым вниманием.

2. Учебный курс

[Учебный курс], [имеет] заголовок 0,01 (заголовок); например, «Введение в литературоведение» 0,02 (в литературоведение 2, литературоведение), [содержит основные] теоретические сведения 0,01 (теория); [используется с целью кратко] обобщить информацию 0,01 (обобщение, путь); предваряет [основной курс] 0,01 (предварительно).

СИЯ 0,06

«Введение в языкознание» изучается на первом курсе филфака.

3. Предварительный инструктаж

Предварительный 0,01 (предварительно) инструктаж [сотрудника] 0,01 (инструктаж) [перед началом] работы 0,01 (в работу, работа) на какой-либо должности 0,01 (в должность).

То же, что: ввод 0,01 (ввод)

СИЯ 0,05

Введение в должность генерального директора Олега Иванова проведет начальник отдела кадров.

4. Внесение лекарства

Внесение 0,02 (вход 2, проникать) лекарства 0,01 (лекарства 2) [в организм человека или животного].

То же, что: ввод 0,01 (ввод)

СИЯ 0,04

Введение хлористого кальция должно проводиться под наблюдением врача.

5. Размещение информации

Размещение 0,01 (ввод) информации 0,02 (текст 2, параграфа, ответ).

СИЯ 0,03

При введении символов обратите внимание на регистр.

6. Внедрение

Внедрение 0,01 (вход 2) чего-либо, например моральных принципов 0,01 (морали), в жизнь 0,01 (в жизнь).

СИЯ 0,03

Введение новых правил поведения поможет легче решать разные проблемы.

Фразы: введение в заблуждение 0,01 (в заблуждение 2)

Не интерпретировано 0,01: триумф, мистика

Не актуально (отказ 5): 0,03

ВСТУПЛЕНИЕ

1. Начальная часть выступления, музыкального произведения, текста книги

Начальная 0,25 (начало 44, первая часть 3, старт 2, начали) часть 0,02 (первая часть 3) выступления 0,12 (выступление 16, речь 3, в речах встречается, доклад, доклада, лекция), музыкального произведения 0,06 (музыка 4, прелюдия 2, увертюра 2; песня, концерт, мелодия), представления 0,05 (сцена 4, театральная постановка, спектакль, на публике, эпизод, ремарка); текста 0,03 (текст 4, текста, художественный текст), например, книги 0,06 (книга 12), рассказа 0,02 (рассказ 4), курсовой работы 0,01 (в курсовую, курсач), доклада 0,01 (доклад, доклада), статьи 0,01 (статья), лекции 0,01 (лекция), договора 0,01 (договор), эссе 0,01 (эссе), [научной] работы 0,01 (наука); [имеет] заголовков 0,01 (заголовок); пишется в виде отдельного абзаца 0,01 (абзац); [использует-

ся с целью] заинтересовать аудиторию 0,01 (*затра-
вочка*); разъясняет информацию 0,01 (*разъяснение*),
предваряет [основное содержание] 0,02 (*предвари-
тельно, предтечи, развитие*); имеет структуру 0,01
(*структура*), при написании вызывает страх 0,01
(*страх, клин*).

То же, что: введение 0,05 (*введение 10*), предис-
ловие 0,03 (*предисловие 5*), пролог 0,03 (*пролог 5*),
прелюдия 0,01 (*прелюдия 2*), зачин 0,01 (*зачин*), ин-
тро 0,01 (*интро*).

Противоположно: заключение 0,08 (*заключение
16*), эпилог 0,01 (*эпилог*), конец 0,01 (*конец*), оконча-
ние 0,01 (*окончание*).

СИЯ 1,01

Вступление в курсовой работе содержит краткую
информацию о ходе исследования.

2. Начало деятельности, например в качестве царя

Начало 0,24 (*начало 44, старт 2, начали*) деятель-
ности в должности сотрудника 0,02 (*на должность 2,
в должность, пропуска*), в качестве царя 0,03 (*на трон
4, на престол*), главы государства 0,01 (*инаугурация*),

супругов 0,01 (*брак*), ученого 0,01 (*наука*); сопрово-
ждается получением прав 0,01 (*в права*); начало са-
мостоятельной жизни 0,01 (*в жизнь*).

СИЯ 0,34

Его вступление в должность управляющего ди-
ректора состоялось вчера.

3. Принятие в организацию

Принятие 0,01 (*вход 2*) в организацию, напри-
мер партию 0,01 (*партия, в ряды любителей пива*),
НАТО 0,01 (*НАТО*).

СИЯ 0,03

Вступление в пионеры в советский период со-
провождалось торжественной клятвой.

4. Вторжение

Вторжение 0,02 (*вход 2, шаг*).

СИЯ 0,02

Вступление на чужие земли часто — это война.

Не интерпретировано 0,04: *и показание 4, от-
клонение, отступление, ступа, в культ мандаринов*

Не актуально (отказ 1): 0,01

Сопоставительное описание психолингвистических значений

ВВЕДЕНИЕ	ВСТУПЛЕНИЕ
1. Начальная часть текста курсовой работы, книги Начальная 0,32 часть 0,02 текста 0,02, например, курсовой работы 0,16, книги 0,07, реферата 0,01, сочинения 0,01, ответа 0,01, отчета 0,01, лабораторной работы 0,01, [научной] работы 0,01, рассказа 0,01; [начальная часть] проекта 0,01, представления 0,01; [указывается] в оглавлении 0,03, [содержит] анализ [информации] 0,01, [содержит] теоретические сведения 0,01; [имеет] заголовок 0,01; [используется с целью] заинтересовать аудиторию 0,01; [используется с целью] обобщить информацию 0,01; предваряет [основное содержание] 0,01; скучная 0,02, пустая по содержанию 0,01. То же, что: вступление 0,16, предисловие 0,01, пролог 0,01 Противоположно: заключение 0,03 СИЯ 1,01	1. Начальная часть выступления, музыкального произведения, текста книги Начальная 0,25 часть 0,02 выступления 0,12, музыкального произведения 0,06, представления 0,05, текста 0,03, например, книги 0,06, рассказа 0,02, курсовой работы 0,01, доклада 0,01, статьи 0,01, лекции 0,01, договора 0,01, эссе 0,01, [научной] работы 0,01; [имеет] заголовок 0,01; пишется в виде отдельного абзаца 0,01; [используется с целью] заинтересовать аудиторию 0,01; разъясняет информацию 0,01, предваряет [основное содержание] 0,02; имеет структуру 0,01, при написании вызывает страх 0,01. То же, что: введение 0,05, предисловие 0,03, пролог 0,03, прелюдия 0,01, зачин 0,01, интро 0,01 Противоположно: заключение 0,08, эпилог 0,01, конец 0,01, окончание 0,01 СИЯ 1,01
2. Учебный курс [Учебный курс], [имеет] заголовок 0,01; например, «Введение в литературоведение» 0,02, [содержит основные] теоретические сведения 0,01; [используется с целью кратко] обобщить информацию 0,01; предваряет [основной курс] 0,01. СИЯ 0,06	0
3. Предварительный инструктаж Предварительный 0,01 инструктаж [сотрудника] 0,01 [перед началом] работы 0,01 на какой-либо должности 0,01. То же, что: ввод 0,01 СИЯ 0,05	0

4. Внесение лекарства Внесение 0,02 лекарства 0,01 [в организм человека или животного]. То же, что: ввод 0,01 СИЯ 0,04	0
5. Размещение информации Размещение 0,01 информации 0,02. СИЯ 0,03	0
6. Внедрение Внедрение 0,01 чего-либо, например моральных принципов 0,01, в жизнь 0,01. СИЯ 0,03	0
0	2. Начало деятельности, например в качестве царя Начало 0,24 деятельности в должности сотрудника 0,02, в качестве царя 0,03, главы государства 0,01, супругов 0,01, ученого 0,01; сопровождается получением прав 0,01; начало самостоятельной жизни 0,01. СИЯ 0,34
0	3. Принятие в организацию Принятие 0,01 в организацию, например партию 0,01, НАТО 0,01. СИЯ 0,03
0	4. Вторжение Вторжение 0,02. СИЯ 0,02
Не интерпретировано 0,01: триумф, мистика Не актуально (отказ 5): 0,03	Не интерпретировано 0,04: и показание 4, отклонение, отступление, ступа, в культ мандаринов Не актуально (отказ 1): 0,01

КОММЕНТАРИЙ

Анализируемые лексемы ВВЕДЕНИЕ и ВСТУПЛЕНИЕ синонимичны по значениям — *Начальная часть текста курсовой работы, книги / Начальная часть выступления, музыкального произведения, текста книги*, поскольку лексемы в данных значениях толкуются в эксперименте друг через друга: ВВЕДЕНИЕ — *вступление* 0,16; ВСТУПЛЕНИЕ — *введение* 0,05.

Эндемичные значения отмечены у обоих слов:

ВВЕДЕНИЕ — 2. Учебный курс; 3. Предварительный инструктаж; 4. Внесение лекарства; 5. Размещение информации; 6. Внедрение;

ВСТУПЛЕНИЕ — 2. Начало деятельности, например в качестве царя; 3. Принятие в организацию; 4. Вторжение.

НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТЕКСТА КУРСОВОЙ РАБОТЫ, КНИГИ / НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ, МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ТЕКСТА КНИГИ

СИЯ значений лексем не различаются (по 1,01), что свидетельствует о совпадении яркости семемы в языковом сознании носителей языка.

Интегральными семантическими компонентами синонимических значений являются: *часть* 0,02–0,02, *текста* 0,02–0,03, *книги* 0,07–0,06, *[научной] работы* 0,01–0,02, *рассказа* 0,01–0,02, *представления* 0,01–0,05, *[имеет] заголовок* 0,01–0,01; *[используется с целью] заинтересовать аудиторию* 0,01–0,01; *предваряет [основное содержание]* 0,01–0,02; *то же, что предисловие* 0,01–0,03; *то же, что пролог* 0,01–0,03.

Наблюдаются существенные различия интегральных сем по яркости: *начальная (часть)* 0,32–0,25; *(часть) курсовой работы* 0,16–0,01; *противоположно* — *заключение* 0,03–0,08.

Дифференциальные семантические компоненты значения лексемы ВВЕДЕНИЕ: *то же, что вступление* 0,16; *(часть) реферата* 0,01, *сочинения* 0,01, *ответа* 0,01, *отчета* 0,01, *лабораторной работы* 0,01, *часть проекта* 0,01; *[указывается] в оглавлении* 0,03, *[содержит] анализ [информации]* 0,01, *[содержит] теоретические сведения* 0,01; *[используется с целью] обобщить информацию* 0,01; *скудная* 0,02, *пустая по содержанию* 0,01.

Дифференциальные семантические компоненты значения лексемы ВСТУПЛЕНИЕ: *(часть) выступления* 0,12, *музыкального произведения* 0,05, *доклада* 0,01, *статьи* 0,01, *лекции* 0,01, *договора* 0,01, *эссе* 0,01; *пишется в виде отдельного абзаца* 0,01; *разъясняет информацию* 0,01, *имеет структуру* 0,01, *при написании вызывает страх* 0,01; *то же, что введение* 0,05, *то же, что прелюдия* 0,01, *то же, что зачин* 0,01, *то же, что интро* 0,01; *противоположно* — *эпilog* 0,01, *противоположно* — *конец* 0,01, *противоположно* — *окончание* 0,01.

Индекс семного совпадения значений ВВЕДЕНИЕ — ВСТУПЛЕНИЕ: 47% (из 59 совокупных сем — 28 интегральных, 28/59=47%).

Индекс семной дифференциации значений соответственно — 53%.

Однако при этом совокупная яркость 28 интегральных сем значений — 1,34, что обеспечивает

очень высокий уровень синонимичности данных значений. Дифференциальные семы (31) имеют существенно более низкий уровень совокупной яркости (0,68).

Индекс синонимичности рассматриваемых лексем — $2/10=20\%$.

Предложенная методика дифференциального описания психолингвистического значения синонимов может быть использована и для сопоставительного описания антонимов (оппозитов), слов, имеющих групповые семантические различия (гендерные, возрастные, территориальные, темпоральные, профессиональные и др.).

Воронежский государственный университет

Рудакова А. В., доцент кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: a-rudakova@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 187 с.

2. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. — 192 с.

3. Психолингвистический толковый словарь русского языка. — Вып. 8. Синонимы / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж: РИТМ, 2019. — 140 с.

Voronezh State University

Rudakova A. V., Associate Professor of the of General linguistics and Stylistics Department

E-mail: a-rudakova@list.ru

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АНТИУТОПИИ О. ХАКСЛИ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Л. Ю. Стрельникова

Армавирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 16 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается антиутопия английского писателя Хаксли «Возвращение в дивный новый мир», которая является своего рода проверкой футуристической теории романа «О дивный новый мир». Цель исследования — рассмотреть произведение Хаксли с позиций перспективы реализации его проекта в обозримом будущем и выявить влияние взглядов Хаксли на творчество современных писателей — авторов антиутопий.

Ключевые слова: Хаксли, антиутопия; научный прогресс; дегуманизация; демократия; диктатура; генетика.

Abstract: the article examines O. Huxley's dystopia "Brave New World Revisited" which is a kind of test of the futurist theory of the novel "Brave New World". The purpose of the study is to examine the work of O. Huxley from the perspective of the realization of his project in the foreseeable future and to show the influence of Huxley on creativity of modern writers-authors of dystopias.

Keywords: Huxley; dystopia; scientific progress; dehumanisation; democracy; dictatorship; genetics.

Создатели утопий во все времена исходили из рациональных суждений о причинах возникновения социально-политических и экономических проблем в государстве, но в то же время уповали на некие фантастические изменения несовершенной и жестокой действительности. В объяснении и устранении недостатков общественной жизни ученые и гуманисты разных эпох, от античности до Ренессанса и эпохи Просвещения, видели достижение мечты об идеальном обществе (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. де Бержерак, Г. Невилл, С. Батлер и др.). «Утопическое творчество, — по замечанию М. Шадурского, — приводится в движение не только и не столько отчаянием по поводу полной недостатков социальной реальности, сколько надеждой на совершенное переустройство мира» [1, 10]. Одновременно с надеждой на создание некой общественной идиллии возникают и антиутопические настроения, скепсис в отношении осуществления идей о построении идеального государства (Г. Гриммельсгаузен, Д. Свифт). Цивилизация как идеал прогресса, выстроенный на основе достижений всемогущего человеческого разума, показала свою несостоятельность в силу оторванности человека от духовных основ жизни, высокомерного презрения к «наибольшей заповеди»: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39).

К XX веку в литературе и общественных науках оформляется жанр антиутопии (дистопия), выявивший недостижимость мечты об идеальном государстве. Онтологической основой антиутопии выступала уже не надежда на преодоление проблем в экономи-

ческой и общественной жизни, а безнадежность, «абсолютный страх» перед будущим, создание в произведении «совершенно особой атмосферы, того, что принято называть "антиутопическим миром"» [2, 155]. Мечта об идеальных общественных отношениях, в представлении авторов антиутопий, недостижима, поскольку разбивается о субъективно-эгоистическое желание творцов счастливого будущего воплотить мечту о «золотом веке» «с присовокуплением подробной росписи где-кому-с-кем-и-как-быть непременно счастливым» [3, 7].

К числу известных авторов-антиутопистов XX в. принадлежит английский писатель-интеллектуал О. Хаксли, чьи произведения часто рассматривались как пророческие по отношению не столько к будущему, сколько к настоящему времени. Антиутопия Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» (1958) [4] продолжает пессимистические рассуждения писателя на тему мироустройства и развития современного постгуманистического буржуазного общества, начатые в романах «Контрапункт» (1928) [5], «О дивный новый мир» (1932) [6]. Книга «Возвращение в дивный новый мир» представляет собой собрание очерков, отражающих взгляды автора на современное состояние государственного устройства с точки зрения биотехнологий и психоанализа. Размышления Хаксли сохранили свою актуальность, получив развитие в художественной прозе второй половины XX — начала XXI вв. в таких произведениях, как «Планиета обезьян» П. Буля (1963) [7], «Элементарные частицы» (1998) [8], «Покорность» (2015) М. Уэльбека [9], «Не отпускай меня» К. Исигуро» (2005) [10], «Генезис 2075» Б. Беккета (2006) [11] и др. По наблю-

дениям И. Головачевой, Хаксли «первым заговорил о возможностях, которые предоставляют посткапиталистической экономике новые методы репродукции и генной инженерии, он первым начал фантазировать о тех перспективах, что открывают новые психоактивные вещества психотерапевту, мистика, художнику и даже политику» [12].

В «Возвращении в дивный новый мир» Хаксли рассматривает процесс эволюции массового общества потребления и буржуазной деловитости эпохи установления нового глобалистского миропорядка. Писатель сопоставляет «золотой век» западной буржуазной цивилизации 1950-х годов с недалеким антиутопическим будущим «дивного нового мира». Ставшие актуальными вопросы осмысления переустройства мира позволяют рассматривать «Возвращение в дивный новый мир» в свете дегуманизации сознания XX века, предвзятой идеологии постгуманизма. Гуманизм античности, перешедший в ренессансную эпоху, со временем видоизменился, утратив догматику антропоцентризма, и трансформировался в постгуманизм XXI в., центральной идеей которого является изменение и улучшение обитаемой среды и биологической природы человека с помощью научно-технических достижений. Гуманистическая догма о человеке как высшей цели мироздания трансформировалась в политике и общественном сознании XX и XXI века в идеологию либерализма, сохранив принцип индивидуализма и приоритет субъекта над историческими и природными законами, что нашло отражение в трудах Г. Спенсера, А. Вебера, считавших, что вся деятельность человечества определяется индивидуальным сознанием.

Существенное влияние на формирование Хаксли как писателя и философа оказал его дед — биолог-эволюционист Томас Хаксли, сторонник дарвинизма и материалист, вдохновитель идей Г. Уэллса, чьи интересы распространялись и на вопросы о переустройстве мира. Доктор биологии и фантаст-руссоист Уэллс выдвигает идею так называемой «социальной хирургии» в своем публицистическом романе «Современная утопия» (1905), предлагая социально и генетически неблагополучных людей, к которым относятся «нищие» (*base*): инвалиды, психически больные, склонные к алкоголизму, умственно отсталые, изолировать от нормального общества на некие острова: «Ты не хочешь подчиняться нашим законам — ступай и живи отдельно как знаешь» [13].

Хаксли также был сторонником мальтузианской идеи сокращения народонаселения, видя в этом перспективы счастливого и комфортного будущего человечества: «Перенаселение ведет к экономической нестабильности и политическим волнениям» [4, 22]. В этом же духе рассуждали эволюционисты и дарвинисты Г. Спенсер [14] и А. Вебер [15], сочетая проповедь гуманизма и отстаивание идеалов свободы с переживаниями о неконтролируемом росте населения.

В результате сокращения населения, по мнению западных идеологов нового миропорядка, «возникнут совершенно иной духовный климат и совершенно иные возможности существования» [15, 210]. Но Хаксли заблуждается, поскольку богатая элита никогда не откажется от накопительства, что будет стимулировать ненависть к народным массам.

Оказалось, что цивилизованные люди, «носившие шляпы, ежедневно принимающие ванну и ходившие по воскресеньям в церковь, стали совершать злодеяния, которые не снились темным африканцам и азиатам» [4, 52]. Налицо двойная мораль и двойное дно демократии, интересы которой отстаивает Хаксли, видя в сокращении населения благо для эффективного развития общества. Внедрение бесчеловечных законов демократического глобального мира обеспечат более комфортное существование общества при условии ограничения роста населения: чем меньше людей, тем больше свободы и материальных благ — таков вывод Хаксли, выступающего за «мягкую» тиранию и поощрение желательного властям поведения.

В полностью организованной, «научно обоснованной кастовой системе» [4, 6], с ее заменой свободы воли на физиологические рефлексы, наркотический эликсир счастья и заключался тот новый миропорядок «дивного мира» Эры Форда, ставший в действительности кошмаром человеческой цивилизации, доведенной до абсурда. Следующим шагом в алгоритме общественного развития станут экономические вопросы, подчиняющие себе все морально-этические, культурные, религиозные нормы и достижения человечества. Вождем знание сформировало технократическую цивилизацию, направленную против массового человека, в угоду комфортной жизни богатого меньшинства. Хаксли говорит об установлении нового миропорядка, в силу чего многие станут средством манипуляций немногих, имеющих капитал, как, например, в США, где «большой бизнес контролируется властной элитой» [4, 32].

В основание теории будущего устройства мира Хаксли закладывает уже не только технический, но и биологический и психофизический фактор создания постгуманистической цивилизации на основе евгеники, генной инженерии и контроля численности населения. Хаксли осознавал современную ему эпоху как гибельную, поскольку к власти, как говорит писатель, приходят «безличные силы, которые нам практически неподвластны, упорно толкают нас в кошмар дивного нового мира» [4, 12]. Эти новые силы, за которыми невозможно установить контроль, исходят из законов природы, несмотря на самый высокий уровень цивилизации, а именно, проявляются на «биологическом уровне» [4, 12]. В эпоху господства дарвиновского учения человек рассматривается как дрессированное животное, существование которого обусловлено биологическими факторами и психофи-

зическим состоянием и умело используется властью при организации жесткой модели системы управления.

В контексте книги Дж. Оруэлла «1984» [16], разоблачающей деспотию тоталитарных режимов, Хаксли приводит пример неэффективного управления в условиях тирании «путем наказания за нежелательное поведение» [4, 9]. Управление обществом «с помощью наказания и страха наказаний» [4, 10] побуждает к сопротивлению и желанию индивида следовать своим устремлениям и желаниям. Примером удачной дрессировки человека в условиях тоталитарного режима Хаксли называет контроль «с помощью поощрения желательного поведения» в противовес «правлению, осуществляемому террором» [4, 9]. В качестве образца современной формы щадящей и даже гуманной тирании О. Хаксли предлагает Советскую Россию, где «поощрение желательного поведения начинает замещать старые методы контроля» [4, 10]. Хаксли отмечает привилегированное положение в иерархии советского общества представителей интеллектуального труда: инженеров, ученых, преподавателей и руководителей, получающих хорошую заработную плату, что является поощрительным фактором и повышает продуктивность работы.

В своей книге Хаксли описывает будущее, которое не может быть привлекательным, поскольку оно бесчеловечно. В основе социально-биологического проекта «дивного нового мира» Хаксли лежит концепция конца истории, гуманизма и самого человека, который и творит историю. Остается обезличенное массовое производство, для которого моральные и духовно-религиозные принципы не имеют значения, о чем автор заявит в предыдущем романе «О дивный новый мир»: «Благородство, героизм — это симптомы политической неумелости» [6, 261]. Человек как личность перестанет интересоваться крупных промышленников и политических деятелей, управленцев. Устанавливается ситуация глобальной колонизации и подчинения большинства меньшинству: «Большой человек подчиняет, а затем просто пожирает человека маленького» [4, 31].

С биологической точки зрения утрата своей родовой принадлежности к человеческому роду влечет за собой и моральные изменения, а именно «душевную слабость» [4, 33], сопровождаемую невротическими симптомами. Стремясь объяснить явления и постичь законы природы, наука, в представлении Хаксли, сосредоточена на общих выводах о феноменах, игнорируя уникальность человека и делая его техническим приспособлением экономической машины. Отсюда проистекает страх перед свободой, данной ему достижениями науки и техники, что в действительности оборачивается новым рабством усиленной организации общества, превращающего человека в автомат и лишаящего его смысла жизни.

В технократическом обществе гуманистический тип личности трансформируется во фрейдовско-дар-

виновский образ человека-животного, наделенного в первую очередь инстинктами и борьбой за существование, но не волей и интеллектом. Всеобщая стандартизация и примитивное равенство на уровне элементарных организмов становятся новой формой тирании, поскольку, как считает Хаксли, «единообразии и свобода несовместимы» [4, 34] для *Homo sapiens*. Но в условиях чрезмерной организованности и установления порядка дух свободы ликвидируется, превращаясь в психологическую проблему для современного человека.

Анализируя моральное состояние современного общества, Хаксли приходит к мысли, что люди стали представлять собой некое единообразное общественное целое, чье поведение маркируется такими понятиями, как «приспособление», «адаптация», «социально ориентированное поведение», «приобретение социальных навыков», «работа в команде», «жизнь в группе», «лояльность в группе», «групповая динамика», «коллективное творчество» и т.п. [4, 41]. Если индивид нацелен на демонстрацию своей личностной автономности и всегда будет выступать неконформистом, бунтарем по отношению к социальной тирании, то организованному человеку в силу его лояльности власти и подчиненности целям организации «дозволено быть богатым», но за счет утраты своей идентичности: он «смотрит в рот своим начальникам» и рассуждает по принципу, свойственному диктаторским режимам: «*Mussolini ha sempre ragione*» («Муссолини всегда прав») [4, 43].

К числу новых технологий по созданию идеально организованных людей относится «социальная инженерия», цель которой — дрессировка «подданных будущих диктаторов» [4, 46] кастового общества «дивного нового мира», как с иронией замечает Хаксли. Вопрос заключается в том, насколько люди подвержены такой дрессировке. В условиях чрезмерной организации стремление к «единению со своими братьями» [4, 47] в реальной жизни превращается в «прокрустово ложе» для большинства людей, не желающих жить по одним правилам. Социальные инженеры призваны «взламывать» человека и программировать его на совершение полезных и продуктивных действий в интересах определенной правящей группы, опираясь на привычку лояльности к авторитетному лицу.

Будучи приверженцем декларации демократических принципов Джефферсона, Хаксли приходит к убеждению, что экономическое состояние государства зависит от свободы каждого индивида и общества в целом. Опираясь на «врожденное чувство справедливости» [4, 50] и другие положительные качества, каждый человек получает «честный шанс» реализовать свои инициативы и быть защищенным в демократическом обществе с умеренной властью, которая опирается на добрую волю людей. Эффективность экономики, таким образом, прямо пропор-

циональна той свободе воли, которую дает власть обществу. И наоборот, как считает Хаксли, «ни один народ, находящийся в неустойчивом экономическом положении, не имеет честного шанса управлять собой демократическими методами» [4, 50].

В современном буржуазном обществе Хаксли выделяет два типа пропаганды: рациональную и иррациональную. Рациональная пропаганда предназначена для прослойки прагматичных индивидов, имеющих высокий социальный статус и материальную обеспеченность. В силу своего высокого материального и интеллектуального уровня, эти люди прагматичны и расчетливы, они не действуют спонтанно. Прежде чем приступить к конкретным действиям, они хладнокровно просчитывают свои шаги, делают прогнозы и составляют план действий (например, бизнес-план). На прагматичный тип мышления можно воздействовать только с помощью пропаганды, апеллирующей к разуму.

Иррациональная пропаганда рассчитана на толпу, массовое сознание тех эпсионов-полукретивов из «О дивного нового мира», которыми легко управлять, не апеллируя к разуму, «предлагая ложные, искаженные или неполные свидетельства» [4, 53]. Под воздействие иррациональной пропаганды попадает массовый человек, у которого нет времени остановиться и задуматься над происходящим в силу того, что ему приходится много работать, выполнять тяжелый труд, отнимающий много сил и здоровья, чтобы удовлетворить базовые потребности, основанные на инстинктах. Простой человек становится жертвой пропаганды, изначально основанной на повторении двуличных «слов-ловушек», сочетающих «низменные страсти с высокими идеалами» [4, 54].

Рациональная пропаганда, рассчитанная на представителей высших каст — альф, позволяющая сохранить личную свободу и демократию, все больше подавляется лозунгами, истинность которых игнорируется диктаторами, выдающими себя за демократов. На первый план выдвигается умение манипулировать массами с помощью одних и тех же повторяющихся лозунгов, внушаемых населению под видом правдивых фактов. Вырабатываемый по методике русского физиолога Ивана Павлова условный рефлекс массового сознания способствует формированию новой нормальности, диктуя новые правила поведения, разрушая при этом сложившиеся веками ценности и привычные нормы жизни. В ситуации искусственно созданного непрерывного стресса возникает утрата ощущения самодостаточности, человек погружается в атмосферу страха и неуверенности в себе и своем будущем, перестает разумно воспринимать реальность, что позволяет властям манипулировать каждым индивидом. Особенностью этого антигуманного метода Хаксли называет отсутствие физических пыток: «Стресс, тяжелый настолько, что-

бы спровоцировать полный отказ мозга от работы, можно вызвать с помощью методов, которые хотя и являются абсолютно антигуманными, не предусматривают физических пыток» [4, 96].

Методику воздействия через выработку условного рефлекса страха используют, как правило, диктаторы, атакуя сознание человека такими эмоциями, как страх, ярость, тревога. По мнению Хаксли, «если поддерживать эти эмоции на высоком уровне в течение достаточно длительного времени, «то мозг «объявляет забастовку»» [4, 98], что в итоге ведет к изменениям в центральной нервной системе. Умелая иррациональная пропаганда служит средством отвлечения населения от серьезных проблем. Первым примером такого отвлечения, воздействующего на страсти людей, служили «грандиозные развлечения», устраиваемые во времена Римской империи — «от поэтических пьес до гладиаторских боев» [4, 43]. По словам Хаксли, бесконечные навязываемые развлечения «уже сейчас угрожают утопить в море вздорной пустоты суть рациональной пропаганды, которая может способствовать сохранению личных свобод и демократических институтов» [4, 61]. Упомянутые грандиозные развлечения, предназначенные как для альф-прагматов, так и для обывателя-эпсилон, приедаются. В итоге большая часть общества потребует рано или поздно разумной пропаганды и захочет рационального объяснения происходящих событий, не желая утонуть «в море вздорной пустоты» [4, 461].

Говоря о преимуществах демократии перед диктатурой, Хаксли отмечает необходимость уметь разумно и реалистично воспринимать информацию. На фоне того, что добросовестные публицисты стараются снабжать общество «адекватной информацией», демократическая пропаганда страдает, «так сказать, раздвоением личности» [4, 75]. Подобно фантастическим героям-двойникам Стивенсона доктору Джекилу и мистеру Хайду, пропагандисты демократических ценностей воздействуют как на разумную сторону сознания человека (доктор Джекил), так и на иррациональную (мистер Хайд). Поборником истины и разума становится доктор Джекил, контролером всего подсознательного и стихийного в человеке выступает мистер Хайд. В буржуазном обществе основным, по мнению Хаксли, становится «искусство продавать», все становится товаром, в том числе и информация. Поэтому более востребованной будет тактика коммерческого пропагандиста мистера Хайда, ориентированная на формирование идеального потребителя в условиях массового производства. Таким образом, «идеологический товар» [4, 88] продается дрессированному на основе условных рефлексов населению, не способному в условиях повышенного стресса к рациональному анализу. Даже в самых развитых демократиях мира, делает вывод Хаксли, пропагандисты действуют по психо-

логическим методикам мотиваций подсознательных желаний мистера Хайда, «апеллируя практически исключительно к невежеству и иррациональности электората» [4, 90], упрощая сложные вещи. Современная методика по промыванию мозгов является гибридной и учитывает как диктаторские способы насильственного управления, так и биологический метод психологических манипуляций. Разные по уровню развития и восприимчивости касты подвергаются различным методам дрессировки: от заложённых на генетическом уровне функций «жить, работать и умирать без всяких протестов, не создавая проблем высшей касте», до менее ригидных представителей сильных мира сего, подвергнутых лишь «легкой дрессуре» [4, 107]. Делом будущего остается создание методов «универсальной дрессировки», которые заменят «временные методики промывания мозгов» [4, 107] и позволят проложить путь к общечеловеческому «дивному новому миру».

К психологическим и насильственным методам манипуляции человеком Хаксли присоединяет химический способ убеждения, то есть воздействие на сознание с помощью наркотиков. В «О дивном новом мире» употребление наркотика сомы стало политическим институтом, поэтому он был легитимен, являясь «страховкой от неверных умонастроений и социального недовольства» [4, 110]. Сомы становилась религией, подменяя понятия истинного и ложного, и выдавая плоды измененного сознания за «видения лучшего мира», где царят надежды, вера и милость. Наркотики и стали в новой реальности формой религии, помогающей человеку в результате биохимических процессов на массовом уровне достичь подобию религиозного экстаза, не требуя приложения усилия духа и разума. В среде высших каст — альф, описанных в «О дивном новом мире», установилась норма поведения: *never complain never explain* (никогда не жалуйся, никогда не объясняй), негласное правило коммуникации с обществом. Представитель альфа не должен обществу ничего объяснять и оправдываться в совершении каких-либо действий, чтобы не впасть в депрессию. Наркотик заглушал чувство сожаления, раскаяния, совести, возможности анализа своих поступков, что предотвращало вольномыслие и давало иллюзию видения лучшего мира: «сомы грамм — и нету драм» [6, 66]. С целью усиления диктатуры правитель может использовать химические стимуляторы, чтобы «избежать недовольства со стороны подданных их рабским положением» [4, 118].

Немаловажным фактором воздействия на сознание человека является подсознательное внушение тех или иных необходимых государству правил поведения. Используя опыты австрийского невролога Петца с тахистоскопами, на осознанно воспринимаемую информацию накладывается повторяющийся через определенное время рекламный слоган, включающий инстинкты подсознания, побуждающие че-

ловека неосознанно реагировать на слова и образы типа «Пейте кока-колу», «Закури Кэмел!» [4, 125]. Подсознательное внушение преодолевает порог сознания и становится, по словам Хаксли, «мощным инструментом манипуляции ничем не подозревающим сознанием» [4, 127]. Каким же образом коммерческая пропаганда используется в политических целях? Применяя научные достижения, диктатор будущего будет исходить из психологически ослабленного сопротивления человека и запустит «свои шепчущие машины» [4, 128] для воздействия во всех общественных местах, особенно на сильно внушаемые слои общества — детей, стариков и больных.

Чтобы расположить к себе разные слои населения, власть должна создать новую веру, основанную на подсознательном убеждении, что товар это и есть идея, эйдос, образец возможных вещей, неотделимых от материальной основы. Например, немцы производители аспирина использовали в рекламных целях мощные своей духовной энергетикой образы Святой Троицы, святого Иосифа, Девы Марии, ангелов, зная, что для глубоко религиозного сознания излечение было «гарантировано Богом-отцом и его небесным воинством» [4, 130]. Материально внушаемая идея трансформируется в новую веру и выступает полезным суррогатом религии, связывая товар и человека имеющим сильное ценностное значение словом или образом, что облегчает манипуляцию сознанием. На бессознательном уровне «внушение преодолевает порог сознания» [4, 108], и человек теряет способность рассуждать и анализировать, то есть подвергать критике, сомнению то, что ему, как догму, предлагает коммерческая пропаганда.

Человеческое общество, в представлении Хаксли, формируется не социальными, а биологическими законами, генетической предопределенностью составляющих его индивидов, причем «наследственность играет не меньшую роль, чем культура» [4, 153]. Историю творят не массы, а отдельные, уникальные индивиды, обладающие специфическими «биохимическими особенностями организма» [4, 160]. Например, по мнению Хаксли, «если бы Бисмарк или Ленин умерли во младенчестве, то мир был бы сейчас не таким, каким он стал, благодаря отчасти Бисмарку и Ленину» [4, 159].

Выступая против единообразия индивидов, Хаксли опровергает сложившиеся нормы социальной этики, согласно которым, человек является продуктом «воспитания в условиях коллективного окружения» [4, 163]. В «О дивном новом мире» приемлемое для тоталитарных режимов поведение «обеспечивалось двойным процессом: генетическим манипулированием и послеродовым воспитанием» [4, 164]. С помощью биологических манипуляций «насилие над человеком должно совершаться незаметно, на досознательном уровне его формирования, в стадии не имеющего сознания эмбриона» [6, 73].

Хаксли теперь отстаивает иную точку зрения, пытаясь противостоять чрезмерно организованному обществу, считая, что именно индивидуальные различия делают человека уникальным, особенным по интеллектуальным, культурным, этническим, физиологическим признакам, устраняя тем самым «сглаживание» и приспособление всех к единым правилам и законам. Поскольку генетическая стандартизация индивидов невозможна, управление обществом в ближайшем будущем будет осуществляться методиками манипулирования сознанием.

Главной угрозой свободе, по мнению Хаксли, является психологический терроризм со стороны власти. В тоталитарном государстве рабство становится объективным, поскольку человек внешне не имеет физических ограничений и думает, что действует по своей воле, на самом же деле он бессознательно, под «психологическим принуждением» [4, 174] становится «жертвой манипуляций», но не осознает себя жертвой [4, 175]. Хаксли считает, что угрозами свободы в обществе являются «ускоряющееся перенаселение и усиливающаяся организация общества» [4, 176], побуждая власть мутировать и менять природу демократии, чтобы сохранить в реальности тоталитаризм. Вся система демократических ценностей искажается и постепенно превращается в гигантский симулякр, сохраняя лишь внешние формы народовластия: выборы, парламенты, верховные суды, лозунги и т.п. Схожую мысль выскажет в XXI в. французский антиутопист М. Уэльбек в романе «Покорность», утверждая, что «европейский человек превратился в средство манипуляции надгосударственными корпорациями, утратил национальную идентичность, по сути, превратившись в марионетку либерального глобализма» [18, 72].

Манипуляция сознанием масс и есть способ сохранения существующих правящих режимов, заставляющих поверить в то, чего нет в реальности. Идеальной формой организации общества в противостоянии жестким моделям организации государства могут стать «малые деревенские общины» или гуманизированные мегаполисы в духе классической демократии Джефферсона, которые позволят индивиду избежать чрезмерной организации и «духовного обнищания» [4, 182], а также помогут наладить сотрудничество внутри общин-коммун как полноценным личностям, избежав автоматизации. Но в то же время Хаксли признается, что сохранение демократии в условиях государственной деспотии невозможно даже при наличии знаний. Проблема заключается не столько в самой тоталитарной системе, охраняющей себя с помощью репрессивных методов, сколько в утрате обществом желания управлять собой.

Диалектику свободы Хаксли рассматривает сквозь призму легенды Ф. М. Достоевского о Великом инквизиторе. Ограничиваясь удовлетворением материальных потребностей, человек, по мнению

русского писателя, начинает понимать добровольное рабство как свободу: «Лучше поработите нас, но накормите нас», — так говорит Великий инквизитор у Достоевского, чьи слова приводит Хаксли [19, 285]. Можно сделать человека счастливым, дав ему иллюзию свободы, на чем и настаивает Великий инквизитор: «... наконец-то они поборолли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми» [19, 283]. В отличие от Достоевского, Хаксли понимает свободу как абсолютную ценность, лежащую вне духа и ответственности, но необходимую для освобождения индивидуального сознания.

При этом Хаксли признает, что, почувствовав необходимость свободы, молодое поколение может презреть материальные блага и взамен кличу: «Дайте мне телевизор и гамбургеры, но не лезьте ко мне с ответственностью за свободу» бросить лозунг «Свобода или смерть» [4, 188]. Современные наследники Великого инквизитора действуют более продуктивно в силу лучшей информированности и научной подготовки. Если Великий инквизитор противопоставил Христу такие соблазны, как «чудо, тайну и авторитет» [4, 188], то современные диктаторы «добавили к этому списку науку и таким образом укрепили свою власть, манипулируя организмами эмбрионов, рефлексамии младенцев, умами взрослых и детей» [5, 189]. Жизнеспособность диктатуры определяется ее способностью удовлетворять потребности населения в хлебе, зрелищах и умении манипулировать «индивидуальным и общественным сознанием» [4, 189]. Это умение приведет к выработке желательного поведения, и основная масса населения «искренне полюбит рабство» [4, 189], позабыв о революционной борьбе за свободу.

Современные последователи Хаксли не только в философии, социологии, но и в художественной литературе задумывались не столько над идеальными моделями государственного правления, сколько в духе критицизма и едкого сарказма переосмысливали существующие формы общественного устройства, не усматривая оптимистичных перспектив будущего для человечества. Определенно говорится только об исчезновении человека как субъекта истории: «... человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», — таков пессимистический вывод французского структуралиста М. Фуко [20, 403].

Воздействие идей Хаксли отчетливо прослеживается в антиутопиях рубежа XX–XXI вв., среди авторов которых следует выделить М. Уэльбека, К. Исигуро, увидевших в достижениях естественных наук не только возможность развития биотехнологий, но своего рода завершение эволюции человека. М. Уэльбек в романе «Элементарные частицы» (1998) ставит проблему генетических изменений, необходимых для создания нового вида человекообразного существа с изначально заданными качествами: «ПЕРЕМЕНА СОВЕРШИТСЯ

НЕ В УМАХ, А В ГЕНАХ» [8]. Человек раздробляется до ДНК, что дает возможность создавать новые технологии для его клонирования. Реальный человек становится лишним и даже опасным в среде симулятивных имитаций, существующих как серийные «индустриальные объекты». Оригинал подменяется копией-клоном и в романе К. Исигуро «Не отпускай меня» (2005). В сознание современного общества внедряется мысль о том, что человек как биологический вид исчерпал себя, ему потребовалась замена на более совершенное в физическом отношении существо. В поисках некой универсальной любви, освобождающей разум от догматических понятий, а также установлении принципов всеобщего социального и биологического равенства псевдогуманизм Исигуро стремится расширить восприятие мира человеком, включая в круг его интересов искусственно созданные живые формы как продукты новых технологий, соответствуя критерию «на благо всего сущего», даже если ради этого придется отказаться от человека вообще.

На примере антиутопического проекта Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» можно видеть, как сужается пространство между теорией и экспериментом, стираются границы между добром и злом, иллюзией и реальностью. Мир вероятного будущего Хаксли выглядит устрашающе убедительным и осуществимым уже сейчас, в чем и заключается особенность современных антиутопий, пророчески обращенных к настоящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли = Literary utopias from More to Huxley: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М. И. Шадурский. — Белорусский гос. ун-т, Филологический фак., Каф. зарубежной лит. — М.: URSS, 2007. — 159 с.
2. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин // Общественные науки и современность. — М.: 1993. — № 5. — С. 154–163.
3. Геворкян Э. Чем вымощена дорога в рай? Антипредисловие / Э. Геворкян // Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. — М.: Кн. палата, 1989. С. 5–12.
4. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / О. Хаксли [пер. с англ. А. Анваера]. — М.: АСТ, 2018. — 192 с.
5. Хаксли О. Контрапункт / О. Хаксли. [пер. с англ. И. Романович, Н. Русецкая]. — СПб.: Амфора, 1999. — 604 с.
6. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. [пер.

с англ. О. Сорокина]. — М.: АСТ, 2013. — 284 с.

7. Буль П. Планета обезьян / П. Буль. [пер. с англ. Ф. Мендельсон]. — М.: Эксмо, 2017. — 320 с.

8. Уэльбек М. Элементарные частицы / М. Уэльбек. — Режим доступа: http://www.libok.net/writer/2510/kniga/7331/uelbek_mishel/elementarnyie_chastitsyi/read (дата обращения: 01.02.2021).

9. Уэльбек М. Покорность / М. Уэльбек. [пер. с франц. М. Зониной]. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. — 312 с.

10. Исигуро Кадзуо. Не отпускай меня / Кадзуо Исигуро. [пер. с англ. Л. Ю. Мотылева]. — М.: Издательство «Э», 2018. — 352 с.

11. Беккет Б. Генезис 2075 / Б. Беккет. [пер. с англ. Вуль Никита А.]. — М.: СПб.: АСТ, Астрель, 2009. — 222 с.

12. Головачева И. В. Наука и литература: Археология научного знания Олдоса Хаксли / И. В. Головачева. Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. — Режим доступа: <http://marsexxx.com/lit/golovatcheva-huxley.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

13. Уэллс Г. Современная утопия / Г. Уэллс // Завтра: Фантаст. альманах. 1991. Вып. 1. Режим доступа: <http://lib.ru/INOFAANT/UELS/89.txt> (дата обращения: 01.02.2021).

14. Спенсер Г. Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе / Г. Спенсер [пер. с англ.]. — М.: Социум, 2020. — 464 с.

15. Вебер А. Новая ситуация применительно к человеку и земле / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры. [пер. с нем. М. И. Левина, Т. Е. Егорова]. — СПб.: Университетская книга, 1998. — С. 205–212.

16. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. [пер. с англ. В. Голышева, Л. Беспалова]. — М.: АСТ, 2014. — 349 с.

17. Хаксли О. Наркотики, которые формируют умы людей / О. Хаксли. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Haxli_Narkota.php (дата обращения: 01.02.2021).

18. Стрельникова Л. Ю. Постмодернистская антиутопия М. Уэльбека «Покорность»: последний духовный кризис европейского мира / Л. Стрельникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 71–78.

19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. — Ленинград: Наука, 1991. — 697 с.

20. Фуко М. Психиатрия, этнология / М. Фуко. // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. [пер. с франц. В. П. Визгин, Н. С. Автономова]. — СПб.: А-сэд, 1994. — С. 392–405.

Армавирский государственный педагогический университет

Стрельникова Л. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru

Armavir state pedagogical University
Strelnikova L. Y., Candidate of philological Sciences, assistant professor, associate Professor of the Department of national Philology and journalism
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. С. ВЫСОЦКОГО

Д. А. Черемохина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 5 июля 2021 г.

Аннотация: в статье представлен анализ семантической структуры глаголов речи в поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого. Исследование проводится с помощью словарей разных типов, позволяющих наиболее полно представить основные и дополнительные, коннотативные семы в структуре значения глаголов. Отмечается, что прагматические характеристики глаголов речи обусловлены их функциональной спецификой в поэтическом дискурсе и связаны с разными типами выражаемых ими отношений.

Ключевые слова: глаголы речи, прагматика, коннотация, поэтический дискурс В. С. Высоцкого, семантическая структура слова.

Abstract: the article presents an analysis of the semantic structure of speech verbs in the poetic discourse of V. S. Vysotsky. The research is carried out with the help of dictionaries of different types, allowing the most complete presentation of the main and additional, connotative semes in the structure of the meaning of verbs. It is noted that the pragmatic characteristics of speech verbs are due to their functional specificity in poetic discourse and are associated with different types of relations expressed by them.

Keywords: verbs of speech, pragmatics, connotation, poetic discourse V. S. Vysotsky, the semantic structure of the word.

Коммуникативно-прагматический аспект изучения художественного слова не перестает быть актуальным в современной лингвистике. Текст рассматривается как продукт поэтического дискурса (Н. Д. Арутюнова, В. В. Красных, И. И. Чумак-Жунь), но в то же время он порождает собственную коммуникативную ситуацию в семантическом пространстве поэтического произведения. Особую значимость в обозначении характеристик художественной коммуникации приобретают глаголы речи, в исследование которых внесли вклад такие лингвисты, как Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, Г. А. Золотова, М. Я. Гловинская, Н. Б. Мечковская. Многие глаголы, попадающие в эту группу, полисемантичны и способны развивать новые значения, обладающие важным прагматическим эффектом в художественном дискурсе.

Предметом нашего исследовательского внимания выступают поэтические тексты В. С. Высоцкого, многие из которых диалогичны и динамичны по своей природе. Мы рассмотрим, каким образом анализ семантики глаголов речи может быть использован при изучении функционирования текста в поэтическом дискурсе.

Важно отметить, что исследование глаголов с архисемой 'говорить' невозможно без лексикографической базы, которая начинает свою историю с первых толковых словарей В. И. Даля и Д. Н. Ушакова и продолжает становление в новых трудах, уже отдельно

посвященных описанию русских глаголов (учебный словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» под редакцией Э. В. Кузнецовой, «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (1999) под редакцией Л. Г. Бабенко и его более позднее издание «Большой толковый словарь русских глаголов» (2009)). Подобный лексикографический материал выступает важным источником информации при работе над поэтическим словом, семантика которого открывает возможность коммуникативно-прагматического изучения текста.

Методом сплошной выборки из 150 текстов, включенных в сборник «Прерванный полет: Стихи и проза», мы получили 40 глаголов речи, не учитывая случаев повторения в разных текстах. Отметим, что при изучении коммуникативных особенностей глаголов нас не интересовали слова с так называемой «нулевой прагматикой», то есть слова, обозначающие акт речевой деятельности (*сказал, ответил, объявил и др.*). Работа проводилась над лексемами с актуализированными зонами прагматики, в которых коннотации либо «отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [1, 67], либо связаны с эмоционально-оценочными компонентами, обусловленными позицией автора или героя.

Источником прагматической информации в семантической структуре глаголов речи выступает

коннотативный элемент, позволяющий в поэтическом дискурсе выражать разные типы отношений, организующих коммуникацию в тексте. Так, по определению Н. Ф. Алефиренко, «коннотация — это тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи» [2, 169]. Таким образом, прагматические характеристики глаголов речи связаны с их функциональной спецификой в поэтическом дискурсе и могут выражать: 1) отношение субъекта речи к своему речевому действию; 2) отношение субъекта речи к ситуации общения; 3) отношения субъекта речи и адресата.

Наиболее обширной в поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого является первая группа глаголов, типовая семантика которых описана Л. Г. Бабенко следующим образом: «Произносить (произнести) что-л. как-л. каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния» (ТСРГ, 349). Так, в тексте, посвященном памяти Василия Шукшина, субъектом речи выступает сама судьба: «Вот после временной заминки, // Рок **процедил** через губу: // «Снять со скуластого табу // За то, что видел он в гробу // Все панихиды и поминки...» (Высоцкий, 715). По данным словарей представляем семантическую структуру глагола: цедить (процедить) = 'говорить' + 'медленно' + 'небрежно' (РТС, 861; ТСРГ, 355; ТСРЯ, 702). Эта реплика словно прерывает задушевный диалог автора с ушедшим товарищем. Высоцкий представляет смерть как олицетворенный символ неизбежного, того, что, вероятно, предначертано судьбой. Коннотативная сема усиливает образную природу смерти: она нетороплива, небрежна в своем выборе. По ее вине уходят лучшие и талантливые, люди с большой душой. Таким образом, семантика глагола речи включает в себя особенности произнесения реплики ('медленно') и выражает отношение Злой судьбы к ней ('небрежно'), а также позволяет дополнить ассоциативно-образные характеристики смерти как основного мотива в анализируемом тексте.

Каждое слово в поэтическом дискурсе не случайно, оно играет разными красками, поворачивается к читателю то одним, то другим своим смыслом, создавая ассоциации и раскрывая идею текста. Особый интерес представляют наблюдение над семантикой слова в авторских вариантах. Например, рефреном песни «Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты» выступает реплика капитана: «Капитан, чуть улыбаясь: // **Бросил** только: «Молодцы!» — // От земли освобождаясь, // Нелегко рубить концы...» (Высоцкий, 242). Лексема *бросить* в авторских вариантах образует парадигму синонимических глаголов: *бро-*

сил тихо — молвил только — кинул тихо — бросил тихо [3]. Рассмотрим эти глаголы. Стилистическим компонентом маркирован архаизм *молвить*, который выступает в прямом номинативном значении, но уточняется частицей *только*, вносящей к эмоциональной семе 'уважение' добавочное значение — 'мимоходом'. Эта же сема актуальна и для глаголов *бросить* и *кинуть*, которые в словарях отмечаются как отсылочные друг к другу (РТС, 262; ТСРГ, 349; ТСРЯ, 83) и выступают в тексте уже в переносном, метафорическом значении: *бросить* = 'говорить' + 'быстро' + 'мимоходом'. Добавочное значение образуется за счет повторяющейся синтагматики с наречием *тихо*, в результате чего получаем семы 'негромко' и 'спокойно'. Так семантика рассмотренных глаголов характеризует речевую деятельность субъекта речи, который в анализируемом тексте вызывает уважение и кажется человеком, имеющим некоторые тайные знания, понимающим происходящее и даже предвидящим будущее. Эти качества репрезентируются в контексте всего произведения, представляющего собой метафору жизни, в которой часто приходится «рубить концы», что-то оставлять в прошлом, но порой оглядываться и мучиться вопросами. Таким образом, глаголы в данном произведении не только позволяют описать особенности произнесения реплики, но и выражают скрытую позицию субъекта речи.

Разные повествовательные формы в поэтическом дискурсе расширяют возможности глаголов речи. Глаголы могут вводить в текст прямую и косвенную речь, использоваться при внутренних аутодиалогах или монологах. В последнем случае некоторые глаголы кроме своей основной функции характеристики речевой деятельности дают оценку и самой описываемой ситуации. Эти глаголы мы отнесли ко второй группе. Например, в тексте «Весна еще в начале» перед нами фрагмент внутреннего диалога: «До мая **пропотели** // Всё **расколоть** хотели // Но — нате вам — темню я сорок дней...» (Высоцкий, 25). Л. Г. Бабенко относит этот глагол в его прямом номинативном значении к семантической группе глаголов физического воздействия на объект и не выделяет в его структуре сем, связанных с речевой деятельностью. Предположим, что отсутствие глагола *расколоть* в лексико-семантической подгруппе, связанной с говорением, обусловлено стилистической окраской глагола и его этимологической природой: «Расколоть, -олю, -олет, сов., кого. 1. Заставить кого-л. признаться в чем-л. (как правило — в совершении преступления). <...> <Из угол. жаргона <...>» (МТС, 588). Так, *расколоть* = 'говорить' + 'заставить' + 'под давлением' + 'правду' (РТС, 643; МТС, 588). Глагол в этом случае очень конкретно характеризует социальный статус героя, а также коммуникативную ситуацию, в которой он находится. В более широком контексте поэтического дискурса В. С. Высоцкого можно говорить, что поэт намеренно использует стилистические возможности

слова, позволяющие придать внутритекстовой ситуации игривость и даже некоторый оттенок романтизма. Но тексты Высоцкого обладают особым «подводным течением»: за внешней формой часто кроется глубокий социальный и философский подтекст. *Расколоться* в таком понимании — действие-символ, выражающий страх сказать лишнее, страх жить по собственной воле, которую в реальном мире могут принять за сумасшествие. В этом же значении читаем уже в другом тексте: «И от корней волос до пят // По телу ужас плелся: // А вдруг уколом усыпят, // Чтоб сонный **раскололся**?!» (Высоцкий, 390). Таким образом, глагол речи характеризует речевое действие, социальный статус героя, а также прямо соотносит коммуникативную ситуацию с реальной, внешней жизнью. Направление для анализа задается сильным ассоциативно-образным зарядом, который имеют метафорические глаголы речевой деятельности.

Источником прагматического эффекта в поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого часто выступает полисемия. В узуальном употреблении многозначное слово реализуется в качестве одного из своих лексико-семантических вариантов, выбор которого определяется контекстом. Характерной особенностью поэтики Высоцкого является одновременная актуализация сразу нескольких значений, одно из которых обусловлено прямой соотнесенностью с денотатом, а второе переосмысливается как метафора, связанная с идейным содержанием текста. Сложнее декодировать содержание текста, если оба варианта являются переносными: «Известный чёрт с фамилией Черток, // Агент из Рая, ночью, внеурочно // **Отстукал** в Центр: в Аду чёрт знает что; // Что именно — Черток не знает точно» (Высоцкий, 208). Так, глагол *отстукать* в прямом значении: «Воспроизвести, передать стуком ритм чего-л.; выстукать» (СРЯ, 713). Сема 'передать стуком' выступает мотивировочным признаком для развития нового, вторичного значения, связанного с культурным контекстом: «Отпечатать на машинке или передать по телеграфу» (там же). С одной стороны, глагол в поэтическом тексте используется именно в этом значении, связанном со способом передачи информации. С другой стороны, *отстукать* — префиксальный дериват глагола *стучать*, который Л. Г. Бабенко относит к лексико-семантической группе глаголов звучания (ТСРГ, 452), в то же время одно из значений этого глагола в толковом словаре обозначено синонимическим способом: *стучать=доносить (презр.)* (ПТС, 160).

Обращая внимание на лексическое своеобразие стихотворения «Переверот в мозгах из края в край...» (1970), в котором глагол *отстукать* включается в тематическую группу идеологом советского времени (*строить, агентура, внеурочно, производительность труда и др.*), можно увидеть пародийные мотивы, связанные с описанием бытийных основ советского партийного дискурса. Значение глагола передает социальные, статусные отношения, которые укрепились за время советской власти между людьми и обусловили такие пороки, как клевету и доносы, породили массовые аресты, лишили человека свободы воли. Таким образом, прагматический эффект в художественном дискурсе В. С. Высоцкого может достигаться за счет актуализации идеологического компонента в значении лексико-семантического варианта слова, декодирование которого должно происходить с учетом парадигматических, синтагматических и эпидигматических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
3. Варианты «Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты». — URL: Источник: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/stihi-varianty/213.htm> (дата обращения 09.06.2021).

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

4. Высоцкий В. С. Прерванный полет: Стихи и проза / В. С. Высоцкий. — СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. — 960 с.
5. МСТС — Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. — М.: Астрель: АСТ, 2004. — 912 с.
6. ПТС — Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — М.: Эксмо, 2006. — 928 с.
7. ТСРГ — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 704 с.
8. ТСРЯ — Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 736 с.
9. СРЯ — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988. — Т. 2. — 736 с.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Черемохина Д. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета

E-mail: cheremohina@bsu.edu.ru

Belgorod National Research University
Cheremokhina D. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature of the Faculty of History and Filology
E-mail: cheremohina@bsu.edu.ru

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ-«РЕКОНСТРУКЦИИ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ М. С. МАКЕЕВА «АФАНАСИЙ ФЕТ» (2020)

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный университет (КНР)

Поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Аннотация: в данной рецензии рассматривается книга М. С. Макеева «Афанасий Фет», представляющая собой биографию-«реконструкцию» выдающегося русского поэта, прозаика, публициста, философа А. А. Фета. Автор рецензируемой книги, следуя за своими предшественниками (Д. Д. Благим, Г. П. Блоком, Б. О. Бухштабом, М. Л. Гаспаровым и др.), проследил жизненный и творческий путь личности, внесшей большой вклад в отечественную и мировую культуру. М. С. Макеев объективно оценил человеческие качества Фета, показал обширный круг его знакомств, предложил оригинальный анализ стихотворений, снискавших славу лирических шедевров.

Ключевые слова: Афанасий Фет, биография-«реконструкция», композиция, поэтика, философские искания.

Abstract: this review examines the book by M. S. Makeev "Afanasy Fet", which is a biography-"reconstruction" of the outstanding Russian poet, prose writer, publicist, philosopher A. A. Fet. The author of the reviewed book, following his predecessors (D. D. Blagoy, G. P. Blok, B. O. Bukhstab, M. L. Gasparov, etc.), traced the life and creative path of a person who made a great contribution to domestic and world culture. M. S. Makeev objectively assessed Fet's human qualities, showed an extensive circle of his acquaintances, offered an original analysis of poems that have gained fame as lyrical masterpieces.

Keywords: Afanasy Fet, biography-"reconstruction", composition, poetics, philosophical searches.

Для того чтобы осмыслить вклад выдающегося художника в культуру, осветить грани его характера, «приходит биограф», который тщательно собирает источники: «листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников» [5, 11]. Но эти фрагменты, какими бы правдивыми и объективными они ни были, не дают полного представления о судьбе творца, об источниках его вдохновения. «Мертвые» листы необходимо, по мнению Ю. М. Лотмана, «оживить», и биограф-реконструктор «встает на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя» [5, 11]. Если будет проделана кропотливая работа, объективно осмыслен жизненный путь личности, то «мы вдруг услышим пульс того, кто давно уже ушел из жизни» [5, 12]. Читая книгу М. С. Макеева «Афанасий Фет», мы ощущаем, как оживает образ того, кто покинул этот мир в 1892 году, оставил статьи, переводы и замечательные стихи, в которых никогда не умрут пережитые чувства любви, вины, сострадания, восторг от соприкосновения с природой и боль утрат.

Для своей книги М. С. Макеев избрал традиционную применительно к биографиям композицию: создана хронологическая сетка («Тайна рождения» — «Верро» — «Студент» — «Кирасир» — «Любовь» — «Путешественник» — «Брак по расчету» — «Фермер» — «Судья» — «Русский дворянин» — «Камергер» — «Последний акт»), главные узлы (вехи жизни) которой содержат сведения, знакомые всем любителям и знатокам русской литературы. Однако в «лакунах» читатель найдет уточненные (или даже новые для него) факты биографии Фета, ознакомится с размышлениями над философскими исканиями поэта. Будут также рассмотрены политические взгляды, социальная позиция Фета-гражданина, автор биографии представит статьи помещика, разводившего лошадей, руководившего севом, сбором урожая, постройкой и ремонтом домов, сараев, мельниц и пр. М. С. Макеев — высокопрофессиональный исследователь русской литературы второй половины XIX века, поэтому мы можем оценить тонкий, оригинальный, порой неожиданный анализ фетовских стихотворений.

О «тайне рождения» Фета, казалось бы, хорошо известно, однако автор биографии добавил «таинственности», сообщив, что Иоганн Фёт (первый муж

матери поэта — Шарлотты), видимо, был «незаконным сыном кого-то из представителей августейшей семьи, а возможно, и самого великого герцога Людвига I» [6, 6]. Что касается появления на свет русского поэта, то в этом случае очень болезненный для семьи аспект освещен лаконично и ясно: цитируя запись из метрики о рождении в 1820 году у дворянина А. Н. Шеншина сына Афанасия, М. С. Макеев отмечает, что «это был несомненный для самого Шеншина и для всех замешанных в этой истории подлог» [6, 12]. В подтверждение приводится письмо А. Н. Шеншина отцу своей супруги (И. Беккеру), где он умоляет уговорить г. Фёта дать Шарлотте развод: «Если он не хочет сделать сего для нее, то должен он сделать это для своего детища, которое она скоро, очень скоро родит» [6, 11]. Русский дворянин обязуется заботиться о ребенке «как о своем собственном дитяти» [6, 11], и если другие исследователи ставят еще знак вопроса («В сентябре 1820 г. мценский помещик, ротмистр Афанасий Неофитович Шеншин похищает, будучи в Дармштадте, гессенскую подданную Шарлотту Фёт (в девичестве Беккер), беременную (от своего мужа?) вторым ребенком, и увозит ее в Россию») [7, 198], то автор рецензируемой биографии не сомневается, что поэт воспитывался не родным отцом, а отчимом.

Особое внимание уделяется образованию будущего писателя, переводчика Горация, Овидия, Тибулла, Вергилия, Шекспира, Гете и Шопенгауэра, знатока иностранных языков; перечислены все семинаристы, которые обучали юного Фета латыни, древнегреческому, отмечается, что немецкому мальчик обучался у матери, поощрявшей также его интерес и любовь к поэзии. Подробно описан маленький город Верро (с населением в 1 025 человек), пансион педантичного, но великодушного Крюммера, даже карцер, куда Афанасий угодил за самовольный визит в пекарню, где купил для своих однокашников пряников и крендельков к завтраку («утреннему молоку»). Приводятся интересные сведения, характеризующие Фета как человека, склонного к ремеслу, имеющего определенные навыки для работы на токарном станке (точил коньки, ножи и даже изготавливал шахматные фигуры), способного починить часы при помощи «штопальной иглы и испорченного рейсфедера» [6, 54].

Поступив в Московский университет (где в то время преподавал знаменитый Грановский), Фет не стал прилежным студентом (дважды оставался на второй год); оживляют характеристику сведения о том, что трактиры и «полпивные» были любимым местом для посещения, а также об интересе к цыганскому пению и даже любви к певице из хора. Последнее обстоятельство вносит дополнительный штрих в обширный «цыганский текст» русской литературы и в сведения из окололитературных кругов (имеются в виду пушкинские «Цыганы», лесковский «Очарованный

странник», «Живой труп» Л. Н. Толстого, а также браки брата и дяди (Толстого-Американца) последнего с прекрасными и талантливыми представительницами указанной нации). Замечено, что юноша-Фет был хорош собой (портреты это подтверждают) и пользовался успехом у женщин.

Отмечается, что Фет рано снискал славу переводчика и поэта, но нравы того времени (даже учитывая приход в литературу и искусство в целом знаменитых разночинцев) делали жизнь человека «без имени» (открылась «тайна рождения») и «без состояния» (сын немецкого бюргера И. Фёта не мог рассчитывать на наследство от А. Н. Шеншина) неудобной и неполноценной. Было принято решение стать военным, добиться возвращения дворянского звания и сопутствующих привилегий, в связи с чем в книге М. С. Макеева появились реалистично описанные сцены ежедневной муштры Фета-кавалериста, приобретшего гнедого жеребца Камрада.

Особое место, как и следовало ожидать, отведено истории любви молодого Фета и Марии Лазич, чья жизнь оборвалась трагически. Дочь небогатого херсонского помещика, бесприданница Мария, безусловно, была личностью незаурядной: ее музыкальность отметил сам Ф. Лист (посетивший Елисаветград), ее интерес к литературе, конечно, усиливал страсть поэта и интеллектуальной красавицы. Влюбленные читали романы Ж. Санд, проповедовавшей свободную связь, которую брак мог лишь опошлить и даже уничтожить.

Автор биографии предполагает (основываясь на мемуарах и письмах к близкому другу И. П. Борису), что влюбленный Фет ради Марии Лазич готов был оставить военную службу (и забыть мечты о дворянстве); он предпринял бесполезные попытки просить денег у отчима-отца А. Н. Шеншина, попытался прибегнуть к помощи брата Василия и упомянутого Борисова. Получив не один отказ, благоразумный и прагматичный Фет (не пожелавший идти по пути «легкомысленно» в свое время поступивших Шарлотты и Шеншина, невероятно тем самым осложнивших жизнь себе и другим) в ноябре 1851 года расстался с любимой женщиной, через год погибшей в пламени. М. С. Макеев справедливо замечает, что с этих пор потрясенный человек откажется «смешивать действительность и высокую поэзию, искать идеал в отношениях с людьми, в том числе в любви» [6, 138]. Со временем образы и идеи Ж. Санд сменяются гетевскими — из «Германа и Доротеи», где превозносится семейное счастье «отменного хозяина, славного работника» и расторопной, приветливой девушки. Чувство самосохранения впредь предостерегало Фета от необдуманных поступков («жить сердцем»), он будет строить свое бытие, руководствуясь строжайшим расчетом: в 1857 году женится на 27-летней М. П. Боткиной, также пережившей несчастную любовь, не блиставшей красотой, умом

и обаянием — неотъемлемыми качествами Марии Лазич. М. С. Макеев опровергает (относительно выбора Фета) крылатое выражение из «Бесприданницы» А. Н. Островского («сколько приданых, столько и женихов, лишних нет...») и сообщает, что сама Мария Петровна была не так уж и богата, отец оставил ей 32 000 рублей, но при этом всегда можно было рассчитывать на помощь братьев Боткиных, унаследовавших огромное состояние отца-чаеоторговца и благоволивших к новому родственнику. Справедливости ради упоминается о доброте и отзывчивости супруги поэта, неоднократно доказывавшей преданность Фету, неизменно о ней заботившемся.

Деятельная жизнь поэта-помещика пройдет в упорных трудах по устройству имений (не без иронии сообщается, что при покупке оных «наличие жимолости, изящных тропинок и холмов или соловьев в соседней роще во внимание не принималось» [6, 247]), в хлопотах о многочисленных родственниках (в том числе о своей единоутробной сестре — Лине Фёт), о комфорте, безусловно, уважаемой жены, приехавшей в доме отца к роскоши.

М. С. Макеев не стремится обойти сложные стороны характера Фета, тактично отмечая противоречащие друг другу черты его натуры: ответственность за здоровье и благополучие сестер, братьев, племянников, верность дружбе, великодушие, с одной стороны, и излишнюю жесткость, равнодушие и даже цинизм, с другой стороны (например, упоминается, что хозяйственный помещик, державший осликов для передвижения по усадьбе, назвал одного из них «Некрасов», хотя известия о скончавшемся в жесточайших мучениях поэта и издателя были еще очень свежи). Иногда автор биографии опровергает и самого Фета, обходящего (или искажающего) в своих мемуарах факты, высвечивающие не лучшие его поступки. Таким образом, выдающийся поэт («автор биографический», в терминологии Б. О. Кормана) предстает человеком, не лишенным недостатков, пережившим много невзгод, ироничным по отношению к себе и другим, одним словом — «живым».

В литературоведении долго бытовало утверждение о том, что фигура Фета двойственная (это было навеяно и стихами самого поэта: «Я между плачущих Шеншин, / И Фет я только средь поющих»), что в нем необъяснимо уживался помещик с тончайшим лириком. Современные исследователи не поддерживают эту точку зрения, и М. С. Макеев из их числа, так как доказывает органичное сочетание в личности Фета «высокого» и «бытового». Для того чтобы объяснить, как в одном человеке сочетались хлопоты о навозе и зерне с поэтическими грезами о «нетленном сиянии неба и моря» [6, 385], автор книги внимательно изучил философское тяготение поэта (от молодых лет до зрелости). Юность Фета протекала в эпоху увлечения российской молодежи Гегелем,

но даже знакомство с А. И. Герценом и многолетняя дружба с И. С. Тургеневым (известными «гегельянцами») не сделало поэта поклонником этого течения, так как его не устраивало «тотальное» стремление соединить «высокие идеалы» с насущными житейскими проблемами («конкретными задачами»). При этом вполне объяснима привлекательность учения Ф. Шеллинга, для которого «искусство стояло на вершине всей человеческой деятельности» [6, 78]. Однако впереди «ждал» А. Шопенгауэр, мыслитель действительно чрезвычайно важный: окажется очень близкой мысль о том, что философия не должна заявлять свои права на объяснение реальности (законов «наихудшего из миров»); будет импонировать и объяснение сути искусства, тех эстетического наслаждения и восторга, которые хотя бы на миг освобождают от тяжести бытия и успокаивают. Фет так тщательно комментировал и переводил труд «Мир как воля и представление», что главные положения стали и его собственной жизненной программой. Даже предсмертная записка тяжело больного поэта, создававшаяся в момент принятия «последнего решения» («Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному») коррелирует с важнейшей идеей А. Шопенгауэра: «То, что так страшит нас в смерти, это не столько конец жизни — так как особенно жалеть о последней никому не приходится, — сколько разрушение организма, именно потому, что он — сама воля, принявшая вид тела» [11, 87].

Опровергается в рассматриваемой биографии и некогда бытовавший миф о фетовском политическом индифферентизме, безразличии к действиям власти и тем, кто ей противостоял. Фет активно отстаивал свои взгляды, которые были далеки от либеральных: его кумиром был Николай I (наиболее, якобы, понимавший суть правильного правления Россией), неоднократно устно и печатно критиковалась община, нескрываемой антипатией веяли высказывания о «семинаристах» («разночинца-демократах»). Фетовская военная служба протекала в николаевскую эпоху «безочарования», и М. С. Макеев напоминает, что некоторые офицеры в знак протеста вступили в ряды петрашевцев, а позднее даже в организацию «Земля и воля». Фет, как и его современники, прекрасно знал о неумирающих «потемкинских деревнях», о царивших сребролюбии и казнокрадстве, но «это был не им созданный порядок вещей, к которому он готов был приспособиться <...>, добиваясь скромных личных целей» [6, 124].

Цели достигались путем добросовестной службы, рационального ведения сельского хозяйства, упорного литературного труда; в итоге в 1873 году, через 40 лет после утраты социальных привилегий, Фету были возвращены дворянское звание и фамилия «Шеншин». А 26 февраля 1889 года отставной гвардии штабс-ротмистр был пожалован в камергеры, что

вызвало удивление (зачем это поэту?) многих, в том числе семейства Л. Н. Толстого и Я. П. Полонского. Обласканный царским двором, Фет-Шеншин отправился в нелюбимый с отрочества Санкт-Петербург, надел приличествующий случаю мундир и поблагодарил, по этикету, Александра II за оказанную честь. Споспобствовал «продвижению» Фета великий князь Константин Романов (К. Р.), с которым велась многолетняя («осторожная») переписка. Два поэта, выдающийся и «второстепенный», обменивались стихами, наносили друг другу визиты: Фет — в роскошный Мраморный дворец, К. К. Романов — в скромный домик четы Фетов в Москве. М. С. Макеев приводит фрагменты писем Фета к высокопоставленным особам и сообщает, что «курировала» просьбы поэта и образцового помещика (император сообщал, что об этом «наслышан») такая немаловажная фигура на политическом небосклоне, как шталмейстер императорского двора И. П. Новосильцев, друг юности Фета. Однако если вспомнить, что приятели с детства были Александр II и благороднейший, скромный А. К. Толстой, то можно утверждать об отсутствии излишних рабской угодливости и унижительного низкопоклонства в подобных отношениях.

В настоящей биографии много места отведено и информации о социальной активности Фета, который писал пространные статьи о воспитании и образовании (например, по поводу гимназического устава 1864 года). В 1865 году уважаемый и состоятельный (действовал имущественный ценз) помещик был избран гласным земского уездного собрания, а через год он баллотировался на должность мирового судьи в Мценском уезде. Неурожайные годы (1866–1867) и последующий голод подвигли поэта помогать нуждающимся крестьянам, но деньги давались им в долг. Свою позицию Фет изложил в письме в «Московские ведомости»: собранные деньги (около 3 000 р.) должны *возвратиться* (чтобы создать фонд на случай подобной грядущей беды), ибо оказывать материальную помощь безвозмездно — означает поддерживать лень, туеядство и безделие.

Наибольшее внимание в книге уделено, конечно, становлению таланта, творческой биографии русского лирика, литературной среде, где он вращался. Отмечается, что к литературе поэт с детства тянулся «как к убежищу, спасению от тусклой жизни» [6, 34], и, цитируя замечательные фетовские мемуары, М. С. Макеев передает тот восторг, который испытывал мальчик, переводивший немецкие басни на язык своей новой родины — России.

Фет начал рано печататься (одновременно с Н. А. Некрасовым): в 1840 году выходит его «Лирический Пантеон», однако современные исследователи сходятся во мнении, что если эпигон Некрасов в сборнике «Мечты и звуки», подражая Жуковскому, Козлову, Пушкину, Лермонтову, наметил все главные темы и образы своих поздних стихов, то в отношении Фета

складывается иная картина. Его кумиром в начале творческого пути был Бенедиктов, так как прилежно повторялись «измученная грудь», «глазки» и пр.

Известно, что о ранних стихах Фета положительно отзывался Н. В. Гоголь, а В. А. Жуковский дал отцу поэта дельный совет относительно выбора пансиона для обучения сына (пасынка). Другьями студента и начинающего литератора стали Ап. Григорьев, И. Введенский и Я. Полонский, восхищавшиеся его талантом, несмотря на некоторые разногласия и замечания с их стороны. Отзывы на стихи давали барон Брамбеус (Сенковский) и В. Г. Белинский (правда, сетовавший, что в этих лирических образах мало пищи для ума), и это позволило молодому человеку посещать литературный салон Каролины Павловой, общаться с А. Ф. Вельтманом, П. Я. Чаадаевым, «стариком Шаховским», М. А. Языковым, П. А. Вяземским, Н. П. Огаревым, М. Н. Загоскиным.

Значительную роль в творческой биографии поэта сыграл И. С. Тургенев, а также критики и беллетристы некрасовского «Современника», взявшиеся редактировать и издавать очередной фетовский сборник стихов (1856 г.). «Братья-литераторы» в целом принимали его лирику, но считали Фета поэтом «бессознательным», автором «неясных образов», «пленительного вранья» и подвергли его творения варварской правке, которая, по словам Б. Я. Бухштаба, «радикально меняет текст». Фет, конечно, не был рад этому обстоятельству, и в дальнейшем, конечно, при издании стихотворений учитывалась авторская воля.

Одно время Фет активно общался с Н. А. Некрасовым, представитель «чистого искусства» восхищался некрасовской поэмой «Несчастные», а «певец народного горя» искренне хвалил фетовское стихотворение «У камина» («Тускнеют угли...»). Однако со временем симпатии к Некрасову (как и к Тургеневу) сменились неприязнью: сказались различия в эстетических предпочтениях и несовместимость жизненных позиций (Фета раздражало некрасовское «безрассудство» (игра в карты), а также некоторые черты Некрасова-редактора).

Наиболее долгие, плодотворные и ценимые по этому отношения связывали его с историком, литературным критиком, журналистом Н. Н. Страховым и Л. Н. Толстым. Десятилетиями длившаяся переписка при встречах часто дополнялась жаркими спорами, друзья обсуждали фетовские переводы (Н. Н. Страхов давал ценные советы), его стихи и прозу (не всегда принимаемую). С годами поэту стали чужды религиозные искания Толстого, его взгляды на семью, собственность, и тогда активизировалась переписка с С. А. Толстой, которая ценила практические советы хозяйственного Фета и жаловалась на своего знаменитого супруга, больше занятого «детьми Анисьи» (крестьянки), нежели своими собственными.

Размышляя над природой творчества Фета, М. С. Макеев полагает, что наиболее близким ему

художественным миром был мир Г. Гейне, навеявший русскому поэту суггестивность, связанную с «изгнанием» из субъектных сфер лирического героя, показавший, как извлечь красоту из прозы жизни. К названному литературному учителю М. С. Макеев прибавляет и М. Ю. Лермонтова, но не автора гневных обличительных стихов, а поэта, «пораженного красотой окружающего мира» [6, 106], создателя «Выхожу один я на дорогу...», «Демона», «Утеса».

Филолог М. С. Макеев предлагает читателю блестящий анализ фетовских стихотворений, о которых единомышленник и друг поэта В. П. Боткин заметил (в статье «Стихотворения А. А. Фета», 1956), что они способны «пробуждать в сердцах людей сладость поэтических ощущений» [1, 218]. Автор биографии постоянно развивает эту мысль и подчеркивает «не слабеющую зоркость к красоте, способность создавать «картины», пронизанные музыкой и светом» [6, 419]. В подтверждение приводится стихотворение «Ель рукавом мне тропинку завесила...», где сошлись «ветер», «листья» и «тонко взывающий рог»: «Сладостен зов мне глашатай медного! / Мертвые что мне листы!» / Кажется, издали странника бедного / Нежно приветствуешь ты» [9, 246].

Удивительное умение Фета «увидеть в действительности новые стороны» благодаря «полутонам» [4, 244] описал Б. О. Корман и доказал это анализом стихотворения «Одинокий дуб» (1856). М. С. Макеев также находит и объясняет удивительные новаторские («дерзкие») образы, вырастающие из «полутонов эмоциональных» [Там же]: «Раскрываются тихо листы, / И я слышу, как сердце цветет». Метафора «цветущее сердце», безусловно, представила вновь открытую лирическую ситуацию.

Сам Фет признавался, что в его поэзии «сопоставление предметов важнее их «воздействия» друг на друга» [6, 106]. Данное свойство объясняется при рассмотрении стихотворения «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», где центральный образ *хандры* складывается из «соположения «печки», «окна», «те же», «те же»...» [6, 107]. Но самое важное в данном случае (при «сопоставлении» предметов) то, что *хандра* «становится проявлением красоты жизни» [6, 108]. Поддерживается мысль о глубине поэтических образов, это объясняется и тем, что изображенные предметы отступают на второй план, уступая место ассоциациям, «которые вызываются этими предметами в сознании поэта» [2, XXII].

Фетовские ассоциации сложны, и только глубокое проникновение в текст позволяет исследователям понять всю многогранность возникающих образов, этот процесс порой занимает целые десятилетия. Приведу пример применения «флоропоэтики» (использованной одной из предшественниц М. С. Макеева) при внимательном прочтении стихотворения, посвященного вдове А. К. Толстого («Графине С. А. Толстой», 1889). В зачине содержится утверждение о том, что

с уходом близкого человека «нам мир так пуст...» [9, 167], далее сравниваются два лирических «персонажа» — *роза* и *резеда*, имеющие *тайные* смыслы, закодированные в «языке цветов». Роза по давней традиции ассоциируется с любовными страстями, а резеда умалчивает боль (название цветка происходит от *residere*, что в переводе с лат. означает *лечить, успокаивать, облегчать*). Посвящение становится утешением: «Но знаю, в воздухе нагретом, / Вот здесь, со мной, / Цветы задышат прежним летом / И резедой» [9, 167], ведь «бледные цветы, вырванные из мертвой земли, более устойчивы, чем пышная роза, метафора ушедшей молодости» [10, 355].

Уделено внимание в работе М. С. Макеева и анафоре — неотъемлемому элементу фетовской поэтики, обеспечивающему сюжету «равномерное поступательное движение» [3, 471], когда «на фоне одинакового выступает своеобразное» [3, 472]. «С помощью повторения одной или нескольких красиво звучащих строк», по словам М. С. Макеева, создается «огромное богатство интонаций» [6, 276], что исследователь продемонстрировал на примере такого шедевра, как «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...».

Не забыты и неповторимые фетовские концовки, бесконечно расширяющие хронотоп лирического произведения. «Концовки стихотворений Фета, в согласии с его поэтикой, подводят итог кратковременному, но небывалому по яркости и интенсивности переживанию» [9, 171], что М. С. Макеев подтвердил относительно финала стихотворения «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»). Согласно со взглядами Фета и учением Шопенгауэра, автор биографии замечает, что «жизни жалко, как бывает жалко оборванного прекрасного сна — не его самого, а исчезающей вместе с ним красоты» [6, 342]: «Не жизни жаль с томительным дыханьем, / Что жизнь и смерть? А жаль того огня, / Что просиял над целым мирозданьем, / И в ночь идет, и плачет, уходя» [9, 166].

Необходимо отметить, что точные детали в данной биографии оживляют картины прошлого, и это усиливает ощущение достоверности изображенного. Например, с первых страниц красноречивее всех комментариев о материальном положении семьи И. Беккера (дед Фета) говорит то, что дом был куплен «благодаря займу в 15 тысяч гульденов <...> под пять процентов годовых» [6, 6]. А вот бытие И. Фёта (отца поэта) было гораздо скромнее, денег не хватало, и, как следует из его письма, до 1817 года некий влиятельный покровитель оплачивал «все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей» [6, 6].

Дом Григорьевых, где Фет-студент провел несколько лет, описан так, что читатель *увидел* сарай, где стояли корова и лошади, *прошел* по узким коридорчикам, по разделенным перегородками комнатам («в качестве небольших спален») и по антресолям («куда вела узкая лестница с двумя заворотами») строения на Полянке.

Манера изложения, в которой выдержана книга М. С. Макеева, напоминает фетовскую (сказалось внимательное изучение мемуаров и писем поэта, обусловившее «стилистическую эмпатию»): она сдержанная, тяжеловатая, с большим внутренним напряжением. Как всякую талантливо, с научной добросовестностью выполненную биографию, данную характеризует выверенность материала; автор часто сопоставляет различные мнения (почерпнутые в письмах, дневниках, мемуарах, архивных материалах), что способствует объективному изображению бытия человека, пришедшего в мир 200 лет назад и прошедшего сложный, многотрудный путь. Жизнеописание отличает чувство меры, автор не переходит определенную черту, за которой начинаются выдумки увлекающегося потомка: если относительно какого-либо факта (например, как сблизилась А. Н. Шеншин и Шарлотта Фёт, «как возникла идея бегства, как они смогли обмануть бдительность родни» [6, 8]) «нет никаких достоверных сведений», то биограф Фета заявляет: «и фантазировать на эту тему мы не будем» [6, 8].

Данная работа выполнена с большим уважением к исследованиям предшественников (Д. Д. Благого, Г. П. Блока, Б. Я. Бухштаба, М. Л. Гаспарова, В. А. Кошелева, Е. А. Маймина и др.), чьи труды были тщательно изучены, чье учение учитывалось и развивалось.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, профессор

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель

Цзилиньский государственный университет (КНР)

Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

E-mail: 19alex04@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Боткин В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма / В. П. Боткин. — М.: Советская Россия, 1984. — 320 с.
2. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет / Б. Я. Бухштаб // А. А. Фет. Стихотворения. — Л.: ГИХЛ, 1956. — С. III–XXIII.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Л.: Советский писатель, 1975. — 664 с.
4. Корман Б. О. Избранные труды. История русской литературы / Б. О. Корман. — Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного ун-та, 2008. — 732 с.
5. Лотман Ю. М. Карамзин / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1997. — 832 с.
6. Макеев М. С. Афанасий Фет / М. С. Макеев. — Молодая гвардия, 2020. — 443 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1818).
7. Русская литературная классика XIX века: учебное пособие / Под ред. А. А. Слинько и В. А. Свительского. — Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. — 426 с.
8. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Советский писатель, 1977. — 222 с.
9. Фет А. А. Стихотворения / А. А. Фет. — Л.: ГИХЛ, 1956. — 380 с.
10. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!» Флоропозтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 544 с.
11. Шопенгауэр А. Избранные произведения / А. Шопенгауэр. — М.: Просвещение, 1992. — 478 с.

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor

Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer

Jilin State University (PRC)

Skobelev D. A., Candidate of Philology, Lecturer

E-mail: 19alex04@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНСКИХ СМИ

Аль-Имад Факир Мухамед

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 14 июня 2021 г.

Аннотация: статья посвящена истории и особенностям развития йеменских СМИ. Она дает представление о становлении прессы Йемена на фоне исторического развития страны под воздействием разных политических режимов. Выделены вехи развития радиовещания и телевидения в Йемене в середине XX столетия. Прослеживаются традиции ближневосточной журналистики, нашедшие отражение в современной прессе Йемена, а также взаимодействие традиционного сознания с явлением, называемым вестернизацией.

Ключевые слова: Йеменская Республика, СМИ, газета, журнал, радио, телевидение, информационное агентство, «вестернизация», национальные традиции.

Abstract: the article is devoted to the history and peculiarities of the development of the Yemeni media. It gives an idea of the formation of the Yemeni press against the background of the historical development of the country under the influence of different political regimes. The milestones in the development of radio broadcasting and television in Yemen in the middle of the twentieth century are highlighted. Traditions of Middle Eastern journalism, which are reflected in the modern press of Yemen, are traced, as well as the interaction of traditional consciousness with a phenomenon called «Westernization».

Keywords: Republic of Yemen, mass media, newspaper, magazine, radio, television, news agency, «Westernization», national traditions.

То, что Северный Йемен находился под оккупацией Османской империи, а Южный Йемен был британской колонией, значительно повлияло на характер журналистики. Первая газета Северного Йемена «Йемен» на турецком языке увидела свет в 1872 г. (это было время правления Османского султана Абдулы Хаида Второго), через шесть лет вышел еженедельник на арабском языке «Сана». В 1888 г. было осуществлено издание на четырех страницах: две из них содержали материалы на арабском языке, две другие — на турецком. Газеты на турецком языке выходили до 1918 г. [1, 33]. Затем, с приходом к власти имама Яхья Хаида аль-Дин и образованием Йеменского королевства, началась новая эра прессы Северного Йемена. Первый номер газеты «Аль-Иман» / «Вера» вышел в октябре 1926 г. Выпуск этой газеты во время Второй мировой войны приостанавливался на пять лет, но к моменту ее закрытия 8 декабря 1947 г. вышло 374 номеров.

Конфликты с Южным Йеменом, который находился под Британской оккупацией, и с Саудовской Аравией побудили обратить особое внимание на средства массовой информации. Редактор журнала «Аль-Хикма» / «Мудрость», основанного в 1938 г. в Санае, Ахмед Абдулвахаб Аль-Рейт сосредоточился на трех основных темах: реформы на Севере и на Юге; проблемы арабских народов и исламского мира;

история, экономика, литература и общество. Вышло всего 28 номеров, и прекращение издания создало определенный вакуум в культурной и литературной жизни Йемена. Было еще несколько оппозиционных газет, призывавших к борьбе с монархией и британскими колонизаторами: «Соут Аль-Йемен» / «Голоса Йемена» (1946), «Аль-Салам» / «Мир» (1948), «Аль-Фадул» / «Любознательность» (1953), «Аль-Талиа» / «Авангард» (1959) [2, 54].

В северной части Йемена радиовещание началось в 1946 г. (имам Яхья получил в подарок от американской делегации, посетившей Йемен для переговоров по добыче нефти, радиопередатчик мощностью 13 Вт). По радио, которое работало в течение двух лет только по четвергам и пятницам в течение часа и пятнадцати минут, читали Коран, религиозные речи, новости имама. В 1955 г. с приобретением 50-киловаттной радиостанции началось вещание, увеличенное до четырех часов и до двух включений в день.

В Южном Йемене начало печатной эры датируется 1853 г., когда британские оккупационные власти в Адене открыли первую типографию и отправили несколько рабочих в Индию для обучения на ручном печатном станке. Первые газеты печатались на английском и арабском языках, удовлетворяя потребности администрации колонии.

Примерно в это же время в районе Хадрамот начала действовать первая письменная газета «Месия» (по названию города выпуска), где сотрудни-

чали ученые, литераторы и просто образованные люди. Первый журнал «Фатат аль газира» / «Девушка Остров» вышел в 1940 г. и был посвящен защите прав женщин. Из журналов левой ориентации следует выделить «Аль-Мустакбаль»/«Будущее» (1949) и из молодежных газет — «Аль-шабаб»/«Молодой».

Всего издавалось около 30 газет и журналов. Примечательно, что пресса британской колонии Южного Йемена была намного деятельней и свободней, чем пресса Северного Йемена, находившегося под контролем имама Яхьи. Британские колонизаторы давали определенную свободу прессе, спонсировали ее, к тому же в Южном Йемене пресса имела неплохие доходы с розничной продажи.

В 1954 г. в Южном Йемене началось ежедневное радиовещание, трансляции длились по 1 часу и 45 минут. Через десять лет в Адене было открыто телевидение, которое отражало политику британских колонизаторов, путем трансляции английских программ распространяло зарубежную культуру, ослабляя арабские, мусульманские традиции.

В середине XX в. происходят исторические события: в 1962 г. была провозглашена Йеменская Арабская Республика, в 1967 г. получил независимость Южный Йемен. Когда Йеменская Арабская Республика вошла в стадию стабильности, одним из первых законов стал «Закон об изданиях», обнародованный 18 ноября 1968 г., а одним из первых декретов — запрет на выпуск всех печатных изданий, выходивших до обретения независимости республики. Но продолжали выходить СМИ, выступающие от имени Национального фронта (газета «Аль-Тори»/«Революционер» — орган Йеменской социалистической партии; «Аль Шарара» / «Искра» — сначала орган издания Национального фронта в Хадрамоте, а затем — Йеменской социалистической партии; «Сот-аль-омаль» / «Голос рабочих» — орган издания рабочих профсоюзов Йеменской республики; «Аль-Рая»/«Флаг» — орган издания Министерства обороны. Стали развиваться гражданские издания, которые свою критику облекали в юмористические заметки и карикатуры [3]. Из журналов одним из популярных был женский журнал «Фатат Шамсан» / «Девушка Шамсан».

Еще во времена британской оккупации Йемен был известен своими ранними новостными службами, когда агентство British Reuter открыло свой офис в Адене (1860) для безопасности связи между Европой, Индией, Ираном и Ближним Востоком. Йемен играл важную роль в политике колониальных СМИ. В 1962 г. Мухамед Ахмед Баракат основал Южно-Арабское информационное агентство в городе Аден — единственное частное информационное агентство в Йемене, которое продолжало действовать до 1966 г. Оно публиковало местные и международные новости на двух языках — арабском и английском.

В феврале 1970 г. в Адене было создано Информационное агентство, которое обязано было собирать

и распространять новости внутри страны и за ее пределами, а также заинтересовывать арабских и зарубежных вещателей [4]. 7 июля 1983 г. агентство вышло на прямую связь с российским агентством ТАСС (дуплекс) для круглосуточного обмена новостями. У агентства был иностранный офис в бывшем Советском Союзе и постоянный корреспондент в Москве (1983–1990 гг.).

В Сане информационное агентство начало работу в 1967 г. Но была проблема с кадрами, и оно работало в узком диапазоне, выпуская новостной бюллетень ограниченным тиражом, который распространялся среди высокопоставленных чиновников. Лишь 30 июля 1970 г. в АРЙ было учреждено Агентство новостей Саба [5]. И хотя в Основном законе предусматривалось, что это агентство является независимым институтом правового статуса и имеет правосубъектность, оно все же было связано с Министерством информации. Несмотря на кадровый голод и слабые технические возможности, он предоставлял газетам «Радио Сана» и «Аль-Тура» («Революция») новости, которые получало от арабских и международных радиостанций. Только в 1980 г., укрепившись технически, агентство Саба стало выпускать утром и вечером две политические публикации на арабском и английском языках.

Объединение двух республик было целью обеих систем, как на севере Йемена, так и на юге. Было сделано несколько политических шагов для объединения Йемена, но различия в политической и экономической системе, а также внешние вмешательства, были существенной помехой на пути объединения двух Йеменских республик. Но изменившаяся ситуация в мире способствовала тому, что 22 мая 1990 г. произошло создание единой Йеменской Республики.

С этого периода начинается новый этап развития СМИ Йемена, который нашел отражение и в «Энциклопедия Йеменской журналистики», автором которой является журналист и редактор Абдульвахаб Али Аль-Муайед. В предисловии к энциклопедии он представил этапы истории журналистики Йемена: начальный этап формирования газет; период 1990–2000-е гг.; новейший этап. Особенно интересна третья энциклопедия, в которой автор представил анализ исторических и функциональных особенностей формирования национальной модели печати и ТВ в условиях глобализации; рассмотрел информационный диалог Восток — Запад сквозь призму особенностей развития йеменских СМИ в информационном поле арабской уммы; показал роль газет и журналов в освещении современных политических и культурных проблем; охарактеризовал освещение в СМИ событий, связанных с развитием мусульманской религии, культуры и языка.

Арабские, в том числе и йеменские СМИ, являются активными участниками медиаглобализации, что имеет как положительные, так и отрицательные

стороны: с одной стороны, Йемен получил импульс технологической революции, но с другой — вестернизацию, подавлявшую национальное начало. Хотя опора на национальные традиции и частичный возврат к истокам исламской духовности не противоречит лозунгам медиаглобализации и модернизации, диалектика соотношения социокультурных традиций и инноваторства в массмедиа Йемена такова, что ислам помогает сохранить самобытность СМИ, языковую основу журналистики, а модернизация помогает интенсифицировать коммуникативные процессы [6, 48]. Ориентация на мировые стандарты делает сегодняшнюю йеменскую журналистику более качественной, менее ортодоксальной, хотя и не делает ее полностью либеральной. Однако медиа Йемена подчинены в первую очередь политическим целям.

*Российский университет дружбы народов
Факир Мухамед Аль-Имад, кандидат филологических наук
E-mail: alemad.faker@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Ал-джауи О. Зарождение и развитие йеменской журналистики / О. Ал-джауи // Ас-Сафа ал-джадида. — Аден. — 1974. — № 2.
2. Новейшая история Йемена. 1917–1982 гг. — М.: Наука, 1984.
3. Al-markaz al-wataniy lil-maalumat. — Режим доступа: <http://www.yemen-nic.info/sectors/media> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Wizara al-l'lam al-yamaniyya — al-mawka' al-rasmiy li wizara al-l'lam al-yamaniyya. — Режим доступа: <http://www.yemen-media.gov.ye/> (дата обращения: 16.11.2019).
5. История средств массовой информации в Йемене // Википедия. — Режим доступа: https://ar.wikipedia.org/wiki/تاريخ_الصحافة_اليمنية (дата обращения: 13.11.2019).
6. Мутаваккиль М. А. М. Зарождение и развитие йеменской печати / М. А. М. Мутаваккиль. — Каир, 1983.

*Peoples' Friendship University of Russia
Faqr Mohammed Al-Emad, Candidate of Philology
E-mail: alemad.faker@gmail.com*

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ ПО ВОПРОСАМ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

Ван М.

Ланьчжоуский университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2020 г.

Аннотация: в данной статье проанализированы опубликованные в официальных и неофициальных СМИ Китая и России материалы, отражающие общественное мнение по поводу развивающихся в условиях пандемии китайско-российских отношений, проанализированы причины и следствия формирующегося в интернете общественного мнения; выражены рекомендации к созданию условий для формирования правдивого общественного мнения в интернете.

Ключевые слова: коронавирус, общественное мнение, интернет, российско-китайские отношения

Abstract: the article analyzes the materials published in the official and unofficial media in China and Russia, reflecting public opinion on the developing Chinese-Russian relations in the context of the pandemic, analyzes the causes and consequences of the emerging public opinion on the Internet; recommendations were expressed for creating conditions for the formation of a truthful public opinion on the Internet.

Keywords: coronavirus, public opinion, Internet, Russian-Chinese relations.

Согласно статистическому отчету о состоянии интернета в Китае, по состоянию на март 2020 г. количество пользователей интернета в стране составляло 904 миллиона, а уровень охвата интернета достиг 64,5% [1]. То есть интернет реально становится надежной платформой для выражения общественного мнения. Однако в свободной среде распространяется и ложная информация. Например, некоторые слухи по поводу пандемии способствовали разжиганию национальной неприязни среди интернет-пользователей, что может даже повлиять на отношения между двумя странами.

Основываясь на двух критериях (количество перепечаток статей и влияние СМИ), мы подвергли анализу публикации веб-сайтов газеты «Жэньминь жибао», агентства «Синьхуа», «Кругосветной ежедневной газеты», «Китайской сети новостей».

В «Жэньминь жибао» вышло 128 сообщений о коронавирусе в России, в которых приводилась статистика числа подтвержденных случаев коронавируса в России, отражалась твердая позиция Китая против фейков, например таких как «Статистика числа смертности от коронавируса в России фиктивна» и других ложных заявлений некоторых китайских и российских СМИ. Обе стороны делились опытом совместной борьбы с эпидемией, материальной поддержки друг друга, принятия активных мер по предотвращению эпидемии и контролю над ее распространением.

При поиске по ключевому словосочетанию «коронавирус в России» в публикациях агентства «Синьхуа» вышло также 128 тематически связанных статей (статистика смертей из-за коронавируса в России;

выступления руководителей российского правительства; влияние вируса на экономику России; обмен опытом борьбы с коронавирусом: поддержка населения Китая усилий России в борьбе с вирусом).

Схожая тематика и в публикациях «Кругосветной ежедневной газеты». Выбывается из ряда лишь одно сообщение под названием «Россия временно запрещает въезд в страну некоторым китайским гражданам, — отвечает Министерство иностранных дел» [2]. Проблемную статью опубликовала и «Китайская сеть новостей»: «Куда пойдут российско-китайские отношения в условиях коронавируса? Рекомендации специалистов и ученых» [3]. Интересные материалы вышли в газете «Китайская молодежь» («Народы двух стран полны уверенности в китайско-российских отношениях» [4]) и на сайте «Синьхуа» («Отчет об исследовании общественного мнения между Китаем и Россией 2020 года: народы двух стран поддерживают друг друга, и социальная основа китайско-российских отношений крепче» [5]).

Независимые издания также касались данной проблематики, заявляя о ней через социальные сети: Weixin Gongzhonghao, Weixin Pengyouquan, Baidu Tieba, сайт «Sino-веб», Tencent QQ, Instagram и др. Причем порой они выступали значительно острее традиционных СМИ, что видно даже по заголовкам публикаций («Русские так плохо относятся к этим китайцам!»; «80 китайцев, изолированных в Москве: кого-то приговорили к депортации и запретили въезд в Россию на 5 лет»; «Россия хочет депортировать 1,5 миллиона китайцев?»; «Российские военные отправили дирижабли для наблюдения над изолированными жителями»; «Трое россиян использовали льдины

в качестве автобусов» и др.), которые живо обсуждались в интернете.

Мы также проанализировали отражение общественного мнения в публикациях ИТАР-ТАСС, РИА «Новости» и НТВ. ИТАР-ТАСС сообщило о распространении нового коронавируса 28 января 2020 г. [6]; 17 апреля посол Китая в России Чжан Ханьхуэй дал интервью, которое включало информацию о происхождении вируса, о необоснованных нападках и клевете со стороны некоторых западных стран, а также о том, как Китай помогает другим странам бороться с эпидемией и др. [7]. ТАСС сообщило о помощи Китая странам ЕС, назвав Китай «настоящим другом» [8]. 1 февраля РИА «Новости» сообщило о выступлении министра иностранных дел Китая Ван И по вопросам пандемии; с февраля агентство регулярно сообщало о количестве инфицированных и смертей от коронавируса в Китае; 17 июля оно опубликовало статью «США утратили рациональность, нравственность и доверие» [9]. 27 февраля 2020 г. НТВ сообщило, что «Власти Москвы репатриировали 80 китайцев, нарушивших правила карантина», а 1 марта задалось вопросом «Почему Китай выздоравливает, а Европа болеет?».

Информацию в неофициальных российских СМИ можно разделить на три типа в зависимости от их отношения к Китаю: первый — нейтральный («Что такое коронавирус?», «Как предотвратить появление коронавируса?», «Количество людей, инфицированных коронавирусом в Китае» и т.п.); второй — отрицательный («Может ли Китай специально распространять коронавирус? Если да, то почему?», «Какой вред наносит китайский вирус миру?»); третий — положительный («Китай является жертвой коронавируса, а Ухань — не первое место, где возник вирус», «Вирус является заговором американских лабораторий», «Китай оказал большую материальную поддержку европейским странам», «Китай — настоящий друг»).

Сравнивая интернет-общественное мнение Китая, связанное с Россией, и российское интернет-общественное мнение, связанное с Китаем, нетрудно найти сходство между ними. Как правило, сообщения в СМИ и там и там относительно объективны. Цель состоит в том, чтобы дать гражданам полное представление о фактической ситуации с эпидемией в других странах, освещать примеры китайско-российской взаимопомощи в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства, сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху, четко выразить свою собственную позицию и содействовать гармоничному развитию российско-китайских отношений. Тем не менее в сообщениях СМИ двух стран есть смесь правдивой и ложной информации, выражаемая главным образом в подозрениях о нарушении отношений между двумя странами, провоцировании националистических настроений и инспирировании вражды. Например, некоторые российские СМИ на-

зывали коронавирус «китайским вирусом» и прямо называли источник вируса. В некоторых сообщениях утверждалось, что коронавирус был распространен Китаем преднамеренно со зловещими целями. В Китае также есть подобные фальшивые новости, например «Россия собирается изгнать 1,5 миллиона китайцев?». В этой новости прямо использовалось слово «изгнание» в попытке вызвать гнев пользователей сети. Однако посол Чжан Ханьхуэй сообщил: «Общее количество китайских граждан в России — менее 150 000, и почему говорится о том, что Россия собирается изгнать 1,5 миллиона китайцев?..».

Интернет-общественное мнение двух стран также имеет свои особенности, которые отражаются в основном в новостных репортажах СМИ двух стран и во мнении простых людей двух стран. Внимание китайских простых людей сосредоточено на реальной ситуации с эпидемией в России, на жизни китайцев в России и событиях, которые произошли в России во время эпидемии. Россияне же интересуют последние достижения в исследованиях и разработках вакцин в Китае, конкретное место происхождения эпидемии и то, почему эпидемия в Западной Европе не контролируется столь эффективно, как в Китае. Путем анализа новостей мы обнаружили, что российские СМИ редко обращают внимание на жизнь российских граждан в Китае и на события, произошедшие с китайскими гражданами в период изоляции.

То, что общественное мнение двух стран схоже связано, на наш взгляд, с тем, что в эпоху интернета события происходят и освещаются синхронно; во-вторых, опасности и вызовы, с которыми сталкиваются две страны в настоящее время, одинаковы; в-третьих, Китай и Россия реально являются стратегическими партнерами в новую эпоху и т.д. При этом есть и ментальные различия. Русских людей отличает наличие юмора и открытость, китайцы же более спокойные и осторожные. Китайцев привлекает креативность россиян в Сети. В этом смысле интересно посмотреть на структуру интернет-пользователей. Так, в «Статистическом отчете о развитии Интернета в Китае» сообщается, что «возрастная группа китайских пользователей сети 10–19 лет составляет 19,3% от общей структуры пользователей Сети, группа учеников (26,9%) занимает первое место в профессиональной структуре, и число пользователей сети, которые получили среднее образование, — 41,1% [10]. Значительную долю пользователей составляют подростки. Как известно, подростки и группы с низким уровнем образования легко поддаются на провокации, которые устраивают некоторые силы Запада и собственные безответственные частные СМИ. Тем не менее «Исследовательский доклад об общественном мнении в России и Китае 2020 года» показал, что китайцы и россияне нашли консолидирующую основу и российско-китайские отношения остаются стабильными. Кроме того, сотрудничество меж-

ду двумя странами в разработке вакцины, оказание материальной помощи в начале вспышки и обмен противоэпидемическим опытом дали людям двух стран более ясное и конкретное понимание китайско-российского сотрудничества. Оно и помогло выявить проблемы, существовавшие в процессе коммуникации между двумя народами. Конфликты были вызваны недостаточной детализацией и неполнотой правил управления изоляцией России, а также незнанием русского языка китайскими гражданами в России. Инциденты были освещены в интернете, благодаря чему привлекли к себе внимание и проблема была быстро разрешена.

Но все же тесные контакты между правительствами Китая и России слабо освещаются, и определенная часть российской интернет-аудитории, подверженная информационному воздействию западных СМИ, выражает антипатию к китайско-российским отношениям и китайцам. В то же время и определенная часть китайцев также предвзято относится к русскому народу и считает, что он дискриминирует китайских граждан, к которым в России часто относятся негативно. Культивирование такого мнения может повредить развитию российско-китайских отношений в долгосрочной перспективе.

Отсутствие социальной ответственности негосударственных СМИ в двух странах приводит к ряду социальных проблем. Любое публичное выступление в СМИ должно основываться на полном понимании фактов и придерживаться принципа справедливости и объективности. Реальность такова, что некоторые СМИ хотят привлечь внимание большего количества людей, поэтому первыми сообщают о новостях, несмотря на то, что в их число входят слухи, ложные и непроверенные сведения с чрезмерной личностной и эмоциональной окрашенностью. Такая информация легко вызывает трения на политическом и этническом уровне, панику и возмущение среди народов.

К сожалению, существующая правовая база отстает от развития интернет-технологий. Например, короткое видео стало одной из основных форм мультимедиа, а соответствующие регулирующие законы еще не разработаны. В Китае лишь ассоциация обслуживания сетевых аудиовизуальных программ выпустила два документа: «Стандарты управления платформой сетевых коротких видео» и «Стандартная инструкция рассмотрения сетевого короткого видеоконтента».

Граждане Китая и России при въезде должны знать соответствующие законы страны в этой области, чтобы быть связующим звеном между двумя странами и объективно выражать общественное мнение, упреждая создание в СМИ атмосферы ложных

мнений, не давая развиваться тому сектору, в котором правда все больше замалчивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю С. 45-й «Статистический отчет о состоянии развития Интернета в Китае», опубликованный Центром управления Интернетом Китая (CNNIC) / С Ю // Таймс демократии и законности. — Режим доступа: <http://www.mzyfz.com/index.php/cms/item-view-id-1426081> (дата обращения: 05.09.2020).
2. Лу В. Россия временно запретила въезд в страну некоторым китайским гражданам, ответ Министерства иностранных дел / В. Лу, Х. Чжан. — Режим доступа: <https://world.huanqiu.com/article/3x6NaBo64kb> (дата обращения: 20.02.2020).
3. Куда пойдут китайско-российские отношения под воздействием эпидемии? // Китайская сеть новостей. — Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1672520743640817052&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.07.2020).
4. Народы двух стран полны уверенности в китайско-российских отношениях // Редакция газеты китайской молодежи. — Режим доступа: http://news.cyol.com/app/2020-07/03/content_18685858.htm (дата обращения: 13.07.2020).
5. Отчет об исследовании общественного мнения между Китаем и Россией 2020 г.: народы двух стран признают друг друга, и социальная основа китайско-российских отношений крепче // Веб-сайт агентства Синьхуа. — Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2020-06/19/c_1210667848.htm (дата обращения: 19.06.2020).
6. Власти Китая подтвердили, что коронавирус нового типа может передаваться контактным путем // ИТАР-ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7621599> (дата обращения: 28.01.2020).
7. Тураянова Л. Посол Китая в России о коронавирусе: однажды все тайное станет явным / Л. Тураянова // ИТАР-ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/8264707> (дата обращения: 17.04.2020).
8. Беляев Д. Охваченные эпидемией страны ЕС надеются на поддержку Пекина / Д. Беляев // ИТАР-ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8014475> (дата обращения: 19.05.2020).
9. США лишились разума, нравственности и доверия // РИА-Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20200718/1574522687.html> (дата обращения: 18.07.2020).
10. Хуан Ч. Обзор развития и изменений новых медиа из 45-го «Статистического отчета о состоянии развития интернета в Китае» / Ч. Хуан // Медиаканал «Жэньминь жибао». — Режим доступа: http://media.people.com.cn/GB/n1/2020/0430/c1467731694944.html?ivk_sa=1023197a (дата обращения: 30.04.2020).

РЕГИОН КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ МЕДИПРОДВИЖЕНИЯ И МЕДИАПОВЕСТКИ

К. В. Дементьева

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Поступила в редакцию 31 января 2021 г.

Аннотация: *регионы сегодня становятся площадками для развития глокализации, в том числе и в сфере медиа. Специфика этнических и культурных особенностей в национальных республиках повышает их возможности глобализации местного. В статье было выделено и обосновано несколько уровней глокализации: микро, мезо и макро, а также выделена глокализация сверху и снизу, положительные и отрицательные тенденции проникновения глобального в пространство региона. При этом проанализирована работа региональных медиа, рассмотрена эффективность информационной политики в Мордовии. Также затронуты изменения медиaprостранства, вызванные пандемией коронавируса.*

Ключевые слова: *глокализация, информация, глобальное, локальное, медиа.*

Abstract: *regions are now becoming platforms for the development of glocalization, including in the media sector. The specificity of ethnic and cultural characteristics in the national republics increases their potential for local globalization. The article identified and substantiated several levels of glocalization: micro, meso and macro, and also highlighted glocalization from above and below, positive and negative trends in the penetration of the global into the space of the region. At the same time, the work of regional media is analyzed, the effectiveness of information policy in Mordovia is considered. The changes in the media space caused by the coronavirus pandemic are also affected.*

Keywords: *glocalization, information, global, local, media.*

В последнее время в региональных и даже в федеральных масштабах стали значимы процессы глокализации. Глокализация как процесс, характеризующий слияние мирового и местного, представляет усиление интереса к региональным отличиям, традициям, позволяя вместо прогнозируемого исчезновения вывести их на глобальный уровень. В свою очередь, мировые тенденции приспосабливаются и адаптируются под местную специфику, происходит «локализация глобального» [1].

Современное общество, нивелированное информационными технологиями, имеет возможность развиваться по иному сценарию, чем в предшествующие нецифровые эпохи. Скорость распространения информации, «содержательность эпохи» [2], коммуникационное единство — это те качества, которые характеризуют текущий этап социального развития.

В одной из работ, посвященных проблемам глобализации и глокализации [3], ранее были рассмотрены позитивные и негативные аспекты воздействия глокальных процессов на развитие регионов. Также к различным аспектам темы глокализации обращались Н. Корнеев [4], А. Гайнуллина [5], А. Матвеев [6] и другие. Однако многообразие различных аспектов данного вопроса, в частности связанных со сферой медиаисследований, требует более детального рассмотрения явления глокализации.

В ходе изучения процессов глокализации в системе медиа Республики Мордовия применялись общенаучные методы системного, структурно-функционального, сопоставительного, а также эмпирического анализа. Изучался контент сайтов региональных СМИ и пабликов в социальных сетях (выборка составила n=500 публикаций за период с 01.01.2019 по 01.09.2020).

Чтобы проследить уровень проникновения процессов глокализации, мы сравнили Мордовию с некоторыми другими регионами (Удмуртия, Архангельск), а также сопоставили представление в медиaprостранстве некоторых локальных особенностей в 2019–2020 гг. и в период проведения чемпионата мира по футболу (n=50 публикаций за период с 01.05.2018 по 31.07.2018).

В настоящее время наблюдается симбиоз глобального и локального. При этом прогнозы относительно исчезновения локальных особенностей не до конца оправданы: регионы, понимая необходимость формирования собственного имиджа, отличающего их от других, стараются создать собственный бренд, сделав уникальные черты известными и узнаваемыми в мировом масштабе.

Так, наравне со старыми прижившимися символами российских городов (тульский пряник, посадская матрешка) выходят на мировой уровень новые бренды, например «Калашников» дополняется «Бурановскими бабушками» в Удмуртии. Другие бренды,

не имея возможности так быстро выйти на международный или даже всероссийский уровень, делают попытки выделить местное, создать узнаваемый образ региона за счет закрепления за ним ярких брендов. Например, Архангельск, родину М. Ломоносова, пытаются сделать в массовом сознании еще и родиной Снеговика (по аналогии с удачным брендом Великого Устюга), однако пока данный концепт не вышел далеко за пределы своей территории.

В национальных регионах процессы глокализации в силу специфики этнических и культурных особенностей имеют исторически сформированные большие возможности для закрепления и распространения, однако не всегда используются достаточно продуктивно. Рассмотрим, данные явления на примере одного из национальных регионов — Республики Мордовия.

В концепции глобализации выделяется несколько уровней: микро, мезо и макро. Кроме того, выделяют глобализацию сверху и снизу. По аналогии то же деление можно применить и к процессам глокализации.

Глобализация снизу построена на активности отдельных людей внутри своих локаций. При этом вызывает опасение усиливающееся воздействие информации на пользователя, которое делает из него «человека кликающего», что может привести к диссоциации личности индивида, когда он не может понять и выбрать, что из всего массива данных необходимо конкретно ему, и, как следствие, начинает потреблять все подряд. В данном случае можно даже противопоставить понятия «личность» и «пользователь», рассматривая последнего как обывателя, бездумно, без фильтрации потребляющего предложенную ему информацию — новостные ленты, рекламу, развлекательные видеоролики и т.д.

С одной стороны, это способствует стандартизации мышления, нацеленного на потребление, к неспособности создавать что-то необычное. Вместе с тем человек ощущает свою причастность к чему-то значимому, создается видимость присутствия и общения, зачастую так и остающаяся видимостью. Человек, не справляющийся с потоком информации и не способный использовать ее для своих целей (обучение, совершенствование необходимого навыка, углубленное изучение чего-либо, сразу же применимого в работе и т.д.), поглощается и «переваривается» глобализованным миром, становясь частью общей системы.

С другой стороны, развитие цифровизации способствует переходу «от потребления товаров и услуг — к потреблению “личного опыта”, “опыта субъективности”, направленного в первую очередь на внутреннее саморазвитие личности» [7, 26]. То есть на фоне общей массы, как и в другие эпохи, выделяются пассионарии — люди, способные не только справляться с потоком разнонаправленной информации, но и перерабатывать ее, а затем создавать на ее ос-

нове что-то новое. Говоря о них, можно представлять глокализацию снизу. В Мордовии примерами таких личностей могут служить певец Андрей Бочканов, перепевающий хиты на мордовском языке, финно-угорский блогер Оксана Белкина, художник-этнофутурист Юрий Дырин и др.

Глокализация же сверху представляет собой попытки правительств и отдельных групп искусственно сохранять и поддерживать какие-то локальные проявления. Этот процесс не может быть длительным при обособлении и эффективен лишь при наличии заинтересованности среди отдельных людей и социальных групп. Так, в Мордовии все меньше людей, знающих национальные языки («Мордовский плавильный котел. Съезд мордовского народа в Саранске», *Idel.Reалии*, 22.10.2019). При этом попытки правительства ввести принудительное изучение мордовских языков вызывают разнообразные реакции, в том числе и протесты (например, петиции), вместе с тем при отсутствии личной заинтересованности, погруженности в национальную среду, повседневного общения человек вряд ли сможет сохранить эти знания надолго.

В контексте данного деления средства массовой информации освещают как проявления глокализации сверху, так и снизу. При этом, если говорить об отдельных личностях, то чаще все же региональные газеты пишут уже об известных в пределах страны или даже в мировых масштабах личностях, имеющих мордовские корни («Хоккеист с мордовскими корнями Александр Овечкин вручил Трампу рождественский подарок», *ИНФО-PM/INFO-RM*, 26.12.2019) или связь с республикой («панмордовинизм»), чем о людях, которые только пытаются стать знаменитыми. В связи с этим можно отметить в текстах медиа больше проявлений глокализации сверху. Однако не всегда это принимается аудиторией, в обществе ощущается некоторое недоверие к институтам региональной власти (рейтинг институционального недоверия — 57%) [8], поэтому решения и инициативы, идущие сверху, воспринимаются настороженно. Глокализация же снизу выглядит более естественной: вслед за одним заинтересованным человеком идут другие, поэтому традиционные медиа также должны чаще делать медиагероями отдельных «обычных» людей, давая им возможность представлять локальное.

Ориентируясь на философскую концепцию деления проявлений глобализации на микро-, мезо- и макроуровнях, можно по аналогии говорить и об уровнях глокализации. Так, глобализация локального на микроуровне может распространяться лишь в пределах небольшой аудитории. Количество людей и информационных ресурсов здесь также ограничено.

На мезоуровне локальное выходит за пределы своей территории и распространяется дальше — в нескольких регионах или по всей стране. Так, смена в Мордовии главы республики и назначение врио

А. Здунова, уроженца и экс-министра экономики Республики Татарстан, экс-председателя правительства Республики Дагестан, вывело повестку дня Мордовии за пределы республики — на несколько дней события попали в информационные ленты федеральных медиа («С кавказских гор в мордовские леса», «Коммерсантъ», 19.11.2020), затем на несколько недель оставались в повестке затронутых интересами регионов — республиках Поволжья и в Дагестане («Спасибо за Здунова: журналистка объяснила свой плакат на пресс-конференции Путина», «ТАТМЕДИА», 17.12.2020). Затем большая часть новостей снова вернулась в рамки микроуровня.

Другой пример — село Подлесная Тавла в Мордовии знаменито резчиками по дереву и тавлинской игрушкой. В рамках проведения чемпионата по футболу 2018 г. обсуждалось, что тавлинская игрушка может стать главным туристским брендом Мордовии, а затем и вовсе в публикациях региональных СМИ ее назвали символом финно-угорского мира. Тем не менее утверждение, что она «известна не только в России, но и во всем мире» («Столица С», 29.10.2018) несколько преувеличено, выше мезоуровня продвижение тавлинской игрушки не поднималось с момента окончания чемпионата. В большинстве же в село на экскурсии приезжают школьники разных возрастов со всего Саранска, что оставляет данное локальное проявление на границе микро- и мезоуровней.

Макроуровень — мировой, здесь локальное может становиться достоянием мирового сообщества, то есть полноценно иметь возможность перейти в статус глобального. Примером могут быть уже упомянутые выше «Бурановские бабушки», которые занимали мировую повестку в период проведения конкурса «Евровидение» в 2012 г. и некоторое время после него. Затем другие новости, события и персоны вытеснили их из мировой повестки, произошел переход на мезо-, а затем и на микроуровень. Без регулярных инфоповодов и упоминаний невозможно надолго удержаться в мировом медиапространстве, хотя окончательное забвение и не наступает сразу же.

В настоящее время на макроуровне стабильно находятся такие личности из Мордовии, как скульптор Степан Эрзя и мыслитель Михаил Бахтин. С их творчеством знакомы во всем мире, хотя и не на массовом уровне — круг знатоков больше элитарен. На массовом же уровне находятся стихийные бренды-локации, прежде всего мордовские лагеря.

В то же время в последние годы попыток вывести национальную специфику на глобальный уровень становится все больше. Сначала это был длительный период эксплуатации спортивной тематики, затронувшая историю взлета и падения спортивных ходоков. А потом — чемпионат мира по футболу 2018 г., когда в короткий срок происходила популяризация русской культуры и распространение ее символов по всему миру (кокошник, шапка-ушан-

ка, матрешка, боярский кафтан и т.д.). Параллельно с этим и Мордовия показывала иностранным болельщикам национальную одежду и угощала блюдами мордовской кухни.

После чемпионата усилилась глокализация снизу: музыкальный проект «Василиса», группа «Мерема», Е. Ледайкин, вернувшийся из Москвы возрождать с. Паракино [9], и другие. Такие проявления глокализации снизу не носят массовый характер, а скорее являются элитарными, популярными в определенных, чаще всего национальных, кругах.

Это же совпадает с теорией Т. Фридмана, в которой он обосновывает мысль о том, что в обществе, нивелированном информационными технологиями, идет третий этап глобализации — глобализация среди отдельных людей и их небольших групп [10].

Однако, согласно теории Баумана, «туристы» и есть эти пассионарии, развивающие локальное и пытающиеся выйти за границы своего региона. В то же время ощущается и отрицательное воздействие глобализации на людей — «бродяг», которых глокализация застает врасплох [11, 40–41].

Известен случай, когда мужчина, чей дом находился на пути строящейся трассы, стал жить в машине после того, как произошло насильственное выселение и снос дома [12]. Предлагаемая за дом компенсация не могла покрыть расходов по приобретению подобного жилья, а оставлять дом, изменив проект постройки дороги, власти не стали. Данный случай не являлся в Мордовии единичным. В некоторых домах после обращения в суд происходило возгорание, в одном после въезда строительной техники хозяйка совершила самоподжог [13]. В свете этих событий более чем актуально говорить о «прикованных к одному месту “бродягах”, которые в связи с быстро проникающей во все сферы глобализацией могут лишиться своего привычного и комфортного окружения» [3, 204–205]. Несмотря на широкую огласку, об этих случаях писали в основном лишь федеральные СМИ, а региональные обошли молчанием.

Другая проблема многих регионов — отсутствие рабочих мест. В основном это вынуждает уезжать на заработки жителей сел и деревень, но актуальна она и для горожан — массовый отток кадров из Саранска на заработки в более крупные города, основным из которых является Москва, продолжается. Однако уезжают, не всегда стремясь к благам, представленным глобализацией, нередко люди, привыкшие к размеренному, негородскому ритму жизни, чувствуют себя некомфортно в городских условиях и были бы рады вернуться к своим корням, но отсутствие рабочих мест и необходимой для жизни инфраструктуры (например, районной поликлиники), не дает такой возможности.

И если тема миграции из Саранска и массового выезда на заработки долго считалась запретной и упоминалась лишь вскользь, то в последние годы

о ней стали больше писать региональные СМИ: «Рейтинг: Саранск вошел в число городов, из которых жители хотят уехать» («Pro Город», 21.08.2019), «Я хочу уехать из Саранска: почему молодежь бежит из города» («Городские рейтинги. Саранск», 11.11.2019), Мордовия вошла в топ регионов по числу уехавшего населения («Столица С», 23.01.2019) и др.

В то же время усиливается проникновение глобальных тенденций в жизнь региона. Отчасти этому способствовал и чемпионат мира по футболу, упомянутый выше. При этом наблюдается стабильный прирост количества иностранных граждан, проживающих в Мордовии и поступающих здесь в вузы. Так, в 2015 г. в МГУ им. Н. П. Огарёва обучались 874 иностранных студента, в 2017 г. — 1484 человека, а в 2020 г. — уже 2274 человека. Однако в целом в медиа создается отрицательный образ иностранного студента — в основном найденные публикации относятся к рубрике «Криминал». Так, в материалах нередко упоминаются случаи, когда граждане других стран являлись пострадавшими в результате каких-то противоправных деяний («17-летний иностранный студент-медик был зверски зарезан ночью на улице», «Столица С», 15.06.2020; «В Мордовии студент МГУ им. Огарёва заказал у мошенников ожерелье за 76 тысяч рублей», 06.06.2020; «Саранский студент порезал иракца в кальянной “Green Lounge 13”», 04.03.2019), но встречаются и публикации, где иностранцы предстают как нарушители («В Мордовии один из заболевших коронавирусом — иностранный студент, который до последнего жил в студенческом общежитии», «Столица С», 10.04.2020; «В Саранске оштрафовали четырех иностранных студентов», 19.04.2019; «15-летняя жительница Саранска забеременела от иностранца», 07.05.2018).

Гораздо реже в материалах об иностранцах (в 23%) они сами становятся героями интервью или очерков, рассказывают о своей уникальной культуре и традициях, о том, как им живется в Мордовии («Почему студентке из Туркменистана нравится учиться в Саранске», «Столица С», 23.01.2019; «У меня есть мечта — открыть в Саранске персидский ресторан!», 16.03.2020). Данные медиатексты, как правило, формируют положительный образ иностранных граждан.

При этом по поисковому запросу «иностранец» анализ показал еще большее количество публикаций, в которых герои являются нарушителями закона (90%).

Общая тенденция к проникновению глобального наблюдается и на фоне увеличения количества людей, изучающих иностранные языки. Об этом говорит расширившийся рынок услуг преподавателей и репетиторов. Здесь, кроме обучения английскому языку, предлагается и обучение немецкому, французскому, испанскому, итальянскому, арабскому, чешскому, португальскому, турецкому и т.д. Среди молодых людей

также популярно самообучение с использованием интернет-ресурсов тем языкам, носителей которых сложно найти в регионе (например, корейскому языку). Однако СМИ почти не пишут об этом («В Мордовии школьники начнут изучать китайский и испанский языки!», «Столица С», 03.03.2020) — в основном все материалы, касающиеся изучения языков, посвящены мордовскому языку («Глава Мордовии Владимир Волков призвал объединить усилия для сохранения национальных языков», «Столица С», 21.02.2020).

Таким образом, на фоне проникновения общих глобальных тенденций в локальное пространство невозможно неизменное сохранение местных особенностей доглобальной эпохи. Национальная, региональная специфика должна трансформироваться и выходить на планетарный уровень в большей степени через индивида, чем через отдельные СМИ. Современные коммуникативные технологии сильно сократили цепочку движения информации, сделав возможным доставку контента от отдельного человека сразу на планетарный уровень. Такие свойства информационных потоков, как мгновенность, пронизываемость, обратимость, многоуровневость позволяют снять временные и географические барьеры, однако появляется проблема перегруженности информационного пространства. Сегодня мессенджеру мало попасть в глобальную среду — необходимо еще привлечь внимание аудитории, выделиться на фоне множества других инфоповодов и удержаться в повестке дня длительное время.

Глокализация позволила вывести многие локальные особенности на глобальный уровень, сменив тенденции их изоляции в замкнутом пространстве. Однако из-за преобладающих тенденций глокализации сверху происходит искусственное поддержание некоторых идей и ценностей, их навязывание, несмотря на непопулярность в обществе. Вероятно, это можно связать с их слабой адаптацией в современном мире, нежеланием или невозможностью подстраивать культурные особенности под существующие реалии. Без этих изменений, пока локальное не станет массовым, не превратится в жизнеспособный мем (вирус, способный самораспространяться в обществе) [14, 257], невозможно будет прочно закрепить и продвинуть локальные особенности в глобальном пространстве. Отсюда и успехи азартных современных молодежных проектов, нацеленных на популяризацию и способных конкурировать даже с зарубежными образцами. Показательна популяризация эчпочмака (татарского пирожка) через мемы, в том числе медиамемы, позволившая распространить и сделать его узнаваемым и продаваемым по всей России. К сожалению, мордовские национальные блюда и напитки (пачи, пуре, поза) не вышли дальше локального уровня даже после попытки угощать местной кухней иностранных болельщиков на чемпионате мира 2018 г.

Большая роль в продвижении местного на глобальный уровень, в превращении привычных вещей в популярные в массах мемуидеи принадлежит медиа, как традиционным, так и новым. Однако пока в Мордовии проникновение глобального в национальное намного опережает обратный процесс. Популяризировать национальное, выводить бренды, товары и культуру на более высокий уровень особенно актуально в свете развития внутреннего туризма в России, инициированного пандемией COVID-19. В Мордовии такие попытки тоже предпринимаются («В национальном парке “Смольный” открылись игровой экопарк и тропа здоровья», «ИНФО-РМ/INFO-RM», 22.08.2020; «Мордовия подписала соглашение о сотрудничестве в сфере туризма с Нижегородской областью», «Известия Мордовии», 23.01.2021).

Если говорить об изменениях, произошедших в 2020 г., то пандемия и вынужденная изоляция людей дали возможность усилению тенденций глокализации — больше заговорили не только о внутреннем туризме, но и об организации досуга, покупках и т.д. Мир, в котором, как казалось, уже нельзя установить барьеры, неожиданно вынужден был закрыть границы между странами, ограничить передвижение людей внутри стран или даже городов, запретить поездки. Вместе с тем, тенденции цифровизации только усилились — коронавирус подтолкнул к более быстрому переходу к цифровым технологиям многие сферы — образование, досуг, услуги, науку, религию и т.д. В медиасфере локальные новости (эпидемиологическая обстановка в городе) стали намного опережать по вовлеченности аудитории новости федеральные и мировые даже на тему того же вируса (кто из знаменитых людей заболел). То есть, если раньше подобной популярностью пользовалась муниципальная пресса — традиционно «районка» была близкой народу, то сейчас подобное распространилось и на региональные новости. Одновременно с этим выросло потребление разных видов информации, наблюдался «всплеск медиапотребления» [15], при этом расширения источников потребления («информационно-го пузыря») не происходит.

Таким образом, глокализация проявляет себя в разных сферах жизни современного общества, в том числе и в медиа или через медиа, которые являются ретранслятором происходящих социальных изменений.

Регионы сегодня становятся площадками для развития глокализации, в том числе и в сфере медиа. Наблюдается тенденция к созданию собственного узнаваемого имиджа, который поможет выделиться из числа подобных, а специфика этнических и культурных особенностей в национальных республиках повышает их возможности глобализации местного.

По аналогии с концепцией глобализации было выделено и обосновано несколько уровней глокализации: микро, мезо и макро, а также выделена глокализация сверху и снизу. При этом в текстах медиа Республики Мордовия можно отметить большее проявление глокализации сверху, что воспринимается аудиторией настороженно в связи с недоверием к институтам власти. Следовательно, работникам медиа нужно в большей степени сосредоточиться на информировании о народных инициативах, а также об отдельных личностях, которые пытаются продвигать национальную специфику за пределы региона. Что касается уровней глокализации, то медиаповестка в основном не выходит дальше микро- и мезоуровней, лишь некоторые темы находятся на макроуровне, и то, распространяясь больше среди элитарной аудитории.

Чемпионат мира по футболу 2018 г., несмотря на возлагаемые надежды, не выдвинул Мордовию на макроуровень, не помог продвинуть какие-либо бренды и исчез спустя некоторое время даже из тем региональных СМИ. Это можно рассматривать в том числе и как неэффективную информационную политику в регионе. Однако сегодня все же можно наблюдать увеличение инициатив отдельных людей как проявлений глокализации снизу.

Можно выделить различные тенденции проникновения глобального: положительные — интерес к изучению иностранных языков, рост числа иностранных студентов; отрицательные — выселение людей из их домов, невозможность найти работу в регионе. Но при этом медиа, избегая освещения отрицательных тем, не отражают и преимущества. Так, вместо создания имиджа региона, привлекательного для иностранцев, пишут о криминальных происшествиях с их участием, а изучение языков затрагивается в основном лишь при освещении темы мордовских языков. Вероятно, это является неудачной попыткой приостановить проникновение глобального в локальное пространство. Но сохранение местных особенностей во всеобщую эпоху глобализации невозможно, необходима трансформация локального и продвижение его среди широкой аудитории.

Современные технологии и возможности новых медиа сделали это возможным, а способность медиа создавать медиамемы позволяет превращать информацию в популярные в массах мемуидеи. Однако в Мордовии это пока не развито.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический словарь. — М., 2004. — Режим доступа: https://sociological_dictionary.academic.ru/130 (дата обращения: 25.01.2021).
2. Сергей Капица: История десяти миллиардов // Сноб. — 2012. — № 6 (46). — Режим доступа: <https://snob.ru/magazine/entry/49621> (дата обращения: 25.01.2021).

3. Дементьева К. В. Медиакommunikации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордовия) / К. В. Дементьева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 200–214.
4. Корнеев Н. Ю. Глокализация информационного пространства в современных спортивных СМИ (на примере освещения зимних Олимпийских игр 2010 года) / Н. Ю. Корнеев // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2010. — № 1. — С. 67–73.
5. Гайнуллина А. Ф. Глокализация медиaproстранства: коммуникативные стратегии взаимодействия глобальных и локальных трендов / А. Ф. Гайнуллина // Российская школа связей с общественностью. — 2011. — № 2. — С. 169–173.
6. Матвеев А. С. Глокализация как предмет научных медиаисследований (на примере развлекательного телевидения) / А. С. Матвеев // Научный альманах. — 2015. — № 8 (10). — С. 1444–1446.
7. Девяткин С. В. От общества потребления к «обществу впечатлений» (динамика видов потребления) / С. В. Девяткин // Культурные индустрии в институтах общества потребления. Материалы Всероссийской научной конференции. — Великий Новгород, 2020. — С. 26–29.
8. Доверие институтам // Левада-Центр. — 2020. — 21 сент. — Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 25.01.2021).
9. Шевченко М. Любовь в действии. Как в мордовском селе придумали способ передать детям чувство Родины / М. Шевченко // ТАСС. — 2019. — 19 дек. — Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/7369587> (дата обращения: 25.01.2021).
10. Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века / Т. Фридман. — М.: АСТ, 2014. — 640 с.
11. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман / Пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2004.
12. Помеха на дороге. Мужчина поселился в машине после того, как его дом снесли ради шоссе // SmartNews. — 2013. — 20 сент. — Режим доступа: <http://smartnews.ru/regions/saransk/11205.html> (дата обращения: 25.01.2021).
13. Соколов Д. Как в Саранске жгут дома и отнимают территории ради ЧМ-2018 / Д. Соколов // Собеседник. ru. — 2017. — 1 апр. — Режим доступа: <https://sobesednik.ru/sport/20170401-kak-v-saranske-zhgut-doma-i-otnimayut-territorii-radi-chm-20> (дата обращения: 25.01.2021).
14. Дементьева К. В. Медиамем и его роль в формировании полиэтничного общества / К. В. Дементьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 53. — С. 257–278.
15. Как поменялось медиапотребление в условиях коронавируса // PR News. — 2020. — 29 апр. — Режим доступа: <https://vc.ru/media/123731-kak-pomenyalos-mediapotreblenie-v-usloviyah-koronavirusa> (дата обращения: 25.01.2021).

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва

Дементьева К. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: dementievakv@gmail.com

Ogarev Mordovia State University

Dementieva K. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: dementievakv@gmail.com

РАДИОКОНТЕНТ В ПЕРИОД МОДИФИКАЦИИ И УГЛУБЛЕНИЯ РЕФОРМ СМИ КИТАЯ В 2000-Е ГГ.

Дун Яфэн

Академия общественных наук провинции Шэньси КНР

Поступила в редакцию 24 ноября 2020 г.

Аннотация: с началом нового века конвергенция стала одной из основных тенденций развития глобальных СМИ. Автор анализирует феномен фрагментации китайского радиоконтента, появившийся в этот период, изучает практическое применение новых медиаматериалов и живого аудиоязыка в вещательных передачах, рассматривает позитивную роль программ с ночными беседами и программ радиопокупок в усилении социальной и образовательной функций вещания и увеличении его доходов.

Ключевые слова: фрагментация, новые медиаматериалы, живой аудиоязык, программы с ночными беседами, программы радиопокупок.

Abstract: since the beginning of the new century, convergence has become one of the main trends in the development of global media. The author analyzes the phenomenon of fragmentation of Chinese radio content that appeared during this period, studies the practical application of new media materials and live audio language in broadcasting programs, considers the positive role of programs with night conversations and radio purchase programs in strengthening the social and educational functions of broadcasting and increasing its revenue.

Keywords: fragmentation, new media materials, live audio language, night talk programs, radio purchase programs.

В начале нового века китайские радиовещатели в ходе реформ постепенно стали отказываться от однообразной подачи новостных программ, приходя к их возможно большему многообразию, двигаясь от ригидности к гибкости, стараясь учитывать интересы и потребности разных аудиторных групп слушателей, а не только населения в целом. Одновременно учитывались закономерности вещания, возможности радиовещательных СМИ и особенности слухового восприятия информации.

Конвергенция СМИ совпала с колоссальным увеличением объема информации. Поэтому новые медиа, непрерывно увеличивая количество источников фактического материала, стали подавать контент для лучшего его усвоения фрагментарно. Новостями стали разбивать крупноблочные программы, а их трансляцию сделали цикличной. Новостной блок повторялся с 7:30 утра до 19:00 вечера с 30-минутным интервалом, при этом его структура оставалась неизменной, но контент постепенно обновлялся. Блок и в настоящее время состоит из двух частей: «свежих новостей» и «фокусного момента». В первой информация обновляется в режиме реального времени, экстренные же сообщения могут быть включены в любое время; вторая — посвящена углубленной интерпретации ключевых событий и обсуждению горячих тем.

Другая особенность — желание максимально приблизиться к месту события, передать его живые голоса и звуки (немедленное освещение с непосредственного места события).

Например, 22 мая 2018 г. Агентство гражданской обороны Гавайских островов сообщило, что при впадении лавы из проснувшегося вулкана Килауэа в Тихий океан образовалось облако токсичных паров, содержащих соляную кислоту и частицы вулканического стекла. Агентство призвало жителей к защите дыхательных путей. Таким образом, фрагментированная трансляция своевременно удовлетворяла доступ аудитории к практической новостной информации [1, 28].

В радиовещании Китая постоянно появляются новые медиаформы: оно использует новые медиа для расширения источников новостей, усиления интеграции ресурсов, черпает новости из интернета, уделяет внимание взаимодействию микроблогов, инвентаризирует новости. Все это значительно обогащает содержание радионовостей, демонстрируя тенденцию диверсифицированного развития. Так, радиостанция «Голос Китая» презентовала программы «Новые медиа сегодня» и «Резкая критика сегодня» в глобальной китайской радиовещательной сети. «Новости Центральной радиостанции» сфокусировались на ведущих заголовках и непрерывных новостях основных веб-сайтов, а также запустили «Итоги Сина вэйбо (Sina Weibo) сегодня», «Точка зрения

новых медиа сегодня», «Лучшее с первых полос мобильных газет», «Наиболее обсуждаемые проблемы в Сети» [2, 77]. «Ночные новости Центральной радиостанции» заостряют внимание на самых популярных новостях сети. В этой программе рассматриваются сообщения главных сайтов, таких как новостная сеть «Синьхуа» (Xinhua News Network), интернет-версии «Жэньминь жибао» (People's Daily Online), Информационного агентства Китая (ChinaNews), Соху (Sohu.com) за текущий день.

«Горячие» новости и голоса пользователей Сети усиливают исключительный эффект вещания и повышают конкурентоспособность вещательных СМИ. Включение в новостные сообщения типичных звуков живого окружения и голосов персонажей делает трансляцию новостей наиболее выразительной, создает для аудитории эффект присутствия и повышает убедительность и достоверность новостей. Вот как, например, Центральная радиостанция в программе «Новости вдоль и поперек» может осветить партийное совещание. Вначале мужчина-ведущий представляет участников совещания и указывает на его важность. Затем женщина-ведущая объясняет, чем это совещание отличается от подобных же. Далее эфир переходит к репортеру, освещающему событие, который перемежает свою речь вкраплениями-цитатами выступающих и интересными, с его точки зрения, диалогами участников. «Звуковая монотонность» при таком подходе исключается, аудитория не утомляется. В конце ведущие дают оценку событию, а также цитируют его оценку самими участниками [3, 152].

В это же время появились программы с ночными беседами, которые помогали аудитории решать жизненные проблемы. Они оказались очень популярными: современный человек постоянно сталкивается с трудностями и на работе, и в семейной жизни. Эти программы имели удобный и простой формат участия — контакты через телефон и WeChat, что позволяло желающим делиться своими проблемами, не беспокоясь об утечке личной информации: настоящее имя можно было не называть, а внешность по радио не видна. Доверие аудитории к этим программам обеспечили ведущие, демонстрировавшие в эфире искреннюю заинтересованность в решении проблем слушателей, обширные знания и богатый жизненный опыт.

Мы также исследовали программу «Ночные разговоры Чанъаня» на «Авторadio FM 896» Телерадиостанции Шэньси, которая имела широкое влияние в провинции Шэньси и помогала слушателям преодолевать жизненные трудности. Число ее слушателей достигало двух миллионов. Например, был такой случай. Однажды мать, воспитывающая сына-подростка одна, поняла, что у того появились мысли о самоубийстве. Ван Лэй (так звали мальчика) не мог учиться из-за болезни глаз, полностью подорвавшей его веру в будущее. От безысходности

мать обратилась за помощью в «Ночные разговоры Чанъаня». Ведущий Сяо Тянь поддержал эту семью, а затем учительница из уезда Хусянь инициировала организацию лечения. Уже на третий день после эфира Ван Лэй была сделана операция в больнице города Сианя. И его зрение, и он сам были спасены благодаря этой программе.

Запуск программ радиопрокупок расширял источники доходов радиостанций. Одновременно это была и новая точка роста в развитии радиопрограмм. Используя конвергенцию средств массовой информации и инноваций в программах, Молодежное радио Телерадиостанции Шэньси запустило программу радиопрокупок «Покупатели флеш-распродаж YOYO», которая стала весьма успешной. Данная программа интерактивна, объединяет радиовещание с новыми медиа, сочетает в себе особенности трансляции в прямом эфире и флеш-распродажи, а отсутствие изображения компенсировалось созданием сайта с тем же названием. По сравнению с флеш-распродажами по интернету флеш-распродажи по радио, которые продвигает данная передача, имеют очевидные преимущества. Первое: в первом случае для флеш-распродажи необходимо открыть интернет-банк, зарегистрировать сайт и пройти прочие формальности, а во втором достаточно только телефона. К тому же при флеш-распродажах по интернету необходимо избегать рисков, характерных для онлайн-покупок, и идентифицировать подлинность товара. Предприниматели же, участвующие в флеш-распродажах в радиопрограмме, проводят проверку качества товара на станции, что обеспечивает доверие к его надежности и качеству. После флеш-распродажи по интернету в виде обратной связи нельзя немедленно отправить другим покупателям отзывы о товаре, а, принимая участие во флеш-распродажах по радио, слушатели могут сразу же по телефону высказать мнение о качестве товара и дать оценку продавцу. Можно слушать радио и одновременно делать покупки — в результате появляется новый способ развлечения и потребления.

Изучение радиопрограмм этого периода показывает, что фрагментированные новости успешно использовали ресурс дефицита внимания аудитории, и благодаря естественным преимуществам сопутствующего прослушивания радиовещание заняло свою нишу в жесткой конкуренции на медиарынке.

Конкуренция способствовала развитию радиожурналистики: использование живых звуков и голосов с места событий обогатило содержание и форму радиопрограмм, повысило убедительность и достоверность новостей. Своевременное появление программ с ночными беседами удовлетворило потребности социального развития на данном этапе, усилило функции общественного просвещения и обслуживания и компенсировало минусы вещания в плане общественных услуг. Запуск программ для совершен-

ния покупок увеличил источники дохода для радиостанций и накопил опыт для дальнейшей коммерциализации программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзэн Юйцзя. Фрагментированные новости на радио / Юйцзя Цзэн // Западное телерадиовещание. — 2018. — № 14. — С. 28–30. (=曾宇佳: 广播新闻报道“碎片化”传播)

Академия общественных наук провинции Шэньси Китайской Народной Республики

Дун Яфэн, младший научный сотрудник Института изучения культуры и истории

E-mail: dongyafeng1984@yandex.ru

2. Тао Яньжу. Начальные исследования полномочий «Обозревателя новых медиа» «Голоса Китая» / Яньжу Тао // Мир новостей. — 2011. — № 7. — С. 76–77. (=陶燕茹: 中国之声“新媒体观察员”职能初探)

3. Ван Инцуй. Краткий анализ применения принципов нарратологии в радионовостях [Текст] / Инцуй Ван // Репортаж и описание. — 2016. — № 3. — С. 152. (=王英翠: 浅析叙事学原理在广播新闻中的应用)

Shaanxi Province Academy of Social Sciences of the People's Republic of China

Dong Yafeng, Junior Researcher at the Institute for the Study of Culture and History

E-mail: dongyafeng1984@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРАКТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е. А. Зверева

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 6 мая 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются проявления объективности и субъективности подачи информации на разных этапах развития журналистики. Выявляются различные направления в журналистике, постулирующие абсолютизацию объективного или субъективного начала. Делается вывод о том, что концепция объективности может базироваться на открытом подходе к данной категории, а современное осмысление сущности журналистики как социального института должно происходить без отрицания базовых принципов и ориентиров.

Ключевые слова: объективность, субъективность, информация, фактчекинг, факт, профессиональные ориентиры, принципы.

Abstract: the article analyzes the manifestations of objectivity and subjectivity in the presentation of information at different stages of the historical and modern development of journalism. Various directions in journalism are identified, postulating the absolutization of the objective or subjective beginning. The conclusion is presented that the concept of objectivity can be based on an open approach to this category, and the modern understanding of the essence of journalism as a social institution should take place without denying the basic principles and guidelines.

Keywords: objectivity, subjectivity, information, fact-checking, fact, professional guidelines, principles.

Смотри, как схожи
душевный мир и радуги убранство.
Та радуга и жизнь — одно и то же!
И. В. Гете. Фауст

В эпиграфе И. В. Гете выражена суть того подхода к субъективному и объективному, который является стречнем данного исследования. Нет ничего однозначно белого и черного, мир многоцветен и многообразен в своих появлениях объективности и субъективности в подаче информации. Начав с классика литературы, упрочим нашу теоретическую базу классическим философским словарем, дающим следующее определение объективному: «Объективное — то, что существует независимо от индивидуального сознания» [1, 137]. Объективность определяется как независимость от сознания, воли, субъективных вкусов людей и считается свойством истинного знания. Следовательно, можно констатировать отождествление истины с объективностью, а объективности — с фактами и с всесторонним освещением событий. Исследователи акцентируют понимание объективности как атрибута факта, а самой профессии журналиста — как работы «не с объективностью как таковой, а с фактами, обладающими свойством объективности» [2, 188]. Напрямую связаны с объективностью и этические кодексы журналистов, в которых объективное освещение событий коррелируются с долгом журналиста и его профессионализмом.

Рассуждения о том, что было раньше — объективность или субъективность информации в журналистике, вести затруднительно и смысл в этом такой же, как в выборе первичного элемента между курицей и яйцом. Однако точно мы можем констатировать определенный расцвет субъективной подачи информации в XVIII в. — эпохе персонального журнализма, когда практически за каждым изданием стоит фигура журналиста, философа или издателя. Даниэля Дефо называют «господином Ревью», и его издание «Обозрения (Review) отношений Франции и всей Европы, насколько простирается влияние Франции» следует за ним во всех перемещениях по стране. Газеты Великой французской революции становятся трибунами для выражения персональных политических мнений Ж.-П. Марата, Ж.-Р. Эбера, М. Робеспьера, К. Демулена и др. Персональный журнализм отвечал ожиданиям аудитории, способствовал просвещению и распространению знаний. В основе персонального журнализма — авторская публицистика, личностная интерпретация фактов и явлений, выражающая субъективные взгляды публициста.

Конечно, существенную роль в формировании картины мира для аудитории играет объективная подача новостей, однако с XIX в. особое значение приобретает такой способ демонстрации авторской рефлексии, как колумнистика [3, 12] — явление в журналистике, когда автор с определенной периодичностью ведет собственную колонку в издании, занимающую конкретное место в его структуре, обладающую ин-

дивидуальным стилем и содержащую субъективное мнение автора, которое может не совпадать с мнением редактора. Колумнистика имеет длительную историю, а в современном медиапространстве она только упрочила свои позиции: профессионализм авторской интерпретации становится все более ценным и является признаком качественной прессы.

Параллельно с развитием субъективного подхода мы наблюдаем в истории журналистики пристальное внимание к достижению максимальной объективности. В начале XX в. появляется термин «объективный репортаж», предполагающий построение безоценочной публикации, что помогает завоевать доверие аудитории. Однако вскоре выяснилось, что такого рода формат не предполагает критического анализа, а потому под видом «объективности» гораздо легче продвигаются официальные точки зрения. Начало теории объективной журналистики связывают с именами Уильяма Риверса и Филиппа Мейера, предложившего термин «прецизионная журналистика» («журналистика, отличающаяся высокой точностью»). Сторонники этого подхода аргументировали его продуктивность тем, что классические методы сбора и обработки информации привлекают внимание аудитории к текущим событиям, но не делают публикацию объективно точной. Чтобы приблизиться к достижению «высокой точности» журналистам надо использовать социологические, статистические и другие методы анализа. Кроме того, опора на фактическую основу помогает защитить аудиторию от манипуляционных процессов. Ф. Мейер выдвигает идею компьютерного анализа информации для создания журналистской публикации и заявляет, что «журналист должен стать менеджером баз данных» [цит. по: 4, 105]. Сам он в публикации в *Detroit Free Press* (1967) использует компьютерные технологии для выявления зависимости между участием в беспорядках и уровнем образования у местных жителей и таким образом создает один из первых материалов в формате «журналистика данных».

«Журналистика данных» оперирует измеримыми в цифровом мире фактами и предполагает полное изучение вопроса на основе полученных от вычислительных машин данных. Для журналистики данных характерны объем, скорость, разнообразие и достоверность. Однако среди объективных требований есть и критерий субъективной трактовки информации: итоговый материал делает возможным для пользователя использовать его в соответствии со своими индивидуальными интересами и потребностями. Таким образом, объективизация методов сбора информации не исключает субъективную интерпретацию данных конкретным индивидом, хотя одной из главных задач «объективной журналистики» было противопоставление крайней субъективности «нового журнализма» 1960–1970-х гг., опиравшегося на использование при создании журналистских тек-

стов приемов художественной литературы, художественного вымысла.

«Новый журнализм» синтезирует многообразие приемов художественной литературы и изобразительно-выразительные средства журналистики для достижения максимального приближения к реальности и характеризуется использованием беллетристических приемов, глубинным погружением в событие и акцентированием субъективной авторской позиции [5, 46]. Сторонники «нового журнализма» (или «нового документализма») считают, что достоверное изображение возможно только с помощью художественного анализа действительности, а жанр документального репортажа максимально выигрывает от использования журналистами элементов художественной литературы — реалистичных диалогов, детальных характеристик обстановки и персонажей, многолинейного сюжета. Если «журналистика фактов» предполагает, что читатель сам сделает выводы о действительности, исходя из представленных в материале сведений, то действительность доказывает — публикация только фактов и минимизация субъективности не исключает возможности манипулирования аудиторией. От идеала объективности аудиторию уводит не только тенденциозный подбор фактов, отбор экспертов, но и несоответствие реальности той информации, которая облекается в форму фактической. Для того, чтобы отделить факт от его интерпретации (фактоида), необходима грамотная редакционная политика, высокие профессиональные стандарты и критический анализ контента как со стороны СМИ, так и со стороны пользователей. Ответом на усиление «фейкового» вызова становится внедрение в редакционную практику процедуры фактчекинга как метода объективизации информации при помощи проверки ее достоверности и правдивости [6, 69].

Из всего многообразия проявлений фактчекинга в отечественной и зарубежной практике для данной работы важным является тенденция дискретной подачи итогов проверки информации: большинство фактчекинговых ресурсов оформляют свои выводы в виде своеобразной шкалы достоверности, констатирующей дифференцированность истины. Создатели отечественного фактчекингового проекта «Фактограф» используют цветовую шкалу от зеленого («правда», «скорее так», «да, но»), желтого («пока не факт», «не факт, но») до оранжевого («сомнительно») при сопоставлении заявлений политиков со статистическими данными и суждениями экспертов. Российское фактчекинговое издание «Проверено. медиа» рассказывает читателям о результатах проверки информации при помощи «Рейтинга достоверности», состоящего из 14 картинок-стикеров: «правда», «полуправда», «большой частью ложь», «фейк» и т.д. Таким образом, авторы фактчекиновых проектов сходятся во мнении относительно неоднознач-

ности истины и считают, что упрощение реальности до черно-белого вводит аудиторию в заблуждение, а потому профессиональнее будет использовать дифференцированную шкалу достоверности для такого многогранного явления, как истина.

Профессор В. И. Чередниченко в своей работе «Принцип объективности в журналистике как научный миф» критикует установку на объективность, считая такой подход неприемлемым для профессии журналиста, поскольку он игнорирует психологию восприятия реальности. Акцентируя невозможность отстраненности журналиста от освещаемого события, автор формулирует вывод о большей ценности для общества тех журналистских текстов, в которых представлен субъективный опыт переживания реальности [7, 70]. Данный подход предполагает нивелирование объективной истины в пользу субъективной истины (истины субъекта). Не столь категоричной нам представляется позиция профессора А. А. Тертычного: недостижимость абсолютной объективности и познания истины в полном объеме не означает бесполезности неполного знания [8, 99]. Да, точно выверенной формулы объективности подачи информации не существует, но есть степень объективности, которая зависит от профессионализма, этичности и социальной позиции журналистов. В современном медиапространстве объективность все чаще понимается как один из основных принципов профессиональной деятельности журналиста, сочетающий фактическую точность всестороннего описания события с наличием различных субъективных точек зрения. Такую формулировку дает профессор Б. Н. Лозовский, подчеркивая важность для данного способа предъявления информации и беспристрастности, точности сведений и сбалансированности представления конкурирующих мнений, изложения информации «в разумной последовательности» [9, 166–167].

Таким образом, можно констатировать многогранность не только визуального воплощения истины в шкале достоверности фактчекинговых проектов, но и дискурсивность природы знания, дифференцированность трактовки объективности в журналистике: от однозначной точности репрезентации реальности до использования разнообразных мнений по поводу происходящего. Думается, что философская открытость понятия объективности в журналистике дает возможность признавать данную категорию аксеологической, интерпретировать объективность как идеальный вариант поиска истины. В работе Е. А. Кожемякина предлагается признать объективность «идеальной целью, высшей ценностью журналистики, практически недостижимой в реальных условиях» [2, 193]. По мнению автора, такой подход поможет сохранить журналистику как институт творчества и одновременно «освободить журналистов от невыполнимого обязательства быть объектив-

ным в каждом конкретном акте познания» [2, 193].

Признание требования объективности нормативным идеалом, несомненно, будет способствовать улучшению качества журналистских публикаций и повышению их значения для общества. Это неоспоримый плюс, но не будем забывать о многогранности данного явления, о противоположном полюсе «журналистики фактов» — постулирование объективности в подаче информации предоставляет широкие возможности для манипулирования аудиторией, которая в большинстве своем считает объективность гарантией истины. Исследователи журналистики предлагают различные варианты обновления терминологии, позволяющие не вводить аудиторию в заблуждение относительно возможностей современной журналистики. Так, М. Г. Яковлева считает, что при разработке нормативной модели журналистики стоит отказаться «от концепции объективности в пользу концепции реальности» [10] и рассматривать журналистский текст как фрагмент самой реальности. Е. А. Кожемякин так же постулирует отказ от категории объективности в журналистике и предлагает заменить категорией транспарентности — честности и открытости [2, 193]. Вполне соглашаясь с автором в том, что в современное медиапространство существенно расширило возможности любого пользователя по получению многочисленных источников информации и трансформировало функционал журналиста от информирования к ориентированию в сложной действительности, тем не менее считаем важным настаивать на сохранении категории объективности без какой-либо ее замены.

Именно объективность позиции особенно важна в современных условиях, когда, с одной стороны, мы наблюдаем понижение уровня критического мышления аудитории, а с другой стороны, констатируем зависимость журналиста от мнения этой самой аудитории, от комментариев и реакций пользователей в социальных сетях. Особенно ярко негативное влияние такой зависимости проявилось в ситуации так называемой культуры отмены — проявления высокой степени субъективности, когда одни люди пытаются устанавливать правила жизни в медиапространстве, которые должны соблюдать другие. «Культура отмены» изначально стала реакцией пользователей на такие явления, как расизм и сексизм, но затем крайности субъективного подхода сторонников данного явления привели к формированию искаженных представлений о реальности и к тенденциозному освещению проблемы. Думается, что подлинная толерантность журналиста заключается в достоверности и объективности подачи информации, в доказательности аргументации и отсутствии избирательности при выборе фактов.

Таким образом, концепция объективности может базироваться на открытом подходе к данной категории, а современное осмысление сущности

журналистики как социального института должно происходить без отрицания базовых принципов и ориентиров. Конечно, описать действительность «такой, какая она есть», весьма сложно, а в некоторых случаях — и просто невозможно. В связи с этим стоит отметить как многозначность идеи объективности в журналистике, так и тот факт, что субъективность не равняется недостоверности. Качественный авторский субъективный продукт построен на тех же принципах точности и правдивости при освещении событий. Мир по-прежнему «заинтересован в поиске и нахождении истины» [11, 17]. Какой подход ни избрал бы автор, наиболее значимыми функциями журналистики неизбежно остаются качественно реализации передачи информации, на основании которой аудитория сама формирует представление об описываемых событиях, необходимость поднимать актуальные для общества вопросы и следить за решением важных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В. А. Объективность / В. А. Лекторский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2010. — Т. 3.
2. Кожемякин Е. А. Объективность как философская категория в журналистском дискурсе / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 18 (113). — Вып. 11. — С. 187–194.
3. Ярцева С. С. Колумнистика — история возникновения и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Ярцева. — Воронеж, 2011. — 22 с.
4. Жолудь Р. В. Журналистика данных: предпосылки возникновения, функции и возможности / Р. В. Жолудь // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 4. — С. 104–106.
5. Новоселова М. Е. Новый журнализм: от истоков до наших дней / М. Е. Новоселова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10. — Ч. 1. — С. 45–51.
6. Зверева Е. А. Феномен фактчекинга в парадигме синергетики [Текст] / Е. А. Зверева // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 1 (39). — С. 68–80.
7. Чердниченко В. И. Принцип объективности в журналистике как научный миф / В. И. Чердниченко // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. — 2018. — № 3 (79). — С. 67–70.
8. Тертычный А. А. Объективность информации в СМИ: достижима ли она? / А. А. Тертычный // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 37. — № 1. — С. 98–105.
9. Лозовский Б. Н. Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь / Б. Н. Лозовский. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007. — 306 с.
10. Яковлева М. Г. Объективное vs реальное: критические замечания к концепции объективной журналистики / М. Г. Яковлева // Медиаскоп. — 2016. — Вып. 4. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2208> (дата обращения: 13.03.2021).
11. Тулупов В. В. Медиаобразование в эпоху постправды / В. В. Тулупов // Вопросы журналистики. — 2020. — № 8. — С. 16–26.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Зверева Е. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики
E-mail: Katya9_2001@mail.ru

Derzhavin Tambov State University

Zvereva E. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian
and Foreign Literature, Journalism Department
E-mail: Katya9_2001@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КИНОТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ДИСКУРСЫ ОБСУЖДЕНИЙ, КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕЗОНАНС

Д. В. Зубко, Ю. В. Ключев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Поступила в редакцию 31 мая 2021 г.

Аннотация: в статье изучена политическая кинотеледокументалистика в контексте ее содержательных, дискурсных характеристик, коммуникативного влияния на аудиторию. Рассмотрена специфика каналов распространения политической документалистики. Исследованы телевизионные и распространяемые в интернете российские документальные фильмы 2010–2020 гг., в которых представлена и анализируется политическая ситуация в России.

Ключевые слова: документальный фильм, политика, дискурс, уровни дискурса, телевидение, интернет, коммуникативный резонанс.

Abstract: the article examines political documentary film-making in the context of its content, discursive characteristics, and communicative influence on the audience. The article considers the specifics of the distribution channels of political documentaries. The article examines the TV and Internet-distributed Russian documentaries of 2010–2020, which present and analyze the political situation in Russia.

Keywords: documentary film, politics, discourse, levels of discourse, television, Internet, communicative resonance.

Природа документалистики имеет многоканальный коммуникативный характер: воздействие на зрителя происходит одновременно посредством звукового и изобразительного ряда. Темп, ритм, музыкальное оформление и вербализация показываемого на экране являются компонентами аудиовизуального произведения, при этом точка зрения автора фильма относительно сообщаемого может выражаться в положительной, нейтральной или отрицательной оценке демонстрируемых событий и явлений.

Документальный фильм как публицистическое произведение выполняет задачу установления ценностных установок для аудитории, в том числе политических и идеологических ориентиров. С помощью зрелищного характера документального кино предпринимаются попытки поддержать устоявшиеся политические настроения аудитории или скорректировать их. Фильмы политической направленности могут вызывать существенный коммуникативный резонанс, т.е. воздействовать на сознание массовой аудитории в цифровом пространстве и офлайн. Достигается запланированный, необходимый авторам таких документальных фильмов политический, социальный или юридический эффект. Это могут быть как мобилизационные и солидаризирующие социум эффекты, так и негативные деструктивные воздействия.

Указанные технические и смысловые характеристики документальных кинопроизведений о полити-

ческой жизни социума в разные годы исследовались российскими учеными. Исследования документального кинематографа в контексте российской истории XX — начала XXI вв. проведены В. Беляковым, Л. Джулай, С. Дробашенко, С. Муратовым, Л. Геращенко [1–5]. Жанрово-форматная структура современной отечественной документалистики системно изучена в работе Е. Мансковой [6]. Новаторство режиссерской работы при создании документального кино подробно исследовано Е. Трусевич [7]. Концепции реальности и мифотворчества в экранном документальном произведении стали объектами исследований Г. Прожико [8]. Характер политического воздействия документального кинематографа изучается К. Галицкой [9, 102–125], В. Кихтан и З. Качмазовой [10, 90–91], В. Позниным [11, 26–36]. В ракурсе толерантности и интолерантности аудиовизуальные медиа изучены в статье Ю. Ключева, Д. Зубко, И. Блохина, М. Петровой, А. Кузьминой [12, 229–242]. В контексте формирования исторической памяти о политических событиях прошлого, критики ряда геополитических решений, документальное кино исследуется зарубежными учеными [13; 14].

Документальное кино политической тематики 2010–2020 гг. ориентировано на телевизионный формат, некоторые проекты создаются для распространения в интернете. Государственные и негосударственные телекомпании, общественные организации проявляют интерес к документальному кино. Эмпирическую основу исследования составили российские документальные фильмы 2010–2020 гг. о политике.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КИНОТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В России неразрывная связь документального кино с политикой обусловлена исторически: долгие годы в СССР документальный кинематограф развивался как «искусство-идеология» [2, 13]. В 1920–1930-е гг. советский кинематограф перешел под опеку государства, часть кинематографистов того времени снимала документальные и художественные картины по прямому заказу «сверху»: С. Эйзенштейн, Д. Вертов, Р. Кармен, Э. Шуб. Технические возможности съемки начала XX в. были достаточно скудны, большая часть фильмов снималась без звука. Доступными яркими художественными приемами были монтаж и эксперименты с ракурсом съемки, с их помощью достигались необходимые авторам визуальные эффекты.

Картины 20–30-х гг. XX в. отличал явный агитационный характер, при этом на первый план был вынесен аспект полного отрицания заслуг прошлого. Например, классика советского документального кино — немой монтажный фильм Э. Шуб «Падение династии Романовых» (1927 г.) — обличает царское время. Умелый монтаж дезавуирует уважительное восприятие торжественных кадров из личного архива императора: Николай II выглядит усталым и слабым, в торжественности хроникальных кадров зрителю мерещится искусственность. Э. Шуб впервые использовала прием антитезы в кино: сытая жизнь правящей верхушки — с одной стороны, и выживание народа — с другой, процветание Европы — как пример подражания, и застойные явления в России — как тормоз общественного развития. Фильмы Д. Вертова еще более агитационны, их принципиальное отличие — придание комичности всему, что не укладывалось в понятие о культе материализма. Первый советский звуковой фильм «Энтузиазм (Симфония Донбасса)» (1930 г.) в очень жесткой форме высмеивает православных христиан, духовность, под веселую музыку происходит поджог храмов, вынос икон, все это дополняется уничижающими их величие монтажными эффектами.

Документальный кинематограф 1940–1950-х гг. пронизан настроениями героизма и трагичности, позднее — жизнеутверждающими мотивами восстановления страны после разрушительной войны. В этот период появляются патриотические фильмы, воспевающие борьбу с врагом не только инструментами коммунистической идеологии, но и всей страны — Родины советского человека. Это военные фильмы: «Ленинград в борьбе» (1942 г., реж. Р. Кармен, Н. Комаревцев, В. Соловцов, Е. Учитель), «Суд народов» (1947 г., реж. Р. Кармен), «Ленинград» (1947 г., реж. Е. Учитель, Р. Кармен).

Лишь в 1960–1970-е гг. происходит некоторая либерализация советской документальной кинема-

тографии. Из политической документалистики тех лет исчез юношеский надрыв, ему на смену пришли взвешенность, рациональность, стабильность. В этот период на первый план выходит кинопублицистика о международных проблемах, немалую роль в этом сыграла холодная война с США и Западной Европой. Проблемы капиталистической идеологии высвечивают фильмы Г. Асатиани «Разноэтажная Америка» (1961 г.), В. Лисаковича «Америка. Осень-71» (1971 г.). В указанный период появляются документальные фильмы Л. Махнача о деятельности иностранных спецслужб и противостоянии им советского КГБ: «По черной тропе» (1962 г.), «Снова по черной тропе» (1963 г.), «Капли яда» (1965 г.) [2]. Происходит осмысление итогов Второй мировой войны, ее причин: Л. Махнач в соавторстве с Л. Перским сняли фильмы — «Вы преступник, Оберлендер» (1960 г.), «За вашу и нашу свободу» (1968 г.).

Перестройка 1985–1991 гг. охарактеризовалась активизацией не просто диссидентских и оппозиционных настроений, а по существу антикоммунистических и антисоветских. В СССР постепенно появляются документальные фильмы с прямой или опосредованной критикой существовавшей идеологии и общественно-политического строя. Снимаются картины С. Говорухина «Так жить нельзя» (1990 г.), Ю. Подниекса «Легко ли быть молодым?» (1986 г.). В фильме Ю. Подниекса отражены зреющие на тот момент идеологические изменения в их социальном, нравственном, политическом плане. Режиссер актуализирует проблемы поколения молодежи 1980-х гг. через призму советской идеологии, при этом события и явления поданы в фильме или завуалировано двусмысленно или крайне неоднозначно, что свидетельствует о начале эпохи плюрализма в теледокументалистике и коммуникации вообще. С. Говорухин также обращается к зрителю от лица молодежи, указывает на недостатки существовавшего положения дел.

После перестройки интерес к документалистике на некоторое время прервался. В связи с глубоким экономическим кризисом государство фактически перестало финансировать документальное кино в тех объемах, как это было раньше. Закрылись многие студии, как результат — резко сократилось количество документальных фильмов.

В новейшей истории России политический документальный кинематограф в период 1992–2000 гг. практически не проявлял себя. Лишь к середине 2000-х гг. документалистика политической направленности начала возрождаться, при этом все больше ориентируясь на телевизионный формат. Государство и оппозиция активно стали обращаться к политической документалистике снова, возвращая ей главное предназначение — быть инструментом трансляции своей точки зрения зрителю. В те годы лидером политической документалистики стал ре-

жиссер И. Шадхан, впервые снявший два фильма о деятельности президента России В. В. Путина — «Вечерний разговор» (2002 г.) и «Ваше Высокоодичество» (2005 г.).

Период 2010–2020 гг. характеризуется как этап начала цифровой технологической революции, в т.ч. в сфере политической коммуникации. Политическая борьба вышла на авансцену общественного развития, стала использоваться как инструмент давления на общество, на правительство и на государственные институты.

ДИСКУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КИНОТЕЛЕДОКУМЕНТАЛИСТИКИ

Согласно тематическому делению дискурсов, отдельными его категориями являются: политический, педагогический, военный, юридический, научный, исторический, религиозный, медицинский [15, 185].

С. Плотникова предлагает субъектный подход к анализу структуры политического дискурса. Его суть заключается в разграничении политического дискурса по субъекту информации. Исследователь подразделяет политический дискурс на дискурс политиков и дискурс реагирования, к которому относятся СМИ, выводы политологов, разговоры людей [16, 24]. Материалы, распространяемые СМИ, входят в сферу публичного дискурса и обладают особым влиянием на аудиторию. Несмотря на кажущуюся периферийность и вторичность, интерпретация через СМИ заявлений политиков и их действий, метафоризация и разрушение (или создание) политических мифов, воздействие на эмоциональную сферу зрительского восприятия приводят к тому, что именно вторичный продукт (т.е. материалы СМИ) запоминается аудиторией лучше. Документальный кинематограф о политике относится к сфере дискурса политического реагирования.

Коммуникативные уровни дискурса подразделяются на виды: мировой, национальный, региональный. Каждый из этих видов имеет только для него характерные признаки. Публичный дискурс, в т.ч. политический дискурс, можно рассматривать с позиции дифференциации его уровней.

Мировой (глобальный) уровень характеризуется обращенностью к глобальному коммуникативному пространству. Глобальный дискурс, по мнению Е. Павловой, «сочетает в себе глобальность, публичность, медийность, многоязычность, интерцивилизационность и дисгармоничность» [17, 3]. Говоря о примерах глобального дискурса, стоит учитывать следующие факторы, которые — не обязательно все — должны быть присущи этому уровню: актуальная для всего глобального сообщества тема (иногда актуальность нагнетается искусственно), интернациональный язык (английский), глобальные языковые концепты (англо-саксонские заимствования как итог политической вестернизации мира), апелляция к глобаль-

ным ценностно-духовным ориентирам (так называемые западные ценности), прямая и косвенная оценка общественной жизни в соответствии с принятыми на глобальном уровне ориентирами.

Пример глобального политического дискурса — телефильм В. Вострова «Нулевые» (2011 г.) об итогах политических, социальных, экономических изменений в России в период 2000–2010 гг. Глобализация политического дискурса выражена на уровне выбора экспертов. Героиня фильма, американская журналистка русского происхождения, возвращается в Россию после долгих лет отсутствия и пытается дать оценку современной российской действительности. Подача материала в фильме ведется сквозь призму восприятия эмигрантами акций протеста в России в 2010 г., ярко выражена апелляция к социальным и политическим ценностям западной цивилизации.

Обращены к мировому сообществу на уровне предъявляемого дискурса фильмы о ключевых политических фигурах. Например, документальные картины о президенте Российской Федерации В. Путине. Миссия улучшения имиджа президента выполняется через объяснение его решений с государственных позиций, через раскрытие положительных личностных качеств, с учетом возможной трансляции фильмов на мировую аудиторию. Эту цель выполняют документальные произведения — «Президент» (2015 г.), «Россия. Кремль. Путин» (2020 г.).

Документальные картины о политических лидерах могут носить критический, в ряде случаев сенсационный и ложный, характер, впоследствии разоблачаются критикуемой в таких картинах стороной как фейк и обман. Это, как правило, фильмы представителей несистемной оппозиции, финансируемые и снятые за рубежом, в ряде случаев за финансированием и организацией съемок таких фильмов стоят специальные разведывательные службы иностранных государств, оказывающих политическое давление на российское правительство и российского президента.

На глобальный уровень таких фильмов указывает глобальность повестки: осуществляется атака на активизацию внешнеполитической деятельности России. Оценка действий президента России осуществляется исключительно с точки зрения англо-саксонских политических интересов. К таким относятся фильмы: «Свидетели Путина» (2018 г.), «Дворец для Путина. История самой большой взятки» (2021 г.).

Под региональным уровнем понимается дискурс, основным пространством воздействия которого является совокупность стран того или иного региона, в частности страны ЕС, ШОС, СНГ, ЕАЭС. К региональному политическому уровню можно отнести также дискурс отношений Российской Федерации с бывшими странами СССР, с которыми сохранены тесные экономические, культурные связи. Особен-

ности регионального уровня политического дискурса логически вытекают из его природы: апелляция к общности интересов региона, о котором создается документальное произведение, акценты на общих духовных ценностях, национальной принадлежности проживающих на этих территориях граждан, на актуальных вопросах развития региона.

Пример реализации политического документального дискурса на региональном уровне — телевизионные документальные фильмы о вооруженном государственном перевороте на Украине: «Биохимия предательства» (2014 г.), фильмы репортажного характера цикла «Специальный корреспондент» («Дорога в Луганск», «Бандеровцы», «Ожог», «Гуантанаму по-украински» и т.д.). Политическим событиям на территории Украины как бывшей республики в составе СССР дается однозначно негативная оценка. Появление таких фильмов обусловлено тем фактом, что «майданные» события на Украине имели русофобский характер, нацелены на отказ Украины как государства от общего исторического прошлого с Россией. В данном случае в фокусе политической теледокументалистики находятся не только государственные интересы обеих стран, но интересы гуманитарного плана, т.е. интересы граждан, по воле политиков и политических обстоятельств разделенных на «своих» и «чужих».

Политический дискурс на национальном уровне ориентирован прежде всего на общество, проживающее в конкретном государстве, служит цели максимально легитимизировать деятельность находящегося у власти политического класса [18], а также минимизировать влияние дискурсных коммуникационных уровней более высокого класса. Демонстрация политического дискурса на национальном уровне происходит преимущественно в СМИ государственных телерадиокомпаний.

Например, национальный уровень политического дискурса ярко проявляется в фильмах телеканала «Россия» (ВГТРК): «Крым. Путь на родину» (2015 г.), «Президент» (2015 г.). Основной спикер этих фильмов — В. Путин. В фильме «Крым. Путь на Родину» воссоединение Крыма с Россией объясняется закономерностью — результатом государственного переворота на Украине. Показана поддержка действий власти Республики Крым всеми слоями населения Крыма. Рассказ ведется от имени сторонников возвращения Крыма в состав Российской Федерации.

Фильм «Президент» направлен на усиление точки зрения о необходимости продолжения политического курса российского государства с позиций экономических, социальных, духовных приоритетов. Журналист В. Соловьев на конкретных примерах показывает, что эпоха Путина привела к возрождению и укреплению позиций России. Это окончание войны в Чечне, воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией на основании проведен-

ного на полуострове референдума, гуманитарная помощь Донбассу и Луганску и др.

По критерию субъектных отношений и по признаку толерантности можно определить правительственный (доминирующий, официальный) дискурс, оппозиционный политический дискурс (альтернативный) и консенсусный политический дискурс [19]. Активизация правительственного и оппозиционного дискурса в СМИ происходит в момент предвыборной агитации, на фоне трудностей во внешнеполитических отношениях, активизации оппозиционных сил. Доказательством этому положению служит и тот факт, что большинство документальных фильмов о политике и политиках как оппозиционной, так и правительственной направленности снимается и выходит в 2010–2020 гг. Как правило, это реакция на события во внешней и внутренней политике России. Например, выборы в Государственную думу и выборы президента РФ; акции оппозиции; голосование по поправкам в Конституцию России; санкции Запада против экономики России; обострение отношений с Украиной, США и странами Европы; участие контингента вооруженных сил России в Сирии в антитеррористической операции.

Правительственный дискурс предъясняется в цикле документальных фильмов-расследований «ЧП-расследование» телеканала НТВ, документальных картинах имиджевого характера о президенте РФ: «Президент» (фильм В. Соловьева, 2015 г.), «Миропорядок» (фильм В. Соловьева, 2015 г.), «Путин» (фильм А. Кондрашова, 2018 г.), «Россия. Кремль. Путин» (фильм П. Зарубина, 2020 г.).

Для оппозиционного дискурса деятельности СМИ характерен высокий уровень радикальности и безапелляционности оценок и мнений, преобладание негативной оценки, односторонняя и крайняя интерпретация фактов. В ряде случаев вполне очевидным становится обстоятельство, что за пафосом альтернативности политического дискурса массмедиа скрывается попытка демонтировать существующую систему политической организации общества, за намерениями деидеологизации — попытка построить иную идеологию, сформировать на ее основе мифологические стереотипы. Оппозиционный дискурс часто замкнут сам на себе, намерение осуществить реальный диалог с властью отсутствует.

В оппозиционном дискурсе выстраивается ряд мифических концептов о действующей власти: «нечестные выборы», «цензура в СМИ», «партия жуликов и воров» и т.п. Указанные концепты (по существу, политические ярлыки) лишены логической аргументации и доказательств, в ряде случаев провокационны и подпадают под статью «Клевета» Уголовного кодекса России. Примером оппозиционного дискурса могут служить фильмы: «Он вам не Димон» (2017 г.), «Дворец для Путина. История самой большой взятки» (2021 г.) организации А. Навального

«Фонд борьбы с коррупцией». В 2019 г. эта организация включена Министерством юстиции России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, т.е. участвует в политической деятельности и получает финансирование из-за границы.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ

Применительно к документальному кино в качестве каналов массового распространения политического дискурса предстают телевидение и интернет. Ведущую роль в деле воздействия на аудиторию в последнее десятилетие занимает телевидение. О значимой роли данного коммуникационного канала свидетельствует опрос ВЦИОМ 2017 г.: федеральные телеканалы в качестве основного источника информации используют 69% респондентов¹. Документальные фильмы о политике широко рекламируются телеканалами, показ происходит в прайм-тайм, после выхода в эфир распространяются в интернете (социальные сети, видеохостинг YouTube, блоги и т. д.), обсуждаются в политических дискуссионных программах.

Интернет как особая коммуникационная среда играет значительную роль в распространении политических мнений через документальное кино. Аудитория размещаемых в глобальной сети фильмов практически не ограничена и постоянно увеличивается. Документальные фильмы о политике часто заблаговременно создаются специально для цифрового тиражирования. Указанные фильмы размещаются на сайтах создавших их творческих коллективов или организаций и на крупнейших видеохостингах, в числе которых ведущее место занимает видеоплатформа YouTube.

ВЦИОМ на основании проведенного в 2019 г. исследования назвал видеохостинг YouTube телевидением XXI в.: 58% опрошенных россиян заявили, что являются пользователями YouTube, 14% пользователей хостинга обращается к видеоконтенту общественно-политической направленности². Указанное исследование позволяет сделать вывод о существенных возможностях видеохостинга в деле формирования и корректировки политико-идеологических установок общества.

Ключевая особенность экранных искусств, в ряду которых ведущее место занимает документальный кинематограф, — воздействие на эмоциональное

состояние зрителя и его рефлексия относительно увиденного [20, 119]. В. Кихтан и З. Качмазова пишут: «Контакт фильма с аудиторией выстраивается не просто на основе передачи-приема информации, а на основе сопереживания: вовлечения зрителя в экранный мир» [10, 90]. Указанное свойство документалистики — вовлечение — в высокой степени отвечает целям политической борьбы.

Обратимся к наиболее известным теле- и интернет-фильмам последних лет, в центре внимания которых — политические процессы в России и ее внешняя политика. Проанализируем указанные картины с точки зрения вызываемого ими общественного и политического резонанса.

Программа телеканала НТВ — «ЧП-расследование». Документальный цикл телеканала НТВ. Выходит в рамках информационной программы «Чрезвычайное происшествие». Основная тематика документальных передач — криминальные события или криминальный след в политических событиях России и ближнего зарубежья. Широкий общественный резонанс (и негативную реакцию прежде всего в оппозиционных кругах) вызвал фильм, подготовленный редакцией «ЧП-расследование», — «Анатомия протеста» (2012 г.). Сайт телеканала после выхода фильма подвергся массовой DDoS-атаке, несколько месяцев спустя дирекция правового вещания НТВ выпустила продолжение фильма, разоблачающего оппозицию, — «Анатомия протеста-2». Видеозаписи общения лидера «Левого фронта» Сергея Удальцова с предполагаемыми спонсорами протестных акций стали причиной начала следственных мероприятий российских специальных служб по отношению к лицам, фигурировавшим на пленке.

В том же 2012 г. в рамках «ЧП-расследование» в эфире НТВ были показаны другие фильмы, разоблачающие оппозицию: «Заграница им поможет», «Заграница им поможет — 2». В 2010–2020 гг. выходит ряд программ цикла «ЧП-расследование» об украинском государственном перевороте: «По ком не звонит колокол. Украина — рекордсмен по самоубийствам», «Майдан пожирает своих детей», «Незалежные шпионы». Кроме этого, выходят политические расследования на другие актуальные общественно-политические темы: «Убийство Бориса Немцова: факты и версии», «Патологоанатомия протеста», «Мундепы от Госдепа. Заштатные кандидаты», «Организованная протестность», «Гражданин Навальный», «Отправленный пациент». Расследования о политических протестах снимаются в периоды наибольшей активизации работы оппозиции по организации и проведению таких акций, как правило, не санкционированных и преследуемых властью.

Программа телеканала «Россия-1» «Специальный корреспондент». В ее рамках транслируются документальные фильмы на актуальную общественную тему. После показа фильма основные его аспекты

¹ Телевидение VS интернет: спор поколений. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-vs-internet-spor-pokolenij> // ВЦИОМ.

² YouTube — «телевидение» XXI века. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka> // ВЦИОМ.

обсуждаются экспертами в формате студии. После показа фильма «Эффект Браудера» (2016 г.) первый заместитель генерального прокурора РФ А. Буксман потребовал у ВГТРК копию фильма и запись обсуждения в программе «Специальный корреспондент» в связи с возможным нарушением фигурантами фильма законодательства России.

«Зима, уходи!» (2012 г.) — реж. А. Жиряков, Е. Хорева, Д. Кубасов и др., канал 24_DOC. Фильм о протестном движении в России 2011–2012 гг. снят десятью молодыми режиссерами, выпускниками «Школы документального кино и театра Марины Разбежкиной и Михаила Угарова». В фильме отсутствует авторский текст и практически отсутствуют эксперты. Большая часть кадров — «лайфы», снятые на митингах и улицах города.

Другой пример некомментируемого фильма — проект «Срок» (2014 г.) П. Костомарова, А. Расторгуева, А. Пивоварова. В фильме использованы практически те же приемы, что и документалистом Э. Шуб в «Падении династии Романовых», действие превращается в фарс: К. Собчак сидит в автозаке, а В. Путин по замыслу документалистов в это время поет с джаз-бандом и играет на рояле; полиция задерживает митингующих, а президент летает со стерхами; Следственный комитет проводит обыски у А. Навального, а В. Путин выловил в этот момент гигантскую щуку. Монтаж в фильме выполняет функцию иронии, иногда сарказма.

Можно предположить, что цель авторов некомментируемого документального кино состоит в фиксации действительности изнутри. Однако нюансы происходящего гораздо глубже, нежели поиск новой формы документального повествования. Дело в том, что съемка в основном ведется из «сердца» толпы. Согласно теории толпы Г. Лебона, рациональность мышления человека в толпе практически полностью утрачивается: «В толпе интеллектуальные способности индивидов исчезают; разнородное утопает в однородном. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» [21, 135].

Человек в толпе через ее лидеров подвержен эмоциональному заражению доминирующим в этой толпе дискурсом. Зрителю отчасти передается так называемый «восторг» толпы. Такой стиль съемки может оказывать вовлекающее, манипулятивное воздействие на зрителя. Этим часто пользуются организаторы незаконных несанкционированных акций, размещая видео противоправных действий в интернете и мессенджерах. По этой схеме распространения документальные фильмы с преобладанием оппозиционного политического дискурса оказали существенное влияние на популяризацию несогласованных с властью политических акций и способствовали втягиванию в них отдельных групп подростков и молодежи в январе-феврале 2021 г.

Приоритетным направлением политической документалистики часто является не ликвидация политической безграмотности населения, а политическая агитация и пропаганда, продвижение определенных политических убеждений. Политическая документалистика 2010–2020 гг. используется как инструмент политической борьбы. Наблюдается плюрализм политических точек зрения, но каждая из них представлена чаще всего в отдельном фильме, в отдельном проекте. Но рядом друг с другом, в одном фильме или проекте политические альтернативы не представлены. Главной целью политической документалистики не всегда является фактологичность и объективность сообщаемого, часто они подменяются мифами, которые внедряются в сознание зрителей. Ведется обработка общественного мнения, чтобы обеспечить соответствующее отношение аудитории к политической реальности.

В ряде случаев с помощью экранного повествования о политических процессах и политической деятельности упрощается взгляд аудитории на экономические и социальные вопросы, усиливаются риски интолерантности к сторонникам других точек зрения. Несистемной оппозицией ведется целенаправленная обработка разных слоев населения с целью дестабилизации ситуации в стране путем формирования в сознании зрителей деструктивных идей, радикального политического поведения и негативного отношения к действующей власти. В связи с этим возникает необходимость новых системных исследований политического контента в ракурсе состояния современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков В. К. Историко-художественный потенциал дореволюционной кинохроники: дис. ... канд. иск. / В. К. Беляков. — М., 2019. — 195 с.
2. Джулай Л. Н. Документальный иллюзион: отечественный кинодокументализм — опыты социального творчества / Л. Н. Джулай. — М.: Материк, 2005. — 238 с.
3. Дробашенко С. В. Феномен достоверности / С. В. Дробашенко. — М.: Наука, 1972. — 184 с.
4. Муратов С. А. Документальный телефильм: незавершенная биография / С. А. Муратов. — М.: ВК, 2009. — 361 с.
5. Геращенко Л. Л. Конфликт в отечественном документальном кино 90-х гг.: дис. ... канд. иск. / Л. Л. Геращенко. — М., 2003. — 114 с.
6. Манскова Е. А. Современная российская теледокументалистика: динамика жанров и средств экранной выразительности: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Манскова. — Екатеринбург, 2011. — 161 с.
7. Трусевич Е. С. Эволюция режиссерских приемов в неигровом фильме XXI века: дис. ... канд. иск. / Е. С. Трусевич. — М., 2020. — 218 с.
8. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе: дис. ... д-ра иск. / Г. С. Прожико. — М., 2004. — 422 с.

9. Галицкая К. А. Способы легитимации власти президента Российской Федерации В. В. Путина, используемые в документальных фильмах / К. А. Галицкая // Дискурс-Пи. — 2020. — Т. 17. — № 1 (38). — С. 102–125.
10. Кихтан В. В. Проблемы современного социума через призму документального кинематографа / В. К. Кихтан, З. Н. Качмазова // Российский академический журнал. — 2013. — Т. 26. — № 4. — С. 90–91.
11. Познин В. Ф. Кинотекст документального фильма как продукт критического осмысления действительности / В. Ф. Познин // Медиалингвистика. — 2016. — № 2 (12). — С. 26–36.
12. Klyuev Y. V. The political Tolerance of Mass Media in a Climate of the Democratic Development of Society / Y. V. Klyuev, D. V. Zubko, I. N. Blokhin, M. S. Petrova, A. M. Kuzmina // Man in India. — 2017. — № 22. Vol. 97. — P. 229–242.
13. Martinez K. R. Theoretical supports of the historical audiovisual documentary / K. R. Martinez, Y. S. Mas. — DOI: 10.24215/16696581e419 // Question. — 2020. — № 67. Vol. 2.
14. Holland E. C. The anti-geopolitical cinematic eye: Documentary film and critical geopolitics / E. C. Holland. — DOI: 10.1111/gec3.12536 // Geography Compass. — 2020. — № 14 (4).
15. Halliday M. Towards Probabilistic Interpretations / M. Halliday // Functional and Systemic Linguistics: Approaches and Uses / Eija Ventola (ed.). — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. — P. 183–220.
16. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С. Н. Плотникова // Политический дискурс в России: Святыне без житий: Материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. — Вып. 8. — М., 2005. — С. 22–26.
17. Павлова Е. К. Гармонизация глобального политического дискурса на сигнификативном уровне (на примере дискурса США и России): автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Е. К. Павлова. — М., 2013. — 36 с.
18. Петров К. Е. Роль политического дискурса в политических изменениях: глобальный, региональный и национальный уровни: автореф. ... канд. полит. наук / К. Е. Петров. — М., 2009. — 26 с.
19. Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в демократическом развитии социума / Ю. В. Ключев. — СПб.: «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2018. — 246 с.
20. Klyuev Y. V. Political discourse as a Phenomenon of empirical television Perspective / Y. V. Klyuev, D. V. Zubko, M. S. Petrova, N. V. Bakirova, S. N. Ilchenko // Man in India. — 2017. — № 7. Vol. 97. — P. 115–125.
21. Лебон Г. Психология толп. Мнение и толпа / Г. Лебон, Г. Тард. — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 416 с.

Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого

Зубко Д. В., кандидат филологических наук, ассистент
Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью
Гуманитарного института

E-mail: zubko_dv@spbstu.ru

Ключев Ю. В., доктор политических наук, профессор Высшей
школы медиакоммуникаций и связей с общественностью
Гуманитарного института

E-mail: klyuev_yuv@spbstu.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Zubko D. V., Candidate of Philology, Assistant of the Higher
School of Media Communications and Public Relations of the
Humanitarian Institute
E-mail: zubko_dv@spbstu.ru

Klyuev Y. V., Doctor of Philology, Professor of the Higher
School of Media Communications and Public Relations of the
Humanities Institute
E-mail: klyuev_yuv@spbstu.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЖАНРОВ И ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

И. И. Карпенко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 24 июня 2021 г.

Аннотация: в статье представлен анализ современных тенденций трансформации жанровой системы журналистики, происходящих под влиянием современных технологий. Конвергенция жанров рассматривается в системе, начиная с первых упоминаний о диффузии жанров в современном научном медийном дискурсе, заканчивая новейшими новаторскими формами представления журналистской информации.

Ключевые слова: конвергенция жанров, жанр, журналистика, диффузия жанров, система жанров, конвергенция жанров и форм, эдьютейнмент, инфотейнмент.

Abstract: the article presents an analysis of modern trends in the transformation of the genre system of journalism, taking place under the influence of modern technologies. The convergence of genres is considered in the system, starting with the first mentions of the diffusion of genres in modern scientific media discourse, ending with the latest innovative forms of presenting journalistic information.

Keywords: convergence of genres, genre, journalism, diffusion of genres, system of genres, convergence of genres and forms, edutainment, infotainment.

ВВЕДЕНИЕ

Диффузии жанров в системе обусловлены исторически. Несмотря на то, что чистота жанра выступает в журналистике качественной характеристикой текста, процессы жанрового взаимопроникновения протекают постоянно и являются неизбежными. Сегодня в журналистике на фоне социальных процессов активно проходит жанровая перестройка [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]: происходит трансформация жанров, полное исчезновение, видоизменение, взаимодействие и взаимовлияние, синтез и гибридизация. Как справедливо замечает А. Н. Тепляшина, «жанр фиксирует сдвиги в духовной жизни общества и меняется вместе с ней» [7, 29].

В современной журналистике эта тенденция стала особенно заметной, что находит осмысление в трудах Л. Е. Кройчика, А. А. Тертычного и других теоретиков. Основываясь на работах в этой области, можно сформулировать суть явления жанровой гибридизации, которая заключается во взаимопроникновении различных жанрообразующих факторов в пределах одного произведения. Например, формы персонификации информации (*монологическая* и *диалогическая*), которую А. А. Тертычный выделяет как дополнительный жанрообразующий фактор. Так, монологическая форма персонификации используется в большой группе жанров, в числе которых *корреспонденция, статья, рецензия, обзор, отчет, обозрение, прогноз* и др. Диалогическая форма порождает жанры *интервью, круглый стол, брифинг, пресс-конференция, беседа* и т.п. Данные

исходные формы могут применяться и в сочетании, что приводит к возникновению гибридных форм: *корреспонденция-интервью, беседа-отчет, интервью-прогноз* и др.

Несмотря на то, что в журналистике смешение жанров нежелательно, на практике жанрам свойственно взаимопроникновение, размытие границ. Особенно часто примеры подобных тенденций можно встретить на страницах так называемой желтой прессы, бульварных изданий, в развлекательных радио-/телепередачах. В свете этого исследователи говорят и пишут о возникновении *гибридных, синкретичных жанров, креолизованных текстах, поликодовых текстах* и др.

Катализатором в развитии жанровой гибридизации выступает ряд факторов.

Во-первых, происходит переосмысление жанровых ценностей: некоторые из жанров, в числе которых *очерк, фельетон, памфлет*, в 1990-х гг. XX столетия ушли на периферию публикаций (см. [3; 7; 8]). В настоящее время очерк, с нашей точки зрения, снова вошел в перечень частотных, вместе с тем фельетон и памфлет прежних позиций себе не вернули или сместились в оппозиционную прессу. Место традиционных сатирических жанров все чаще занимает *сатирический комментарий*.

Во-вторых, появились и популяризировались новые жанры: *исповедь, журналистское расследование, версия, беседа, пресс-релиз* и др. Значительный удельный вес в настоящее время заняли материалы, составляющие группу юмористической журналистики, что отражает конъюнктурные настроения и складывающуюся потребительскую ситуацию.

Сегодняшняя журналистика направлена, прежде всего, на сенсационность (издания определенного типа). Она культивирует интерес аудитории к таинственному, необычному, к бытовым подробностям, к частной жизни известных персон, представителей шоу-бизнеса.

В-третьих, «внедрение новых информационно-коммуникационных технологий, позволяющее сократить производственные процессы и процессы доступа к информации до минимума, нивелирует использование масштабных аналитических жанров и выдвигает на первый план информационные тексты, созданные чаще всего по монтажному принципу «перевернутой пирамиды» (заметка, пресс-релиз, отчет)» [9, 40]. Подобные тенденции вынесения самого главного элемента события в начало текста, актуализировавшиеся вначале в деятельности информационных агентств (в частности Reuters)¹, сегодня используется повсеместно, в том числе в практике интернет-СМИ. «Данный прием используется с целью сокращения затрат аудитории на зачатку материала, так как познакомиться с основным его содержанием позволяет заголовочный комплекс (собственно заголовок, лид)» [9, 40]. Дальнейшее чтение и получение дополнительных сведений будет возможно только после перехода посредством гиперссылки к полному тексту материала и только в том случае, если читателя он заинтересует.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В свете разговора о жанровой конвергенции необходимо затронуть также важный аспект — конвергенцию жанров и форм репрезентации журналистского контента. Для начала стоит определиться, в чем состоит отличие двух понятий — жанр и форма.

Жанр — это «устойчивые типы публикаций, объединенных схожими содержательно-формальными признаками», иначе говоря, жанрообразующими критериями [8].

Формой же является «внешний вид» материала, «упаковка» содержания медиатекста, определенный набор визуальных черт, сочетание которых дает право отнесения материала к той или иной категории материалов. Жанр сам по себе является формой воплощения текста, обладающей определенным набором категориальных признаков — жанрообразующих критериев. Однако в контексте нашего разговора под формой мы понимаем исключительно визуальное воплощение материала, то есть его внешний

вид (от лат. forma — «внешний вид»). Причем важным аспектом является то, что эта внешняя форма по большей части не является журналистским методом отображения.

К подобным формам, используемым сегодня журналистской практикой можно отнести следующие:

— наиболее часто используемые: статья-инфографика, пост в соцсетях, открытка, комикс, некролог и др;

— редко используемые: полицейский протокол, ода, любовное письмо, коммерческий договор, медицинский рецепт, басня, инструкция по технике безопасности, сонет и др.

Произведение, которое сознательно создано по какому-либо примеру или образцу и повторяющее до мельчайших подробностей его приемы, главным образом в словесном искусстве, определяется как стилизация. Подобная стилизация текста позволяет журналистам не быть банальными, избегать клише и привычных рутинных фраз в традиционных жанрах текста, организовать информацию внутри текста, а также выстроить привлекательный визуальный образ создаваемого материала, который привлечет потенциального читателя, а форма воплощения текста позволит в интересной форме преподнести журналистскую идею. Другими словами, подобная конвергенция жанров и нетипичных форм воплощения журналистского текста подразумевает под собой помещение журналистской идеи, журналистского текста в совершенно нетипичную для журналистики форму. Данная методика укладывается в концепции инфотейнмента и эдьютейнмента (в зависимости от целеполагания автора материала).

Таким примером может выступать материал А. Ямалевой «Памяти CD. Он крутился для нас», написанный в жанре некролога: *Мы не можем остаться равнодушными к трагедии, что уносит жизни близких нам технологий. В последние десятилетия эпидемия развития охватила весь мир. Ее жертвами пали многие. Боль в сердце не утихает, да и как можно забыть, через сколько страданий пришлось пройти таким девайсам, как Компакт-диск. Он был создан ради великой цели — хранения, считывания и передачи информации. В нем соединились лучшие черты предков: перфокарт, изобретенных еще в начале XIX века Жозефом Мари Жаккаром, магнитных лент 30-х годов XX века и дискет, появившихся в 1971 году. <...> CD уже несовместим с программным обеспечением некоторых систем. Его не поддерживают современные MP3-плееры. Ближайший его родственник, DVD, избежал трагической участи — он остался благодаря игровым приставкам и DVD-плеерам. Но жизнь напоминает: ничто не вечно. Где он теперь? Куда ушел? Но... Ты по-прежнему в наших дисководов и сердцах, Компакт-диск... [10].*

Автор материала подменяет один из жанрообразующих критериев некролога — предмет отображе-

¹ Утверждается, что изобретение текстовой модели «перевернутой пирамиды» относится ко времени, когда информация передавалась по телеграфу и нередко из-за плохой связи доходила не в полном объеме. Чтобы смысловые потери были минимальными, был введен способ купирования последних абзацев сообщений, передаваемых репортерами.

ния — факт смерти человека фактом устаревания технологий. Таким образом достигается комический эффект, несмотря на сложный трагический жанр. В остальном стилистически и структурно некролог А. Ямалиевой канонический. «Смысл публикаций этого рода <...> заключается прежде всего в том, что они <...> извещают аудиторию о смерти людей (прежде всего — известных данной аудитории). Кроме того, некрологи, как правило, содержат краткую биографию умершего, сообщают о том, где и как он работал, о его достижениях, наградах. Иногда в некрологе говорится о причине смерти, месте похорон. Завершается некролог обычно прощальными словами, выражением скорби по умершему» [8]. Структура рассматриваемого некролога классическая: постановка проблемы — причины смерти CD, достижения и заслуги технологии, история, «жизненный путь» развития технологии, финал — выражение скорби.

Другим примером конвергенции жанров и форм упаковки контента можно считать комикс. Обратимся к примерам, взятым также из научно-популярного журнала «Кот Шрёдингера» в специальном номере за 2016 г. и продолжающемся в номерах с 11 (2016 г.) вплоть до конца 2017 года. Всего в свет вышло девять выпусков комикса «Нестареющие». Информационным поводом стал факт повествования в № 11 (2016 г.) о *Heterocephalus glaber* — «голом землекопе», грызуну, который живет в 10 раз дольше других своих сородичей. Авторы комикса в юмористической форме поднимают сложные вопросы влияния различных факторов на механизмы старения организма человека — депрессию, вредные привычки, питание, вирусы и пр.: *Коварный злодей Лорд Стрессер решил поработить мир и пустил в ход свое смертельное оружие — армию свободных радикалов. Они устраивают бесчинства на улицах города: понижают иммунитет его жителей, нарушают в их организмах нормальные биохимические процессы... Противостоят беснующимся врагам всего живого берется отважный сотрудник МГУ — вечно молодой и вечно Голый Землекоп. Он только что синтезировал формулу, способную блокировать действия свободных радикалов. Чтобы применить противоядие по всему городу, Землекоп призывает на помощь команду нестареющих суперживотных: Крокодила, Черепаху, Морского Ежа, Летучую Мышь и Ворона. Вместе они готовы дать отпор врагу («Нестареющий грызун», Кот Шрёдингера, ноябрь 2016 г.) [11].*

Можно встретить в журнале и отдельные, внесерийные комиксы, к примеру «Лямбда против кишечной палочки. История в картинках о новой системе защиты от вирусов». Информационным поводом для выпуска комикса выступило открытие учеными израильского Института им. Вейцмана системы защиты бактерий от вирусов — BREX: *В статье, опубликованной в The EMBO Journal, исследователи утверждают, что она действует принципиально иначе, чем CRISPR,*

но как именно, не сообщают. Раскрыть механизм работы BREX взялась студентка Сколтеха Юлия Гордеева под руководством профессора Константина Северинова [12]. Этот комикс структурирован по всем правилам традиционного комикса с использованием разных планов, логичным структурированием панелей, позволяющих безошибочно и последовательно читать текст, точным использованием «канавок» и диалоговых шаров. Присутствует в этом комиксе и «легенда» — досье на главных героев. Единственным отличием от привычных читателю комиксов является информационный повод и документальная основа текста, повествующая о реальном эксперименте российских ученых. В финале мы видим соединение нарисованной истории с объективными научными данными — авторы комикса предлагают читателю найти продолжение истории в одном из международных научных журналов: *Ученые из Техасского университета A&M, куда отправилась Юля, были впечатлены. Профессор университета, специалист по изучению фагов Рай Янг, выслушав доклад Гордеевой, резюмировал: «В Сколтехе явно решили растить нобелевских лауреатов, если магистр такой непростой задачей занимается...» На момент сдачи номера исследование и статья были близки к завершению. Развязку ищите в одном из ведущих международных научных журналов [12].*

Не менее интересной конвергентной формой подачи журналистского материала в современных СМИ является стилизация текста под ленты из социальных сетей. Приведем примеры двух подобных материалов. Первый — «#круговоротводы. О чем могла бы рассказать капля» — стилизованный под ленту в Twitter. Пользователь — Капля воды, статус — @H₂O, описание аккаунта — «Вода (оксид водорода) — бинарное неорганическое соединение с химической формулой H₂O. Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного кислорода, которые соединены между собой ковалентной связью. При нормальных условиях представляет собой прозрачную жидкость, не имеющую цвета, запаха и вкуса» [13], геолокация — Вселенная, дата рождения — около 13,785 млрд. лет назад, твиты — 4,54 млрд., читатели — 7,57 млрд. нравится — 10²³, комментаторы — Водород @H, Снежинка @snezinka, Кислород @O₂, актуальные темы — #термодинамика, #испарение, #инфильтрация, #ионы, #осадки и др.

Содержательная часть твита — посты Капли воды, которые демонстрируют ее различные состояния, движения, изменения формы и пр.:

Я вода. Я бинарное неорганическое соединение. Я сильнополярный растворитель #всёсложно;

Пригревает солнце. Мои молекулы начинают хаотическое тепловое движение. Не путать с броуновским! Чем выше температура, тем быстрее они перемещаются. #термодинамика.

...В конце концов они начинают двигаться так

быстро, что преодолевают притяжение соседних молекул и уносят меня в атмосферу. #испарение. <...>

В результате теплового движения я превратилась в пар. Стала частью воздуха #испарилась.

Мимо пролетает симпатичная пылинка. На ней есть царапина, в которой я не прочь осесть. Сейчас объясню зачем.

Если соберется минимум 460 молекул воды, на пылинке вырастет ледяной кристалл с гексагональной сингонией — снежинка. #центркристаллизации [13].

Другим примером подобной конвергенции является целый проект в сети Интернет «1917. Свободная история», запущенный компанией «Яндекс» совместно с социальной сетью «ВКонтакте» в 2016 г. Этот мультимедийный проект «представляет собой имитацию того, как бы выглядели социальные сети, если бы они существовали в 1917 г. [14]. «Проект “1917” — это новый жанр, что-то вроде сетевого сериала или документального реалити-шоу с элементами исторической литературы, драматического театра, сериала и современной соцсети. На сайте в виде ленты из социальной сети публикуются записи сотен исторических и культурных деятелей. В их числе Анна Ахматова, Иван Бунин, Михаил Булгаков, Василий Кандинский, император Николай II и члены императорской семьи, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Лев Троцкий, кайзер Вильгельм II, Уинстон Черчилль и многие другие» [14].

Для создания этой экспериментальной социальной сети авторы «обрабатывали источники — газеты, воспоминания, дневники, телеграммы, письма. Мы ничего не переписывали и не дописывали. Просто сокращали записи, чтобы они стали более лаконичными и читабельными. Сейчас у нас около тысячи героев. Из их записей каждый день собирается лента со своим сюжетом, как в сериале. Каждый день мы можем увидеть, как выглядел сегодняшний день ровно 100 лет назад» [14].

Император Николай II, Тобольск: Погода была не холодная, 5° мороза, ветреная и со снегом. Долго оставались на воздухе. Пилил дрова;

Иван Павлов, Петроград, ул. Введенская, 4: Мой ассистент сегодня пришел позже. Пытался мне объяснить, что революция остановила все уличные средства передвижения. Считаю, что революция не может служить оправданием для опоздания;

Александра Колонтай, Патерсон, США: Два месяца здесь, бесцветных и серых. Пожалуй, самых бесцветных за всю мою жизнь. Постарела, потолстела, подурнела... У меня все зависит от настроения. В июле опять вдруг подтянулась, будто чарами вернула, вызвала молодость. А сейчас отяжелела, потухла и кажется, будто мне все 60 [15].

Авторы проекта превратили историю в уникальный и увлекательный сюжет, к которому зритель-читатель эмоционально подключается и следит за ним каждый день. В день в ленте сайта появляется при-

мерно пятьдесят постов, а в профайлы героев, которых насчитывается полторы тысячи, входит все, о чем они пишут в своих дневниках, мемуарах, письмах в этот день. В каждом профиле контент-менеджерами сайта отмечены родственники и друзья «зарегистрированных» героев. Таким образом, авторы проекта вручную воспроизводят алгоритм социальной сети.

Проект «1917. Свободная история» — сложный журналистский проект. «Журналистика — это работа с источниками, какими бы они ни были: живыми или мертвыми, одушевленными, неодушевленными, бумажными или электронными. Ты изымаешь из этих источников информацию, разбираешься в ней, понимаешь, как все произошло, отделяешь важное от неважного, создаешь полную картину и преподносишь это так, как тебе кажется правильным. У нас журналистский проект, абсолютно неакадемический» [16].

Этот большой и сложный кроссмедийный журналистский проект вышел далеко за пределы только сайта: имея альтернативный паблик «ВКонтакте», посты героев 1917 г. собирают сотни просмотров, комментариев и репостов. Читатели пишут любимым героям личные сообщения, благодарят за их произведения, предупреждают об опасности. К примеру к юмористическому посту Осипа Брик к Владимиру Маяковскому со словами «Киса просит денег»², находим комментарий пользователя Petr Milenin («Не давай!!!») и еще двадцать один комментарий, развивающий эту тему.

Интересной практикой может являться социальный и медийный резонанс, который дал жизнь другим экспериментальным формам на основе проекта «1917. Свободная история». Так, известное сетевое СМИ Meduza в 2017 г., в юбилей Октябрьской революции, опубликовало дайджест постов Свободной истории, составив из них материал по форме твит-ленты с репортажем с места события: «Ровно 100 лет назад 24–26 октября по старому стилю (6–8 ноября по-новому) в Петрограде произошло важнейшее событие в истории России — вооруженное восстание, которое потом назовут Великой Октябрьской социалистической революцией. Просветительский проект «1917. Свободная история» ведет на «Медузе» двухдневный онлайн того, что происходило в стране прямо сейчас, только век назад» [17].

Конвергенция жанров и форм в современной журналистике не исчерпывается перечисленными формами. Отдельные издания используют новые формы упаковки медийного контента как «визитные карточки» своих изданий для привлечения внимания аудитории и создания уникального образа своего издания. Так, издатели известного научно-популярного журнала «Кот Шрёдингера» использует открытку и комикс как наиболее частотные формы для размещения журналистской идеи. Эксперимен-

² Прозвище Лили Брик в кругу семьи и друзей.

тальные формы размещения журналистского контента мы находим и в регионах. Молодежный журнал «ОнОнас» использует новаторский жанр — инфографическую статью (см., например, [18]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что действие различных тенденций и факторов в массовой коммуникации создали предпосылки для переосмысления теории журналистских жанров и сделали феномен жанров одной из актуальнейшей проблем журналистики, стилистики, лингвистики, литературоведения.

К сожалению, теоретическое осмысление новых жанров и форм упаковки журналистского контента сегодня не успевает за практикой в этой области. Это происходит в силу скорости развития современных технологий. По-видимому, поиски и систематизация разноплановых форм текстовой деятельности журналистов должна осуществляться на стыке гуманитарных наук, с учетом достижений когнитологии, коммуникативистики, психолингвистики, социолингвистики, культурологии. И здесь должны учитываться проблемы не только текстопорождения, но и текстовосприятия с учетом формы размещения текста и его декодирования, что выводит жанровые формы в область оптимального воздействия журналистских текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Р. Дускаева. — Пермь, 2004.
2. Карпенко И. И. Конвергенция в медиасреде: понятия и типы / И. И. Карпенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 13 (156). — С. 190–194.
3. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. — СПб., 2000. — С. 125–168.
4. Мельник Г. С. Основы творческой деятельности / Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина. — СПб.: Питер. 2008. — 272 с.
5. Мисонжников Б. Я. Соотношение содержательных и формальных структур печатного издания: дис. ... д-ра филол. наук / Б. Я. Мисонжников. — СПб., 2001.
6. Сметанина С. И. Медiateкст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. / С. И. Сметанина. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 382 с.
7. Тепляшина А. Н. Методологические основы жанрообразования в массмедиа / А. Н. Тепляшина // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). — СПб., 1997. — С. 128–134.
8. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 310 с.
9. Карпенко И. И. Геймификация в интернет-СМИ в контексте медиаконвергенции / И. И. Карпенко, Е. Ю. Лобановская // Современные СМИ в контексте информационных технологий. Сборник научных трудов 5-й Всероссийской научно-практической конференции. — СПб., 2019. — С. 39–43.
10. Ямалиева А. Памяти CD. Он крутился для нас / А. Ямалиева // Кот Шрёдингера. — 2015. — № 3.
11. Нестареющий грызун // Кот Шрёдингера. — 2016. — № 11.
12. Лямбда против кишечной палочки. История в картинках о новой системе защиты от вирусов // Кот Шрёдингера. — 2018. — № 1–2.
13. #круговоротводы. О чем могла бы рассказать капля // Кот Шрёдингера. — 2017. — № 11–12.
14. Михаил Зыгарь запустил «сетевой сериал» о революциях 1917 года // Meduza. — 2016. — Режим доступа: <https://meduza.io/news/2016/11/14/mihail-zygar-zapustil-setevoy-serial-o-revolutsiyah-1917-goda> (дата обращения: 25.02.2021).
15. 1917. Свободная история. — Mjcrdf. — 2016. — URL: <https://project1917.ru> (дата обращения: 25.02.2021).
16. Продуцирование новых умных мыслей не по нашей части. Интервью Михаила Зыгаря о «Проекте 1917» и разочаровании в медиа // Meduza. — 2016. — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/11/22/produtsirovanie-novyh-umnyh-mysley-ne-po-nashey-chasti> (дата обращения: 25.02.2021).
17. Октябрьская революция. Как это было «Революция. Прямой эфир»: онлайн от проекта «1917. Свободная история» на «Медузе» // Meduza. — 2017. — Режим доступа: <https://meduza.io/live/2017/11/06/chto-proishodilo-v-rossii-rovno-100-let-nazad> (дата обращения: 25.02.2021).
18. Алферова О. Ты в цифрах / О. Алферова // ОнОнас — Белгород. — 2018. — 8 окт.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Карпенко И. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

Belgood National Research University

Karpenko I. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

ВНЕШНЯЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В ИМИДЖЕ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Е. Ю. Красова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема личностного имиджа. Обобщаются данные социологического исследования представлений молодых женщин г. Воронежа о внешней привлекательности.

Ключевые слова: личностный имидж, внешний облик, представления молодых женщин, самопозиционирование, внешняя привлекательность, сексуальная привлекательность, модификация тела.

Abstract: the paper considers the problem of personal image. The results of a sociological investigation of Voronezh young women's views of attractiveness have been summarized.

Keywords: personal image, appearance, young women's views, self-positioning, external attractiveness, sex appeal, body modification.

В традициях имиджеологии объектом изучения, как правило, являются известные личности. Однако формирование позитивного образа актуально не только в сферах политики или шоу-бизнеса, где имидж публичной персоны продвигается и становится ее рекламой. Обычный человек также включен в пространство самопозиционирования и восприятия другого. Распространенным представлением в обществе является социальная ценность имиджа как успеха в образовании, карьере, романтических, семейно-брачных отношениях и эффективности личности в целом.

Актуальным предметом изучения социальных психологов стал феномен «ценность внешнего облика» [1; 2]. Социологический подход к личностному имиджу предполагает анализ особенностей представлений большой социальной группы с точки зрения визуально выраженной внешней привлекательности, а также иллюстрации социальной роли.

Оценки и самооценки внешности молодыми людьми включаются в ценностно-смысловую сферу, связанную с переживаниями и взаимоотношениями [3, 208]. Учеными подчеркивается активная природа имиджа как результата социального познания, приводятся доказательства тому, что позитивное самоотношение в большей степени приводит к акцентированию и демонстрации как внешней привлекательности, так и положительных внутренних качеств [4, 61–65].

Имидж формируется в процессе восприятия на основе установок и стереотипов, являясь упрощенной идеальной моделью, и выступает своеобразным регулятором поведения [5, 94]. В исследовании психологических характеристик, отвечающих за создание положительного или отрицательного отношения личности к своей или чужой внешности, были выделены категории восприятия, чаще всего встречающиеся

в оценках [6, 80]: символизация своего внешнего облика или его замещение; положительное оценивание тех черт других, которые воспринимаются как положительные у себя; сравнение своего внешнего облика с положительными примерами; дистанцирование от обсуждения.

На основе экспериментальных исследований был выявлен ряд интересных фактов [7, 8]. Студентами в имидже оцениваются в первую очередь особенности межличностных отношений и внешние черты, креативность личности и ее эмоциональная сфера. В то же время самооценка, интеллект и активность отмечаются в меньшей степени. В иерархии значимости привлекательного внешнего облика как инструментальной ценности для молодых женщин первые места заняли достижение уверенности в себе, внутренней гармонии и любви. Кроме того, на формирующийся образ в межличностном общении влияет гендерная идентичность — феминным девушкам важнее быть привлекательными, нежели маскулиным [9, 190–192].

Чтобы глубже прояснить ситуацию с ролью внешней привлекательности в личностном имидже молодой женщины в статье обобщаются результаты авторского прикладного исследования (2019–2020 г). Использовался метод формализованного интервью, участниками которого стали 150 женщин г. Воронежа в возрасте 18–30 лет.

Ученые предполагают, что в современной социокультурной ситуации «искусственно» завышается важность внешнего облика человека, что приводит к тому, что у российской молодежи возрастает стремление следовать культурно-обусловленному пониманию «правильного» и «привлекательного» [3, 210; 6, 73]. Действительно, большинство участников интервью (в противовес неполной пятой части несогласных) подтвердили тот факт, что молодые женщины уделяют слишком много времени и вни-

мания своей внешности. Сверстницы увлечены селфи: любят фотографировать самих себя.

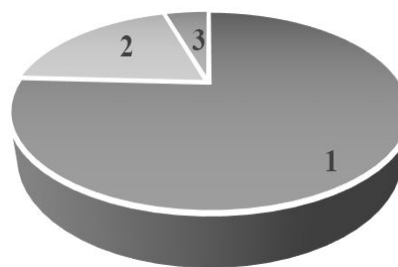
Возникает вопрос о роли позитивного впечатления в межличностном общении. В глазах большинства привлекательность человека является достаточно значимой характеристикой (64%), хотя треть молодых женщин не придает этому значения. В качестве альтернативы внешнему фактору предлагаются личностные качества («главное, чтобы человек был доброжелателен и интересен», «если есть качества, перевешивающие внешние несовершенства», «если человек мне приятен, какие-то недочеты уходят на второй план») и здоровье. Десятая часть тех, кто не придает значение внешности, вообще считает, что любой человек обладает привлекательностью, а еще 3% видят связь с материальным достатком.

Традиционно в российской культуре эстетические ценности внешней привлекательности рассматриваются в неразрывном единстве с внутренним миром человека [10, 248]. Если суммировать выделенные качества человека, повышающие его привлекательность, то все участницы исследования относят их к трем главным группам. Во-первых, к умению общаться и взаимодействовать с другими людьми (доброжелательность в общении (24%); правильная и богатая речь (21%); выразительная мимика и жестикуляция (6%); адекватный стиль общения, соответствующий деловой, семейной или развлекательной ситуации (15%); во-вторых, — к внутреннему психическому состоянию спокойствия и уравновешенности (16%), умению управлять эмоциями (13%). Наконец, нашлось небольшое количество тех, кто выделил высокую самооценку личности как фактора внешней привлекательности.

Как показывает теоретико-эмпирический анализ, внешний облик является конструктом, состоящим из динамичных взаимосвязей трех компонентов — физического облика, социального облика, экспрессивного поведения [3, 203–206]. В воронежском исследовании мнение молодых женщин о красоте девушки сложилось на основе их сочетания. В социальном облике были выделены аккуратный внешний вид, одежда, которая идет, модные прически, одежда и обувь, был сделан упор на то, что девушка выглядит оригинально и выделяется среди других, следит за собой (44%). В плане физического состояния упоминались здоровый внешний вид, правильные черты лица и стройная фигура (34%). Экспрессивность описывалась следующими суждениями: девушка улыбающаяся и веселая, она светится изнутри, харизматична, удовлетворена своим внешним видом, умеет подчеркивать индивидуальность (22%).

Насколько интервьюируемые удовлетворены собственной внешностью демонстрирует рисунок 1.

Рис. 1. Удовлетворенность молодых женщин собственной внешностью, %

Удовлетворена — 75,8%

Не удовлетворена — 19,5%

Затрудняюсь ответить — 4,7%

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство опрошенных удовлетворены в той или иной степени своим внешним обликом. Однако пятая часть все же выразила неудовлетворенность. В этой связи был задан вопрос: «Если бы можно было выбирать, на какую известную женщину Вы хотели бы быть похожей?» (см. таблицу 1).

Табл. 1. Ориентация молодых женщин на подражание внешности знаменитостей, %

На кого Вы хотели бы быть похожей?	%
На актрису, модель, певицу (А. Джоли, М. Беллуччи, Э. Хэтэуэй, Дж. Робертс, Н. Портман, М. Монро, О. Хэпбёрн, К. Найтли, П. Круз, Б. Лавлин, И. Шейк, К. Делевинь, К. Кардашьян, Дита фон Тиз, Д. Ловато, Ли Чжи Ын (IU), В. Брежневу, Б. Спирс, О. Серябкину и др.)	62,9
Другое (блогер, телеведущая, спортсменка, писательница, редактор журнала, политический деятель, дизайнер, модельер, музыкант, режиссер, ученый)	3,8
Ни на кого («не равняюсь ни на кого», «не хочу быть похожей», «не надо искать себе кумира», «я рождена оригиналом, не хочу быть чьей-то копией», «каждый человек индивидуален, не хочу быть похожей на кого-либо», «нет таковой»)	8,0
На себя («я сама себе идеал», «не особо слежу за знаменитостями, хотела бы найти себя и свой стиль, а не быть похожей», «не сотвори себе кумира», «на улучшенный вариант себя»)	4,7
Затруднились ответить	20,6

По самооценкам подражательство свойственно большинству участниц интервью. Надо заметить, однако, что и в этом случае прослеживается взаимосвязь внешнего и внутреннего — красоты и исключительных профессиональных качеств. Четкое понимание преимущества быть уникальной, а не чьей-то копией, наблюдается лишь у 13%. Например, цитируется выдержка из названия книги Д. Вальдшмидта «будь лучшей версией себя» [11]. Пятая часть участниц исследования вообще отказалась отвечать на столь чувствительный вопрос. Когда респондентов спросили о сверстницах из ближайшего окружения, они не согласились с утверждением,

что молодые женщины подражают знаменитостям в оформлении внешности и создании собственного имиджа.

По существу, эстетические вкусы людей отличаются разнообразием. Для того, чтобы обнаружить типичные представления о красоте женщины, в исследовании были использованы русские пословицы и поговорки, отражающие глубоко укоренившиеся стереотипы. 83% участниц исследования продемонстрировали взвешенный подход, выбрав такие пословицы, как «красота приглядится, а ум вперед пригонится», «истинной красоте не нужны украшения», «не родись красивой, а родись счастливой». Вместе с тем, 14%, связали красоту женщины с негативными характеристиками: «глаза лучистые, а мысли не чистые», «красна ягодка, да на вкус горька». Обнаружилось также и небольшое количество тех, кто указывает на материальный достаток («тот умен, кто богато наряжен») в противовес внешней привлекательности.

Противоречивое место в оценках молодых женщин занимает проблема модификации тела. Это и неудивительно: современная массовая коммуникация наполнена посланиями о привлекательности и престижности телесных модификаций. В обществе стираются различия между разными их видами — вынужденными (по медицинским или эстетическим показаниям) и связанными с саморазрушающими действиями (татуировками, пирсингом, шрамированием и т. п.). Психологи даже включают последние в разряд девиантного поведения. Они видят его глубинные причины в низком уровне развития самосознания и самоуважения, отсутствии рефлексии, неудовлетворенности собственным социальным статусом и неадекватной самооценке [12]; считают, что чаще всего к этому прибегают люди, имеющие антисоциальный, истероидный, мазохистский и нарциссический тип личности [13].

Участницы исследования разделились практически на две равные группы по отношению к пластической хирургии — с положительными и отрицательными характеристиками. Негативное отношение связано в большей мере с опасением по поводу вреда пластических вмешательств в принципе и недоверия к специалистам, которые делают такие операции. В то же время пятая часть молодых женщин убеждена в большей привлекательности естественного внешнего вида, а 5% отмечают недостаток материальных средств для пластической хирургии.

Вопрос об отношении к татуировкам вызвал неоднозначные реакции среди испытуемых, выявив серьезное противоречие между традиционными и массовыми культурными практиками. Зачастую казалось, что позиция формировалась как противодействие внешнему давлению со стороны социаль-

ных институтов семьи и образования. Сложилось следующее отношение к татуированию (приводятся самые интересные высказывания).

Положительное — 46%:

— восторженное, как к искусству («чем больше на улицах татуированных людей, тем больше произведений искусства на тех же улицах», «на данный момент тату является таким же искусством, как раньше было создание картин», «у меня их шестнадцать и, таким образом, я навсегда оставляю что-то важное для себя», «это круто, смотря на свои татуировки человек мотивируется», «тату — это класс!»);

— положительное, с выделением права распоряжаться своим телом («мое тело — мое дело», «каждый имеет право делать с собой то, что ему хочется и выглядеть так, как хочется», «это выбор каждой женщины»);

— положительное при определенных условиях («если закрывает шрам», «если несут смысл», «если небольшие и сделаны аккуратно», «если не уродуют и идут ее образу», «если нет аллергии на краску», «если не переборщить»);

— положительное, как способ самовыражения («я с татуировками чувствую себя красивой», «это возможность утвердить свою независимость», «помогает девушке чувствовать себя уверенно»).

Отрицательное — 18%:

— больше негативное, чем позитивное («в этом нет ничего привлекательного», «нравится естественная красота», «не вижу в этом смысла», «со временем у них ухудшается внешний вид», «процедура может быть опасной для здоровья», «это для мужчин, женщинам их делать не стоит»).

— крайне негативное («неэстетично», «вульгарно», «уродует», «захламляет тело», «ухудшает внешний вид», «тело — это храм»);

Нейтральное — 31%: («равнодушно, но себе бы делать не стала», «они же их делают себе, а не мне», «мне все равно», «нравится — делай, не нравится — не делай»).

Как видно, положительные и нейтральные оценки преобладают в значительной степени. Надо сказать, что отрицательное отношение к нанесению татуировок на тело растет по мере увеличения возрастного статуса.

Отдельно следует отметить, что лишь 2% участниц исследования для сохранения и улучшения своего физического облика ничего не предпринимают, полагая, что молодости достаточно. Остальные обращаются ко всевозможным методам и процедурам, используя разные подходы. Если их проранжировать, то первое место занимает оформление внешности с помощью косметики, парфюмерии, макияжа, красивой одежды и обуви (41%). Второе место отводится тщательному уходу за волосами, лицом, телом и косметологическим процедурам (33%). Третье место — поддержанию здорового образа жизни

(питанию, витаминам, БАДам — 18%). Модификация тела с помощью хирургического вмешательства, татуировок и пирсинга в реальной практике применяется 4% опрошенных.

Каково значение сексуальной привлекательности в имидже? В одном из исследований отмечалось, что наиболее выраженной стороной интервьюированных молодых женщин оказалась враждебная гетеросексуальность: они критически высказывались о внешности других женщин, негативно воспринимали чужую сексуальность и выдающуюся привлекательность [14, 70]. Нюансы представлений о роли сексуальной привлекательности молодых женщин Воронежа демонстрирует таблица 2.

Табл. 2. Роль сексуальной привлекательности в оценках молодых женщин, %

Оценка	%
Чрезмерное подчеркивание сексуальности граничит с дурным вкусом	35,0
Сексуальность внешности может быть опасной в местах развлечений — дискотеках, барах и т. д.	19,2
Молодым женщинам необходимо подчеркивать свою сексуальность, чтобы быть привлекательными	16,4
Сексуальность помогает молодой женщине в поиске партнера по браку	9,3
Лучшее украшение молодой женщины — это скромный вид	8,9
Сексуальные признаки в фигуре и одежде помогают найти работу	1,9
Другое	9,3

Самым главным для большинства оказалось акцентирование невысокой роли такого фактора, как сексуальность (63%). В то же время 16% убеждены, что необходимо подчеркивать сексуальность в личностном имидже. Каждая десятая молодая женщина рассматривает сексуальную притягательность в качестве бонуса при поиске партнера по браку или рабочего места.

Участницы 18–26 лет конкретизировали сценарий интервью оригинальными высказываниями:

— указали на индивидуальную позицию («если человеку это нравится, то пусть подчеркивает, это не должно порицаться обществом», «сексуальность женщины — ее личное дело», «женщина может быть сексуальной, если сама этого хочет», «каждый использует в своих интересах», «можно быть сексуальной где, когда и как хочешь!», «сексуальность — круто, можно быть одетой и «секси»);

— назвали пределы демонстрации сексуальности («в пределах разумного и при уместных обстоятельствах», «немного подчеркивать, чтобы не выглядеть вызывающе», «это важно, но в определенной степени», «мне нравится, когда сексуальность проявляется в элегантности», «это вещь интимная и ее надо показывать только партнеру», «молодой женщине необходимо разумно подчеркивать свою сексуальность»;

— считают, что сексуальность — естественное физиологическое и психическое состояние («сексуальность должна идти изнутри», «это внутреннее состояние, не зависящее от внешности и одежды», «сексуальный вид и сексуальность внутри нас — разные вещи», «истинную сексуальность не спрячешь»;

— отметили, что сексуальность связана с другими качествами личности («сексуальность — это уверенность», «можно быть сексуальной, но при этом скромной», «женская красота не равна сексуальности»);

— сместили акцент на права женщин и их социальные роли («женщин не нужно видеть как сексуальный объект», «зачем свою сексуальность показывать, можно подчеркнуть достоинства для себя, а не для похотливых мужчин»).

В результате проведенного исследования можно констатировать, что роль привлекательного внешнего облика для молодых женщин г. Воронежа высока, причем в их представлениях вполне рационально преобладают социально-психологические факторы над природными. Главным в позитивном имидже стали коммуникативная компетентность и эмоциональный интеллект. Судя по полученным данным, две проблемы оказались чувствительными для испытуемых — модификация тела и сексуальность, породив противоречивые оценки. По-видимому, сказывается эффект массовизации культуры с суггестивным влиянием селебрити, сетевой коммуникации, блогинга, а также индустрии красоты. В представлениях о желательном личностном имидже проявляются стереотипность восприятия и когнитивная простота. По мере взросления они заменяются на зрелый подход к внешней привлекательности как уникальных, а не стандартных характеристиках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лабунская В. А. Теоретические основы и методологические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» / В. А. Лабунская, Г. В. Сериков // Социальная психология и общество. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 91–103.
2. Осьминина А. А. О современных исследованиях проблемы психологии внешнего облика человека / А. А. Осьминина // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. СоциокINETика. — 2019. — № 1. — С. 58–63.
3. Лабунская В. А. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика / В. А. Лабунская, И. И. Дроздова // Российский психологический журнал. — 2017. — Т. 4. — № 2. — С. 202–226.
4. Антонова Н. В. Индивидуальный имидж как результат самоопределения личности / Н. В. Антонова, А. А. Дятлова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2011. — Т. 8. — № 2. — С. 59–68.
5. Мамаева В. Ю. Имидж как объект научного анализа и категория маркетинга / В. Ю. Мамаева, В. В. Мацько // Вестник Омского ун-та. Сер. Экономика. — 2017. — № 4 (60). — С. 92–104.

6. Каминская Н. А. Психологические средства формирования личностью образа своего внешнего облика: качественное исследование / Н. А. Каминская // Национальный психологический журнал. — 2017. — № 1 (25). — С. 73–82.
7. Жеребненко О. А. Социально-психологические особенности имиджа студента вуза / О. А. Жеребненко // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — 2014. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-imidzha-studenta-vuza> (дата обращения: 10.01.2021).
8. Сериков Г. В. Привлекательный внешний облик как «инструментальная ценность», его значимость в молодежной среде / Г. В. Сериков // Психолог. — 2018. — № 6. — С. 21–31.
9. Касабова И. С. Гендерные особенности самопредъявления девушек в межличностном общении и их связь с выбором одежды / И. С. Касабова // Российский психологический журнал. — 2015. — Т. 12. — № 4. — С. 184–192.
10. Дементий Л. И. Социально-психологические аспекты внешней привлекательности человека в культурно обусловленном контексте / Л. И. Дементий, Е. А. Варлашкина // Вестник Омского университета. — 2010. — № 4. — С. 247–254.
11. Вальдшмидт Д. Будь лучшей версией себя. Как обычные люди становятся выдающимися / Д. Вальдшмидт. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 208 с.
12. Фесенко Д. А. Влияние современной медиапродукции на подростковые стремления к модификации тела / Д. А. Фесенко, С. В. Книжникова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 37. — С. 161–165. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95655.htm> (дата обращения: 10.01.2021).
13. Березовская С. Психологические аспекты модификации тела / С. Березовская. — 2017. — Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/93386/> (дата обращения: 10.01.2021).
14. Захарова Е. К. Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения Миллениум / Е. К. Захарова, О. Б. Савинская // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 2. — С. 63–80.

Воронежский государственный университет
Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: kelan20042004@mail.ru

Voronezh State University
Krasova E. Yu., Candidate of History, Associate Professor of
the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kelan20042004@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ ВЬЕТНАМА

Н. Т. Ф. Хань

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые проблемы освещения в СМИ Вьетнама социальной мобильности молодежи. Это проблемы, влияющие на продвижение медийных текстов не только в специализированных изданиях для молодых людей, но и на массмедийном рынке в целом. Рассмотрены примеры журналистских противоречий в освещении данной проблемы, а также примеры влияния молодежной культуры на массмедиа и на специфику отражения социальной мобильности молодежи в «универсальных» СМИ.

Ключевые слова: текст, молодежь, медийный текст, социальная мобильность молодежи, воспитание подрастающего поколения, специфика освещения молодежной культуры в СМИ, амбивалентность политической ситуации во Вьетнаме, рынок труда.

Abstract: the article deals with some problems of mass media coverage of young people social mobility. Those are the problems influencing media texts promotion not only in specialized youth outlets but in the media market in general. Examples of ambivalent journalistic explication of the topic and some examples of young people culture impact upon mass media and particularly on universal editions are scrutinized as well.

Keywords: text, young people, media text, socio-labor mobility of young people, young people up-bringing, peculiarities of media coverage of young people culture, ambivalent political situation in Vietnam, labor market.

Проблемы молодежи давно стали постоянной частью проблематики массмедиа Вьетнама, что легко объяснить как демографической ситуацией в стране, так и ролью подрастающего поколения в социальной жизни. Медленный, но неуклонный переход к рыночной экономике вызвал к жизни социальный заказ на активных и инициативных людей, способных быстро усваивать новые правила поведения и стиля жизни. Мобильность стала важным понятием в документах партии и правительства Вьетнама. В социологии данный термин используют для характеристики подвижности общественной жизни, в частности для фиксации перехода человека из одной «страты» (социальной макрогруппы) в другую. Для журналистов важнее такая особенность мобильности, как смена места жительства, профессии, семейного положения, политического класса и т.п.

Особенно важна горизонтальная мобильность, связанная с передвижением больших групп молодежи из региона в регион, из страны в страну, из коллектива в коллектив. Если вертикальная мобильность ассоциируется в первую очередь с профессиональным ростом, с карьерой, движением вверх с использованием «социальных лифтов», то горизонтальная мобильность характеризует жажду человека к поиску нового, к новым горизонтам познания. Она подталкивает молодых людей к поиску работы за пределами родной деревни. Социальная мобильность

молодежи, т.е. «процессы и результаты перемещения индивидов молодежного возраста с одних позиций, статусов на другие» [1], стала показателем прогресса, что и обусловило ее важность не только для воспитательной работы, но и для развития вьетнамских СМИ в наше время. В универсальных изданиях тема мобильности населения звучит постоянно, в первую очередь в центральной партийной прессе, в газетах «Нян Зан» («Народ») и в приложениях этой газеты (Nhân Dân cuối tuần, Nhân Dân hằng tháng), в популярных газетах «Труд», «Новый Ханой», «Просвещение» («Хаи Хоа», а также в сетевых изданиях «Молодость» (Tuoitre), «Вээнэкспресс» (Vnexpress), «Грамотность» (DanTri). Сравнительно недавно появилась онлайн-газета «Россия.ком» (Baonga.com), созданная для вьетнамцев, живущих в РФ. На русском языке функционирует сайт «Нят-Нам.ру», где, например, много внимания уделено такому драматическому явлению, как пандемия COVID-19 [2].

Роль вьетнамской молодежи в современной жизни очень велика, как и роль молодежи в других странах, поэтому особенности молодежной культуры основательно изучаются в работах вьетнамских, русских и европейских исследователей [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Вьетнамская молодежь является не особым социальным классом, но количественно значимой социальной группой, основной надеждой проводимых реформ. Вьетнамские молодые люди присутствуют и в рабочем классе, и в классе интеллигенции. Молодежь не является «классом», но имеет связи

со всеми стратами и классами общества. Молодежь присутствует в общественной жизни как активный участник реформ в экономических, культурных, социальных сферах, о чем уже говорили российские и вьетнамские (особенно вьетнамские) ученые.

Работ о СМИ Вьетнама немало, среди них можно встретить и исследования о молодежных СМИ. Например, в 2018 г. вьетнамским исследователем Хо Тхань Тунгом в РФ была защищена диссертация, посвященная проблемам молодежи в СМИ Вьетнама, автор которой справедливо писал: «Являясь важным элементом системы воспитания детей и подростков, молодежная журналистика активно взаимодействует с другими компонентами СМИ, адресованными молодой аудиторией (с телевидением и радиожурналистикой), а также с различными социальными институтами, принимающими участие в педагогическом процессе (образованием, наукой, культурой)»... Молодежная журналистика Вьетнама непрерывно совершенствуется: расширяется типология и тематика печатных изданий, активно развивается Интернет и сетевые молодежные издания» [6, 9]. В то же время, как нам кажется, в работах историков вьетнамских молодежных СМИ в должной мере пока не выявлено значение для журналистики проблемы социальной мобильности. К тому же культура молодежи меняется очень быстро и появляется много новых особенностей. Вьетнамские ученые, естественно, пишут о своей стране больше, чем русские, но у русских авторов больше фундаментальных теоретических работ, особенно в области политологии и социологии, где речь идет о проблемах молодежи, о ее социализации и мобильности. Отсюда вытекает и задача — адаптация научных достижений российских авторов к конкретной ситуации во Вьетнаме. Сегодня это важнейшая задача вьетнамской науки о массмедиа.

В последние годы сама тема молодежи, т.е. людей от 13–15 до 25–30 лет, стала более определенной категорией не только в социологии, но и в науке о СМИ. В азиатских развивающихся странах, в том числе и во Вьетнаме, глобализационные процессы определили функционирование и «лицо» (образ) газет и журналов, приблизив его к мировому стандарту. Проблемами молодежи остаются образование, поиск работы, брак и семья, особенно жилищная проблема, культурное развитие личности. Унификация требований повысила стандарты качественной молодежной журналистики, но развлекательные тенденции количественно преобладают и в этой сфере, что делает проблему баланса интересов компетентной элиты и малокомпетентных групп населения очень острой. В этом вопросе важна роль общей грамотности подрастающих поколений: образование (как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином установленных государством образовательных

уровней» [10]) является ключевым мотивом таких журналов, как «Вьетнамский студент», «Молодежь», «Молодежь в конце недели» и т.п.

В этих журналах подчеркивается, что целью образования является развитие личности, усвоение общественных норм, подготовка к самореализации в обществе, но одной из серьезных «болезней» образования Вьетнама, которая противодействует цели воспитания, является «бег за достижениями» [8]. «Бег за достижениями» в системе образования Вьетнама — это погоня за числом отличников, это неправдивый результат образования в отчетах. Проверки партийных комиссий показали несоответствие оценок в дипломах и реальных знаний учащихся. Дети и юноши, которые обучались в Европе, в РФ, показали гораздо лучшие результаты, чем те, кто учился дома.

«Вьетнамский студент» — самый читаемый журнал среди молодежи от 19 до 25 лет — регулярно и критически освещает проблему дутых показателей. Так, в аналитической статье Кэ Шона «Почему набор в колледжи и средние школы превышает квоту?» говорится о диспропорции между количеством мест в училищах и старших классах школ и желающими учиться. Казалось бы, желание людей естественно, получить хорошую профессию хотят все, но государство пока не может всем желающим предоставить места за партой. А отбор в колледжи, как и в вузы, по набранным в школе баллам, часто не соответствует принципу социальной справедливости: отсюда и квотирование мест. Журналист справедливо задает вопрос: «Не станет ли квотирование фильтром для бедных, который помешает в их самоопределении?» [11]. Кэ Шон также написал интересную обзорную статью «Движение студентов-отличников набирает обороты», где зафиксировал успехи настоящих отличников, которым выгодна честная конкуренция и система «реальных показателей, а не липовая отчетность» [12]. Голоса критиков старой номенклатуры звучат все резче. Характерно название статьи в онлайн-журнале «Молодежь»: «Вьетнамские люди пьют пиво и водку больше в 3 раза, чем молоко» [13].

Читая материалы в Интернете, легко увидеть, что наркомания стала большим вопросом. Раньше подобные факты скрывались. Проблемы наркомании среди молодых людей стали обсуждаться только в этом веке. В 2016 г. в Ханое состоялся XII съезд Коммунистической партии Вьетнама, на котором, отталкиваясь от решений предыдущих съездов, коммунисты вскрыли недостатки в области экономики и политики, в работе самой партии, в том числе и в работе с молодежью. Аналитик Хоанг Ти Бао писал: «Много недостатков и слабых сторон имелось в организации работы чиновников и членов партии в различных партийных организациях и местных органах власти» [14, 35–37]. Слабой была признана и работа молодежных организаций. Критиковали и Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши

Мина (2,6 млн. членов), который справедливо считается резервом партии. На съезде заявлялось, что «...обновление не стало пока комплексным и всесторонним. Механизмы рыночной экономики социалистической ориентации совершенствуются медленно, нет прорывных механизмов, чтобы ускорить развитие. Не удалось достичь поставленной цели — создать фундаментальную основу для превращения Вьетнама в современную индустриальную страну» [15].

Мы не можем без учета ситуации в стране и в партии прояснить роль и положение образования, особенно роль молодого поколения, для которого образование — одна из высших ценностей, способ повысить свой статус в обществе. Такая национальная проблема была откровенно проанализирована в интернет-СМИ, в передовом обществе Вьетнама в 2007 г., но и после периода более 10 лет, похоже, ситуация повторилась. Снова проверка, и снова плохие результаты. Министры в ряде случаев потеряли портфели, но ситуация остается очень сложной. С точки зрения развития культуры хотя и не так быстро, но меры партии и государства уже создали важные предпосылки для создания инновационного информационного общества, общества знаний. Активность молодежи, к которой призывали коммунисты, также дала неожиданные результаты: люди стали задавать резкие вопросы руководителям и депутатам. В нашем веке возник компромиссный вариант социалистической идеологии, который политики и ученые связывают с понятием «коммунитаризма» [13]. Цель проводимой реформы: стимулировать социальную мобильность, преодолеть застой, дать свободу самоуправления в сельских коммунах и в городском сообществе, предоставляя больше прав молодежи на местах. Исследователь Хыу Нгок писал: «Мы можем превратить вьетнамскую культуру в культуру, основанную на сообществе людей труда, имеющих свой рынок труда внутри страны и за рубежом, подразумевая, что это будет демократическое сообщество, не знающее тотального контроля спецслужб [13]. Судьба каждого будет зависеть от личных заслуг и трудолюбия. Социальный лифт будет открыт для всех.

Изучение СМИ, в том числе и журналов для молодежи, показало, что данный тип медийной продукции имеет перспективы роста; расширение читательской аудитории во многом связано с повышением уровня грамотности молодых людей, что также связано с социальной мобильностью молодежи. После решительных инноваций, причем не только экономических, ситуация в стране изменилась к лучшему. Сегодня журналистика Вьетнама открыто критикует плохие привычки граждан.

Целью партии и государства является: построить во Вьетнаме материальную и духовную культуру, соответствующую мировым стандартам. Это будет культура, которая проникнута идеей национальной

самобытности. И молодежь была признана целью государственной политики. Комментарии ученых по проекту политического отчета ЦК партии на XII съезде показывают, что в стране есть много людей, которых раздражает образовательная политика КПВ, однако мы видим, что об этом пока мало информации в СМИ, как нет и информации, которая подтвердила бы факт выполнения решений съездов.

Главное, о чем просят молодые люди, — дать шанс на получение образования, нормальной работы и условий для создания семьи. Национальные СМИ, находясь в условиях цензуры и самоцензуры, пока не освещают всех проблем, но начало уже положено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева А. И. Социальная мобильность молодежи / А. И. Ковалева. — Режим доступа: <http://soc-mol.ru/> (дата обращения: 10.01.21).
2. Трофимчук Г. Пандемия коронавируса усугубила обстановку в Южно-Китайском море / Г. Трофимчук. — Режим доступа: <http://www.nhat-nam.ru/index.html> (дата обращения: 10.01.21).
3. Аврамова Е. М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности / Е. М. Аврамова, О. А. Александрова, Д. М. Логинов // *Общественные науки и современность*. — 2004. — № 6. — С. 47–59.
4. Гришин В. А. Субкультура и ее проявления в молодежной среде / В. А. Гришин // *Общественные самодетельные движения проблемы и перспективы*. — М, 1990. — С. 56–61.
5. Локшин Г. М. Некоторые особенности идейно-политической жизни Вьетнама до и после XI съезда КПВ / Г. М. Локшин // *Вьетнамские исследования*. — 2011. — Вып. 1. — С. 30–35.
6. Хо Тхань Тунг. Вьетнамский журнал «Молодежь в конце недели»: функции, темы, жанры, оформление / Хо Тхань Тунг // *Проблемы массовой коммуникации: новые подходы: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* — Воронеж: ВГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 101–103.
7. Хорольский В. В. Доверие к СМИ и ценностные ориентиры журналистики: культурологический взгляд на сегментацию аудитории / В. В. Хорольский // *Язык, право и общество в координатах массмедиа. Сб. мат.-лов III Международной научно-практической конференции* (Москва, 25–26 сентября 2019 г.). — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. — С. 447–451.
8. Huong Nguyen. Trào lưu phượt của giới trẻ. Hân hoan mà cũng lắm tai ương đáng lòng // tintuc.vn / Nguyen Huong. — Режим доступа: <http://dancongsan.vn.> (дата обращения: 10.01.21).
9. Хо Тхань Тунг. Молодежная периодическая печать Вьетнама: история, теория, практика: дис. ... канд. филол. наук / Хо Тхань Тунг. — М., 2018. — 166 с.
10. Федеральный закон «Об образовании» от 16.11.1997 № 12-ФЗ // *Федеральный закон «Об образовании» (с комментариями)*. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.

11. Кэ Шон. Почему набор в колледжи и средние школы превышает квоту / Кэ Шон. — Режим доступа: <https://svvn.tienphong.vn/svvn-giao-duc/vi-sao-tuyen-sinh-cao-dang-trung-cap-vuot-chi-tieu-1773631.tpo>.-URL: <https://svvn.tienphong.vn/> (дата обращения 11.01.21).

12. Кэ Шон. Движение студентов-отличников набирает обороты / Шон Кэ. — Режим доступа: <https://svvn.tienphong.vn/https://svvn.tienphong.vn/svvn-giao-duc/phong-trao-sinh-vien-5-tot-co-buoc-phat-trien-manh-me-1770561.tpo> (дата обращения: 10.01.21).

13. Нуу Нгос. — Режим доступа: <http://www.honvietquochoc.com.vn/bai-viet/3036-vai-y-kien-ve-tinh-cong-dong-cua-nguoi-viet-duoi-goc-hoa.aspx> (дата обращения: 10.01.21).

14. Хоанг Ти Бао. Новые теоретические подходы в документах XII съезда компартии Вьетнама / Хоанг Ти Бао // Вьетнамские исследования. — 2017. — № 6. — С. 35–37.

15. Политический доклад ЦК КПВ XII съезду партии. — Режим доступа: <http://vov.vn> (дата обращения: 10.01.21).

Воронежский государственный университет

Н. Т. Ф. Хань, магистрант факультета журналистики

E-mail: nphanh.96@gmail.com

Voronezh State University

N. T. F. Hanh, Master Student of the Faculty of Journalism

E-mail: nphanh.96@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОЙ РЕКЛАМЫ В АНГЛИИ XVII–XVIII ВВ.

М. И. Пивоварова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2021 г.

Аннотация: цель данной статьи — рассмотреть особенности брачной рекламы в Англии XVII–XVIII вв. и определить правомерность термина «реклама» в отношении объявлений такого типа.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, Англия, история рекламы, брачная реклама.

Abstract: the article aims at exploring the peculiarities of matrimonial advertising. The author dwells on the validity of the term «advertising» as applied to texts of this kind.

Keywords: advertising, advertising text, England, history of advertising, lonely hearts ads.

История объявлений о знакомстве насчитывает не одно столетие: первое подобное объявление появилось еще в конце XVII века в Англии. Стоит отметить, что и английская пресса родилась в том же столетии. Джон Хоутон стал первопроходцем в этой области: «Сопrotивляясь засилью рекламы в своем уважаемом еженедельнике, Джон Хоутон под давлением обстоятельств решился на беспрецедентный в массовой коммуникации шаг — публикацию интимной межличностной рекламы» [1, 120]. В конце XVII в. подобные объявления были непривычны публике, но Хоутон смог сделать новую услугу исключительно популярной. Его заслуга как рекламиста заключалась в том, что он приравнял заключение брака к рекламе рабочих мест, недвижимости или новых товаров [2]. При этом стоит отметить тот факт, что сам Хоутон ручался за достоверность данных сообщений и полную конфиденциальность, о чем сообщил читателям на страницах своего еженедельника «A Collection for the Improvement of Husbandry and Trade».

В рамках данной публикации мы постараемся исследовать роль подобных объявлений. Нас, прежде всего, интересует вопрос, являются ли брачные объявления рекламными или стоит развести две группы объявлений? В XVII в. подобные сообщения не выделялись в отдельную категорию и были размещены на газетной полосе вместе с остальными рекламными посланиями. В рамках настоящей публикации мы рассмотрим, что роднило рекламные и брачные объявления, а что отличало их. Для этого обратимся к известным моделям рекламного воздействия.

Модель рекламного воздействия AIDA, предложенная в 1896 г. американским рекламистом Элмером Левисом, представляет собой последовательность следующих реакций: A (attention — внимание), I (interest — интерес), D (desire — желание), A (action — действие). Вначале привлекается внимание потенциального потребителя, следующий шаг предусма-

тривает возбуждение интереса, который приводит к желанию обладать, и, наконец, происходит желаемое действие (то есть покупка). Существует также другая интерпретация символов в модели AIDA: Awareness — Interest — Desire — Action: (осведомленность — интерес — желание — действие). Модификацией AIDA является модель AIDCA, в соответствии с которой реклама привлекает внимание (attention), поддерживает интерес (interest), возбуждает желание (desire), добивается доверия потребителя (confidence) и вызывает действие по приобретению товара (action). И если традиционную рекламу можно с легкостью вписать в одну из представленных моделей, то можно ли подобное сказать и про так называемую брачную рекламу?

А теперь обратимся к брачным объявлениям XVII в. В издании Хоутона «A Collection for the Improvement of Husbandry and Trade» появились первые брачные объявления и объявления о знакомстве: *A Young Man about 25 Years of Age, in a very good Trade and whose father will make him worth £1000, would willingly embrace a suitable Match. He had been brought up a Dissenter with his Parents, and is a sober Man* (A Collection for the Improvement of Husbandry and Trade, 19.07.1695).

Молодой человек примерно 25 лет, владеющий хорошим ремеслом и наследством в 1000 фунтов стерлингов, охотно выберет подходящую партию. Он воспитывался в пуританских традициях и является трезвенником (пер. с англ. М. Пивоваровой).

Как видно из текста данного объявления, первые три элемента из формулы AIDA (attention, interest, desire) раскрываются при помощи перечисления основных достоинств молодого человека. В качестве добродетелей и преимуществ на первый план выходят доход, ремесло, воспитание. Рассмотрим еще одно брачное объявление XVII в.: *A gentleman of about 30 years of age that says he has a very good estate would willingly match himself to some good young gentlewoman that has a fortune of £3000 or thereabout...* (A Collection for the Improvement of Husbandry and Trade, 19.07.1695).

Джентльмен в возрасте около 30 лет, владеющий, по его собственным словам, добротным поместьем, охотно возьмет в жены благовоспитанную женщину с состоянием приблизительно в 3000 фунтов... (пер. с англ. М. Пивоваровой).

Можно сказать, что данное объявление также вписывается в упомянутые выше рекламные формулы, однако в данном случае появляется дополнительный элемент, а именно связанный с требованием к потенциальной избраннице, например брачное объявление, данное «фермером приятной наружности» предъявляет следующие требования к даме: *...a young, good-tempered female... She must not exceed 20, unless she be a widow, whose family must not exceed six. Want of beauty would be no kind of objection, provided she possessed from 1000l. to 2000l* [3, 492].

...Молодая женщина с добрым характером... Не старше 20 лет, если только она не вдова, ее семья не должна быть больше шести человек. Привлекательная внешность приветствуется, при условии, что ее состояние составляет от 1000 до 2000 фунтов (пер. с англ. М. Пивоваровой).

Таким образом, представляя брачные объявления в виде рекламных формул, можно ввести дополнительный элемент R (requirement/требование) в модель AIDA, таким образом, получится новая модель AIDRA. При этом стоит отметить позицию нового элемента — после этапов Interest и Desire. Довольно часто именно элемент R получался более распространенным, чем описание, призванное вызвать интерес и желание реципиента. Это описание могло включать широкий спектр характеристик — от внешности до состояния потенциальной избранницы.

Объявления о знакомстве и межличностная переписка на страницах газет, начатая Джоном Хоутоном, получили продолжение в XVIII столетии: *Wanted, by a young Gentleman just beginning house-keeping, a Lady between eighteen and twenty-five Years of age with a good Education and a fortune not less than 5000 lb; Five Feet Four Inches without her Shoes; not fat, not yet too lean; a clear Skin, sweet Breath, with good set of Teeth; neither Pride, no Affectation; not very talkative, nor one that is deemed to Scold; of a Charitable Disposition; not one fond of Dress, though always decent and clean...* (The Daily Advertiser, 06.12.1777).

Молодому джентльмену, только что приступившему к ведению хозяйства, требуется леди в возрасте от 18 до 25 лет с хорошим образованием и состоянием не менее 5000 фунтов; ростом в пять футов и четыре дюйма без обуви; не полная, но и не худая; с чистой кожей, свежим дыханием и здоровыми зубами; не гордую, не жеманную; не очень разговорчивую и не сварливую; со склонностью к благотворительности; равнодушную к нарядам, но всегда чистую и опрятную... (пер. с англ. М. Пивоваровой).

Данное объявление также вписывается в предложенную нами формулу, так как большую его часть составляет описание требований к будущей супруге. При этом происходит редукция элементов attention — interest — desire. Описание самого джентльмена представлено скупой и сводится лишь к одному предложению. В то же время требования к даме представлены очень подробно и относятся как к внешности и физиологическим характеристикам, так и характеру избранницы.

Безусловно, такие объявления XVII–XVIII вв. сложно назвать рекламными в чистом виде, хотя они и публиковались в общем блоке вместе с другой рекламой. Брачные объявления и объявления о знакомстве не являются рекламными в строгом понимании. Такие объявления можно считать квазирекламой. При этом в историческом плане они представляют собой уникальный объект изучения, потому что стали явным новшеством для прессы того времени и прототипом современных объявлений о знакомствах сперва в прессе, затем на специализированных сайтах знакомств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ученова В. В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа: учебник для студ. вузов / В. В. Ученова, Н. В. Старых. — М.: ЮНИТИ, 1999. — 335 с.
2. Online Dating and the Origins of the Lonely Hearts Ad. — Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/united-kingdom/england/london/articles/Online-dating-and-the-origins-of-the-lonely-hearts-ad/> (дата обращения: 15.06.2021).
3. Sampson H. History of Advertising from the Earliest Times / H. Sampson. — London; New York: Routhledge, 1974. — 658 p.

Воронежский государственный университет
Пивоварова М. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: maria-pivovarova@yandex.ru

Voronezh State University
Pivovarova M. I., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: maria-pivovarova@yandex.ru

РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВУЗОВСКИХ ИЗДАНИЙ В 1920–50-Х ГГ.

А. В. Прохоров

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 11 февраля 2021 г.

Аннотация: статья посвящена отдельным аспектам диахронического анализа вузовской периодики в целях определения спектра задач, решаемых вузовскими газетами и журналами в 1920–50-х гг. Значение общевузовских газет и журналов, а также стенных газет факультетов, курсов, общежитий, наглядно прослеживается в критических материалах университетских изданий того времени. В них обозначаются задачи изданий, связанные с политической пропагандой, реализацией воспитательной и регулирующей функций, отражением научной и учебной деятельности вуза; говорится о чрезмерной «слащавости» отдельных материалов, о необходимости обсуждения конкретных проблем функционирования вуза и работы коллектива, нередко указывается на недостатки художественного оформления изданий.

Ключевые слова: вузовская пресса, стенная газета, периодическое издание, вуз.

Abstract: the article is devoted to certain aspects of diachronic analysis of university periodicals in order to determine the range of tasks solved by university newspapers and magazines in the 1920–50s. The importance of university periodicals, as well as wall newspapers of faculties, courses and dormitories, is clearly seen in the critical materials of university publications of that period. They indicate the aims of periodicals related to political propaganda, implementation of educational and regulatory functions, reflection of scientific and educational activities of a university; characterizes materials of periodicals as “too much” positive, states that there is a need to discuss specific problems of university functioning, points the shortcomings of design of periodicals.

Keywords: university press, wall newspaper, periodicals, university.

Изучение вузовской периодики в историческом аспекте представляет интерес в русле определения задач, которые данные издания решали на разных этапах развития вуза в зависимости от социально-экономического и политического контекстов. Исследовательское внимание к вузовской прессе также определяется тем, что она выступает источником достоверной информации, летописью жизни вузов, позволяет проследить трансформацию университетов в вопросах поиска собственной идентичности, культивируемых ценностей, преследуемых приоритетов развития, а в последние годы выполняет функции корпоративного медиа, влияющего на формирования корпоративной культуры вуза, его имиджа и бренда [1].

В специальной литературе представлен корпус публикаций, посвященный исследованиям истории становления и трансформации вузовской прессы в ведущих вузах страны — Москвы, Санкт-Петербурга, Томска (А. Болкунов, И. Кузнецов, О. Минаева, О. Бакулин, Л. Дергачев, Ю. Наумов, В. Лисович, Н. Жиликова и др.), а также в провинциальных вузах (В. Рушанин, Ж. Леденева, А. Кондратенко, Г. Старкова, Ю. Чемякин и др.).

Появление первых периодических изданий в России связывают с развитием университетской сферы

и сферы студенчества [2; 3]. В январе 1703 г. вышел в свет выпуск первого печатного номера газеты «Ведомости», что было обусловлено развитием идей просвещения и образования [2, 74]. Материалы первых выпусков были посвящены вопросам военной мощи государства и образования.

В 1727 г. газета «Ведомости» были переданы в ведение Академии наук, а позже переименованы в «Санкт-Петербургские ведомости». Редактором главной газеты страны стал студент Академии — немец Герхард Фридрих Миллер, который впоследствии стал преподавателем, а позже — ректором Санкт-Петербургского университета [2, 74].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» и бесплатное приложение к ней «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (издавалось с 1728 г.), которое считалось первым российским журналом, своей главной целью ставили просвещение [2]. В то же время было очевидно, что выпуск печатных изданий не мог решить всех просветительских задач в России, поэтому было введено обязательное обучение.

Вторая российская печатная газета — «Московские ведомости» Императорского Московского университета — стала первым вузовским периодическим изданием и единственным печатным городским изданием Москвы. Издание появилось благодаря ини-

циативе М. В. Ломоносова. Московский университет получил привилегию «держатъ свою собственную типографию и выпускать свою собственную газету» [2, 75]. До середины XIX в. «Московские ведомости» считались самой крупной газетой в России, опережая по тиражу другие периодические издания [2, 75].

С развитием вузов в регионах происходило становление университетской и студенческой прессы. Вузовские газеты того времени справедливо считались достоверными историческими источниками, иллюстрирующими функционирование вузов в определенные периоды. Считается, что расцвет официальной вузовской прессы в России пришелся на 1910–20-е годы, что связано с рядом факторов, среди которых называется рост самосознания учащейся молодежи, повышение их социальной активности, а также политика советского государства в плане усиления роли партийно-государственной пропаганды. Практически во всех крупных вузах страны появились свои периодические издания, собственные газеты появились на факультетах, отделениях и даже курсах [2, 78].

Чтобы оценить роль периодических изданий в реализации внутренних коммуникаций, обеспечении решения задач партийной пропаганды, достаточно обратиться к материалам вузовской прессы, среди которых мы встречаем критические материалы, посвященные проблемам функционирования вузовских изданий разных уровней (от общевузовских газет и журналов до стенных газет факультетов, курсов и учебных групп). Нередко на страницах официальных университетских изданий предметной критике подвергаются стенные газеты факультетов, курсов, общежитий, которые были призваны выполнять образовательную и воспитательную функции, а широкое распространение стенгазет объяснялось их оперативностью, малозатратностью и простотой выпуска.

В Уральском госуниверситете в 1920-х гг. издавался журнал «Студент-рабочий», который распространялся платно, по подписке. Интересной представляется подписная кампания издания, что прослеживается в рекламных сообщениях, содержащихся в «Студент-рабочий»: *Студенческая печать освещает жизнь и работу пролетарского студенчества. Студент-уралец должен быть в курсе этой работы.*

А потому мы выдвигаем лозунг:

На каждого студента-уральца 1 номер журнала «Студент-Рабочий».

На каждый десяток 1 экземпляр «Красной молодежи» (орган. Центр. Бюро Пролет. Студенчества)¹.

В данном рекламном сообщении прослеживается посыл, определяющий роль молодежных изданий в поддержке социальной активности учащейся молодежи.

На страницах журнала «Студент-рабочий» обсуждается качество работы редакции издания. В но-

ябрьском выпуске за 1924 г. в статье А. Теплякова *К юбилею «Студента-Рабочего»* подводятся промежуточные итоги работы издания, отмечается его качественный прогресс: *28 ноября исполнилось 4 года «Студенту-Рабочему». Из тетрадошки в 8 страниц, написанной от руки, он превратился в «солидный» печатный журнал. За 4 года вышло 17 номеров². В то же время отмечаются и недостатки журнала: В каждом из них, начиная с первого и кончая последним, много недостатков. Опытный журналист, может быть, посмеялся бы над ними и нашел бесценными... Но для нас они дороги и близки. В них выпукло отразилась четырехлетняя борьба пролетарского студенчества за новую школу, медленная постройка этой новой школы руками пролетарского студенчества <...> [4, 35].*

В Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского с 18 марта 1930 г. по 11 июля 1931 г. выходила газета «За пролетарские кадры». С 7 ноября 1934 г. по 20 декабря 1935 г. издается газета «За научные кадры». С 1 декабря 1936 г. по 3 января 1957 г. издается газета «Сталинец», с 12 января 1957 г. по 17 октября 1991 г. газета Саратовского госуниверситета носила название «Ленинский путь», после чего была переименована в «Саратовский университет».

На страницах изданий Саратовского госуниверситета в разные годы мы встречаем критические обзоры стенных газет. В газете «За научные кадры» статья «Организуем соревнование стенных газет» начинается с фразы «Наши стенгазеты работают плохо». Данный тезис получает конкретизацию в тексте заметки Н. Успенского: *Вместно основной задачи — быть организаторами студенчества за высокое качество учебы — они занимаются лишь отражением голых фактов³. Стенгазета физмата «Электрон» подвергается критике за умалчивание имен виновников плохой работы, а в качестве недостатков стенгазеты «Биолог» названо отсутствие «внимания на художественную сторону и культурность языка»⁴. В статье предлагается объявить внутривузовский конкурс стенгазет под лозунгом «Стенгазеты на борьбу за выполнение учебного плана, на борьбу за овладение наукой», что по замыслу могло бы поднять «работу печати на должную высоту».*

В газете «Сталинец» (18 декабря 1936 г., № 4) в рубрике «Обзор печати» выходит материал «Не повторять ошибок», в котором обсуждается качество работы редакции стенгазеты химического факультета «За кадры». В частности, приводится впечатление о первых двух номерах издания: *Художественно хорошо оформленная газета наводила скуку своими длинными, написанными сухим языком, статьями⁵.*

² Там же. 1924. № 10.

³ За научные кадры. 1934. № 3. 13 дек.

⁴ Там же.

⁵ Сталинец. 1936. № 4. 18 дек.

¹ Студент-рабочий. 1925. № 1.

В последующие номерах отмечаются положительные изменения: *Вышедший на днях № 3 выгодно отличается от предыдущих. На этот раз газета дала короткие, живые заметки, метко бьющие по конкретным недостаткам в учебе, быту, в комсомольской работе*⁶. В статье обозначается роль стенной газеты. Стенная газета была призвана стать «коллективным агитатором, пропагандистом и организатором». Кроме того, она должна отражать жизнь коллектива, но «Газета «За кадры» в № 3 этого не делает и это решающее в отрицательной оценке номера»⁷.

В 1934–1935 гг. на страницах издания «За качество кадров» Томского государственного университета особое внимание уделяется стенгазетам, для чего выделена рубрика «Обзор печати», в которой представлены материалы «Боевой листок»⁸, «Наши стенгазеты и чистка партии»⁹, «За высокое качество оформления стенгазеты»¹⁰ и др. В частности, на химфаке Томского госуниверситета выпускалась стенная газета «За кадры». В обзорах прессы указываются положительные стороны издания, в то же время жесткой критике подвергается организация работы газеты. Редакция стенгазеты «За кадры» нарушает периодичность издания: вместо заявленного одного выпуска в 10 дней за 4 месяца вышло в свет лишь четыре номера. Значительная доля публикаций носит формальный характер и «написана, очевидно для того, чтобы занять место в газете». В резюме обзора «В стороне от подготовки к сессии» отмечены недостатки работы редакции издания: «Редколлегия, по-видимому, забыла, что газета без хорошо организованного актива корреспондентов не может стать коллективным организатором и пропагандистом»¹¹.

Положительно характеризуется стенная газета «Боевой листок» учебной группы № 19. Отмечается, что газета выходит каждые пять дней, в выпуске издания задействована вся группа. Материалы «Боевого листка» отражают задачи, которые стоят перед университетом и самой учебной группой. В заметке также говорится: *В «Боевом листке» систематически освещается партийное просвещение и жизнь партгруппы. Можно было бы привести целый ряд фактов, характеризующий «Боевой листок» как оперативную, боевую газету, газету интересную и имеющую большой актив корреспондентов*¹².

К недостаткам «Боевого листка» относят низкий уровень художественного оформления издания: указывается, что «бедны рисунки и нет карикатур,

именно острых, ядовитых карикатур». Преодоление указанных недочетов, по мнению автора заметки, позволит изданию стать передовой газетой вуза.

В обзоре «За высокое качество оформления стенгазеты» в фокус конструктивной критики попадает стенная газета общежития по Ленинскому проспекту № 36. В частности, отмечается небрежное оформление, отсутствие карикатур. В содержательном плане от газеты ожидают реализации воспитательной функции. В материале обозначается статус корреспондента издания как «командира общественного мнения», что характеризуется как «дело великое для каждого студента»¹³.

На страницах газеты «Народный учитель», которая издавалась в Тамбовском государственном педагогическом институте начиная с 1957 г., подводятся итоги первых лет работы издания. К позитивным моментам относят тот факт, что издание заняло прочное место в коллективе в качестве площадки для обмена мнениями и опытом: *Наша многотиражная газета прочно вошла в жизнь коллектива. Организация ее значительно оживила обмен практическим опытом в работе профессорско-преподавательского состава и студентов, обмен мыслями по разного рода проблемам*¹⁴. Среди проблем называются отсутствие «достаточно большого авторского коллектива как среди студентов, так и, особенно, среди профессорско-преподавательского состава». В тематическом плане указывается на слабую пропаганду «опыта работы лучших учебных кабинетов, кафедр, отдельных преподавателей и лаборантов институтов»¹⁵. В последующих выпусках «Народного учителя» прослеживается усиление внимания к результатам работы учебных и научных структурных подразделений вуза.

Наряду с печатным изданием «Народный учитель» в Тамбовском государственном педагогическом институте сложились традиции стенных газет. Так, в 1959 г. целая полоса в газете «Народный учитель» была отдана под рубрику «Колючка», которая готовилась редколлекцией сатирической стенной газеты филологического факультета. На страницах издания отмечается роль стенных газет в жизни факультетов («Трудно переоценить значение стенной печати, которая является отображением жизни на факультете»), в том числе в целях реализации регулирующей функции в коллективе: *Значение наших стенгазет определяется тем, как они помогают в повышении успеваемости, дисциплины, т.е. как они служат решению тех задач, которые стоят перед коллективом.*

С начала учебного года прошло уже около 5 месяцев, а газета филологического факультета «Слово» еще не вышла. Неужели студентам филфака нече-

⁶ Сталинец. 1936. № 4. 18 дек.

⁷ Там же.

⁸ За качество кадров. 1934. № 26. 14 дек.

⁹ Там же. 1934. № 24. 7 ноября.

¹⁰ Там же. 1934. № 25. 19 ноября.

¹¹ Там же. 1935. № 1. 4 янв.

¹² За качество кадров. 1934. № 26. 14 дек.

¹³ Там же. 1934. № 25. 19 ноября.

¹⁴ Народный учитель. 1959. № 15. 11 мая.

¹⁵ Там же.

го сказать в своем «Слове»? Почему газета «Слово» молчала около пяти месяцев?¹⁶

И если в работе редакции стенной газеты «Слово» усматриваются недостатки, то газета филологического факультета «Колючка» приводится в качестве примера. В статье, в частности, отмечается, что «совсем по-иному обстоят дела с другой газетой филологического факультета — «Колючкой». Каждый номер «Колючки» (вышло 3 номера) отличается от другого не только новизной материала, но даже и художественным решением. Карикатуры нарисованы в газете оригинально, едко». В то же время говорится о недостатках — «своеобразной слащавости, которая не выражает самого духа сатирической газеты»¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ критических обзоров вузовских газет на страницах университетской прессы позволил обозначить основные задачи, которые были призваны решать издания в данный период. К числу основных направлений можно отнести реализацию образовательной, воспитательной и познавательной функций. Кроме того, вузовские

издания, в том числе стенные газеты, были призваны стать площадками, активизирующими социальную активность учащейся молодежи, местом для обмена мнениями, в связи с чем в критических материалах указывается, с одной стороны, на необходимость повышения качества публикуемых материалов и художественного оформления, с другой — на необходимость более массового участия студентов в работе изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров А. В. Периодика отечественных региональных вузов в ретроспективе / А. В. Прохоров // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2020. — № 7 (32). — С. 4.
2. Болкунов А. Н. Возникновение и развитие студенческой периодики в России / А. Н. Болкунов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — Т. 8. — № 2. — С. 74–82.
3. Болкунов А. Н. Типология студенческой прессы России начала XXI века / А. Н. Болкунов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2009. — Т. 9. — № 4. — С. 83–87.
4. Тепляков А. К юбилею «Студента-Рабочего» / А. К. Тепляков // Студент-рабочий. — 1924. — № 10. — С. 35–36.

¹⁶ Народный учитель. 1959. 9 янв.

¹⁷ Там же.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Прохоров А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и рекламы

E-mail: proh_and@rambler.ru

Derzhavin Tambov State University
Prokhorov A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Management, Marketing and Advertising Department
E-mail: proh_and@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖАНР В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

С. В. Романова

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

Поступила в редакцию 12 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции в современной русскоязычной литературе Беларуси. Отмечается небывалый расцвет художественно-документальных форм повествования. Своеобразие художественно-документальной прозы заключается в разработке новых проблем и образовании синтетических жанровых моделей. Достаточно широкое распространение получает мемуарно-биографическая, историческая и военная проза.

Ключевые слова: русскоязычная литература Беларуси, художественно-документальная проза, мемуарно-биографический жанр, историческая проза, военная проза.

Abstract: the article deals with the main trends in the modern Russian-language literature of Belarus. There is an unprecedented flourishing of artistic and documentary forms of narration. The peculiarity of artistic and documentary prose is the development of new problems and the formation of synthetic genre models. Fairly widespread, biographical, historical, and military fiction.

Keywords: Russian-language literature of Belarus, fiction and documentary prose, memoir and biographical genre, historical prose, military prose.

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается всплеск художественно-документальной литературы в творчестве русскоязычных авторов Беларуси: «...современные авторы все чаще в своих произведениях используют собственный жизненный опыт, опираются на конкретные реалии, включают в повествование узнаваемые имена» [1, 132]. Прежде всего, это вызвано попыткой писателей найти взаимосвязь между историческим прошлым и процессами современности, сохранить ценностные ориентиры в резко изменяющемся, многообразном и противоречивом мире. Все усложняющаяся действительность обуславливает поиск новых тем и идей, которые находят выражение в своеобразных жанровых формах.

Художественно-документальная литература представляет достаточно разветвленную систему жанров (мемуарно-биографическая, историческая, военная проза) [2].

Проиллюстрируем на примерах многообразие жанрового диапазона в творчестве русскоязычных авторов Беларуси. Расцвет мемуарно-биографической прозы определяется несколькими причинами: осмысление пройденного жизненного и творческого пути; обращение к внутреннему миру души, приоритет выражения личностно значимого, сокровенного для отдельно взятого человека; отдавание чести и памяти известным деятелям культуры и искусства, легендарным историческим личностям и др.

Так, одной из тенденций становится интерес к биографии известной личности: «Гамбургский

счет» О. Бахаревица (сборник эссе о классиках белорусской литературы), «Возвращение имен: очерки о художниках» Б. Крепака и др. Сочетая в себе признаки мемуарно-биографического жанра, жизнеописание личности современными исследователями рассматривается как одно из «трендовых» направлений в литературе non-fiction. Отметим и еще одну особенность, свойственную русскоязычным авторам, — это описание жизни близкого и родного человека как раскрытие личной душевной истории и жизни самого писателя. В этом отношении наиболее распространенной формой становится документальная повесть: «Просто вспомнил я тебя» М. Мицкевича, «Ты была моей любимой землей...» В. Кулешова, «Я вернусь в этот мир...» А. Новикова, «Луна невенчанная» Н. Сердюкова и др.

Одной из распространенных форм в творчестве русскоязычных авторов является автобиографический роман. В 1994 г. в журнале «Дружба народов» опубликована в сокращенном варианте автобиографическая повесть известного белорусского писателя А. Адамовича *Vixi* («Прожито»), в которой он подводит итог своему жизненному пути. В 2011 г. выходит в свет книга «От родного порога», а в 2012 г. — «Крутые дороги» профессионального историка И. Царюк. В органическом синтезе документального и фактического материала и его художественного обрамления писательница рассказывает об истории своей семьи, которая неразрывно связана с историей всей страны и народа. Если в произведениях И. Царюк описываются события, охватывающие XX в., то, например, в автобиографическом романе А. Филипенко «Быв-

ший сын» отражена современная ситуация в Беларуси, подтолкнувшая автора эмигрировать в Россию. Но в отличие от произведений И. Царюк сюжетная линия романа А. Филипенко является все же художественным вымыслом автора. Примером таких автобиографичных произведений можно назвать «минский цикл» А. Андреева: романы «Легкий мужской роман», «Для кого восходит Солнце?», «Мы все горим синим пламенем», «Маргинал», «Срединная территория», «Отчуждение» и др.

Особой эмоциональной тональностью отличаются роман-исповедь Н. Костюченко «Верб над омутам», эссе-исповедь Л. Турбиной «Огни на воде».

В целом следует отметить, что с конца 90-х наметилась тенденция, связанная с обращением к «документу» как возможности открыто и правдиво, без всякой предвзятости, взглянуть на свою жизнь, которая становится «портретом» ушедшей исторической эпохи. Глубокий самоанализ и психологизм повествования раскрывают «травму» пережитого. В этом смысле одной из актуальных тем в творчестве русскоязычных авторов является осмысление «эпохи перемен», которая передает кризисное сознание ее героев. В жанре синтезированной прозы, сочетающей в себе автобиографическое повествование и дневниковые записи, письма, создают свои произведения Э. Скобелев («Мозаика судьбы. Из записных книжек, дневников и личного архива»), Ю. Фатнев («Убегающий лось»).

Возникла потребность в передаче не только интимно-личностного, но и в отражении самых насущных проблем современности, которые как «крик души», «тоска по человеческому» чаще всего находят выражение в формах дневников, мемуаров и воспоминаний: «Взрыв души. Книга избранных откровений» Г. Пациенко, «Трепет листа» И. Фоменко, «В поисках сокровища» Н. Советной, «Одиночество в хаосе мегаполиса» В. Гришковца, «Все мы — под млечными звездами» В. Липского, «Разносчик телеграмм: воспоминания» Л. Турбиной, «На острове воспоминаний» В. Тараса.

Одной из тенденций является обращение к воспоминаниям о Великой Отечественной войне, правда о которой еще вся не высказана и приобретает все большую актуальность в свете современных событий, когда история переписывается, а на смену прежних идеалов выдвигаются новые ценности. Воспоминания участников и свидетелей войны чаще всего носят личный характер: очерки В. Тулимова «Победа — одна на всех», «Военные дневники» В. Горбука, «Письма войны» А. Волковича, «Терпи, мужайся, верь. Письма военных лет» В. Витки.

Интенсивное развитие средств коммуникации обуславливает возникновение гибридных жанровых форм, когда произведения создаются на стыке публицистики и художественного материала. Интерес к журналистской практике объясняется ди-

намикой социокультурных и политических процессов на рубеже веков. К наиболее распространенным жанрам можно отнести очерк и эссе: очерк Ф. Кудринского «Белорусы», сборник эссе Б. Коверчика «Игра мыслей: юморески, миниатюры, афоризмы», очерки Л. Лазуркина «В лучах немеркнущих звезд», очерки А. Мартиновича «Исповедь старых замков», очерки О. Ждана-Пушкина «С гордостью и печалью».

Приобретает свою актуальность и жанр хроники, основной задачей которого является отражение событий в их исторической и достоверной последовательности. К хронике обращаются и писатели, которые первыми отреагировали на чернобыльскую катастрофу (1986 г.): В. Гигевич, О. Чернов («Стали воды горькими: хроника чернобыльской беды»), В. Гацко («Память Чернобыля. Историко-документальная хроника»), С. Алексиевич («Чернобыльская молитва. Хроника будущего»). Одним из последних произведений, посвященных теме Чернобыля, можно назвать также роман-хронику А. Резановича «Полынь-вода». Нетрудно заметить, что чернобыльская трагедия отсылает читателя к библейской метафоре («Имя сей звезде «полынь» (Откр. 8:10–11)) и размышлениям о конечных судьбах мира.

Отметим, что обращение к теме распада СССР сопровождается интенсивным распространением футурологических жанров, созданием концепций и сценариев будущего, в которых авторы представляют наиболее оптимальные модели дальнейшего развития общества. Основными жанровыми формами выступают роман-антиутопия, роман-хроника, роман-предостережение: «Жанровое своеобразие русскоязычной прозы Беларуси заключается в попытке реорганизовать традиционную систему новыми моделями, которые раскрывают особенности выражения социально-философских взглядов писателей в контексте современности» [3, 21]. Конечно, в полном смысле слова такие произведения нельзя назвать строго документальными, однако многие описываемые события вполне узнаваемы читателем и имеют под собой реальную основу. Предшествующие распаду СССР Афганская война (1979–1989 гг.) и взрыв на Чернобыльской станции (1986 г.) обуславливают восприятие исторической действительности как своеобразной фантасмагории, не поддающейся логической и рациональной объективации. Ощущение неопределенности, шаткости бытия, абсурдности происходящего продуцируют создание произведений, в которых наблюдается совмещение разных пластов, фантастического и реального планов. Кроме того, характерным становится обращение к библейским мотивам и аллюзиям. Так, концептуальная метафора «Гефсиманский сад» в одноименном романе Э. Скобелева охватывает три пласта в пространственно-временной структуре: история Иешуа, письма из трагического 1917 г., современная действительность. Используя библейскую реминисценцию, рус-

скоязычный автор Беларуси осмысливает переходное время как час мытарств и страданий, но и как этап внутреннего перерождения, когда, осознав необходимость переустройства общества, еще возможно привести человечество к духовному обновлению.

В сложную композиционную структуру вводит библейские образы (Господь, Сатана, ангел, Ева, пророк Ной и Ноев ковчег, Авраам, Лот, Иуда, Содом и Гоморра и др.) автор романа-мистерии «Ладья Харона» Ю. Фатнев, противопоставляя их другим персонажам (современные поэты и писатели, вымышленные герои Замышляев, генсек Порча). Сложной архитектурой отличается и пространственно-временная организация, когда сюжет разворачивается на нескольких уровнях: Иордан — Нил — Нева, Содом и Гоморра — Мавзолей — Питер. В ироничных тонах, воссоздавая типичную ситуацию переломного, рубежного времени, русскоязычный автор, подобно М. Булгакову, приближает свое повествование к мениппейному типу.

Проект сафарийского коммунизма разворачивает на страницах романа-антиутопии «Слово о Сафари» Е. Таганова. С точки зрения И. Скоропановой, «Тагановский сафаризм — симулякр, в котором «мерцают» идеи различных социальных утопий, дающих несбыточные обещания и допускающих применение средств для их воплощения, противоречащих провозглашаемому высоким принципам. Писатель Таганов предостерегает от «повторения пройденного» и химеризма в любом облики» [4, 37].

В детективном жанре создают свои произведения С. Трахименок и В. Казаков, посвященные периоду межвременья. Так, фантастический хронотоп и мотив предсказания будущего определяет динамику сюжета философского романа С. Трахименка «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания». Своеобразным подходом отмечена диалогия В. Казакова «Межлизень» и «Тень Гоблина», в которой автор пытается разобраться в причинах, деформирующих облик современного чиновничьего аппарата.

С развитием исторической прозы происходит возрождение романа в русскоязычной литературе Беларуси. Авторы обращаются к разным историческим периодам, к событиям давнего и недавнего прошлого, пытаются художественно реконструировать, воссоздать «колорит эпохи». Поднимая важные вопросы мировоззренческого и национального характера, писатели находятся в постоянном поиске нового пути цивилизационного развития, раскрытия духовной культуры белорусского народа. Как правило, современная историческая проза тяготеет к более крупным формам, более широкому охвату действительности в своих произведениях (роман-диалогия Н. Голубевой «Радимичи. Земля непокоренная», трилогия О. Ипатовой «Ольгердаво копье», серия романов С. Зайцева и др.). Среди исторической

прозы наиболее актуальными жанровыми формами признаются историко-приключенческий роман (**Эндрю Олвик** (коллективный псевдоним В. Лобковича, О. Сухамеры и А. Остроумова) — «Следы апостолов. Секретная миссия» и «Достояние нации. Секретная миссия — 2», В. Маслюков — «Час новолунья», О. Тарасевич — «Сокровище князей Радзивиллов» и др.), историософский роман (О. Ждан — «Не погибнет со мной»), социально-политический роман (Э. Скобелев — «Завещание Сталина», А. Сульянов — «Арестовать в Кремле», Н. Чергинец — «Тайны Овального кабинета»).

Новой тенденцией в историко-документальном жанре является обращение авторов к православной теме. Опираясь на документальные факты, авторы свидетельствует о влиянии православного духовенства на развитие и распространение культуры на белорусских землях: роман-хроника Н. Еленевского «Время пастыря» и роман «Наперсный крест» (по Запискам протоиерея Сергия Лаврского), роман О. Ждана «Государыня и епископ», роман-эссе О. Лойко «Франциск Скорина, или Солнце Новолунное», роман А. Черницкого «Александр Невский».

Особенностью создания литературы с православной тематикой является как раз подача материала не в духовно-просветительском, назидательном характере, а в конкретно-историческом дискурсе, с опорой на документы и факты.

Следует отметить, что интерес к прошлому вызван современной ситуацией, когда происходит осмысление событий конца XX в., приведших к изменению политической карты мира и формированию нового мирового порядка, ключевую роль в процессе которого выполняют идеологические установки bipolarной системы Запад — Восток. Переакцентуация в оценках исторического прошлого обуславливает возникновение множества цивилизационных концепций, претендующих на утверждение легитимных версий.

Отдельно необходимо сказать о своеобразии современной военной прозы в творчестве русскоязычных авторов Беларуси. Отметим блок основных проблемно-тематических направлений, разрабатываемых писателями:

1. Тема Первой мировой войны (1914–1918 гг.), Гражданской войны в России (1918–1922 гг.) и Белого движения (А. В. Шарков, В. В. Грозов, Ю. А. Бествицкий, В. Бондаренко). Заслугой В. Бондаренко также является создание книг в серии «Жизнь замечательных людей»: «Герои Первой мировой», «Белые» (очерки о генералах Белого движения) и др. Идею своеобразие заключается в раскрытии пафоса духовного служения народу героев Первой мировой войны, белых генералов и священников.

2. Тема Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) получает широкое распространение и вступает в противоречие с некоторыми современными

концепциями, искажающими и перевирающими историю войны и подвига советского народа, а также отдельных исторических личностей. Это обуславливает небывалый интерес к фактам из жизни и деятельности значимых фигур (И. Сталин, Г. Жуков, К. Рокоссовский и др.). Авторы представляют Сталина как противоречивую личность, пытаются отразить сложную казуистику отношений партийно-чиновничьего аппарата того времени, показать не столько жестокость диктата в принятии репрессивных мер, сколько гений ума в укреплении государства, развитии науки и промышленного производства, а также в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками («Непобедимые» А. Сульянова, «Завещание Сталина» Э. Скобелева и др.).

Особое место в творчестве русскоязычных авторов Беларуси занимают темы партизанского и подпольного движения, военного детства, тема женщин на войне: «Судите сами...» Л. Аникеева, «Возмездие» Е. Мазаник, «У войны не женское лицо...», «Последние свидетели» С. Алексиевич и др.

3. Тема Афганской войны (1979–1989 гг.) передает личные переживания ее участников и свидетелей. В многообразии подходов к «болезненной» афганской теме существует своя логика, которая обуславливает формирование идейной концепции художественно-документальных форм. Следует отметить, что данная тема широко представлена разными типами художественно-документального метажанра [5]. Произведения, созданные в период вооруженного конфликта, проникнуты героическим пафосом служения социалистическим идеалам Родины в борьбе с американским империализмом: «Среди афганских гор» А. Чайки, «Сыновья» Н. Чергинца. В период распада СССР, когда происходит осмысление безыдейности вторжения в «чужую» войну, бессмысленной жертвы воинов-интернационалистов, в творческую систему русскоязычных авторов Беларуси все чаще проникают экзистенциальные мотивы, воспроизводящие философию одинокого и обреченного существования, натуралистические тенденции, обнажающие суть новых локальных войн («Цинковые мальчики» С. Алексиевич, «Хуже войны» О. Буркина) [6]. В последнее время обозначился новый поворот в восприятии «ненужной» афганской войны. Писатели уходят от оценок и анализа политического и иде-

ологического противостояния, пытаются отстоять моральное право на духовный подвиг каждого отдельного воина, в этом смысле война воспринимается как определенный логический и закономерный этап в жизни для конкретного человека, а не мирового сообщества, это этап приобретения непреходящих ценностей и истин. В этой связи герой часто подается в романтическом ореоле, для которого характерно воспроизведение нежных и глубоких чувств, выражение экзистенциального ощущения одиночества и роковой предопределенности («Похитители времени» А. Соколова).

Ведущим жанром в современной военной прозе остается художественно-документальная повесть («Небесный штурмовик» Н. Еленевского, «За Родину в ответе» Е. Пигулевской, «Капитан Франц» Г. Андреевца и др.).

Творчество современных русскоязычных авторов Беларуси отражает особенности художественного сознания, сигнализирует нам об актуальных проблемах современности, которые часто раскрываются писателями через актуализацию прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасова И. В. Расширение границ документального в произведениях новейшей русской литературы / И. В. Некрасова // Филология и культура. 2016. — № (45). — С. 129–134.
2. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра / Т. Г. Симонова. — Гродно: ГрГУ, 2002.
3. Романова С. В. Жанровые тенденции в русскоязычной прозе Беларуси конца XX — начала XXI веков / С. В. Романова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — Новополоцк: ПГУ, 2018. — № 10. — С. 20–25.
4. Гончарова-Грбовская С. Я. Русскоязычная драматургия Беларуси рубежа XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия) / С. Я. Гончарова-Грбовская. — Минск: БГУ, 2015.
5. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие: в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — М.: Академия, 2006. — Т. 1
6. Сивакова Н. А. Документальная проза Светланы Алексиевич / Н. А. Сивакова // Слова і час: навук. читанні. — Ч. 1. Гомель: Гомел. дзярж. ун-т, 2003. — С. 240–244.

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

Романова С. В., преподаватель кафедры русского языка как иностранного

E-mail: lanilya83@gmail.com

Vitebsk State University named after P. M. Masharov
Romanova S. V., Lecturer of Russian as a Foreign language
Department
E-mail: lanilya83@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РАЙОННОЙ И НИЗОВОЙ ПРЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ АВТОРИТАРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АВТОНОМИЯХ

Л. А. Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова РАН

Поступила в редакцию 14 апреля 2021 г.

Аннотация: в период укрепления советской власти на Северном Кавказе большевистская партия столкнулась с серьезными проблемами в организации коммунистической пропаганды в силу того, что подавляющее большинство горского населения не владело русским языком. Решить эту проблему была призвана национальная печать, в структуре которой важное место заняли районные и многотиражные издания.

Ключевые слова: история многонациональной журналистики, районная и многотиражная пресса, Северный Кавказ.

Abstract: during the period of strengthening of the Soviet power in the North Caucasus, the Bolshevik Party faced serious problems in organizing communist propaganda due to the fact that the overwhelming majority of the mountain population did not speak Russian. The national press was called upon to solve this problem, in the structure of which regional and large-circulation publications took an important place.

Keywords: history of multinational journalism, regional and large-circulation press, North Caucasus.

Пресса автономий Северного Кавказа складывалась на основе общих закономерностей развития и функционирования всей партийно-советской печати страны. В то же время, как утверждает историк журналистики З. Ю. Хуако, средства массовой информации каждого региона развивались как самостоятельная система газетной и журнальной периодики с присущими только ей особенностями [1, 129]. Своеобразие процесса становления национальной журналистики объяснялось и многонациональным составом населения края. Между тем подавляющее большинство северокавказских народностей и этнических групп в досоветскую эпоху не имели научно разработанной письменности и, соответственно, национальной печати, литературы. Нацелившаяся на мировую гегемонию большевистская партия ставила цель тотально подчинить массовое сознание общества, в том числе и национальных окраин. Вот почему власть поставила под особый контроль вопросы развития письменности, создания национальной прессы и литературы малых народов, в частности на Северном Кавказе как наиболее многонациональном регионе страны. Одним из важных элементов коммунистической пропаганды стала периодическая печать, получившая в советской историко-журналистской науке название — районная и низовая.

Рождение этого сегмента печатных изданий на Северном Кавказе непосредственно связано с со-

вершенствованием административно-территориального деления областей: с ликвидацией в 1930 г. округов и созданием районов. В постановлении ЦК ВКП(б) указывалось на то, что по стране «должна быть развернута сеть районных газет <...>» [2, 168]. В соответствии с директивами большевистского руководства система журналистики выстраивалась сверху вниз, от центральных изданий до многотиражных. Как подчеркивает исследователь журналистики периода тоталитаризма Н. Тобольцева, «в сформированной вертикальной структуре периодики, встроенной на соответствующих уровнях в иерархическую партократическую систему, центральные издания занимали высшую ступень и практически составляли единое целое с властью» [3, 29]. Соответственно, эти органы выполняли направляющие и надзорные функции по отношению к низовой периодике.

Районная и многотиражная печать в северокавказских регионах имела свои особенности. Прежде всего она развивалась на русском и местных языках. Например, в Дагестане районные издания первоначально возникли в столице республики, а распространялись тиражи в населенных пунктах компактного проживания определенных народностей. Районные газеты некоторое время одновременно являлись органами областного и районных комитетов партии. Сосредоточение районных газет в годы формирования большевистского авторитарного режима в Махачкале и других относительно крупных городах республики объяснялось слабой полиграфической базой, не-

хваткой журналистских переводческих кадров, отсутствием типографского оборудования и шрифтов в сельской местности. С появлением соответствующих условий выпуск районных газет был перенесен непосредственно в районы расселения национальностей ДАССР [1, 176].

Эта особенность развития системы прессы в национальных областях в научной литературе оценивается неоднозначно. Между тем процесс становления национальной газеты как **типа** периодического издания имеет множество граней, среди которых особое место занимает проблема национально-русского двуязычия в печати — явления интересного, но малоизученного в историко-журналистской науке. Двуязычие стало характерной чертой прессы народов Северного Кавказа.

В создании районных газет активное участие приняла областная и региональная печать. Чаще всего районная газета организовывалась под непосредственным руководством сотрудников областных изданий. Первую в Северной Осетии районную газету в селе Христиановское создала выездная редакция газеты «Растдзинад»/«Правда» — органа обкома партии и облисполкома. Журналисты «Растдзинада» оставили в селе взятое с собой типографское оборудование, которое послужило базой для печатания районной газеты. В 1932 г. в Северной Осетии вышло 6 районных газет, 5 из них — на осетинском языке [4, 16]. В 1933–1935 гг. в Карачаевской области был организован выпуск первых районных изданий — газет «Къызыл таулу» / «Красный горец» и «За большевистские колхозы» [5, 89].

Для эффективного руководства становлением районной прессы в областях Северного Кавказа крайком партии в 1931 г. начал выпускать двухнедельный журнал «Колхозная печать». Журнал ставил своей задачей помощь районной и низовой печати в улучшении агитационно-пропагандистской и организаторской работы. Важной сферой деятельности «Колхозной печати» было содействие развитию прессы на национальных языках. С третьего номера в журнале появилась рубрика «Печать нацобластей и районов».

Все процессы в сфере журналистики непосредственно направлялись большевистской партией. Задача ставилась масштабно: охватить все население страны единой коммунистической идеологией. Так, ЦК ВКП(б) принял ряд директив по укреплению районной и фабрично-заводской прессы «О сельской районной и низовой печати» (18.01.1931), «Об улучшении распространения и доставки районных газет» (21.04.1931), «О фабрично-заводской печати» (19.08.1932), «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и взаимоотношениях политотделов и райкомов» (15.04.1933), «О фабрично-заводских газетах «Камский бумажник», Свердловская область, и «Ленинец», г. Горький» (19.05.1936).

В национальных регионах Северного Кавказа становление низовой печати сталкивалось с большими трудностями. Как отмечает З. Ю. Хуако, «национальные районные газеты (на русском или местных языках, а также смешанные) по своему предназначению, типу, содержанию и языку стремились отвечать уровню развития и потребностям горского крестьянства» [1, 174]. Журнал «Революция и горец», конкретизируя задачи печати советских автономий, отмечал, что районная, фабрично-заводская и низовая печать края находится в зародышевом состоянии и не отвечает требованиям [6, 1931, № 1–2, с. 23]. Действительно, в 1931 г. в семи национальных областях Северного Кавказа было создано лишь три районные — две в Шатойском и Урус-Мартановском округах Чеченской автономной области и одна — в Дигорском районе Северной Осетии. Вместе с тем 25 округов (районов) оставались без печатных органов. По данным журнала, в 1930 г. издавалось всего несколько фабрично-заводских газет в Грозном и Северной Осетии. Это объяснялось тем, что в этих областях более ускоренными темпами, чем в других национальных районах Северного Кавказа, шел процесс создания промышленных предприятий. С развитием промышленного строительства в национальных образованиях расширялась сеть фабрично-заводских газет. Это многотиражки «Микояновец», «Садонский шахтер» и «Рабочий «Электроцинк» в Северо-Осетии; «Адыгейский консервщик», «Красный экстрактовик» и «Андреевец» в Адыгее; «Красный молотовец» и «Грозненский консервщик» в Чечне; «Стеклогаз», «Дербентский консервщик», «Даеш двигатель» и «Махачкалинский консервщик» в Дагестане и другие» [1, 173].

В Карачае с сентября 1932 г. начала выходить газета «Горский конь» (г. Кисловодск) — многотиражный орган бюро партколлектива Карачаевского военного конного завода РККА; с апреля 1933 г. — многотиражное издание Карачаевской МТС «За большевистские колхозы», г. Микоян-Шахар; с мая 1935 г. на пастбище Бичесын — газета «Къызыл малчы» / «Красный животновод» [5, 88].

В районах Карачая и Черкессии начали выходить при МТС газеты «Колхозник», «Стальной конь», «Знамя МТС» и др. Многотиражные политотдельские печатные органы издавались на двух полосах небольшого формата (А4, позже А3). Основным направлением редакционной политики газет стала организация сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и реализация сопутствующих ей сельскохозяйственных кампаний.

Первой многотиражной газетой в Кабардино-Балкарии стала «Баксанстрой», которая издавалась в период строительства Баксанской ГЭС. Выпуск временных изданий довольно широко практиковался в годы индустриализации по всей стране. Как правило, их выпускали участники различных культпо-

ходов, рейдов из более развитых краевых центров, в основном из Ростова-на-Дону. Так, во время похода за ликвидацию массовой неграмотности сельского населения в Кабардино-Балкарии по указанию Северо-Кавказского крайкома партии ввиду недостатка учебников временно был организован выпуск областной газеты «Для малограмотных» тиражом 7000 экземпляров [7, 90].

В Адыгее тоже стала развиваться сеть политотдельческих и многотиражных газет. Так, вышли многотиражки в совхозах аулов: Чехрак — «За лубяные культуры», Хатукай — «Большевицкий огород». Популярной в области стала стенная печать. Всего в 1934–1935 гг. были организованы стенгазеты: городские, совхозные, колхозные и МТСовские — 310 [7, 109].

В тридцатые годы процесс становления периодической печати в Адыгейской автономной области в основном завершился, утверждает Д. Н. Ахмедов. Система состояла из областных органов «Социалистическая Адыгея» и «Адыгейская правда» с 15-тысячными тиражами, комсомольско-молодежной на родном языке, 6 районных, 5 совхозных и заводских газет, достаточно широкого рабселькоровского движения [7, 112].

Центральный комитет ВКП(б) обязал всесоюзные, краевые, областные, районные газеты организовывать обзоры фабрично-заводских изданий. Выполняя установки ЦК партии, областная и региональная печать вела большую пропагандистскую и организационную работу по развитию районной и низовой прессы. Примером могут послужить областные издания Чечено-Ингушетии, которые уделяли много внимания становлению в области районной печати, в особенности в сельской местности, ввиду труднодоступности некоторых горных районов и неудовлетворительного распространения там областных и центральных газет. Например, в 1933 г. в Урус-Мартановском районе распространялись два экземпляра «Правды», 65 — «Серло» («Свет»), 38 — «Грозненского рабочего» и 5 — краевой газеты «Молот» [8, 1933, 18 июля].

Совещание при культпропотделе Чеченского обкома ВКП(б) в апреле 1931 г. разработало программу развития системы печати в области. Было предусмотрено издание в Грозном производственных газет типа районных [9, 76]. Это объяснялось значением Грозненского нефтепромышленного района. Вскоре были созданы газеты «Вышка», «Голос вышек», «За большевистскую партийность в технике», «Пробег», «Транспортник «Грознефти»».

На основе этой программы началась организация сети районных и многотиражных газет Чечни. В обзоре «Борец за большевистские колхозы» «Грозненский рабочий» рассказал о достоинствах политотдельческой газеты «Ударник» (Грозненская МТС), отметив, что «его материалы конкретны и оперативны» [10, 1933, 20 ноября].

В 30-е гг. «значительно возросло количество газет, выходивших на языках северокавказских народностей. К 1932 г. в Северной Осетии было создано 5 фабрично-заводских, других многотиражных газет, в Кабардино-Балкарии — 3, в Адыгее — 7, Дагестане — 9. Многие из них параллельно издавались на национальных языках» [1, 172]. На это же десятилетие приходится зарождение еще одного типа низовой печати — политотдельческих газет. В национальных автономиях Северного Кавказа они стали выходить, в большинстве своем, на местных языках [1, 176]. В феврале 1933 г. секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) рассмотрел вопрос об организации многотиражек в политотделах машинно-тракторных станций края. Предусматривалось создание при политотделах МТС печатных или стеклографических многотиражных газет, определялись сроки завершения подготовки к их изданию, устанавливались: средний тираж 300 экземпляров, периодичность выпуска пять-шесть раз в месяц, формат А-4 [11].

Широкое распространение получила стенная печать. В 1933 г. только в Кабардино-Балкарии выходили 854 стенгазеты. Между тем большевистские партийные организации развивали низовую печать под пристальным контролем. Так, орган Чеченского обкома партии «Грозненский рабочий» посвятил развитию районной и фабрично-заводской прессы передовую статью «Низовую печать на уровень задач второй пятилетки», в которой указывалось, что «укрепление и дальнейшее развитие фабрично-заводской печати немыслимо без усиления партийного руководства низовой печатью» [10, 1933, 10 января]. Областная газета на чеченском языке «Серло» также активно способствовала развитию низовой печати, публикуя регулярно критические обзоры и рецензии. В одном из обзоров редакция газеты «Серло» проанализировала материалы газет «Колхозхо»/«Колхозник» Урус-Мартановского района и «Цен ламанхо» / «Красный горец» Шатоевского района. Редакция дает рекомендации, как улучшить содержание районных газет, указывает на важность регулярности выхода [8, 1934, 15 января]. Выступают с обзорами и другие областные газеты. В обзоре «В полосе докладов» «Грозненский рабочий» дал анализ деятельности районной газеты «Сунженский колхозник». «В громких широковещательных призывах газета недостатка не имеет, — пишет орган обкома ВКП(б). — А вот найти на ее страницах хотя бы признак организаторской работы — будет труднее» [10, 1934, 20 апреля]. В обзоре «Грозненского рабочего» подчеркивалось, что только улучшение связи с массами, участие селькоров сможет повысить качество содержания выступлений «Сунженского колхозника».

В январе 1933 г. редакция газеты «Грозненский рабочий» совместно с культпропотделом Грозненского райкома партии провела совещание по вопросу улучшения низовой печати, которое сыграло за-

метную роль в становлении районной прессы Чечни [10, 1933, 2 февраля].

Сеть низовых и районных газет в течение 1930–1936 гг. была создана во всех автономных областях и республиках страны. Конечно, эта деятельность направлялась большевистскими партийными организациями.

Деятельность обкомов по организации и развитию районной и низовой печати была неоднократно предметом обсуждения Северо-Кавказского крайкома. В постановлении «О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей», принятом в марте 1931 г., крайком обязывал редакции областных газет оказывать систематическую поддержку национальным районным газетам [12, 1931, № 9, с. 23].

Бюро Чеченского обкома партии в 1932 г. рассмотрело вопрос «О состоянии районной печати». Обком отметил недостатки районных газет, обязал областные органы оказывать широкую помощь районным газетчикам в налаживании выпуска местных изданий [9, 79].

Дагестанский обком партии в 1935 г. принял постановление «О районных газетах и редакторах», в котором была уточнена сеть районной печати республики. Специфика строительства районных периодических изданий в Дагестане заключалась в том, что здесь некоторые райгазеты выполняли функцию национальной газеты для целой народности. Таких изданий в Дагестанской АССР было шесть. Впоследствии они были преобразованы в областные органы [13, 170]. Из 28 районных газет, выходивших в Дагестане в 1938 г., 20 издавались на национальных языках [14, 75].

Сеть периодических изданий в национальных районах неуклонно расширялась. В автономных республиках и областях Северного Кавказа в 1938 г. выходило 115 газет, 60 из них — на местных языках¹.

В 1936–1938 гг. в регионе в основном было закончено национально-государственное строительство автономных образований. В этот период был завершён переход всех национальных письменностей на унифицированный алфавит на основе русской графики. Эти два события, имевшие большое значение в становлении структуры системы национальной печати, способствовали дальнейшему росту тиражей периодических изданий, усилению связей газет с читательской аудиторией, решению проблемы национальных кадров журналистики.

В связи с завершением создания национальных письменностей в 1930-х гг. был начат выпуск периодических изданий на языках северокавказских народностей, которые раньше письменности не имели. В это время возникли первые газеты, сначала в статусе окружных, затем районных, на табасаранском,

ногайском, татском языках. Как отмечает З. Ю. Хуако, «национальное размежевание и создание автономных образований оказали существенное влияние на совершенствование системы печати региона, привели к количественным и качественным изменениям ее составляющих» [1, 108]. По его утверждению, во второй половине 1930-х гг. в основном завершилось формирование системы печати в советских автономиях Северного Кавказа. С преобразованием Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей в автономные республики происходили качественные изменения в развитии печати и совершенствовании ее системы в северокавказских национальных образованиях, хотя они сдерживались социально-политическими деформациями.

Анализ процессов, происходивших в сфере периодической печати Северного Кавказа, показывает, что если в начале двадцатых годов структуры СМИ в различных национальных областях значительно отличались друг от друга в силу неравномерности исторического развития народностей, то к концу периода создания фундамента социализма сложилась относительно единая система журналистики всех автономных республик и национальных регионов. Она от центральной до местной печати складывалась по одному образцу. Региональные газеты и журналы представляли собой не совсем удачное копирование центральных органов. Н. Тобольцева подчеркивает: «Специфической особенностью становления советской журналистики стало придание ей унитарного и системного характера, обусловленного задачами, поставленными перед ней издателем. По мере стабилизации режима эта традиция приобретает устойчивый характер и переходит в новую закономерность функционирования СМИ при тоталитаризме» [3, 15].

Система печатных СМИ в автономиях Северного Кавказа к концу 1930-х гг. состояла из республиканских и областных руководящих газет, отдельно на русском и местных языках, различных республиканских газет и журналов, рассчитанных на определенную группу читателей, на русском или местных языках, а также смешанных изданий. Районная и фабрично-заводская пресса также состояла из органов, выходящих на национальном и русском языках. Наблюдалась тенденция преимущественного выпуска районных и многотиражных газет смешанного типа. В некоторых республиках выходили дублированные издания на русском и местных языках.

Районная и низовая пресса заняла свое место в системе большевистской авторитарной модели журналистики, превратилась в орудие пропаганды идей социализма среди народностей России. Тоталитаризм в сфере идеологии привел к упрощению принципов взаимодействия печати с партбюрократической властью, причем печатные органы рассматривались как некие «приводные ремни» от партии

¹ Подсчитано автором по материалам сборников.

к массам. Пресса и в национальных образованиях, созданная с самого начала как партийно-советская, фактически была подчинена местным партийным комитетам, которые не создавались по национальным признакам, а подчинялись только по вертикали единому ЦК. СМИ были выведены из-под влияния формальных учредителей, будь то местные Советы, профсоюзы, общественные организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуако З. Ю. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / З. Ю. Хуако. — М., 1991.
2. Журналистика в политической структуре общества: Некоторые проблемы организации системы средств массовой информации и пропаганды / Под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Изд-во МГУ, 1975.
3. Тобольцева Н. М. Тоталитаризм и журналистика / Н. М. Тобольцева. — М.: Московский гос. ун-тет им. М. В. Ломоносова, 2004.
4. Гуриев М. А. Очерки истории партийно-советской печати Северной Осетии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Гуриев. — М., 1965.
5. Магулаева Ф. А. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959) / Ф. А. Магулаева. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
6. Революция и горец. — 1931–1932.
7. Ахмедов Д. Н. Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937) / Д. Н. Ахмедов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989.
8. Серло (Свет). — 1933–1934.
9. Турпалов Л. А. Тенденции развития системы журналистики республик Северного Кавказа в период построения социализма (1917–1938 годы) / Л. А. Турпалов. — Грозный: Изд-во ЧГУ, 2017.
10. Грозненский рабочий. — 1933–1934.
11. Государственный архив Ростовской области. — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 1340. — Л. 15.
12. Партработник Северного Кавказа. — 1931.
13. Ахмедов Д. Периодическая печать Дагестана (1900–1940 гг.) / Д. Ахмедов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.
14. Партийно-советская печать в период борьбы за строительство социализма: сб. статей / Под ред. А. Л. Мишурина. — М.: Изд-во МГУ, 1964.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук

Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований

E-mail: turpalov@list.ru

The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher
E-mail: turpalov@list.ru

СМИ В БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЕЙ COVID-19 ВО ВЬЕТНАМЕ

Чан Ван Ле

Дай Нам Университет

Поступила в редакцию 6 июля 2021 г.

Аннотация: в статье уточняется понятие сообщений 5К, проводится анализ участия СМИ в пропаганде методов борьбы с болезнями во Вьетнаме, формулируются рекомендации журналистам, работающим с новостями.

Ключевые слова: Вьетнам, журналистика, сообщение 5К, социальные сети, Covid 19.

Abstract: the article clarifies the concept of 5K messages, analyzes the participation of the media in promoting methods of fighting diseases in Vietnam, and makes recommendations to journalists working with news.

Keywords: Vietnam, journalism, 5K, social media, Covid 19.

В настоящее время Вьетнам еще переживает третью волну эпидемии, поэтому в данной статье рассмотрено участие СМИ в освещении пандемии с января 2020 по апрель 2021 гг.

Опрос общественного мнения, проведенный Центральным комитетом по пропаганде и обучению, показал, что 97% респондентов выразили уверенность в мерах, предпринятых властями в борьбе с Covid-19. В частности, была одобрена формула 5К Министерства здравоохранения, которая включила рекомендации о ношении лицевой маски, дезинфекции, дистанцировании, запрете на массовые собрания и о заполнении медицинской декларации в приложении NCOVI. Новая ситуация потребовала от СМИ, с одной стороны, максимальной оперативности, с другой – подготовки такой информации, которая бы не приводила к необратимым психологическим последствиям, возникновению необоснованного страха у людей.

Редакции ставили перед каждым репортером конкретные задачи по мониторингу и отражению реальной ситуации с опорой на оперативно обновляющуюся нормативно-правовую базу – например, на директиву № 16 премьер-министра о социальном дистанцировании. СМИ распространило также просьбу премьер-министра к народным комитетам провинций и городов с центральным управлением продолжить руководство осуществлением полномасштабных мер профилактики и контроля эпидемии в новой ситуации в соответствии с указаниями Министерства здравоохранения.

Газета «Нхан Дан», Вьетнамское телевидение, радио «Голос Вьетнама», Вьетнамское информационное агентство, ведомственные периодические издания активно включились в медиакампанию по PCD Covid-19. В среднем ежедневно появлялось бо-

лее 1000 публикаций, посвященных эпидемии как в стране, так и в мире. Неслучайно министр информации и коммуникаций Нгуен Ман Хунг отметил, что отражение эпидемии Covid-19 показало рост доверия общества к прессе: ведь во Вьетнаме ежедневно до 20–30 миллионов человек читают газеты. К тому же сообщение 5К распространялось также в социальных сетях и посредством различных видов наружной рекламы (листовки, плакаты, автомобили и др.). Помогли и своевременно подготовленные Министерством здравоохранения инфографика, ТВ-ролик, аудиосообщение Spot 5К, которые распространялись в 63 провинциях и городах по всей стране в СМИ, в социальных сетях Facebook, Youtube, TikTok и др. Так, видео на YouTube о сообщении Министерства здравоохранения в формате 5К набрало 32 633 просмотров. Идея 5К творчески развивалась, родив 5К-картин, 5К-стихов, 5К-песен. Информация транслировалась также на кхмерском, английском, французском, китайском, русском и испанском языках.

Важно, что СМИ передавали сообщения 5К не только во время вспышек болезни, но и в то время, когда она уже контролировалась.

Для более широкого распространения Министерство здравоохранения обновило фрейм Avatar 5K Message, что было поддержано и онлайн-сообществом. Знаменитые артисты, художники, спортсмены охотно откликнулись на замену Avatar на своей личной странице в Facebook (Зыонг Чиеу Ву, Нам Куонг, Нгуен Хай Ань, Кхань Хоа, Тхань Тай и др.).

Таким образом, вьетнамские СМИ внесли свой вклад в победу в борьбе с эпидемией Covid-19. Они стали объединительной силой в сплочении всех медиа в этом деле.

Дай Нам Университет
Чан Ван Ле, кандидат филологических наук, преподаватель факультета коммуникации
E-mail: letv@dainam.edu.ru

Dai Nam University
Chan Van Le, Candidate of Philology, Lecturer of the Communication Faculty
E-mail: letv@dainam.edu.ru

ЖЕНСКАЯ ПЕРИОДИКА ВО ВЬЕТНАМЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чан Лан Фыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2021 г.

Аннотация: в статье речь идет о вьетнамских журналах, читателями которых являются преимущественно женщины от 30 до 50 лет. Показано, что в периодике, посвященной проблемам эмансипации и толерантности, центральными стали вопросы семейного насилия, воспитания детей, права на раннее заключение брака, позволительности аборт, алкоголизма и т.п.

Ключевые слова: Вьетнам, женская периодика, насилие, журнальный глянец, «коммунитаризм», феминизм на современном этапе.

Abstract: the article is about Vietnamese magazines, whose readers are mainly women from 30 to 50 years old. It is shown that in the periodicals devoted to the problems of emancipation and tolerance, the central issues were family violence, child rearing, the right to early marriage, the permissibility of abortion, alcoholism, etc.

Keywords: Vietnam, women's periodicals, violence, magazine gloss, «communitarianism», feminism at the present stage.

Вьетнамская журналистика развивается достаточно динамично, хотя ее проблемы значительны, о чем уже писали исследователи [3; 4; 8; 28; 9]. При этом уделялось внимание и специфике развития женских СМИ. Хотя, на наш взгляд, мало изучены детали взаимоотношений в семье, связанные с традициями прошлого, многие из которых не свидетельствуют о равноправии женщин и мужчин. Недостаточно изучены вопросы экономического функционирования женских журналов и др.

В целом динамике развития национальных СМИ мешает, например, противоречивое отношение власти к проблеме свободы самовыражения граждан. С одной стороны, государство поощряет активность и инициативу, но, с другой стороны, партийная цензура не позволяет обсуждать многие насущные проблемы, даже не относящиеся к сфере политического управления.

Количественно во Вьетнаме преобладает официальная партийная печать во главе с газетой «Нан Зян» («Народ»), которая стоит на позициях построения рыночной экономики во главе с коммунистами. Даже китайские СМИ в этом отношении более либеральны, хотя и там цензура очень жесткая. Конечно, в киосках и библиотеках лежат газеты и журналы, которые относят к числу «лояльных» социалистических изданий («Труд», «Народная Армия», «Пропаганда» и т.п.), создающих образ трудолюбивой женщины, поддерживающей все начинания КПВ. В Сети существуют и другие СМИ, например «Вьетнамнет» [9] (VietnamNet), в которых поддерживаются идеи плюрализма и анализируются трудности женщин в семье и на работе.

Конечно, во Вьетнаме есть женщины, достигшие больших успехов в карьере и в бизнесе. Например, в 2016 г. известная бизнесвумен и финансист Нгуен Тхан Ким Нган (Nguyễn Thị Kim Ngân) стала председателем Национального собрания Вьетнама. Нгуен Тай Фыонг Тао (Nguyễn Thị Phương Thảo) стала первой во Вьетнаме женщиной-миллиардером, много женщин-педагогов и врачей, администраторов и инженеров. Но зарубежные социологи, работавшие во Вьетнаме, указывают на печальную статистику, говорящую о том, что в личной жизни у 70% женщин, согласно их ответам на анкеты ученых, нет счастья или полного удовлетворения [8, 28]. СМИ пока эту ситуацию анализируют редко.

Какие идеи эмансипации важны для женщин Вьетнама? Прежде всего равноправие мужчин и женщин на работе и дома. Полная свобода выбора видов и форм деятельности для самореализации женщин, для которых не должно быть недоступных сфер умственного и физического труда. Такая постановка вопроса, разумеется, не означает, что физиологические особенности женщин не могут ограничивать (иногда, временно) их профессиональные обязанности. Отсюда следует вывод, что равенство полов, не являясь абсолютным, может быть достаточно полным и всесторонним.

Как и в других странах, во Вьетнаме интерес к прессе данного вида и типа обусловлен гедонистическими установками потребителей. Однако и познавательный фактор нельзя отбрасывать или уменьшать, так как в большинстве рассмотренных нами изданий удовольствие и развлечение трудно отделить от образовательного и воспитательного дискурса. Актуальной и новой гранью данного являе-

ния мы считаем проблему медиаобразования с помощью легкого чтения, основанного на выделении в потоке массовой культуры и периодики элементов качественного медиапродукта, способного дать потребителю верные ориентиры и помочь в формировании объективной картины мира.

Особенно важными оказались для молодых людей, в частности для студентов, такие современные журналы, как *Phụ Nữ* («Женщина»), *Gia đình và cuộc sống* («Семья и жизнь»), *Thế giới phụ nữ* («Женский мир»), *Phụ nữ Việt Nam Cuối tuần* («Вьетнамские женские выходные»), *Hạnh phúc gia đình* («Счастливая семья»). В данных изданиях содержится много материалов о положении женщины в семье, которое вызывает тревогу у сторонников феминизма как движения за эмансипацию и права женщин. Противоречиво воздействие на массовое сознание таких изданий, как глянцевого журналы. Во Вьетнаме популярны такие элитарные журналы, как *ELLE*, *Cosmopolitan*, *Marie Claire*. Они ориентированы на западные образцы журналистики, учитывающей принципы таргетирования и создания целевой аудитории на основе «стиля жизни» современной женщины. Противоречие в данном случае очевидно: равнение на свободу поведения и психологию западной женщины подразумевает ориентацию на состоятельные слои населения, готовые покупать и журналы, и рекламируемую ими продукцию, а средств у большинства вьетнамских читателей на это нет. Вьетнамский «коммунизм», как его понимают теоретики, противостоит либеральным ценностям Запада, хотя изменения в общественной морали очевидны.

Деление СМИ на женские и мужские издания очень субъективно, хотя, конечно, есть издания, ориентированные в большей степени на интересы женщин или девушек. Как писала исследователь М. Кайгородова, говоря о типологии «женских» СМИ, «...разнообразие женских журналов не знает границ — модные журналы и журналы для домохозяек, журналы для деловых женщин и журналы для молодых мам, журналы для спортсменок и т.д.» [2]. Типология новых изданий тяготеет к двум полюсам: на одном сконцентрированы издания, где женская проблематика трактуется с позиций научно-популярного, просветительского подхода к СМИ, а второй полюс поддерживается изданиями, тяготеющими одновременно к познавательному и развлекательному стандартам СМИ.

Изучение типологии женских изданий [1; 5] связано с возникновением феминистского движения, которое повлияло на аудитории и стиль жизни миллионов женщин. Первая женская газета *Gioi Nu Chung*, название которой на русский язык можно перевести как «женские колокольчики» (голоса), издавалась в Сайгоне начиная с 1918 г., ее создателями и редакторами были писатели и ученые Ле Дык, Суонг Нгуен Ань, Нгуен Динь Чиеу, которые часто писали

об участии женщин в политической жизни страны. Сегодня подобных изданий много. Наиболее популярны на медийном рынке следующие издания: *Phụ Nữ* («Женщина»), *Elle*, *Gia đình và cuộc sống* («Семья и жизнь»), *Thế giới phụ nữ* («Женский мир»), *Phụ nữ Việt Nam Cuối tuần* («Вьетнамские женские выходные»), *Hạnh phúc gia đình* («Счастливая семья») и др. Журналы о молодежи *Tuổi trẻ* («Молодежь»), *Thanh Niên* («Молодежь сегодня») и т.п. также солидарны с движением за права женщин и девушек. В статьях Дюк Нгуена, Ле Минь Куок, Ви Туонга звучат идеи «активного феминизма» (power feminism), защиты равноправия женщин в семье и на работе. Журнал *Phụ Nữ* («Женщина») поместил в конце 2020 г. статью психолога Ле Минь Куок «В семье есть... злая жена», в которой обосновано право женщины на самооборону в семье, где «муж распускает руки»¹. Данные мысли противоречат обычаям патриархальной семьи, но сегодня они воспринимаются нормально. Журнал *Đời sống gia đình* («Семейная жизнь») в 2020 г. обсуждал на своих страницах материал журналистки Ха Ми «Страдания в семье, где муж лентяй»². Позиция автора может быть выражена словами героини истории: «Я ему как подстилка, он живет, чтобы регулярно спать со мной, а помогать по дому не хочет». Против таких настроений мужчин и выступает феминистка Ха Ми, подчеркивая, что многие мужья запрещают женам делать аборт, в то время как кормить детей и ухаживать за ними не спешат.

Еще более радикальны настроения феминисток из журнала *Elle*, который копирует форму западного издания, но помещает немало критических материалов о судьбе молодых вьетнамских девушек, которых и сегодня хитростью и высокими гонорарами заманивают в зарубежные дома терпимости.

Немало полезных советов для женщин содержат глянцевого журналы, хотя их цель не образование, а привлечение покупателей. Журналист *Elle* Дюк Нгуен в сентябре 2020 г. написал статью «9 психологических законов мужчины, которые должны понимать женщины». Это статья о психологии интимной жизни, в которой женщине, по мнению автора, принадлежит первая роль. При этом автор указывает, что цель брака — это не только получение удовольствия, но и создание крепкой семьи, воспитание детей. Об этом говорят и статьи в журналах *Mực tím* («Фиолетовые чернила»), *Sức khỏe* («Здоровье»), *Hạnh phúc gia đình* («Счастливая семья») и т.п. Журнал «Счастливая семья», ссылаясь на религиозные традиции, часто отговаривает девушек от раннего вступления в брак и от добрых отношений

¹ <https://www.phunuonline.com.vn/nha-co-vo-du-a1424572.html>.

² *Đời sống gia đình*. <https://giadinh.net.vn/gia-dinh/khon-kho-khi-lay-anh-chong-luoi-lam-viec-nha-20190301121641879.htm>.

с мужчинами, но позиция редакции критикуется в интернете, а молодое поколение доверяет блогерам. Сетевые издания, как правило, поддерживают сторонников феминизма.

Женская периодика, которая развивается под влиянием курса обновления, свидетельствует о либерализации и демократизации СМИ в стране, о вступлении Вьетнама в эпоху глобализации и международного сотрудничества. Демократизация в обществе соответствуют более открытые дискуссии в СМИ, особенно в журналах, где вопросы женской эмансипации стали неизбежной частью «повестки дня».

Таким образом, положение женщин во вьетнамском обществе широко освещается в СМИ, которые являются зеркалом социальных противоречий и конфликтов. На сегодняшний день объем женской прессы велик, но на какую целевую аудиторию направлен тот или иной журнал, не всегда понятно. Ясно, что темы, поднимающиеся в женской периодике, наиболее востребованы самой молодой аудиторией во Вьетнаме, школьницами, так как их интересы отражаются в материалах печатных изданий. Радикальные идеи феминизма, бросившего вызов мужской иерархии и призывавшего к полной независимости женщин, пока не ясны массам, поэтому трудно охарактеризовать существующие виды журнальной продукции, связанной с идеями женского бунта. Но вывод из статей в журналах для женщин очевиден: во Вьетнаме важным событием XX в. стала культурная и духовная эмансипация молодых женщин, стремящихся делать свой жизненный выбор самостоятельно, о чем СМИ говорят все громче. Неизбежна конвергенция национальных традиций с западной идеологией.

Воронежский государственный университет

Чан Лан Фьюнг, магистрант факультета журналистики

E-mail: phuongnguyhiem96@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Боннер-Смеюха В. В. Типологическая характеристика современных российских журналов для женщин / В. В. Боннер-Смеюха // Филологический вестник Ростовского университета. — 2000. — № 2. — С. 50–56.
2. Кайгородова М. Эволюция женских журналов в ходе истории / М. Кайгородова. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/evolyutsiya_zhenskih_zhurnalov_v_hode_istorii_36518 (дата обращения: 07.03.2020).
3. Нгуен Виет Чык. Развитие прессы Вьетнама и ее воздействие на модернизацию вьетнамского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Нгуен Виет Чык. — М., 1993. — 21 с.
4. Чан Тхи Тху Хыонг. Ведущие СМИ Вьетнама / Чан Тхи Тху Хыонг // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2015. — № 4. — С. 162–166.
5. Черменская С. М. Роль глянцевого журнала в формировании гендерных стереотипов современной женщины / С. М. Черменская // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2006. — № 6. — С. 16–18.
6. Đời sống gia đình. — Режим доступа: <http://giadinh.net.vn/gia-dinh/khon-kho-khi-lay-anh-chong-luoi-lam-viec-nha-20190301121641879.htm> (дата обращения: 07.03.2020).
7. Phụ Nữ. — Режим доступа: <https://www.phunuonline.com.vn/nha-co-vo-du-a1424572.html> (дата обращения: 07.03.2020).
8. Teerawichitchainan B. The Gender Division of Household Labor in Vietnam: Cohort Trends and Regional Variations / B. Teerawichitchainan, J. Knodel; Loi, Vu Manh; Huy Vu Tuan // Journal of Comparative Family Studies. — 2010. — № 1–01. — P. 28–31.
9. VietnamNet. — Режим доступа: <http://www.vnn.vn/> (дата обращения: 07.03.2020).

Voronezh State University

Chan Lan Phuong, Master's Student of the Faculty of Journalism

E-mail: phuongnguyhiem96@gmail.com

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

И. А. Щекина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 июля 2021 г.

Аннотация: работа посвящена проблеме формирования коммуникационной стратегии. В статье рассматривается, как анализ рынка, особенностей товаров и услуг, изучение конкурентов и целевой аудитории влияют на создание стратегии продвижения и на конкретные формулируемые сообщения.

Ключевые слова: коммуникационная стратегия, анализ рынка, конкурентный анализ, маркетинговый анализ товаров и услуг, анализ целевой аудитории, аватар клиента, репутационный аудит.

Abstract: the work is devoted to the problem of content strategy formation. The article examines how the analysis of the market, the characteristics of goods and services, the study of competitors and the target audience affect the creation of a promotion strategy and specific formulated messages.

Keywords: communication strategy, market analysis, competitive analysis, marketing analysis of goods and services, target audience analysis, customer avatar, reputation audit.

Цели бизнеса задают долгосрочный вектор развития компании на рынке и чаще всего касаются изменения трех важнейших показателей: положения компании на рынке, уровня продаж и уровня прибыли. Маркетинговые цели помещают в фокус внимания целевую аудиторию и особенности воздействия на нее или взаимодействия с ней. Сюда можем отнести: расширение аудитории за счет большего охвата и привлечения новых сегментов, увеличение количества первичных и повторных покупок, повышение лояльности к продукту, создание интереса к торговой марке и ее узнаваемости.

Достижение обозначенных маркетинговых целей требует разработки соответствующей коммуникационной стратегии, которая должна конкретизировать, какого отношения или действия приоритетных целевых аудиторий необходимо добиться за указанный период. Среди главных задач в данном случае можно выделить следующие: информирование (KPI — повышение уровня осведомленности); формирование мнения (KPI — проводить замеры, насколько верно аудитория поняла сообщение); побуждение к действиям (KPI — совершили или нет потребители конкретное действие).

«Коммуникационная стратегия... представляет собой детальный комплексный план развития организационных коммуникаций, направленный на достижение стратегических целей предприятия и поддерживающий генеральную линию» [1]. Она является частью стратегического планирования предприятия, которое «помогает организации развивать общее видение ее правил, целей, задач и действий» [2] и планировать траекторию дальнейшего развития организации. Главная цель разработки коммуника-

ционной стратегии — формирование эффективного и предсказуемого общения потребителя с брендом и совершенствование бренда согласно ожиданиям потребителя, запросов времени и рынка.

В процессе разработки коммуникационной стратегии формируются ключевые сообщения (messages) с опорой на репутационный аудит и анализ ключевых внешних и внутренних факторов компании: рынка, особенностей предлагаемых товаров и услуг, целевой аудитории, конкурентов. Проиллюстрируем значимость подобной работы и влияние результатов аналитики на создание и реализацию коммуникационной стратегии.

Анализ рынка позволяет выявить основные тенденции развития, характерные для конкретной отрасли, определить динамику и потенциал роста выбранной ниши. Эту работу стоит начинать с изучения уже существующей вторичной информации: материалов специализированных (маркетинговых, социологических, консалтинговых) агентств, отчетов государственных структур, публикаций в СМИ и интернет-ресурсах. При необходимости можно провести и собственные исследования — количественные или качественные, ориентированные на получение точных и релевантных данных под конкретную потребность.

В результате анализа рынка можно ответить на ключевые вопросы: стоит ли планировать активную коммуникационную кампанию в конкретный период времени? какой генеральной стратегии стоит придерживаться? какие товары/услуги из предлагаемого ассортимента стоит продвигать больше других? Приведем пример.

При планировании коммуникационной стратегии воронежского концертного зала Event Hall в 2021 году стоило определить основные тенденции музыкаль-

ного рынка. Изучение вторичной информации позволило узнать, что в середине 2020 г. аналитическим агентством MIDIA research было спрогнозировано сокращение музыкальной индустрии на 28–34% в целом от всех источников доходов в будущем году [3], а другое агентство PwC предсказало уменьшение оборота на 47,7% [4]. К тому же удалось определить важнейшие тенденции изучаемого рынка в связи с наличием ограничений концертной деятельности из-за пандемии Covid-19: рост онлайн-концертов, конкуренция в среде стриминговых сервисов, увеличение количества мини-релизов, появление концертов новых форматов (например, drive-in), проведение флешмобов, преследующие разные цели, рост кобрендингового взаимодействия. Получение таких данных убедило PR-специалистов концертного зала отказаться от активной маркетинговой кампании и расходования значительных бюджетных средств, запланировать лишь поддерживающие репутационные мероприятия с фокусировкой на востребованных инструментах продвижения, выбрать правильный TOV (tone of voice — тональность высказываний) для контент-стратегии. Было принято решение адаптировать коммуникацию под новые реалии, возникшие в связи с кризисной ситуацией: разработать стандарты взаимодействия с аудиторией с ответами на наиболее часто задаваемые вопросы (FAQ — fast asking questions), шаблоны реагирования на негативные высказывания и комментарии, публиковать обращения от лица руководства и коллектива в связи с эпидемиологической обстановкой, инструкции по возврату билетов и другие.

Рассмотрим еще один пример. Пандемия коронавируса, которая охватила Россию и весь мир весной 2020 года, привела к тому, что большая часть автодилеров после снятия ограничений, введенных Роспотребнадзором, могла не вернуться к полноценной работе. При этом те, кто оставался на автомобильном рынке, вынуждены были перестроить бизнес-процессы и отдать предпочтение онлайн-продажам как одному из актуальных каналов заключения сделок с клиентом. Однако население было не готово приобретать через интернет такой дорогостоящий товар, как автомобиль. Потребители относились к каналу весьма скептически, для них важным критерием было лично осмотреть и опробовать авто: 61% боялись, что перед покупкой не смогут рассмотреть и потрогать машину в салоне, 38% боялись разочароваться в качестве, купив авто не глядя, 29% считали, что сумма для оплаты онлайн выходит слишком большой, 26% опасались попасть на сайт мошенников. Учитывая полученные данные, специалисты по коммуникации приоритетной задачей сформулировали разрушение страхов и преодоление предрассудков потенциальных клиентов. Одним из креативных решений было использование мемов — запоминающихся изображений и видео, часто развлекательного характера, которые

распространялись в онлайн-медиа. PR-специалисты сгенерировали около 30 мемов, центральной темой которых стали страхи клиентов и преимущества онлайн-продаж. Дополнительно были иницированы публикации в СМИ, выполняющие образовательную функцию: описывающие процесс онлайн-продаж, объясняющие наиболее сложные для понимания вопросы, развенчивающие мифы относительно покупок и интернета.

Анализ особенностей предлагаемых товаров и услуг должен дать ответ на вопросы «в чем их главная ценность?» и «в чем заключается УТП (уникальное торговое предложение)?». Простота задачи лишь кажущаяся: прямые вопросы не дадут истинных ответов, важно изучать не сам товар или услугу, а опыт потребителя и его жизненный стиль (lifestyle). Здесь поможет, во-первых, наблюдение за поведением покупателей в реальной обстановке: как человек выбирает товар, читает ли упаковку, сравнивает ли цены, быстро ли определяется с покупкой и др. Во-вторых, задачу решит грамотный подход к интервьюированию. Возможен «завуалированный» интерес: маркетологи компании, производящей одежду для горнолыжного спорта, стояли в очереди за абонементом на фуникулеры и заводили ни к чему не обязывающую беседу с рядом стоящими людьми. В процессе общения как бы между прочим спрашивали, где потенциальные клиенты покупали куртки и брюки, чем руководствовались при выборе конкретных моделей, какие фирмы предпочитают. Если необходимо первичное исследование и запланирована серия интервью (индивидуальных или групповых), то респондентов стоит спрашивать не об интересующих товарах и услугах, а об их собственном опыте. Это позволит понять, насколько предлагаемый продукт вписывается в жизнь потенциального потребителя по 1) потребности в товаре/услуге, 2) цене, 3) характеристикам, 4) пользе. То есть планируя продвигать, например, туристическое агентство, следует интересоваться, как часто отдыхают люди, какой вид отдыха предпочитают, путешествие в какую страну является мечтой, а какие страны и города уже в списке посещенных или в целом доступны и т.д. «Если вы сможете избежать упоминаний самой идеи, то задаваемые вопросы автоматически станут лучше» [5], — рекомендует бизнес-тренер Р. Фитцпатрик.

Приведем конкретный пример. Владелец автошколы обратился с брифом на продвижение услуг контраварийного вождения. До выдвижения конкретных предложений важно было разобраться в сути самой услуги, особенностях ее оказания и преимуществах для потенциальных потребителей. В результате анализа выяснили, что большинству опрошиваемых словосочетание «контраварийное вождение» не понятно, многие путают его с «экстремальным вождением», перспективы применения полученных навыков не ясны. Соответственно обозначилась главная цель

для PR-специалистов — сформировать потребность в услуге, простым и понятным языком описать ее содержание и дать представление о возможной выгоде. Таким образом, при создании коммуникационной стратегии была сделана ставка на обучающий контент формата инфографики и видеороликов, стимулирование UGC (user generated content) — сообщений пользователей, прошедших конкретный курс в автошколе, и популяризацию запросов по контраварийному вождению.

Анализ конкурентов. Здесь важно сделать акцент на том, что изучать можно как реальных конкурентов для формирования устойчивого конкурентного преимущества, правильного выбора каналов коммуникации, снижения операционных рисков, так и потенциальных — для вдохновения, поиска референсов и оригинальных решений, заимствования удачных идей.

Разработчики коммуникационной интернет-стратегии воронежской детской автошколы провели анализ активности конкурентов. Поскольку на местном рынке, где работал заказчик, конкурентов не было, изучались представители сегмента в других городах (Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Барнауле). По итогам были выявлены лучшие практики и на основе анализа количественных и качественных показателей определены наиболее эффективные инструменты для продвижения: публикация подробных информативных постов для родителей о безопасности детей на автодроме, размещение в Инстаграме Highlights (закрепленных/актуальных историй) и видео формата IGTV, ведение собственного Youtube-канала.

Формирование контент-стратегии депутата Государственной думы от Воронежской области предварял анализ прямых конкурентов — профилей других депутатов, баллотирующихся по тому же округу, и косвенных — известных в Воронеже политиков и общественных деятелей, популярных в различных социальных сетях однопартийцев. На основе проведенного аудита были разработаны следующие предложения: появление в ленте соцсетей личного контента (о семье, друзьях, интересах, хобби, домашних питомцах), больший акцент на репортажность фото, видео и текстов, повышение интерактивности в публикациях и комментариях к ним, снижение частоты контакта в вертикальной ленте (постах), но увеличение в горизонтальной (сториз), введение рубрики (в первую очередь при помощи хештегов и конкретных закрепленных мест) и четкой периодичности.

Понимание **целевой аудитории** сегодня — ключевой момент в определении коммуникационной стратегии. Ожидания и потребности настолько сильно сегментированы, что традиционного описания потребителей с точки зрения географических, демографических, социально-экономических и психогра-

фических характеристик уже недостаточно. Маркетологи, используя инструменты дизайн-мышления, формируют **аватары клиентов**, стараясь создать реальных людей с их желаниями, мечтами, страхами, предрассудками и предубеждениями. Такие детально прописанные портреты позволяют лучше понимать потребителей, грамотно сопровождая их на всех этапах воронки продаж и предлагая необходимые месседжи.

По заказу арт-проекта «Театр равных», особенностью которого является участие в труппе людей с ограниченными возможностями, были разработаны профили целевой аудитории. Опишем один из них.

Марина, 40 лет, замужем, есть дочь 12 лет. Работает продавцом в «Пятерочке», не имеет высшего образования, получает 23000 рублей в месяц. Старается избегать современной моды и тенденций, в том числе и на толерантность, поэтому не учит этому ребенка. Женщина воспитана родителями старой советской закалки и старается также воспитывать свою дочь. Когда в школе ученикам предложили сходить на спектакль «Театра равных», Марина была против. Она не желает, чтобы ее ребенок смотрел на людей с ограниченными возможностями. Марина сама не понимает, что такое «инклюзия», ее не научили этому, поэтому не желает этого и своему ребенку.

Понятно, что подобный аватар обозначает важную проблему для продвижения арт-проекта — несформированное и неоднозначное отношение к инклюзии. Тем самым для коммуникационной стратегии «Театра равных» одной из задач ставится просвещение аудитории с дальнейшим подбором каналов информирования, оптимальных инструментов взаимодействия и соответствующих месседжей. Вместе с тем важным представляется при обсуждении репертуара, особенностей постановок, исполнительского мастерства актеров и т.п. уходить от излишнего привлечения внимания к присутствию в труппе людей с ограниченными возможностями. Решить подобные задачи возможно разработкой ключевых коммуникационных месседжей, которые бы входили во все рекламные сообщения, журналистские и PR-материалы, личные формы коммуникаций.

На финальном этапе аналитического обеспечения стратегии рекомендуется проводить **репутационный аудит**. Репутационный аудит — это анализ инфополя бренда и его конкурентов, сбор мнений потенциальных клиентов, партнеров, СМИ. Его основными задачами являются изучение мнения потребителей об организации, бренде и продукте, оценка характера имеющихся публикаций, определение уровня популярности бренда и степени доверия населения к компании, выявление имиджевых рисков. Важно, что проведенный аудит не должен давать банальные, предсказуемые нерабочие результаты. Например, советы типа «надо создавать привлекатель-

ный для целевой аудитории контент и размещать его на рейтинговых каналах» правильны, но не несут в себе никакой конкретики, не могут решить проблемы заказчика. Правильными будут аргументированные предложения, имеющие конкретные примеры для реализации на практике, желательно протестированные на представителях целевой аудитории, имеющие рекомендации по каналам распространения и необходимой частоте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суровцева Е. С. Организационно-экономический механизм эффективного управления коммуникациями предприятия: дис. ... канд. экон. наук / Е. С. Суровцева. — Краснодар, 2008. — 172 с.

Воронежский государственный университет

*Щекина И. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: iveta_corres@mail.ru*

2. Котлер Ф. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств / Ф. Котлер, Дж. Шефф. — М.: Классика-XXI, 2004. — 687 с.

3. The Global Music Industry Will Decline in 2020 // MIDIA. — Режим доступа: <https://www.midiaresearch.com/blog/the-global-music-industry-will-decline-in-2020> (дата обращения: 30.03.2021).

4. Медиаиндустрия в 2020–2024 гг. // Pw C. — Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2020-2024/muzykalnaya-industriya.html> (дата обращения: 26.05.2021).

5. Фитцпатрик Р. Спроси маму: как общаться с клиентами и подтвердить правоту своей бизнес-идеи, если все кругом врут / Р. Фитцпатрик. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 160 с.

Voronezh State University

*Shchekina I. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Public Relation, Advertising and Design Department
E-mail: iveta_corres@mail.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ (1918–1949 ГГ.)

Ян Чжи

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 26 февраля 2021 г.

Аннотация: глобальные перемены в жизни страны и национальной системе образования обусловили ряд перипетий в становлении журналистского образования в Китае. Предлагаемая статья последовательно освещает начало этого процесса, одновременно предоставляя возможность осмыслить специфику китайского журнализма, в частности такие его особенности, как органичное сочетание иностранного опыта и национальной основы, гибкость и динамизм реагирования на потребности медиасферы, значительная роль идеологической составляющей.

Ключевые слова: история журналистского образования в Китае, китайская журналистика, особенности образовательной системы в Китае

Abstract: as there were a lot of global changes in Chinese history during XX century, the history of national journalism and professional journalist education had dynamic and dramatic character too. This article takes aim to follow this process since the very beginning and gives possibility to understand such authentic features of Chinese journalism and media-education as an active progress in a changing reality, organic interrelation between western influence and national ground, important role of socialist ideology.

Keywords: history of Chinese media-education, Chinese journalism, features of Chinese high education

Журналистское и коммуникационное образование в Китае переживало свой начальный рост в 1918–1949 гг., прерывистое прогрессирование — в период 1949–1976 гг., возобновление развития — в период с 1977–1999 гг., углубление инноваций — с 2000-х гг. по настоящее время.

Подготовка журналистов начала осуществляться в процессе развития национальной системы образования в целом и осознания необходимости специализированного обучения в самых разных областях профессиональной деятельности. В июле 1912 г. Министерство образования организовало конференцию по вопросам образования; по результатам ее работы предусматривался полный проект обновления образовательных учреждений. В сравнении с образовательной системой поздней династии Цин (1645–1911) были усилены методологическая и научная составляющие, подчеркнута стандартизация образовательного процесса. Структура образовательной системы предполагала базовое (прагматическое), высшее (идеологическое), профессиональное (промышленное) и особенно педагогическое образование. Идеологию этой структуры сформулировал основатель Демократической лиги Китая Хуан Янпей: «Подготовка человека к тому, чтобы зарабатывать на жизнь — это первое; подготовка к служению обществу — это второе; создание условий для совершенствования мира — это третье» [1].

Тем временем в результате провала Второй революции (1913) и преследования сторонников ее лидера Юань Шикай журналистика в Китае переживала кризис. К концу 1913 г. в стране продолжали выходить газеты, но их оставалось всего 139. Однако началась Первая мировая война, несущая кардинальные сдвиги в международной политике и внутривнутриполитической ситуации, так что информационный спрос в Китае начал быстро расти, особенно востребованной стала новостная составляющая. К концу 1916 г. в стране насчитывалось уже 289 изданий (на 85% больше, чем в 1915 г.). Даже в условиях преследования прессы правительством Бэйяна к концу 1918 г. в стране все еще выходило 221 издание [2].

Стал очевидным рост мастерства в журналистике — постепенно она начала рассматриваться как профессия. Общество осознало, что срочно нуждается в специально подготовленных журналистских кадрах. Осознавали эту потребность и сами журналисты. В июне 1912 г. на специальной конференции Китайской ассоциации развития прессы Чжу Шаопин предложил учредить школу журналистики для подготовки специализированных журналистских кадров. По этой инициативе Национальная газетная федерация приняла «План подготовки создания Университета журналистики» и подготовила «План организации университетского журнала». В силу внешней и внутренней нестабильности Национальная газетная федерация распалась, не успев претворить эти планы в жизнь. Тем не менее потребность

Китай в профессиональном журналистском образовании обрела статус согласованного приоритета в образовательной отрасли, так что дальнейшее его развитие не подлежало сомнению и было только вопросом времени.

14 октября 1918 г. в Пекинском университете было основано Общество журналистских исследований, сплотившее группу специалистов, которая систематически проводила курсы специальной подготовки и коллективно изучала основы профессии. Группа издавала журнал «Еженедельные новости» — первое профессиональное издание по журналистике в Китае. Она же инициировала создание Института журналистики в Пекинском университете.

Практически одновременно с этим другие университеты страны начали создавать собственные соответствующие факультеты — журналистика Китая вступила в первый период своего активного развития. Факультеты журналистики были основаны в Сямыньском университете, Шанхайском университете Сент-Джона (1921), университетах Даксин (1923) и Йенчинг (1924), Национальном университете законодательных и политических наук (1924), Шанхайском Южном университете (1926), университете Фудань (1929), Центральной политической школе (1935) и др. С началом антияпонской войны темпы ослабели, лишь с ее окончанием был создан также отдел журналистики и коммуникаций университета Цзинань (1946).

Находясь под значительным влиянием иностранных образцов (западноевропейских, американских, советских и японских), журналистское образование в Китае было тесно связано с национальными приоритетами гуманитарного и социального знания. Сегодня больше всего дискуссий ведется относительно правомерности и целесообразности заимствований в этот период медиаопыта США, оказавшего, помимо опыта советского, наиболее существенное влияние. Достаточно сказать, что первым китайским университетом, внедривший американское журналистское образование, был Пекинский университет, а он имел статус образца для вузов провинций.

Такая ситуация имела объективные причины. Во-первых, в 1920–1930-е гг. журналистское образование было наиболее развитым именно в Соединенных Штатах. Во-вторых, большинство профессоров журналистики в Китае имели американское гражданство. Вместе с тем, однако, такие основатели китайского журналистского образования, как Цай Юаньпэй и Сюй Баохуан из Ассоциации журналистских исследований Пекинского университета, опираясь на американскую модель, развивали собственную, локальную специфику: не слепо вестернизировали национальную журналистику и соответствующее образование, но последовательно и принципиально объединяли его с реальностью Китая, приводя в соответствие с национальными условиями.

Основным принципом подготовки кадров считалась одинаковая важность теоретического и практического обучения. В процессе овладения теорией специализированных дисциплин факультеты журналистики предоставляли студентам условия для прохождения практики с целью наиболее полного усвоения основ профессии. Различные департаменты — факультеты и кафедры университетов — предлагали будущим журналистам большое количество курсов по литературе, истории и философии (преимущественно на начальном этапе обучения) с целью развития социально-гуманитарных компетенций и повышения общего культурного уровня.

Поскольку, в дополнение к общегуманитарным и журналистским компетенциям, требовалась разного рода подготовка в сфере оперативных способностей (набор и верстка текста, фотография, дизайн и т.д.), помимо факультетов журналистики при университетах, в подготовке журналистов в Китае было задействовано также значительное число профессиональных колледжей. Таким образом, уже в начальный период развития журналистского образования действовал еще один принцип: нужны специалисты разных уровней и разных типов профессионализма. Поэтому карьера журналиста в Китае могла быть основана на трех типах подготовки: высшее журналистское образование, профессионально-технический уровень и курсы журналистики. Высшее образование предполагало большой объем общих знаний с акцентом внимания на всестороннем развитии будущего журналиста. Второй, чисто профессиональный уровень, — обучение конкретным практическим навыкам. Специализации предусматривались в области печати и радиовещания, с середины 1930-х гг. — в сфере связей с общественностью, с середины 1940-х — в телевидении.

В 1949 г. в Китае действовало 64 учебных заведения для обучения журналистскому мастерству, из них 42% давали высшее образование и 44% — профессиональное, что свидетельствует о востребованности журналистской карьеры, обеспечиваемой на обоих уровнях [2]. По сравнению с высшим журналистским образованием как сферой государственного значения профессиональное журналистское образование в основном инициировалось отраслевыми субъектами. Практиковались также летние школы, выездные семинары, с 1930 г. — заочное обучение (заочное отделение Шанхайского университета новостей, Цзинаньская заочная школа, заочное отделение журналистики Шанхайского агентства печати, Китайский журналистский колледж и некоторые другие, созданные в 1930-х гг.). Краткосрочные курсы по обучению журналистскому делу проводились Политическим департаментом Чунцинского Центрального учебного центра (1939), Институтом журналистики Чунцина (1943), а также Министерством информации (1946). Наконец, большое количество краткосрочных учеб-

ных курсов организовывали крупные информационные агентства: Синьхуа, Синьхуа Дейли и др.

Особую роль в организации обучения журналистике играла Коммунистическая партия. Именно она учредила Восточно-китайскую школу журналистики (1925), Шанхайскую заочную школу журналистики (1925), класс журналистики Университета Яньнань (1946), факультет журналистики Объединенного университета Северного Китая (1946), колледж журналистики Хуачжун (1946), Школу служения Цзинань (1947) и некоторые другие. Хотя эти учебные заведения имели разные названия, они сходным образом обеспечивали проведение курсов по журналистским дисциплинам с системой обучения от нескольких месяцев до одного года. Главной целью являлась подготовка пропагандистских кадров, внимание сосредотачивалось на соответствующем практическом обучении и углубленном знании политической теории. В общей системе СМИ приоритетная роль отводилась радиовещанию. Так, по рекомендации Коммунистической партии ряд высших учебных заведений (Провинциальный институт образования Цзянсу, Университет Цзиньлин, Центральная политическая школа и др.) организовали курсы радиовещания, причем не только на факультетах журналистики, но и, к примеру, на факультетах электротехники. С началом антияпонской войны в связи с потребностями военной пропаганды сфера радиовещания получила дополнительный стимул развития.

Компетенции в сфере рекламы в рассматриваемый период не были самостоятельным предметом, присутствуя в профессиональных курсах по журналистике, бизнесу, искусству и др. Такая практика имела место в Южном Шанхайском университете, Университете Святого Иоанна, университетах Яньцзин, Фудань, Цзинань, Хуцзян, Даксия и др. Поскольку, как отмечалось выше, государственные университеты в Китайской Республике в основном занимались преподаванием базовых (фундаментальных) дисциплин, образование в сфере рекламы было в основном инициативой частных университетов, средних профессиональных школ и специализированных школ рекламы.

В начале 1930-х гг. некоторые отраслевые организации начали проводить публичные лекции по различной, преимущественно политической, тематике, что в некотором смысле явилось прообразом того, что позже стали обозначать как связи с общественностью. Тогда же появились первые образовательные попытки в сфере PR. В 1934 г. на факультете журналистики Университета Яньцзин вве-

ден обязательный курс «Практическая пропаганда и связи с общественностью». Его основное содержание составили «Принципы и методы современной пропаганды», где особое внимание уделялось «частным и коммунальным службам, а также организациям социального обслуживания» как важнейшим субъектам продуктивной информационно-пропагандистской деятельности. Иначе говоря, под связями с общественностью подразумевалась идеологическая работа с населением.

Итак, на протяжении 1918–1949 гг. была создана достаточно полная система журналистского образования: высшее специализированное, профессионально-техническое, краткосрочные курсы и заочная форма. Охвачены были основные для того времени медиаконпетенции: пресса, теле- и радиовещание, реклама, связи с общественностью. Заложены основы практики послевузовского образования: в 1924 г. на факультете журналистики Йенхингского университета открыта программа магистратуры, а в 1929 г. — аспирантуры. Имелись, разумеется, и недостатки. Так, многие журналистские учебные заведения существовали в течение короткого периода времени, не успевая полностью развить свой потенциал и перспективы. Некоторые факультеты журналистики демонстрировали нестабильный путь развития, сталкиваясь с трудностями финансирования и/или воздействием социальных потрясений. Многие факультеты переживали проблемы нехватки преподавателей, а также недостаточности опыта журналистской работы у преподавателей действующих.

Забегая вперед, подчеркнем, что трудности присутствовали на всех этапах истории журналистики и медиапедагогики в Китае, и трудности, воспедававшие за периодом основания, были, пожалуй, много более существенными и драматичными (даже трагичными). Тем не менее в Китае всегда хорошо понимали значимость деятельности медиасферы, не переставая ее совершенствовать и приводить в возможно более тесное соприкосновение с жизнью нации на всех уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуан Янпей. Профессиональное образование / Янпей Хуан // Образование и карьера. — 1918. — № 3. — С. 17–27.
2. Дэн Шаоген. Вековое воспоминание: обзор и перспективы исследований по истории образования в журналистике и коммуникации Китая / Шаоген Дэн, Синбо Ли // Вестник Ланьчжоуского университета. Серия: Общественные науки. — 2017. — № 4. — С. 3–17.

*Белорусский государственный университет
Ян Чжи, докторант факультета журналистики
E-mail: 497384292@qq.com*

*Belarusian State University
Yang Zhi, Doctoral Student of the Faculty of Journalism
E-mail: 497384292@qq.com*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию, краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.